

Алтайский юридический вестник

Научный журнал Барнаульского юридического института МВД России

№ 4 (52) 2025

Главный редактор:

Симоненко Д. А., канд. юрид. наук

Зам. главного редактора:

Ботвин И. В., канд. юрид. наук, доцент

Чечетин А. Е., д-р юрид. наук, профессор

Состав редакционного совета:

Аничкин Е. С., д-р юрид. наук, доцент

Бекетов О. И., д-р юрид. наук, профессор

Бучакова М. А., д-р юрид. наук, доцент

Васильев А. А., д-р юрид. наук, доцент

Герасименко Ю. В., д-р юрид. наук, профессор

Гончаров И. В., д-р юрид. наук, профессор

Грязнова Т. Е., д-р юрид. наук, доцент

Давыдов С. И., д-р юрид. наук, доцент

Деришев Ю. В., д-р юрид. наук, профессор

Ким Д. В., д-р юрид. наук, профессор

Кодан С. В., д-р юрид. наук, профессор

Кожевина М. А., д-р юрид. наук, профессор

Мазунин Я. М., д-р юрид. наук, профессор

Плаксина Т. А., д-р юрид. наук, доцент

Репьев А. Г., д-р юрид. наук, доцент

Сумачев А. В., д-р юрид. наук, доцент

Цуканов Н. Н., д-р юрид. наук, доцент

Шарапов Р. Д., д-р юрид. наук, профессор

Шкаплеров Ю. П., канд. юрид. наук, доцент

Состав редакционной коллегии:

Архипова Н. А., канд. юрид. наук, доцент

Бачурин А. Г., канд. юрид. наук, доцент

Брагина А. Г., канд. юрид. наук, доцент

Галиев Р. С., канд. юрид. наук, доцент

Ермакова О. В., д-р юрид. наук, доцент

Казьмина Е. А., канд. юрид. наук, доцент

Тырышкин В. В., канд. юрид. наук, доцент

Черепанова Л. В., канд. юрид. наук, доцент

Черепанова О. С., канд. юрид. наук, доцент

Шаганова О. М., канд. юрид. наук, доцент

Шмидт А. А., канд. юрид. наук, доцент

Янгаева М. О., канд. юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь:

Жолобова Ю. С.

Редактура: О. Н. Татарниковой, Ю. С. Жолобовой,
В. А. Телегиной

Компьютерная верстка: О. Н. Татарниковой

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Регистрационный номер:
ПИ № ФС77-57487
от 27.03.2014

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук

Включен в систему РИНЦ 23.04.2013
(договор № 245-04/2013)

Учредитель: Барнаульский
юридический институт МВД России.
Свободная цена.

Адрес и телефоны редакции, издателя,
типографии: 656038, Алтайский край, г. Барнаул,
Барнаульский юридический институт
МВД России,
ул. Чкалова, 49, (3852) 37-92-27, 37-91-49.
[www.http://vestnik.buimvd.ru](http://vestnik.buimvd.ru).
E-mail: altvest@buimvd.ru

Научно-исследовательский
и редакционно-издательский отдел.

Подписано в печать 25.11.2025.
Выход в свет 24.12.2025.
Заказ № 550. Формат 60х90/8.
Ризографирование.
Усл. п.л. 28,3. Тираж 32 экз.

© Барнаульский юридический
институт МВД России, 2025

Altai Law Journal

Science Journal of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

№ 4 (52) 2025

Editor-in-Chief:

Simonenko D. A., Candidate of Science (Law)

Deputy Editor-in-Chief:

Botvin I. V., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Chechetin A. E., Doctor of Science (Law), Professor

Editorial Advisory Board:

Anichkin E. S., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Beketov O. I., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Buchakova M. A., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Davidov S. I., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Grjaznova T. Ye., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Derishev Y. V., Doctor of Science (Law), Professor

Gerasimenko Yu. V., Doctor of Science (Law), Professor,

Honored lawyer of Russia

Goncharov I. V., Doctor of Science (Law), Professor

Kim D. V., Doctor of Science (Law), Professor

Kodan S. V., Doctor of Science (Law), Professor

Kozhevina M. A., Doctor of Science (Law), Professor

Mazunin Ya. M., Doctor of Science (Law), Professor

Sharapov R. D., Doctor of Science (Law), Professor

Shkaplerov Ju. P., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Sumachev A. V., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Plaksina T. A., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Repev A. G., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Tsukanov N. N., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Vasilev A. A., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Editorial Review Board:

Arhipova N. A., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Bachurin A. G., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Bragina A. G., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Ermakova O. V., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Cherepanova L. V., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Cherepanova O. S., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Galiev R. S., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Kazmina E. A., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Shaganova O. M., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Shmidt A. A., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Tirishkin V. V., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Yangaeva M. O., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Executive Secretary:

Zholobova Yu. S.

Proofreading: O. N. Tatarnikova, Yu. S. Zholobova, V. A. Telegina

Desktop publishing: O. N. Tatarnikova

The journal is registered in Federal Service
for Supervision in the Sphere

of Telecom, Information

Technologies and Mass Communications.

Registration certificate

PI No. FS77-57487 dated

27.03.2014.

The journal is included into the List
of peer-reviewed scientific

journals recommended by Higher

Attestation Commission

for publishing of major results

of dissertations for the degree of Doctor and

Candidate of sciences

Journal indexing:

RINTS contract

No. 245-04/2013 (23.04.2013)

Founder: Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia.

Uncontrolled price.

Address of editor, editor's
and printing office: 656038,

Altai territory,

Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,

Chkalovstr., 49, (3852) 37-92-27, 37-91-49.

www. <http://vestnik.buimvd.ru>.

E-mail: altvest@buimvd.ru

Research-evaluation
and publishing department.

Passed for printing 25.11.2025.

Issue date 24.12.2025.

Order 550. Format 60x90/8.

Conventional printed sheets 28,3.

Issue 32 copies.

© Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2025

Содержание

Теоретико-исторические правовые науки

<i>Булгакова В. Р.</i> Правовой статус буддистов в Российской империи во второй половине XIX в. — начале XX в.	7
<i>Верхогляд Я. Е.</i> Правовая идеология в системе противодействия экстремистской деятельности..	14
<i>Лоос Е. В., Кошелев Е. В.</i> Способы и формы обеспечения защиты чести и достоинства личности..	23
<i>Малкова Ю. А.</i> Государственная политика в области кадрового обеспечения НКВД СССР (1934–1945 гг.) на примере Алтайского края.....	33
<i>Скитский Г. А.</i> Особенности и проблемы организации противодействия подрывной деятельности в тыловых губерниях Российской империи в период Первой мировой войны.....	39
<i>Щербинина А. В.</i> Понятие и сущность коррупции в современном мире	49

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

<i>Андреева Т. Д.</i> Формирование культуры информационной безопасности как важнейшего элемента механизма обеспечения безопасности личности, общества и государства	58
<i>Бучакова М. А., Гайдуков А. А.</i> Предостережение как форма профилактического воздействия	65
<i>Гаджиев Ш. А., Обьедкова Т. Н., Тырышкин В. В.</i> Особенности осуществления контроля за исполнением документов и поручений в системе МВД России (исторические аспекты и направления совершенствования)	73
<i>Галицков В. А., Ефимов И. А.</i> Полномочия органов местного самоуправления в условиях перехода к единой системе публичной власти на примере обеспечения пожарной безопасности: конституционно-правовой аспект.....	79
<i>Занина Т. М., Федотова О. А.</i> Актуальные вопросы профилактики правонарушений несовершеннолетних в деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел.....	86
<i>Коновалова Л. Г.</i> Основные вехи изменения законодательства о формировании Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации	92
<i>Мягкова С. В., Хазова В. Е.</i> Актуальные проблемы правоприменительной практики полиции по делам об административных правонарушениях в сфере миграции.....	102
<i>Нестерова А. А., Рыбкина О. В.</i> Механизм взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов при осуществлении налогового контроля.....	109
<i>Романчук И. С.</i> Координационные функции высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в единой системе публичной власти	117

Уголовно-правовые науки

<i>Брагина А. Г.</i> Понятие «унижение» в уголовном праве: сущность, признаки и правоприменительная практика	123
<i>Веденин Д. В.</i> Потерпевшие от мошенничества в 2024 году: анализ статистических данных.....	132
<i>Власов Ю. А.</i> Содержание понятий «группа лиц» и «группа лиц по предварительному сговору» в статьях Особенной части УК РФ.....	138
<i>Гераськин М. Ю., Харченко И. В., Шеков А. А.</i> Осмотр места происшествия по факту незаконной рубки лесных насаждений при сокрытии преступления путем поджога.....	144
<i>Гольцов С. Е.</i> Тактические условия обеспечения сохранности и поиска криминалистически значимой голосовой информации при производстве следственных осмотров, обыска.....	152
<i>Карнов К. Н.</i> Нереабилитирующие основания освобождения от уголовной ответственности в контексте принципов равенства и справедливости	160
<i>Куфлева В. Н.</i> Обязанности лица, совершившего преступление, в рамках уголовно-правовых отношений	167

<i>Маракулин Д. А.</i> Генезис и эволюция понятия «общественный порядок» в доктрине уголовного права России	176
<i>Симоненко Д. А.</i> Конфиденциальное содействие граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел в условиях современных криминальных вызовов	182
<i>Тарасова Л. Я.</i> Уголовная политика: тенденции уголовно-правовых запретов, связанные с последними изменениями норм Особенной части УК РФ	188
<i>Тыдыкова Н. В.</i> Об объекте посягательств, связанных с воздействием на интимные части тела потерпевшего	195
<i>Федоров А. Ф.</i> О проблеме преступности, связанной с эксплуатацией средств индивидуальной мобильности	201
<i>Фотьянов Н. В.</i> Развитие негласных форм деятельности в досудебном производстве по уголовным делам	208
<i>Чечетин А. Е.</i> Дискуссионные вопросы законодательного регулирования оперативно-розыскных мероприятий в Республике Казахстан	215
<i>Широва Э. Х., Россинский С. Б.</i> Присяга эксперта: гарантия или procedural formality?	221

CONTENS

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

<i>Bulgakova V. R.</i> Legal Status of Buddhists in the Russian Empire in the Second Half of the XIX th and the Early XX th Centuries	7
<i>Verhoglyadov Ya. E.</i> Legal Ideology in the System of Countering Extremist Activities	14
<i>Loos E. V., Koshelev E. V.</i> Methods and Forms of Ensuring the Protection of the Honor and Dignity of a Person	23
<i>Malkova Yu. A.</i> State Policy in the Field of Personnel Supply of the NKVD of the USSR (1934–1945) on the Example of the Altai Territory	33
<i>Skipsky G. A.</i> Features and Problems of Organizing Counteraction to Subversive Activities in the Rear Provinces of the Russian Empire during the First World War	39
<i>Shcherbinina A. V.</i> Concept and Essence of Corruption in the Contemporary World	49

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>Andreeva T. D.</i> Formation of an Information Security Culture as an Essential Element of the Mechanism for Ensuring the Security of Individuals, Society and the State	58
<i>Buchakova M. A., Gaidukov A. A.</i> Warning as a Form of Preventive Action	65
<i>Gadzhiev Sh. A., Obedkova T. N., Tyryshkin V. V.</i> Features of Monitoring the Execution of Documents and Orders in the System of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Historical Aspects and Areas of Improvement)	73
<i>Galitskov V. A., Efimov I. A.</i> Powers of Local Government Bodies in the Context of Transition to a Unified System of Public Authority Using the Example of Ensuring Fire Safety: Constitutional and Legal Aspect	79
<i>Zanina T. M., Fedotova O. A.</i> Actual Issues of Prevention of Juvenile Delinquency by Juvenile Affairs Units of Internal Affairs Bodies	86
<i>Konovalova L. G.</i> Key Milestones in the Legislation Changes on the Formation of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation	92
<i>Myagkova S. V., Khazova V. E.</i> Topical Issues of Law Enforcement Practice of Police in the Sphere of Migration	102
<i>Nesterova A. A., Rybkina O. V.</i> Mechanism for Interaction between Internal Affairs Agencies and Tax Authorities during Tax Control	109
<i>Romanchuk I. S.</i> Coordination Functions of the Highest Official of a Constituent Entity of the Russian Federation in a Unified System of Public Authority	117

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>Bragina A. G.</i> Concept of «Degradation» in Criminal Law: Essence, Features, and Law Enforcement Practice	123
<i>Vedenin D. V.</i> Fraud Victims in 2024: Statistical Data Analysis	132
<i>Vlasov Yu. A.</i> The Content of the Concepts of a Group of Persons and a Group of Persons by Prior Agreement in the Articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation	138
<i>Geraskin M. Yu., Kharchenko I. V., Shekov A. A.</i> Examination of the Scene of the Illegal Logging of Forest Plantations During Attempts to Conceal a Crime by Arson	144
<i>Goltsov S. E.</i> Tactical Conditions for Ensuring the Safety and Search of Criminally Significant Voice Information during Investigative Inspections, Searches	152
<i>Karpov K. N.</i> Non-Rehabilitating Grounds for Exemption from Criminal Liability in the Context of the Principles of Equality and Justice	160
<i>Kufleva V. N.</i> Obligations of the Person who Has Committed a Crime, Within the Framework of Criminal-Legal Relations	167

<i>Marakulin D. A.</i> Genesis and Evolution of the Concept of «Public Order» in the Doctrine of the Russian Criminal Law	176
<i>Simonenko D. A.</i> Confidential Assistance of Citizens to Operational Units of the Internal Affairs Bodies in the Context of Contemporary Criminal Challenges	182
<i>Tarasova L. Ya.</i> Criminal Policy: Trends in Criminal Law Prohibitions Related to the Latest Changes in the Rules of the Special Part of the Criminal Case of the Russian Federation.....	188
<i>Tydykova N. V.</i> On the Object of Assaults Involving Exposure to Intimate Parts of the Victim's Body	195
<i>Fedorov A. F.</i> On the Problem of Criminality Related to the Exploitation of Personal Mobility Aids	201
<i>Fotyanyov N. V.</i> Development of Uncovert Forms of Activities in Pre-Trial Proceedings in Criminal Cases	208
<i>Chechetin A. E.</i> Discussion Questions of Legislative Regulation of Operational and Search Activities in the Republic Of Kazakhstan	215
<i>Shirova E. Kh., Rossinskiy S. B.</i> Expert's Oath: a Guarantee or a Procedural Formality?	221

Теоретико-исторические правовые науки

Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 7–13.

Altai Law Journal. 2025. № 4 (52). P. 7–13.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 342:24

ПРАВОВОЙ СТАТУС БУДДИСТОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. — НАЧАЛЕ XX В.

Виктория Руслановна Булгакова

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, vikaimamova@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-4760-6881>

Аннотация. В рамках настоящей статьи исследуются правовые вопросы регламентации жизнедеятельности буддистов в Российской империи во второй половине XIX в. — начале XX в. Отмечается, что политика государства в отношении иноверного населения носит ограничительный характер и направлена на его русификацию и христианизацию. Изучение сферы вероисповедания и управления позволяет констатировать, что высшим духовным лидером буддистов был Лама, однако управление религиозными делами распределялось между ним и правительством страны. Исследование образовательной сферы позволяет установить, что первоначально образование буддисты получали в хурульных (духовных) школах, однако на их смену приходит светское образование — улусные школы и народные школы. Подчеркивается, что сдерживающая политика государства, в т. ч. в сфере образования, привела к тому, что калмыцкий народ до 1917 г. оставался одним из самых отсталых в культурном отношении народов России.

Ключевые слова: буддисты, ламайты, калмыки, правовой статус, Российская империя, иноверное население, политика

Для цитирования: Булгакова В. Р. Правовой статус буддистов в Российской империи во второй половине XIX в. — начале XX в. // Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 7–13.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

LEGAL STATUS OF BUDDHISTS IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE XIXTH AND THE EARLY XXTH CENTURIES

Victoria R. Bulgakova

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, vikaimamova@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-4760-6881>

Abstract. This article examines the legal issues of regulating the life of Buddhists in the Russian Empire in the second half of the XIXth century and the early XXth century. It is noted that the state's policy towards the non-religious population is restrictive and is aimed at its Russification and Christianization. A study of the sphere of religion and government suggests that the Lama was the highest spiritual leader of the Buddhists, but the management of religious affairs was distributed between him and the government of the country. A study of the educational system revealed that Buddhists initially received their education in khurul (spiritual) schools, but this was later replaced by secular education in ulus schools and public schools. It is emphasized that the government's restrictive policies, including those in the field of education, led to the fact that the Kalmyk people remained one of the most culturally backward peoples in Russia until 1917.

Keywords: Buddhists, Lamaites, Kalmyks, legal status, the Russian Empire, population of another religion, politics

For citation: Bulgakova V. R. Legal status of Buddhists in the Russian Empire in the second half of the XIXth and the early XXth centuries. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;4:7–13 (In Russ.).

Анализ государственно-конфессиональной политики, проводимой руководством страны в рассматриваемый период, свидетельствует о русификации и христианизации населения. Устанавливаемые ограничения в отношении иноверного населения связывались с наличием угроз, исходящих от него в силу преобладающего количества. Буддисты не стали исключением, в связи с чем их правовой статус имел свои особенности.

Исследуя численную составляющую проживающего в Российской империи во второй половине XIX в. — начале XX в. населения, исповедующего буддизм, следует отметить, что согласно переписи 1897 г. она была достаточно большой. Так, буддисты занимали пятое место после православных, мусульман, римских католиков и иудеев. Всего буддистов по империи насчитывалось 433 863 человек (240 739 мужчин и 193 124 женщины). Однако сверх того необходимо учитывать население,

подлежащее переписи в Финляндии, находящееся в заграничном плавании на военных судах, русские поселения в Бухаре и русских подданных в Хиве — 21 буддист мужского пола.

В разделе XXV Первой всеобщей переписи населения можно проследить деление на группы по возрастному и гендерному признаку среди буддистов. Для наглядности данные представлены ниже в таблице [1]. Исходя из ее анализа, можно заметить, что большая часть лиц, исповедующих буддизм, приходится на возрастные границы от 1 года до 29 лет, а после 30 лет наблюдается их уменьшение. Думается, подобная тенденция связана в том числе с невозможностью реализовать свои потребности в полной мере по достижении зрелого возраста ввиду ограничительной политики государства. Вследствие этого граждане принимали другую веру, чаще всего православие, к этому и стремилось государство.

Таблица 1

Количество лиц, исповедующих буддизм, согласно переписи 1897 г.

	Мужчины	Женщины
До 1 года	3052	2718
От 1 года до 9 лет	43 818	43 554
От 10 до 19 лет	45 156	41 431
От 20 до 29 лет	49 602	32 825
От 30 до 39 лет	39 810	24 378
От 40 до 49 лет	29 550	20 319
От 50 до 59 лет	17 207	14 290
От 60 до 69 лет	8158	8109
От 70 до 79 лет	3580	4464
От 80 до 89 лет	571	904
От 90 до 99 лет	20	50
От 100 до 109 лет	1	2
От 110 и более лет	0	1
Неизвестного возраста	214	79

Изучение отчета статс-секретаря М. Н. Островского, министра государственных имуществ, составленного по результатам инспекции Калмыцкой степи, где проживало население, исповедующее буддизм, ясно демонстрирует указанную позицию. В докладе подчеркивается, что калмыцкое духовенство, действуя вне рамок контроля, игнорирует правительственные предписания, что оказывает негативное влияние на местное население. Ламаизм рассматривается как ключевой фактор, препятствующий обращению калмыков в христианство, что затрудняет их интеграцию в рос-

сийское общество и усвоение русской культуры. Статистические данные свидетельствуют о том, что из 137 000 калмыков лишь около 4000 приняли крещение. Также указывается на отсутствие перевода на калмыцкий язык базовых христианских текстов, включая основы вероучения, жизнеописание Спасителя и необходимые молитвы. Это, по мнению автора доклада, существенно затрудняет распространение христианства среди калмыцкого населения [2, с. 59]. Поэтому руководство Российской империи всячески пыталось решить данную проблему, устанавливая разного рода ограничения.

Прежде чем переходить к исследованию правового статуса буддистов, следует подчеркнуть, что в нормативном правовом акте, регламентирующем жизнедеятельность государства, а именно в Своде законов Российской империи, буддисты именовались ламаитами. Отметим, что ламаизм выступает одним из направлений буддизма, однако после прекращения существования Российской империи было принято Постановление Временного правительства от 30 июня 1917 г. «Об именовании ламаитов в официальных актах буддистами»¹.

В томе XI «Устав духовных дел иностранных исповеданий» Свода законов Российской империи (книга VII) закреплялись особенности духовных дел буддистов. Согласно ст. 1673 ламайскую веру практиковали некоторые калмыцкие общины, которые жили в основном в Астраханских и Ставропольских губерниях, а также частично на Дону². Кроме того, в Иркутской губернии и в Забайкальской области наблюдались случаи ламайского богослужения. Специфические правила регулировали священную иерархию ламаизма на востоке Сибири.

Подчеркнем, что изучение правового статуса буддистов в рамках настоящей работы будет осуществлено путем анализа разных сфер их жизнедеятельности.

В первую очередь остановимся на такой важной составляющей, как вероисповедание и управление. Рассмотрение некоторых особенностей жизни буддистов продемонстрируем на примере калмыков.

Сразу отметим, что правительство также было заинтересовано в том, чтобы они принимали христианскую веру, и всячески это поощряло. Так, пройдя таинство Священного Крещения, калмыки могли оставить свое прежнее место проживания среди бывших единоверцев и переселиться на новые территории, при этом в случае отсутствия денежных средств им выделялось пособие из казны. Выдача подобного пособия вне зависимости от пола, семейного положения, а также размер пособия устанавливались по усмотрению местного губернского или областного начальства.

В целом же калмыцкое население, например, Астраханской губернии облагалось сборами в пользу казны с принадлежащего ему скота, кото-

рые различались в зависимости от вида животного (верблюд — 75 копеек, лошадь и крупный скот — 40 копеек, мелкий скот — 5 копеек). Количество скота, с которого взимался сбор, определялось один раз в два года.

Калмыцкое население Ставропольской губернии, в свою очередь, облагалось сборами, исчисляемыми из расчета шесть рублей в год с кибитки и другого заменяющего его помещения для жилья. Распределение суммы кибиточного сбора производилось главным приставом кочующих народов в Ставропольской губернии с утверждения Губернатора (том V «Свод уставов о пошлинах» Свода законов Российской империи).

Говоря об управлении духовными делами, подчеркнем, что высшим духовным лицом у калмыков являлся Лама, который избирался из числа руководителей в хурулах и назначался на должность по представлению министра внутренних дел. Список квалифицированных кандидатов на должность Ламы составлялся губернатором Астрахани и главным приставом кочующих народов в Ставропольской губернии³.

Примечательно, что общение между Ламой и общиной происходило в основном на калмыцком языке. Напротив, взаимодействие с государственными должностными лицами по вопросам административного регулирования осуществлялись на русском языке и сопровождалась одновременной интерпретацией на калмыцкий язык.

Управление делами веры разделялось между Астраханским губернатором, главным приставом кочующих народов в губернии Ставропольской и Ламой. Астраханский губернатор и главный пристав обязаны были обладать сведениями о числе существующих в каждом улусе и аймаке хурулов (в Российской империи у калмыков улус (административно-территориальная единица типа русской волости) состоял из нескольких аймаков (название рода), а аймак распадался на хотоны (семейства))⁴; наблюдать, чтобы хурульное духовенство пользовалось местами для выгула своего скота наравне с другими калмыками. К обязанностям же Ламы относилось: 1) наблюдение за благоустройством хурулов и нравственностью духовенства, состоящего в них; 2) попечение о способах хурульного содержания без вымогательства и притеснения калмыков; 3) дела по возведению в духовное зва-

¹ Об именовании ламаитов в официальных актах буддистами: постановление Временного правительства от 30 июня 1917 г. № 250. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/80650> (дата обращения: 15.04.2025).

² Свод законов Российской империи. СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. Т. 11, ч. 1. 178 с.

³ Там же.

⁴ Положение об управлении калмыцким народом, Санкт-Петербург, 1835. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003542840/ (дата обращения: 15.04.2025).

ние и по неправильному его присвоению; 4) брачные дела.

Ламе запрещалось рассматривать гражданские и уголовные дела как духовных, так и светских лиц. Подобные дела передавались Астраханскому губернатору и главному приставу кочующих народов Ставропольской губернии для отправки в надлежащий судебный орган.

Исследуя брачно-семейные отношения, отметим, что данная сфера у калмыков регламентировалась в большинстве своем аналогичным образом как и у другого иноверного населения в томе X Свода законов Российской империи в главе 3 «О браках нехристиан между собою и с христианами»¹. Примечательно, что возраст вступления в брак был одинаковым для всех конфессий: для мужского пола — 18 лет, для женского — 16 лет. Кроме того, запрещалось вступать в брак лицу, достигшему 80-летнего возраста, а также с лицами безумными и сумасшедшими [3, с. 15].

Для лиц нехристианского вероисповедания, принимающих Священное Крещение, устанавливались определенные правила:

1) мужчина, ставший христианином, мог состоять в браке с некрещенной женой и не проходить обряд венчания по правилам Православной церкви;

2) жена, принявшая Крещение, могла состоять в браке с мужем нехристианином и не проходить обряд венчания по правилам Православной церкви только лишь тогда, когда муж даст следующие обязательства: а) дети, родившиеся в таком союзе, должны быть крещены в соответствии с православной верой; б) не предпринимать никаких принудительных мер, направленных на религиозный выбор жены. Если супруг не выполнит этих обязательств или обнаружится, что жена была отвергнута от брачного сожителства из-за новой веры, то брак считался недействительным.

Кроме того, брак российских подданных протестантского исповедания с ламаитами вовсе запрещался².

Лица женского пола, вступившие в законный брак с иностранцами, не состоящими ни в службе, ни в подданстве Российской империи (вне зависимости от веры), следовали состоянию и месту жительства своих мужей. Муж обязан был любить жену, содержать ее по своим возможностям, а жена, в свою очередь, обязана была пребывать

в любви к мужу, повиноваться ему как главе семейства и быть хозяйкой.

Решение брачных дел калмыков рассматривалось по правилам буддийского вероисповедания и окончательно решалось Ламой, как и сомнения о степени родства, препятствующие бракосочетанию. К полномочиям Ламы не относились споры о праве на имущество и воспитании детей, т. к. разрешение их осуществлялось в судебном порядке (Устав духовных дел иностранных исповеданий Свода законов Российской империи, ст. 1695–1696).

Также важной составляющей жизни буддистов выступает образовательная сфера, представляющая интерес для изучения. Говоря об особенностях образования, следует отметить, что до XIX в. в Калмыкии не было ни одной светской школы. Основными формами просвещения выступали школы, существующие при монастырях — хурульные школы. Образование делилось на две части: 1) общее, состоящее из трех ступеней, и 2) специальное.

Общее образование получали мальчики, не дававшие монашеских обетов, которые в любой момент могли вернуться в семью. Учеников именовали банди, а учителей — гелюнги. На одного учителя приходилось по два или три мальчика [4, с. 71].

На первой ступени обучение длилось пять лет. К пятнадцати годам, пройдя курс обучения и сдав экзамен, ученик получал звание гецула.

На второй ступени изучались особенности религиозных правил, вехи истории, алфавит, иконопись, и к 23 годам, сдав экзамен, ученик получал звание гелюнга (священнослужитель).

На третьей ступени изучались основы философии и практика тантры. Гелюнги, желающие специализироваться на какой-либо конкретной отрасли знаний — медицина, философия, астрология, могли перейти на четвертую (высшую) ступень обучения. К 1917 г. в Калмыкии насчитывалось 86 хурульных школ и 757 учеников.

В целях упорядочивания богословского образования правительство, в частности в Астраханской губернии, разрешило открыть богословскую школу Цаннид-Чойра, являющуюся высшей ступенью в получении духовного образования. Открытие высших школ способствовало повышению общего образовательного уровня монашества.

На определенном этапе, до появления светских школ, хурульные школы играли положительную роль, будучи единственными очагами грамотности, но в дальнейшем с развитием светской систе-

¹ Свод законов Российской империи. СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. Т. 10. 399 с.

² Свод законов Российской империи. СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. Т. 9. 487 с.

мы образования они потеряли свое просветительское значение.

В рамках настоящего исследования хотелось бы остановиться на двух разновидностях светских калмыцких школ: улусные и народные. Именно они в разной степени сыграли важную роль в просвещении и культурном росте калмыков.

Относительно улусных школ отметим, что лишь в 1854 г. было основано пять школ грамоты в отдельных калмыцких улусных центрах Астраханской губернии. В Ставропольской губернии подобное учебное заведение впервые появилось в 1866 г. Необходимо констатировать, что здания, в которых располагались эти школы, зачастую были непригодны для образовательного процесса: холодные, сырые и недостаточно освещенные. В период с 1854 по 1882 г. обучение в улусных школах было лишено систематичности, осуществлялось без утвержденных учебных планов и квалифицированных педагогов. Содержание обучения в улусных школах отражало политику русификации, проводимую правительственным режимом: преподавание велось исключительно на русском языке, а использование родного языка учениками было запрещено. Улусные школы функционировали как интернаты, где в основном обучались дети из малообеспеченных семей и сироты.

В 1882 г. были разработаны примерные учебные программы для улусных школ инспектором народных училищ Астраханской губернии К. М. Амосовым. Однако даже после этого качество преподавания в улусных школах оставалось на низком уровне: учащиеся испытывали значительные трудности в освоении русского языка и грамоты.

В 1888 г. профессор-монголовед А. М. Позднеев, посетивший калмыцкие улусы, резко раскритиковал учебный процесс в улусных школах [5, с. 21]. Он отмечал, что подобная система образования, направленная на насильственное отчуждение детей от родной культуры и языка, не может вызывать ничего, кроме неприязни со стороны народа. Под влиянием этой критики и настойчивых просьб калмыцкого населения в учебный режим калмыцких школ были внесены некоторые коррективы.

С 1892 г. в улусных школах было введено преподавание калмыцкого языка. А. М. Позднеев подчеркивал, что каждый урок русского языка должен сопровождаться объяснениями на родном языке учащихся. К концу XIX в. улусные школы стали четырехгодичными, а преподавание дисциплин осуществлялось на основе примерных программ для начальных народных училищ. Согласно отчету

там Калмыцкого управления, в 1897 г. в калмыцких улусах функционировало всего шесть улусных школ, в каждой из которых обучалось в среднем по 18 мальчиков.

Чиновники, состоящие в Калмыцком управлении, в своем большинстве выступали против распространения образования среди калмыцкого народа. В докладе царскому правительству главный попечитель калмыцкого народа утверждал, что улусные школы и Астраханское калмыцкое училище не оказывают положительного влияния на моральное и экономическое состояние калмыцкого народа, а число переводчиков и писцов превышает реальную потребность. Таким образом, калмыцкие школы в существующем виде считались бесполезными, если не вредными.

Лишь во второй половине XIX в. в Калмыкии начались первые преобразования в сфере женского образования. В 1865 г. Калмыцкое управление инициировало разработку проекта, предусматривающего учреждение Калмыцкого женского училища, главной задачей которого являлась подготовка квалифицированных учительниц из числа калмыцких девушек для работы в улусных школах. Это стало значимым шагом на пути к расширению образовательных возможностей для женщин в регионе. Первое такое училище, рассчитанное на 20 воспитанниц, открылось в Астрахани 1 февраля 1868 г., вызвав большой интерес. Финансирование училища осуществлялось из калмыцкого общественного капитала, а некоторые состоятельные калмыки оплачивали обучение своих дочерей. Число учениц достигало 50 человек. По итогам годовых испытаний 1868–1869 гг. воспитанницы продемонстрировали хорошие знания, и две ученицы были отмечены главным попечителем Калмыцкого управления.

1 августа 1872 г. Министерство государственных имуществ разрешило открытие восьми улусных женских школ. В то же время правительство ограничило расходы из калмыцкого общественного капитала на содержание улусных женских и мужских школ. В связи с этим количество учеников в улусных школах было установлено в 15 человек для мужских и 10 для женских школ. В 1872 г. выпускницы Калмыцкого женского училища были назначены учительницами в улусные женские школы.

В 1882 г. правительство приняло решение объединить обучение мальчиков и девочек в улусных школах в один общий класс под руководством русской учительницы.

Однако доступ калмыцких девочек к образованию оказался недолгим. В 1880-е годы школь-

ное дело в Калмыкии подверглось изменениям. 19 сентября 1884 г. Калмыцкое женское училище в Астрахани было закрыто, а его воспитанницы вернулись в улусы. В том же году главный попечитель Калмыцкого управления предложил прекратить прием девочек в улусные школы. Примечательно, что отдельные школы все же продолжили обучать девочек до 1887 г., после чего их обучение было окончательно прекращено во всех школах.

В светской образовательной системе, практиковавшейся среди буддистов, получили распространение народные школы, учрежденные непосредственно общинами и существующие за счет аймачных сообществ. Подобные школы, располагавшиеся в различных поселениях, часто принимали учеников из других мест, а некоторые предоставляли возможность проживания в интернатах. Успешное завершение базового курса открывало путь к продолжению образования в улусных школах, а наиболее одаренные выпускники имели возможность поступить в калмыцкую школу, находившуюся в Астрахани.

В народных школах образовательный процесс велся на русском языке, при этом калмыцкий язык был введен в учебный план в качестве самостоятельного предмета. Специальные учебные планы, предназначенные для калмыцких начальных школ, не создавались. Вместо этого применялись общие образовательные программы, разработанные для народных училищ и контролируемые Министерством народного просвещения.

В 1888 г. профессор А. М. Позднеев предложил проект устава для калмыцких народных школ, предусматривающий трехлетний курс обучения. Предполагалось, что финансирование данных учебных заведений будет осуществляться за счет средств, выделяемых аймачными обществами. Однако на начальном этапе своего существования народные школы характеризовались непостоянством. Предложенный проект не был утвержден административными органами, а учебный процесс в школах нередко прерывался. Некоторые школы были вынуждены прекратить свою деятельность на продолжительные сроки вследствие уменьшения объема финансирования, направляемого на образовательную сферу.

Революционные события 1905–1907 гг. оказали значительное влияние на развитие общественной мысли, активизацию национальных требований и обострение социальных и межнациональных противоречий в разных регионах Российской империи. Это отразилось на развитии школьного образования, которое рассматривалось представи-

телями калмыцкого общества как основа будущего национального развития. В этот период в калмыцких улусах Астраханской губернии было открыто девять народных школ [6].

Однако, несмотря на улучшение ситуации в сфере образования, общий уровень грамотности оставался невысоким. Многие проекты, направленные на улучшение состояния школьного образования в Калмыцкой степи, А. Д. Сильницкого и С. А. Козина, внесших большой вклад в изучение и развитие образования калмыков, остались без реализации. Как следствие, к 1917 г. калмыцкая интеллигенция была немногочисленной и состояла в основном из переводчиков, фельдшеров, учителей и небольшого числа лиц, получивших высшее образование. Таким образом, к началу Великой Октябрьской социалистической революции калмыцкий народ оставался одним из самых отсталых в культурном отношении народов России [7]. Однако после нее была проведена модернизация системы образования, что позволило преодолеть массовую неграмотность.

Подводя итоги проведенному исследованию, следует констатировать, что правовой статус буддистов, в отличие от положения другого иноверного населения, имел свои особенности, учитывая общую ограничительную политику. Так, например, калмыки Астраханской губернии облагались сборами с принадлежащего им скота, а калмыки Ставропольской губернии платили кибиточный сбор. Управление духовными делами распределялось между представителями правительства и Ламой (высшим духовным лидером буддистов). Решение брачных дел калмыков рассматривалось по правилам буддийского вероисповедания и окончательно решалось Ламой, как и сомнения о степени родства, препятствующие бракосочетанию. Однако ему запрещалось рассматривать гражданские и уголовные дела как духовных, так и светских лиц, споры об имуществе и воспитании детей — подобные вопросы находились в судебной юрисдикции. Образовательная составляющая жизни буддистов свидетельствует о том, что в самом начале просветительской деятельностью занимались хурульные школы, однако на их смену приходит светское образование — улусные школы, основной целью которых было распространение русского языка и повышение грамотности бедного калмыцкого населения, и народные школы, находящиеся непосредственно в населенных пунктах некоторых аймаков, в которых получали первоначальное образование для дальнейшего обучения в улусных школах. При этом сдерживающая по-

литика государства привела к тому, что ситуация с грамотностью населения не была сильно улучшена, многие школы закрывались, женское образование почти отсутствовало.

Список источников

1. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г., том 2. С. 390–395. URL: <https://static.statmuseum.ru/results/1897/tom2-obshchiy-svod-po-imperii.pdf> (дата обращения: 17.05.2025).
2. Островский М. Н. Всеподаннейший доклад Министра государственных имуществ по поездке в Калмыцкую степь Астраханской губернии в 1891 г. СПб., 1892. 72 с.
3. Булгакова В. Р. Правовое положение иноверного населения Российской империи во второй половине XIX — начале XX вв. // Алтайский юридический вестник. 2024. № 4 (48). С. 14–20.
4. Сартикова Е. В. Религиозное образование в Калмыкии: вчера и сегодня // Азия и Африка сегодня. 2009. № 10 (627). С. 70–73.
5. Амоголонова Д. Д. Инославиe в православном государстве: буддизм в поздне-имперской России (на материалах Бурятии) // Вестник КИГИ РАН. 2017. № 2 (30). С. 14–22.
6. Команджаев А. Н., Абеева О. Н., Амаева Д. В. Становление системы школьного образования в Калмыкии во второй половине XIX — начале XX века // Вестник КалмГУ. 2017. № 4 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-sistemy-shkolnogo-obrazovaniya-v-kalmykii-vo-vtoroy-polovine-hih-nachale-hh-veka> (дата обращения: 02.07.2025).
7. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дookтябрьский период. М.: Наука, 1967.

References

1. Obshchij svod po Imperii rezul'tatov razrabotki dannyh Pervoj vseobshchej perepisi naseleniya, proizvedennoj 28 yanvarya 1897 g., tom 2. S. 390–395. URL: <https://static.statmuseum.ru/results/1897/tom2-obshchiy-svod-po-imperii.pdf> (data obrashcheniya: 17.05.2025).
2. Ostrovskij M. N. Vsepodannejshij doklad Ministra gosudarstvennyh imushchestv po poezdke v Kalmyckuyu step' Astrahanskoj gubernii v 1891 g. SPb., 1892. 72 s.
3. Bulgakova V. R. Pravovoe polozhenie inovernogo naseleniya Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX — nachale XX vv. // Altajskij yuridicheskij vestnik. 2024. № 4 (48). S. 14–20.
4. Sartikova E. V. Religioznoe obrazovanie v Kalmykii: vchera i segodnya // Aziya i Afrika segodnya. 2009. № 10 (627). S. 70–73.
5. Amogolonova D. D. Inoslavie v pravoslavnom gosudarstve: buddizm v pozдне-imperskoj Rossii (na materialah Buryatii) // Vestnik KIGI RAN. 2017. № 2 (30). S. 14–22.
6. Komandzhaev A. N., Abeeva O. N., Amaeva D. V. Stanovlenie sistemy shkol'nogo obrazovaniya v Kalmykii vo vtoroj polovine HИH — nachale HH veka // Vestnik KalmGU. 2017. № 4 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-sistemy-shkolnogo-obrazovaniya-v-kalmykii-vo-vtoroy-polovine-hih-nachale-hh-veka> (data obrashcheniya: 02.07.2025).
7. Ocherki istorii Kalmyckoj ASSR. Dooktyabr'skij period. M.: Nauka, 1967.

Информация об авторе

В. Р. Булгакова — кандидат юридических наук.

Information about the author

V. R. Bulgakova — Candidate of Science (Law).

Статья поступила в редакцию 03.09.2025; одобрена после рецензирования 03.10.2025; принята к публикации 25.11.2025.

The article was submitted 03.09.2025; approved after reviewing 03.10.2025; accepted for publication 25.11.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 14–22.

Altai Law Journal. 2025. № 4 (52). P. 14–22.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.34:323.28

ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ян Евгеньевич Верхоглядов

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, barnaulaw@mail.ru

Аннотация. Базируясь на результатах анализа количественно-качественных характеристик статистических показателей правонарушений в Российской Федерации, автор указывает на отдельные проблемные аспекты, определяющие востребованность исследования теоретико-правового характера.

Одним из приоритетных вопросов, рассмотренных в настоящей статье, является состояние и место правовой идеологии в системе противодействия экстремистской деятельности. Применение ранее сформированных теорий ученых позволило определить содержание современной антиэкстремистской правовой идеологии в Российской Федерации. Благодаря комплексному подходу установлены дисфункциональные проявления и практические выражения потенциальных последствий их наличия.

Ключевые слова: правовая идеология, экстремизм, экстремистская деятельность, противоправное поведение, противодействие экстремизму

Для цитирования: Верхоглядов Я. Е. Правовая идеология в системе противодействия экстремистской деятельности // Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 14–22.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

LEGAL IDEOLOGY IN THE SYSTEM OF COUNTERING EXTREMIST ACTIVITIES

Yan E. Verhoglyadov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, barnaulaw@mail.ru

Abstract. Based on the results of the analysis of quantitative and qualitative characteristics of statistical indicators of offenses in the Russian Federation, the author points to certain problematic aspects that determine the demand for research of a theoretical-legal nature.

One of the priority issues considered in this article is the condition and place of legal ideology in the system of countering extremist activity. The application of previously developed theories by scientists made it possible to determine the content of modern anti-extremist legal ideology in the Russian Federation. Due to the integrated approach, dysfunctional manifestations and practical expressions of the potential consequences of their presence are established.

Keywords: legal ideology, extremism, extremist activity, unlawful behavior, countering extremism

For citation: Verhoglyadov Ya. E. Legal ideology in the system of countering extremist activities. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;4:14–22 (In Russ.).

В своих лекциях «О праве и государстве» выдающийся дореволюционный правовед Г. Ф. Шершеневич в 1911 г. [1, с. 25] первой задачей государства назвал обеспечение безопасности жизни, здоровья, личную и имущественную неприкосновенности каждого гражданина от внешних и внутренних угроз. Последующее развитие науки теории права и государства способствовало систематизации и детальной разработанности компонентов охранительной деятельности. Так, профессор Т. Н. Радько разделил ее по характерным признакам на функциональную (правоохранительную, правоприменительную, правотворческую) и объектную (конституционный строй, права и свободы человека, собственность и т. п.) [2, с. 412].

Следует отметить, что подобная многогранность охранительной деятельности подтверждается положениями современных концептуальных и стратегических документов. К примеру, подп. 4 п. 5 Указа Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» определяет содержание обеспечения национальной безопасности политическими, правовыми, военными, организационными и иными мерами, направленными на противодействие условиям и факторам, создающим возможность причинения ущерба. Схожий подход к пониманию обеспечения безопасности демонстрирует и Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 14.11.2013 № Пр-2685).

Охранительная функция посредством правотворчества не только определяет границы дозволенного поведения участников правоотношений, но и непосредственно санкционирует их противоправные деяния — антипод правомерного поведения в социальном и юридическом смысле [3, с. 565]. Государство, реализуя данное комплексное направление [2, с. 411–412], уделяет повышенное внимание противодействию преступлениям и административным правонарушениям как видам противоправного поведения в силу их наибольшей общественной опасности (вредности).

Систему противодействия правонарушениям можно определить совокупностью субъектов — органов публичной власти и должностных лиц, иногда отдельно выделяемых в структуре физических и юридических лиц, а также правовых инструментов, ими применяемых, координационных основ деятельности и т. д. Непосредственно меры противодействия допустимо подразделить: на охранительные, защитные, восстановительные;

политические, организационные, социально-экономические, информационные, правовые и т. д. Таким образом, очевидно, что многоаспектность охранительной функции обуславливает сущность системы и сложность ее реализации как достаточно многокомпонентного механизма.

Рассматривая вопрос эффективности системы противодействия противоправному поведению, обратимся к статистическим данным ГИАЦ МВД России. Изучив период с 2014 по 2024 г., первичным выводом является общее незначительное снижение (1,0–1,9 %) числа зарегистрированных преступлений с 2166,4 тыс. за 12 месяцев 2014 г. [4] до 1911,3 тыс. за аналогичный период 2024 г. [5].

Однако при общей, на первый взгляд, положительной тенденции около 30 регионов Российской Федерации ежегодно отличаются ростом преступности. Кроме того, на протяжении десятилетия в отдельных категориях преступлений, обладающих повышенной степенью общественной опасности, фиксируется увеличение: за 2014 год зарегистрировано 1127 преступлений террористического характера (+70,5 %) и 1024 преступления экстремистской направленности (+14,3 %) [4], за 2024 год — 3714 преступлений террористического характера (+55,9 %) и 1719 преступлений экстремистской направленности (+28,3 %) [5]. По нашему мнению, последний вид противоправной деятельности заслуживает особого внимания, потому как его основой является экстремизм, способный трансформироваться и в более опасные формы деликтов — террористическую деятельность¹ [6, с. 78].

Далее обратимся к статистическим данным, указанным в отчетах о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях. Тенденция аналогична состоянию преступности: согласно сведениям Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [7], с 2020 по 2024 г. общее количество дел, поступивших в суды, относительно стабильно снижается (2020 г. — 7 678 183 дел; 2021 г. — 8 928 361 дело; 2022 г. — 7 257 106 дел; 2023 г. — 6 147 207 дел; 2024 г. — 5 967 332 дела), плавно приближаясь к показателям 2016 г. — 6 419 715 дел.

Вместе с тем число дел по одному из наиболее явных составов административных правона-

¹ Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

рушений экстремистской направленности (ст. 20.3 КоАП РФ), поступивших с 2020 по 2024 г. для рассмотрения по существу, значительно увеличилось: за 12 месяцев 2020 г. правоохранительными органами направлено 2900 дел (из которых 425 возвратили для устранения недостатков протоколов (п. 4 ч. 1 ст. 29.4 КоАП РФ)); за аналогичный период 2021 г. — 4279 (возвращено 733); за 2022 г. — 6559¹ (возвращено 913); за 2023 г. — 6366 (возвращено — 893); за 2024 г. — 6825 (возвращено — 738).

Основываясь на вышеуказанных данных, позволим предположить, что система противодействия противоправному поведению неидеальна. Безусловно, рост числа зарегистрированных преступлений обусловлен и иными причинами: установление новых составов административных правонарушений и преступлений, повышение качества работы правоохранительных органов, корректировка форм статистической отчетности и т. д. Вместе с тем требующими дополнительного исследования видятся система противодействия противоправному поведению, ее отдельные компоненты как одно укрупненное направление комплексного изучения состояния охранительной деятельности государства и формулировки путей развития. Особо актуальна подобная научная работа в направлении противодействия экстремизму, т. к. названная противоправная идеология расценивается как одна из наиболее сложных проблем современного российского общества, проявления которой сопряжены с угрозой национальной безопасности Российской Федерации².

Одним из факторов, обладающим особым влиянием на результативность противодействия противоправному поведению, считаем правосознание (правовая психология, правовая идеология) и его уровень. Ученые объясняют значимость правового сознания в правовой системе тем, что ни правотворческая деятельность, ни правоприменительная деятельность невозможны без прохождения правовой информации через сознание людей. Та-

ким образом, оно является одновременно источником правовой нормы, инструментом ее реализации и критерием оценки поведения субъекта права [8, с. 158, 337]. Уровень правосознания и состояние иных элементов правовой культуры обуславливают и степень обеспечения безопасности, противодействия противоправному поведению, в т. ч. экстремистской деятельности. Наличие деформаций, неразвитость правосознания становятся питательной средой многих правонарушений, других антиобщественных аномалий [9, с. 117].

Поддерживая и разделяя данные теории, рассматривая сущность и первородность экстремистской идеологии по отношению к террористической, учитывая сознательность как неотъемлемый признак любого деликта, мы приходим к выводу, что совокупность экстремистских взглядов, идей является основой соответствующего противоправного поведения [10, с. 123]. Следовательно, дискуссионным видится утверждение о возможности эффективно противодействовать экстремистской деятельности в отсутствие должного качества правовой идеологии как контрмеры, одного из базовых элементов системы противодействия.

Описание сущностной составляющей данной правовой категории сопряжено с рядом сложностей. К примеру, в своем диссертационном исследовании А. И. Клименко [11] указывал на отсутствие возможности интегрировать общепризнанное понятие в юридические науки по причинам неоднородных подходов к пониманию идеологии в иных сферах знаний (философия, политические и социальные науки) [11, с. 49–51]. Там же профессор, констатируя множественность подходов в юридической теории, сформировал свое авторское определение: «определенный механизм организации идеологической сферы современного политически организованного общества, который позволяет достигать определенных эффектов и в силу этого востребован именно в современных условиях» [11, с. 59, 63].

По итогам комплексного исследования позиций ученых-теоретиков А. С. Сироткин сформулировал обобщенное определение данного правового явления: система совокупности правовых взглядов, представлений, понятий, убеждений, концепций, отражающих правовую действительность во всех ее проявлениях [12, с. 10–11]. Именно в правовой идеологии, уточняют И. И. Бикеев и А. Г. Никитин, получают глубокое теоретическое обоснование наиболее значимые фундаментальные, общеправовые ценности, которые, приобретая объективную форму, способны консолидировать людей

¹ Отметим, что форма № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях» в 2022 г. изменилась, в связи с чем показатели дел по ст. 20.3 и 20.3.1 КоАП РФ были объединены. Однако согласно данным ГИАЦ МВД России, за 12 месяцев 2023 г. только полиция пресекла 4378 административных правонарушений именно по ст. 20.3 КоАП РФ (формы статистической отчетности «1-АП»).

² Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[10, с. 96]. В 2023 г. А. Б. Каягин дополнил, что также допустимо рассматривать правовую идеологию как систематизированное научное выражение принципов, социальных требований, а основой комплексного представления о праве являются ценностные предпосылки [13, с. 13].

Содержательность рассматриваемого нами правового явления выходит за рамки элемента правосознания и исследуется как: фактор обеспечения безопасности; средство формирования правосознания и правовой культуры; средство правового воспитания; необходимая социальная ценность [13, с. 6]. Проведенное диссертационное исследование П. О. Шлегель дало основание считать правовую идеологию еще и смыслообразующим элементом механизма обеспечения правопорядка [14, с. 64].

Наличие качественной правовой идеологии способствует повышению уровня правосознания, выработке устойчивых типов правомерного поведения [15, с. 23], и одновременно с этим отсутствие в обществе единых и абсолютных идеологически нагруженных ценностей неизбежно ведёт к снижению уровня как общественного, так и индивидуального правосознания, что следует считать кризисным состоянием для общества и государства, препятствующим развитию последних [13, с. 33].

Казалось бы, в формирование и развитие правовой идеологии противодействия экстремизму вовлечены оба названных субъекта — и общество, и государство. Однако оправдана и иная позиция о том, что правовая идеология нормативна [16, с. 10, 85–88] и не может формироваться и развиваться самостоятельно от государственной идеологии [13, с. 13–14]. Таким образом, для поиска путей совершенствования результаты функционирования государства, являющегося главенствующим субъектом правовой идеологии, должны быть подвергнуты особым анализу и оценке, особенно в вопросах противодействия экстремизму.

Справедливости ради следует констатировать тот факт, что антиэкстремистская правовая идеология в России, в отличие от начала 90-х годов XX в., сегодня институционально приобрела большую сформированность. Подобный тезис допустимо выдвинуть за счет результатов соотношения современного состояния правовой системы и авторских позиций отдельных ученых, внесших существенный вклад в развитие науки теории права и государства благодаря масштабным и глубинным исследованиям правовой идеологии.

К примеру, Ю. Б. Власова [17, с. 11] составляет правовую идеологию из юридических знаний,

ценностей, ориентиров, выросших в теории, идеи, доктрины. Традиционно выделяемые элементы правовой идеологии (понятия и представления о праве и правовых явлениях; юридические идеи, категории, раскрывающие сущность и законы развития правовой жизни; теории и учения, характеризующие правовую систему; господствующие доктрины) А. Ф. Байков [16, с. 64–65] дополняет следующими: правосферы государства, общества и других субъектов права; правовые сознание, культура, нормы, ценности, идеалы, интересы, самосознание, представления.

В своем диссертационном исследовании А. И. Клименко [11, с. 273] провел масштабное научное изыскание в отношении правовой идеологии, структурировав ее на уровни (социально-политический (уровень сегментов); смысловой или дискурсивный; содержательный (ценностный, идейный уровень и т. д.); инструментарно-оперативный (уровень идеологического механизма)), каждый из которых детализировал компонентно [11, с. 271, 272, 309, 310, 312, 314]. В общем же содержании автор выделяет следующие самостоятельные элементы: система ценностей; идеи (принципы); концепты [11, с. 336, 320, 352].

Применяя разработанную А. И. Клименко правовую конструкцию, допустимо вычленить обозначенные выше компоненты в системе противодействия экстремистской деятельности. Так, среди множества ценностей, которые являются своеобразными ориентирами, желаемыми целями, возможно выделить: жизнь и здоровье, свободу, честь и достоинство, равенство, безопасность, порядок, законность, справедливость, стабильность, патриотизм, демократию, преемственность поколений (память поколений), уважение [18, с. 64–66], терпимость/толерантность, ответственность и т. д.

Перечисленные ценности трансформируются в идеи, находящие отражение в различных нормативных правовых актах: Конституция Российской Федерации, Федеральный закон Российской Федерации от 19.05.1995 № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»; Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ; Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ; Федеральный закон Российской Федерации от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»; Федеральный закон Российской Федерации от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» и т. д. Одним из ярких примеров перехода ценности в такую форму

правовой идеи, как принцип, является содержание статьи 2 «Основные принципы противодействия экстремистской деятельности» Федерального закона Российской Федерации от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Итоговым результатом развития связи от ценностей к правовым идеям на содержательном уровне правовой идеологии является концепт. Именно он интерпретирует правовые идеи, что, с позиции А. И. Клименко, в совокупности и указывает на сформированную правовую идеологию [11, с. 316]. Следуя по заявленному логическому пути, мы обнаруживаем подтверждение концептуального оформления антиэкстремистской правовой идеологии, установленной не только в российском законодательстве, но и в отдельных подзаконных актах как общего (Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 20.11.2013); Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»; Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»), так и специального свойства (Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации»).

Отдельные аспекты концептуальных основ правовой идеологии и востребованность противодействия экстремизму также неоднократно фигурировали в официальных выступлениях Президента Российской Федерации [19, с. 63–64] и транслировались публично на расширенных заседаниях коллегии различных правоохранительных органов: Прокуратуры Российской Федерации («...Как и прежде, повышенного внимания требуют вопросы противодействия экстремизму и терроризму...» [20]); МВД России («...Важной задачей органов внутренних дел остаётся борьба с экстремизмом...» [21]); ФСБ России («...Решительно и наступательно нужно бороться с экстремизмом и терроризмом...» [22]).

Не оспаривая наличие в Российской Федерации антиэкстремистской правовой идеологии, ее организующую роль и основополагающее место в системе противодействия неправомерному поведению исследуемого вида, отдельные позитивные тенденции в развитии, к сожалению, нами отмечаются некоторые пробелы и несовершенства.

К примеру, степень интерпретации правовых идей в концепты, четкость обозначения антиценностей, а соответственно, и качество сформированности правовой идеологии, по нашему мнению, требуют корректировок как минимум по следующим направлениям:

1. Совершенствование понятийного аппарата. За более чем 23-летнее существование базового Федерального закона Российской Федерации от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и трех вариантов документов стратегического характера (2014 г.¹, 2020 г.², 2024 г.³), фактически формулирующих концепт антиэкстремистской правовой идеологии, единого и непротиворечивого понятийного аппарата не усматривается. В отсутствие четко определенного объекта противодействия (условно «противника») работа государства выстраивается только с производными от неверно сформированного либо деформированного правосознания — противоправным поведением, а также может повлечь искажение правосознания представителей власти (к примеру, культивировать систему взглядов исключительно репрессивного свойства).

Подобное обстоятельство, как справедливо указывал А. М. Михайлов, подчеркивает характерные особенности права как системы регулирования, в частности невозможность полной формализации, где базовые понятия могут иметь различные интерпретации, и одновременно расценивается как предпосылка к формированию правовой идеологии [23, с. 112] (в случае противодействия экстремизму — к ее совершенствованию).

2. Устранение дисфункциональных проявлений.

2.1. Преодоление эпизодических разрывов между отдельными компонентами правовой идеологии, декларируемой государством, и социально значимыми вопросами, высказываемыми населением как проблемные (к примеру, миграция и рост

¹ Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом Российской Федерации 28.11.2014 № Пр-2753) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2020 № 344. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

числа преступлений, совершенных иностранными гражданами на территории Российской Федерации [24]), а также должная / своевременная реакция на иные запросы общества, которые в совокупности выражают современные ценности граждан Российской Федерации (справедливость, патриотизм, законность, ответственность и т. д.).

2.2. Повышение степени согласованности антиэкстремистской, антитеррористической и правовой идеологии иных направлений (в т. ч. по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей), ориентированной на противодействие деструктивным идеологическим концептам [25, с. 14].

Бесспорно, следует повышать уровень подготовки представителей власти, корректировать правовое воспитание и повышать правовую культуру, по причинам чего перечень указанных недостатков не оправдано считать закрытым, но наиболее важные проблемы мы постарались кратко охарактеризовать первично. К тому же их учет и совершенствование поспособствуют улучшению реализации основных функций правовой идеологии (обеспечение национальной безопасности, формирование гражданского общества, правового мировоззрения и т. д. [11, с. 269–270]), что прямо скажется на результатах противодействия экстремизму.

Справедливо мнение о том, что правовая идеология проверяется правовой практикой [12, с. 6], поэтому рост числа правонарушений и преступлений экстремистской направленности и террористического характера, возникающие дефекты в ходе противодействия им подчеркивают необходимость основательного переосмысления и модернизации правовой идеологии. В качестве дополнительной аргументации своего видения приведем практические выражения потенциальных последствий лишь эпизодического совершенствования правовой идеологии противодействия экстремизму:

- незаконное применение мер государственного принуждения либо неоправданная «пассивность» правоприменителя, влекущая уход от юридической ответственности виновных лиц;
- неверная квалификация административных правонарушений, обусловленная недостатками понятийного аппарата (к примеру, ст. 20.3, 20.3.3 и 20.29 КоАП РФ);
- рост угрозы безопасности личности, общества и государства от экстремизма и экстремистской деятельности;
- хаотичность, нецелесообразность и нерациональность в выборе правовых и организационных средств противодействия;

- усиление и распространение нигилистических воззрений, где негативное отношение к праву и государству будет объясняться за счет их неспособности противостоять экстремистским угрозам и обеспечить одну из главных ценностей — безопасность.

Резюмируя все вышеизложенное, отметим: правовая идеология занимает ключевое место в системе противодействия не только противоправному поведению, но и аналогичной идеологии. Она выступает смыслообразующим элементом, связывая все компоненты системы и концептуально определяя их. Так, государство, осознавая степень опасности экстремистских идеологий и деятельности, занимается построением системы противодействия и обеспечением ее должного функционирования, где антиэкстремистская правовая идеология функционально обеспечивает комплексное достижение поставленных целей.

Перспективность и остающийся не в полной мере раскрытый потенциал правовой идеологии кроются в том, что в отличие от невозможности предусмотреть юридическую ответственность за любое противоправное деяние, оперативно пресечь любую форму выражения экстремистской деятельности, таковая может иметь большую результативность в противодействии противоправному поведению за счет системного превентивного воздействия на правосознание.

Научно обоснованная правовая идеология способна сформировать ценностно значимое отношение к закону, подготовить гражданина к «встрече» с ним, обусловив эффективность его действия [11, с. 33]. Такая «тренировка» особо необходима для сферы противодействия противоправным деяниям, экстремистским проявлениям в частности. Иначе исключительно штатные конструирование и принятие нормативных правовых актов, чье содержание порой не в полной мере соответствует принципам юридической техники (как минимум точности и определенности, ясности и доступности), их фрагментарное и несвоевременное корректирование относительно стремительно модернизирующегося экстремизма априори не будут означать достижение цели их создания.

Правовые нормы предварительно должны пройти через сознание граждан, быть осмыслены и усвоены ими, что поспособствует реальности их реализации. Должны прогнозироваться и последствия принятия нормативных правовых актов, особенно в сфере противодействия экстремизму. Соблюдение всех требований исключит излишнюю

поспешность в создании законов и подзаконных актов, несоответствие их реалиям общественного развития, ибо основа правовой политики — правовая идеология [12, с. 33–35].

Список источников

1. Шершеневич Г. Ф. Общее учение о праве и государстве: лекции / Московское общество народных университетов. 2-е изд. М.: Типография товарищества И. Д. Сытина, 1911. 163 с.
2. Радько Т. Н. Теория государства и права: учебник для бакалавров. М.: Проспект, 2015. 496 с.
3. Марченко М. Н., Дерябина Е. М. Теория государства и права: учебно-методическое пособие. 2-е изд. М.: Проспект, 2015. 720 с.
4. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации, в том числе в Крымском федеральном округе за январь — декабрь 2014 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/2994866/> (дата обращения: 02.09.2025).
5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2024 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/> (дата обращения: 02.09.2025).
6. Сенин И. Н. Экстремизм как форма правового нигилизма в современной России (теоретико-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2011. 218 с.
7. Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 02.09.2025).
8. Актуальные проблемы теории права: учебник. М.: Академия управления МВД России, 2021. 400 с.
9. Теория государства и права: учебник для вузов / Н. И. Матузов, А. В. Малько. М.: Юрист, 2004. 245 с.
10. Экстремизм: междисциплинарное правовое исследование / И. И. Бикеев, А. Г. Никитин. Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2011. 320 с.
11. Клименко А. И. Функционально-структурные характеристики правовой идеологии: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 541 с.
12. Сироткин А. С. Юридическая практика как фактор утверждения правовой идеологии. Вопросы теории и практики: монография. М.: МГИУ, 2009. 169 с.
13. Каягин А. Б. Государственно-правовая идеология: обоснование необходимости и отдельные существенные аспекты: монография. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2023. 92 с.
14. Шлегель П. О. Правовая идеология в механизме обеспечения правопорядка: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 211 с.
15. Беседин А. А. Правовая идеология как элемент правовой системы современного общества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 25 с.
16. Байков А. Ф. Правовая идеология: сущность и реализация в условиях правового государства: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 176 с.
17. Власова Ю. Б. Взаимодействие права и идеологии в современных условиях (на материалах Российской Федерации): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 23 с.
18. Репьев А. Г. Уважение как проявление преемственности национальной идеи и приоритета государственной идеологии СССР и России // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне): мат-лы XXII Международной научно-практ. конф-ции: в 2 ч. (Санкт-Петербург, 24–25 апреля 2025 г.). СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. С. 63–67.
19. Репьева А. М., Репьев А. Г. Дифференциация категорий осужденных как направление политики государства по предупреждению экстремизма // Современная молодежь и вызовы экстремизма и терроризма в России и за рубежом: сборник мат-лов Всероссийской (с международным участием) научно-практ. конф-ции (Горно-Алтайск, 16–18 мая 2019 г.) / под ред. Х. П. Пашаева. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2019. С. 62–65.
20. Путин призвал решительно бороться с экстремизмом // Известия. URL: <https://iz.ru/1856626/2025-03-19/putin-prizval-reshitelno-borotsia-s-ekstremizmom> (дата обращения: 02.09.2025).
21. Расширенное заседание коллегии МВД // Администрация Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/76408> (дата обращения: 02.09.2025).

22. Заседание коллегии ФСБ России // Администрация Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/76338> (дата обращения: 02.09.2025).
23. Михайлов А. М. Правовая идеология: проблемы теории // Проблемы методологии и философии права: сборник статей международного круглого стола (Самара, 28 февраля 2014 г.) / под общ. ред. С. Н. Касаткина. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2014. С. 108–119.
24. Председатель СК России выступил на ПМЮФ-2025 в сессии по вопросам правового регулирования миграционной политики // Следственный комитет Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/press/events/item/1984434/> (дата обращения: 02.09.2025).
25. Джаназян В. Г., Чердаков О. И. Влияние идеологических концептов деструктивной направленности на правовую среду современной России // Юридическая наука. 2016. № 1. С. 12–15.

References

1. Shershenevich G. F. Obshchee uchenie o prave i gosudarstve: lektsii / Moskovskoe obshchestvo narodnykh universitetov. 2-e izd. M.: Tipografiya tovarishchestva I. D. Sytina, 1911. 163 s.
2. Rad'ko T. N. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya bakalavrov. M.: Prospekt, 2015. 496 s.
3. Marchenko M. N., Deryabina E. M. Teoriya gosudarstva i prava: uchebno-metodicheskoe posobie. 2-e izd. M.: Prospekt, 2015. 720 s.
4. Kratkaya harakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii, v tom chisle v Krymskom federal'nom okruge za yanvar' — dekabr' 2014 goda // Oficial'nyj sayt Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/2994866/> (data obrashcheniya: 02.09.2025).
5. Kratkaya harakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii za yanvar' — dekabr' 2024 goda // Oficial'nyj sayt Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/60248328/> (data obrashcheniya: 02.09.2025).
6. Senin I. N. Ekstremizm kak forma pravovogo nigilizma v sovremennoj Rossii (teoretiko-pravovoj aspekt): dis. ... kand. yurid. nauk. Omsk, 2011. 218 s.
7. Dannye sudebnoj statistiki // Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (data obrashcheniya: 02.09.2025).
8. Aktual'nye problemy teorii prava: uchebnik. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2021. 400 s.
9. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya vuzov / N. I. Matuzov, A. V. Mal'ko. M.: Yurist», 2004. 245 s.
10. Ekstremizm: mezhdisciplinarnoe pravovoe issledovanie / I. I. Bikeev, A. G. Nikitin. Kazan': Izd-vo «Poznanie» Instituta ekonomiki, upravleniya i prava, 2011. 320 s.
11. Klimenko A. I. Funkcional'no-strukturnye harakteristiki pravovoj ideologii: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2016. 541 s.
12. Sirotkin A. S. Yuridicheskaya praktika kak faktor utverzhdeniya pravovoj ideologii. Voprosy teorii i praktiki: monografiya. M.: MGIU, 2009. 169 s.
13. Kayagin A. B. Gosudarstvenno-pravovaya ideologiya: obosnovanie neobhodimosti i otдел'nye sushchnostnye aspekty: monografiya. Chelyabinsk: Izd-vo Chelyab. gos. un-ta, 2023. 92 s.
14. Shlegel' P. O. Pravovaya ideologiya v mekhanizme obespecheniya pravoporyadka: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2024. 211 s.
15. Besedin A. A. Pravovaya ideologiya kak element pravovoj sistemy sovremennogo obshchestva: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2011. 25 s.
16. Bajkov A. F. Pravovaya ideologiya: sushchnost' i realizaciya v usloviyah pravovogo gosudarstva: dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2006. 176 s.
17. Vlasova Yu. B. Vzaimodejstvie prava i ideologii v sovremennykh usloviyah (na materialah Rossijskoj Federacii): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2005. 23 s.
18. Rep'ev A. G. Uvazhenie kak proyavlenie preemstvennosti nacional'noj idei i prioriteta gosudarstvennoj ideologii SSSR i Rossii // Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (k 80-letiyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne): mat-ly XXII Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii: v 2 ch. (Sankt-Peterburg, 24–25 aprelya 2025 g.). SPb.: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2025. S. 63–67.
19. Rep'eva A. M., Rep'ev A. G. Differenciaciya kategorij osuzhdennykh kak napravlenie politiki gosudarstva po preduprezhdeniyu ekstremizma // Sovremennaya molodezh' i vyzovy ekstremizma i terrorizma v Rossii i za rubezhom: sbornik mat-lov Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakt. konf-cii (Gorno-

Altajsk, 16–18 maya 2019 g.) / pod red. H. P. Pashaeva. Gorno-Altajsk: Gorno-Altajskij gosudarstvennyj universitet, 2019. S. 62–65.

20. Putin prizval reshitel'no borot'sya s ekstremizmom // Izvestiya. URL: <https://iz.ru/1856626/2025-03-19/putin-prizval-reshitelno-borotsia-s-ekstremizmom> (data obrashcheniya: 02.09.2025).

21. Rasshirennoe zasedanie kollegii MVD // Administraciya Prezidenta Rossii. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/76408> (data obrashcheniya: 02.09.2025).

22. Zasedanie kollegii FSB Rossii // Administraciya Prezidenta Rossii. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/76338> (data obrashcheniya: 02.09.2025).

23. Mihajlov A. M. Pravovaya ideologiya: problemy teorii // Problemy metodologii i filosofii prava: sbornik statej mezhdunarodnogo kruglogo stola (Samara, 28 fevralya 2014 g.) / pod obshch. red. S. N. Kasatkina. Samara: Samarskaya gumanitarnaya akademiya, 2014. S. 108–119.

24. Predsedatel' SK Rossii vystupil na PMYuF-2025 v sessii po voprosam pravovogo regulirovaniya migracionnoj politiki // Sledstvennyj komitet Rossijskoj Federacii. URL: <https://sledcom.ru/press/events/item/1984434/> (data obrashcheniya: 02.09.2025).

25. Dzhanazyan V. G., Cherdakov O. I. Vliyanie ideologicheskikh konceptov destruktivnoj napravlenosti na pravovuyu sredu sovremennoj Rossii // Yuridicheskaya nauka. 2016. № 1. S. 12–15.

Статья поступила в редакцию 01.09.2025; одобрена после рецензирования 03.10.2025; принята к публикации 25.11.2025.

The article was submitted 01.09.2025; approved after reviewing 03.10.2025; accepted for publication 25.11.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 23–32.

Altai Law Journal. 2025. № 4 (52). P. 23–32.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 342.7

СПОСОБЫ И ФОРМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ

Евгений Викторович Лоос¹, Евгений Викторович Кошелев²

¹ Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, elev_01@mail.ru

² Омская академия МВД России, Омск, Россия, e-koshelev@list.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросу обеспечения защиты чести и достоинства личности в Российской Федерации. В качестве проблемы отмечается ориентация научных исследований в этой области как на первооснову не на проработанную теоретическую концепцию, а на отраслевое законодательство.

Автор подробно останавливается на анализе понятийного аппарата, последовательно раскрывая понятия «форма», «способ», «средство», «обеспечение», «реализация», «защита», «охрана» и преломляя их к исследуемой сфере общественных отношений. В качестве форм и последовательных стадий обеспечения прав личности на честь и достоинство выделяется их реализация, охрана и защита. Приводятся авторские определения этих форм (стадий), осуществляется анализ их содержания.

Ключевые слова: честь, достоинство, обеспечение, защита, способы, формы

Для цитирования: Лоос Е. В., Кошелев Е. В. Способы и формы обеспечения защиты чести и достоинства личности // Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 23–32.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

METHODS AND FORMS OF ENSURING THE PROTECTION OF THE HONOR AND DIGNITY OF A PERSON

Evgenii V. Loos¹, Evgenii V. Koshelev²

¹ Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, elev_01@mail.ru

² Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia, e-koshelev@list.ru

Abstract. The article is devoted to the issue of ensuring the protection of the honor and dignity of a person in the Russian Federation. The problem is the orientation of scientific research in this area as a primary basis not on a developed theoretical concept, but on industry legislation. The author dwells in detail on the analysis of the conceptual apparatus, consistently revealing the concepts of «form», «method», «means», «provision», «implementation», «protection», «guard», and refracting them to the studied area of public relations. As forms and successive stages of ensuring the rights of an individual to honor and dignity, their implementation, protection and defense are distinguished. The author's definitions of these forms (stages) are given, an analysis of their content is carried out.

Keywords: honor, dignity, provision, protection, methods, forms

For citation: Loos E. V., Koshelev E. V. Methods and forms of ensuring the protection of the honor and dignity of a person. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2025;4:23–32 (In Russ.).

Основным законом нашей страны Российская Федерация провозглашена правовым государством. Определяющей задачей правового государства является фактическое гарантирование конституционных прав и свобод его граждан. Эти гарантии могут быть реализованы в различных формах, но наиболее значимой из них является форма защиты.

Поскольку роль правовой защиты чести и достоинства личности в современном мире все возрастает, необходимо понимать, каким образом и при помощи каких способов такая защита происходит.

Термин «способ защиты» в юридической литературе употребляется часто. При этом подавляющее большинство авторов, характеризуя это понятие, берут за основу Гражданский кодекс Российской Федерации, устанавливающий в ст. 12 перечень возможных способов защиты гражданских прав, либо выделяют способы защиты прав личности по отраслям. Однако и в том и в другом случаях в качестве исходных положений принимаются отраслевые законы.

Весьма справедливым представляется утверждение В. А. Сидорова, что «основным дефектом сложившейся практики и доктрины в сфере защиты права на честь и достоинство является ее сугубо отраслевой, прикладной характер, некий юридический технократизм и прагматизм, выражающийся в примате принципа эффективности... и сложившихся в этой сфере стереотипов» [1, с. 5].

В качестве основной причины такого положения вещей, на наш взгляд, следует отметить несоответствие скорости развития общественных отношений и их ценностно-нормативных регуляторов. Подобную точку зрения можно встретить и в научной литературе. К примеру, Е. В. Бурлай писал, что «когда ценностно-нормативное ее [социальной действительности] отражение не поспевает за динамикой социальной жизни, а потребность в правовом упорядочении не исчезает, процесс правообразования проявляется стихийно, путем образования конкретных правоотношений» [2, с. 79].

Решение проблемы в подобном ключе характеризуется отсутствием единой основы, поверхностностью, несогласованностью в правоприменении. Между тем «формирование концепции организационно-правового механизма обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации имеет две тесно взаимосвязанные стороны: научную и законодательную. При этом законодательное регулирование невозможно без проработанной и четко сформулиро-

ванной теоретической концепции, которая может быть положена в основу правотворческой деятельности» [3, с. 111].

В сфере защиты субъективных прав часто употребляемыми являются термины «способ защиты», «форма защиты» и «средство защиты». При этом смысл, вкладываемый в эти понятия, зачастую различается у разных авторов.

К примеру, А. А. Чесноков четко разграничивает формы, способы и средства защиты прав, при этом считая ошибкой отождествление способов и средств защиты субъективного права [4, с. 21].

И. Б. Живихина характеризует способ защиты права как материально-правовую меру и дополнительно дает определение формы защиты права. С ее точки зрения, форма — это «совокупность организационных мероприятий по защите субъективных гражданских прав, которая осуществляется уполномоченными на то органами либо должностными лицами» [5, с. 26–28].

Т. А. Вертепова выделяет три основных «способа защиты чести и достоинства личности: административно-правовой, гражданско-правовой и уголовно-правовой». Последовательно анализируя названные способы, она приходит к выводу, что «в демократическом правовом государстве наиболее эффективной формой защиты чести и достоинства личности... является уголовно-правовая защита». Далее рассуждая в этом же контексте, исследователь констатирует: «Какими средствами защиты воспользоваться... каждый должен решить для себя сам...» [6, с. 106–107]. Таким образом, автор, очевидно, не разграничивает способы, формы и средства защиты чести и достоинства личности.

Приведенные примеры наглядно иллюстрируют отсутствие единого подхода к определению важных понятий, лежащих в основе механизма обеспечения фундаментальных прав и свобод личности. Очевидно, что такая ситуация нуждается в урегулировании. Обратимся к лексическому толкованию рассматриваемых терминов.

Словарь С. И. Ожегова определяет средство как «прием, способ действия для достижения чего-нибудь» [7, с. 750]. В словаре синонимов русского языка слова «способ» и «средство» указаны в качестве синонимов [8, с. 478]. Следовательно, отождествление этих терминов ошибкой не является. Вместе с тем в юридическом смысле некое различие между ними все же присутствует. Это различие можно сформулировать следующим образом.

Способ защиты можно представить как конкретизацию цели деятельности по защите права. Такой целью в конечном итоге предстает восста-

новление нарушенного права. Избрав конкретный способ защиты (конкретизировав цель и желаемый результат своей деятельности), управомоченное лицо выбирает и средство достижения этой цели. А. П. Вершинин, к примеру, выделяет такие средства защиты права, как иск, заявление, жалоба [9, с. 14].

Слово «способ» происходит от древнерусского «пособъ» — «помощь» [10, с. 301]. Его буквальный смысл — «прием, действие, метод, применяемые... при осуществлении чего-нибудь» [7, с. 747]. Иными словами, способ защиты права — это защита права при помощи чего-либо. Можно сказать, что способ — это содержание защиты права.

Слово «форма» происходит от латинского *forma* — «форма, вид» [10, с. 345]. По словарю С. И. Ожегова, форма — это «внешнее выражение чего-нибудь, обусловленное определенным содержанием» [7, с. 842]. Следовательно, форма защиты права — это внешнее выражение ее содержания.

Таким образом, способ защиты права — это ее (защиты) содержание; форма защиты права — это внешнее выражение ее содержания. На основе этого утверждения можно заключить, что понятия «форма» и «способ» находятся в отношении формы и содержания. Отождествление этих понятий является методологической ошибкой, поэтому позицию авторов, которые их отождествляют, следует считать ошибочной.

Принятие за основу в вопросе защиты чести и достоинства личности норм отраслевого законодательства нельзя признать верным и по следующей причине. Дело в том, что законодатель регулирует конкретные общественные отношения. Разграничение, к примеру, категорий «форма» и «содержание» не является его функцией. Понятия «форма защиты» и «способ защиты» являются предметом осмысления теории права.

Основываясь на исследованиях российских специалистов в области общей теории прав человека, можно классифицировать два подхода к защите чести и достоинства личности. Первый, широкий подход, рассматривает защиту этих прав как применение всех правовых институтов и норм. Второй, узкий подход, предполагает, что защита должна осуществляться только в случае нарушения или ограничения этих прав [11, с. 118]. Предпочтительной представляется позиция сторонников узкого подхода.

В современной юридической науке сформировалось направление, представленное рядом ученых (Ю. В. Анохин, В. Н. Бутылин, Н. В. Витрук, И. В. Гончаров, Е. В. Киричѐк, Н. И. Матузов,

А. С. Мордовец, И. В. Ростовщиков и др.), которые рассматривают в качестве базового понятие «обеспечение». Как отмечает Л. Ю. Грудцына, «понятием "обеспечение" объединяется вся система правовых, экономических, политических, социальных, духовных, иных мер и условий, направленных на наиболее полное пользование личностью социальными благами» [12, с. 59]. Действительно, обеспечение — категория ключевая. Без соответствующего обеспечения невозможно ни правотворчество, ни реализация права, ни деятельность государственно-правовых институтов, ни осуществление в целом любых правоотношений. В теории прав человека понятие «обеспечение» рассматривается в качестве родового, объединяющего по отношению к таким понятиям, как «охрана», «защита», и некоторым другим.

Термин «"обеспечение"» происходит от глагола «обеспечить» — «сделать вполне возможным, действительным, реально выполнимым». Иными словами, обеспечение прав человека — это создание условий для воплощения их на практике» [13, с. 227]. В качестве понятий, которые объединяются термином «обеспечение», в литературе обычно называют охрану и защиту прав.

Исходным по отношению к слову «защита» является глагол «защитить», смысл которого в толковом словаре определяется как «охраняя, ограждать от посягательств, от враждебных действий, от опасности» [7, с. 222]. Иными словами, защита предполагает противодействие чьему-либо посягательству, в то время как охрана включает в себя систему предупредительных мер, которые не допустят таких посягательств. Как справедливо отмечает Н. И. Матузов, «охрана и защита субъективного права или охраняемого законом интереса — не одно и то же: охраняются они постоянно, а защищаются только тогда, когда нарушаются» [14, с. 131].

Вместе с тем комплексная защита субъективного права малоэффективна без использования предупредительных мер, а охрана невозможна без наличия действенного механизма правозащитной деятельности специализированных публичных институтов. В этой связи не лишена основания точка зрения авторов, отождествляющих понятия охраны и защиты.

Некоторые авторы наряду с охраной и защитой называют также реализацию. К примеру, Ю. В. Анохин выделяет такие формы обеспечения прав и свобод личности, как реализация, охрана и защита. Он полагает, что «охрана и защита зависимы и производны от реализации, и в то же вре-

мя они ее обеспечивают. Сама же реализация прав и свобод личности есть не что иное, как деятельность людей по их осуществлению» [15, с. 262].

В. Н. Бутылин выделяет еще одну сторону реализации. По его мнению, реализация конституционных прав и свобод включает в себя действия государства, направленные на предотвращение и пресечение нарушений прав и свобод граждан. В случае их нарушения государство должно применять меры наказания к правонарушителям и обеспечивать возмещение ущерба пострадавшим. Охрану же и защиту автор представляет как стадии процесса реализации конституционных прав и свобод граждан [16, с. 90–92].

Выделение охраны и защиты в качестве стадий, но только не реализации, а обеспечения, представляется нам весьма интересным. Разделяя точку зрения Ю. В. Анохина, полагаем, что реализация, охрана и защита могут быть представлены не только как формы обеспечения прав и свобод личности, но и как последовательные стадии такого обеспечения.

Поскольку права на честь и достоинство являются неотъемлемыми правами личности, то изложенное в полной мере справедливо и для них. Считаем целесообразным определить обеспечение прав личности на честь и достоинство как создание условий для их беспрепятственного реального воплощения на практике и восстановления в случае нарушения. В качестве форм обеспечения рассматриваемых прав, по нашему мнению, следует выделить их реализацию, охрану и защиту. При этом под реализацией будем понимать деятельность правообладателей по осуществлению своих прав на честь и достоинство личности; под охраной — деятельность правообладателей, а также уполномоченных на то органов, должностных лиц и других субъектов, направленную на предупреждение нарушений указанных прав, устранение и предотвращение причин, их порождающих, и способствующую воплощению этих прав в жизнедеятельность граждан; под защитой — деятельность правообладателей, а также уполномоченных на то органов, должностных лиц и других субъектов, направленную на пресечение правонарушений, вытеснение чуждых обществу противоправных явлений, нарушающих права личности на честь и достоинство, а также направленную на их восстановление до состояния, предшествующего нарушению, и урегулирование вопроса по возмещению потерпевшему причиненного вреда.

Необходимо помнить, что выделение названных форм обеспечения будет справедливо только

для деятельности, осуществляемой в рамках правового поля, поскольку неправомерное поведение не реализует право. К тому же лишь правомерная деятельность правообладателя позволяет государству осуществить его защиту.

Права на честь и достоинство личности, как и другие фундаментальные права человека и гражданина, могут быть реализованы только при условии государственной защиты. Этот принцип применим ко всем формам обеспечения этих прав.

Реализацию правообладателями прав на честь и достоинство личности государство обеспечивает, прежде всего, путем признания, что выражается в их законодательном закреплении. Соответствующие положения содержатся в тексте Конституции Российской Федерации и получают развитие в отраслях права.

Государством также создаются условия для реализации прав на честь и достоинство личности. Если реализация является правомерной, то государство в ее процесс не вмешивается. В рассматриваемой сфере субъект реализует свои права исключительно по своему усмотрению. Только он сам может определить, насколько ценными для него являются честь и достоинство и подверглись ли они посягательству.

Важнейшим условием правомерной реализации является воздержание субъекта от совершения противоправных действий. Это в полной мере относится как к правообладателю, так и к другим членам общества, а также к должностным лицам, органам и организациям. Воздержание выражается в недопущении по отношению к кому бы то ни было любых актов, направленных на умаление чести или достоинства, а также косвенно этому способствующих. Это касается, на наш взгляд, не только «классических» форм — клеветы, оскорбления и т. д., но и, к примеру, пренебрежительного отношения к людям, недобросовестного выполнения своих обязанностей по отношению к ним со стороны должностных лиц государственной власти. Кроме того, в процессе реализации прав на честь и достоинство личности необходимо помнить, что в соответствии с Конституцией РФ осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

Охрана чести и достоинства личности подразумевает под собой деятельность, направленную в первую очередь на профилактику нарушений этих прав. От эффективности охраны чести и достоинства личности зависит полнота их реализации, а деятельность по предупреждению посягательств на них имеет большое значение. Дело

в том, что пресечение таких посягательств, а также назначенное правонарушителю наказание далеко не всегда могут восстановить права на честь и достоинство личности до их первоначального состояния.

Так, в 2017 г. гражданка Е. подала в суд на АО «Телекомпания НТВ». В иске она требовала признать недостоверными и порочащими ее честь и достоинство сведения, которые были опубликованы в телевизионной программе «Чрезвычайное происшествие». В одном из выпусков этой программы был показан сюжет, посвященный истории издевательств над несовершеннолетней, которые привели к ее самоубийству. В сюжете были представлены фотографии, которые корреспондент назвал фотографиями одноклассниц погибшей девочки, подозреваемых в доведении ее до самоубийства. Среди этих фотографий оказалась и фотография истца, которая не имела отношения к данным событиям и не была ученицей этой школы. После выхода сюжета истец была вынуждена оправдываться перед родственниками и близкими, утверждая, что она не причастна к случившемуся. Ей также начали поступать угрозы и оскорбления от неизвестных лиц. Калининский районный суд г. Уфы 15 сентября 2017 г. удовлетворил исковые требования Е. к АО «Телекомпания НТВ» в отношении основной части иска¹.

Вместе с тем телекомпания НТВ является одной из крупнейших, с многомиллионной аудиторией. Велика вероятность того, что выпуск с опровержением информации посмотрят далеко не все зрители упомянутой выше программы. Денежная компенсация морального вреда также едва ли сможет возместить все переживания истца.

В отличие от защиты, предполагающей использование санкций, что является исключительной прерогативой государства, охрана осуществляется широким перечнем субъектов и всеми возможными социальными нормами. Вместе с тем, как справедливо отмечает В. Н. Бутылин, только государство и его органы обладают «правом, государственно-властными полномочиями, силами и средствами по осуществлению в масштабах всей страны... мер по охране и защите конституционных прав и свобод». У общественных организаций и формирований, массовых правозащитных движений и иных организаций «отсутствуют необходимые полномочия, силы и средства для того, чтобы обеспечить полноценную охрану и защиту

даже конституционных прав и свобод человека и гражданина» [16, с. 94–95].

Самостоятельная работа правозащитных организаций по охране и защите чести и достоинства личности заключается в основном в предоставлении консультаций и юридической информации гражданам. Все остальные их действия тесно связаны с государственными структурами. Это включает привлечение внимания компетентных органов к проблемам, предоставление им объективной информации, представление интересов граждан в органах власти, суде и других правоохранительных структурах, требование соблюдения законности, проведение встреч и переговоров с ответственными лицами, а также разработку предложений по совершенствованию законодательства и практики его применения. Взаимодействие общественных организаций с государственными структурами регулируется законодательством, которое принимается компетентными органами государственной власти.

Однако стоит отметить, что деятельность государственных структур, направленная на предотвращение правонарушений против чести и достоинства личности, оказывается малоэффективной. Это связано с особенностями таких правонарушений.

К примеру, рост уровня жизни населения, снижение уровня безработицы, снижение экономических противоречий между социальными слоями общества неизбежно ведут к снижению количества преступлений против собственности; издержки экономической и социальной политики в переходные периоды существования государства, недостатки в деятельности правоохранительных органов приводят к росту уровня хулиганства и т. д. Однако выявление причин и условий, явно ведущих к росту или снижению числа правонарушений, направленных против чести и достоинства личности, представляется весьма затруднительным. Очень часто такие нарушения происходят спонтанно, «на эмоциях», спровоцированы конкретной ситуацией, которую невозможно спрогнозировать.

В качестве иллюстрации приведем данные статистики по делам об оскорблении: со времени декриминализации оскорбления количество этих правонарушений остается стабильным. По данным Судебного департамента, количество дел об оскорблении, рассмотренных судами общей юрисдикции и мировыми судьями, составило в 2015 г. 16 596, в 2016 г. — 16 694, в 2017 г. — 16 670, в 2018 г. — 16 119, в 2019 г. — 16 300, в 2020 г. —

¹ Решение по делу № 2-5106/2017, вынесенное 15 сентября 2017 г. Калининским районным судом г. Уфы. URL: <https://www.sudact.ru> (дата обращения: 01.08.2025).

15 970, 2021 г. — 15 929, 2022 г. — 17 071, 2023 г. — 17 616 [17].

Следует признать, что основной и наиболее важной формой обеспечения прав личности на честь и достоинство является форма защиты. Защита чести и достоинства личности необходима, когда не сработали, оказались неэффективными средства их обеспечения на стадии охраны.

В отличие от охраны защита чести и достоинства личности представляет собой деятельность по пресечению соответствующих правонарушений, устранению условий, им способствующих, и восстановлению нарушенных прав потерпевшего. В рамках правового поля такая деятельность связана с властными действиями юрисдикционных органов и должностных лиц, поскольку совершено (совершается) правонарушение и требуется применение санкции к нарушителю. В свою очередь, эти органы и должностные лица действуют от имени государства.

Таким образом, субъектом реализации права на честь и достоинство личности выступает сам правообладатель. Субъектами охраны этого права могут выступать правообладатель, общество, государство, негосударственные организации и т. д. При этом необходимыми полномочиями, силами и средствами для того, чтобы сделать такую охрану эффективной, обладает все же государство. Основным субъектом защиты права на честь и достоинство личности является государство. Безусловно, субъектами такой защиты могут выступать как сам правообладатель (самозащита), так и негосударственные объединения (адвокатура, общественные организации). Однако гарантом обеспечения защиты чести и достоинства личности может выступать только государство. На стадии защиты степень участия государства в правоотношениях, возникающих по вопросу обеспечения прав личности на честь и достоинство, является максимальной.

Из изложенного следует, что выявление и характеристика форм и способов, при помощи которых государство обеспечивает защиту чести и достоинства личности, становятся ключевым вопросом нашего рассмотрения.

В научной литературе вопрос о формах и способах обеспечения защиты личных прав освещен слабо. Авторами исследуются в основном формы и способы защиты таких прав в рамках отраслевых, как правило гражданско-правовых, отношений. Существуют также немногочисленные работы, в которых исследуются формы и способы обеспечения прав и свобод личности. На основе их анализа мы можем выделить наиболее характер-

ные способы обеспечения прав личности на честь и достоинство: правовой и неправовой.

Правовой способ основан на образовании новых правовых норм, которые предназначены для регулирования общественных отношений в рассматриваемой сфере. Неправовой способ имеет более широкую область распространения и может быть представлен информационной, идеологической, организационной и некоторыми иными видами деятельности.

Под субъективным правом чаще всего понимают меру поведения, дозволенную субъекту права юридической нормой. Следовательно, защита субъективного права реализуется, а нарушенное право восстанавливается только через правовые нормы. Исходя из этого, правовой способ при обеспечении защиты чести и достоинства личности можно считать основным.

В рамках же правового способа можно выделить материальный и процессуальный способы обеспечения защиты чести и достоинства личности. При этом материальный способ можно представить как совокупность прав и обязанностей, посредством которых личность осуществляет деятельность по противодействию противоправным посягательствам и ликвидации последствий таких посягательств, а процессуальный способ регулирует порядок или процедуру этой деятельности.

Таким образом, способ обеспечения защиты чести и достоинства личности можно определить как правовой инструмент, при помощи которого осуществление такой защиты обеспечивается на практике. Полагаем, что защита чести и достоинства личности может быть обеспечена посредством таких способов, как материальный и процессуальный, в совокупности образующих правовой способ.

Правовые нормы, обеспечивающие защиту чести и достоинства личности, могут быть материальными и процессуальными, могут закрепляться в законах и подзаконных актах. По субъекту их издания могут относиться к законодательной или исполнительной сфере, различаться по уровню действия как федеральные, региональные и местные.

Спорным остается вопрос о судебной практике как источнике права. Формально правотворческая роль судебной практики в Российской Федерации не признается. Однако, как справедливо отмечает П. А. Гук, «это не может свидетельствовать о том, что судебная власть как ветвь государственной власти лишена таких полномочий фактически и практически. Как раз наоборот, высшие судебные органы наряду с толкованием правовых норм

и их применением фактически осуществляют нормотворческую функцию» [18, с. 12].

Примечательно, что одни и те же нормы права в отсутствие посягательства на честь или достоинство личности могут обеспечивать реализацию соответствующего права, выполнять правоохранительную функцию, а в случае совершения соответствующего правонарушения — уже правозащитную. Например, ст. 21 и 23 Конституции Российской Федерации закрепляют права человека на достоинство личности и защиту чести соответственно. В случае если эти права будут нарушены, суд, осуществляя правозащитную функцию, может сослаться при вынесении решения на указанные нормы, поскольку Конституция Российской Федерации имеет прямое действие на всей территории Российской Федерации.

Следует отметить, что одним лишь закреплением правовых предписаний полностью обеспечить защиту чести и достоинства личности нельзя. Более того, придание правовому способу значения универсального, исчерпывающего иногда приводит к предложениям, по своей сути, граничащим с абсурдом¹.

Для полноценного обеспечения защиты чести и достоинства личности, как, впрочем, и любых других субъективных прав, необходим действенный механизм правореализации, позволяющий воплощать в жизнь предписания норм права. Как справедливо отмечает И. В. Ростовщиков, невозможно юридически оформить все многообразие явлений общественной жизни, влияющих на продуктивность реализации субъективных прав. Даже очень хорошие законы сами по себе не в состоянии удовлетворить запросы граждан относительно материальных благ, остановить рост преступности, обеспечить высокую ответственность и профессионализм должностных лиц [19, с. 101].

Правореализацию в самом широком смысле можно определить как «поведение участников общественных отношений, в котором воплощаются требования и возможности» [20, с. 303]. При этом правореализация не существует сама по себе в отрыве от конкретной практики, она пронизывает и интегрирует все наиболее важные ситуации, отношения, процессы той или иной практики и в ко-

нечном счете объединяет их в единую социальную систему [21, с. 3].

Следовательно, эффективная правореализация зависит уже не только и не столько от государства, сколько от общества, степени его развития, правосознания и правовой культуры граждан, наличия фактической ответственности как государства перед гражданами, так и граждан перед государством. Недаром одним из необходимых условий существования правового государства признается наличие развитого гражданского общества. Однако этот вопрос не является предметом настоящего исследования, вследствие чего полагаем целесообразным перейти к рассмотрению форм государственно-правового обеспечения защиты чести и достоинства личности.

Категория «форма защиты» не раз становилась предметом исследований в отраслях юридической науки и в общей теории права, однако следует констатировать отсутствие единого понятия и до сегодняшнего дня. Под формой защиты права различные авторы, в частности, понимают «комплекс внутренне согласованных организационных мероприятий по защите субъективного права, осуществляемый уполномоченными органами либо носителями права и направленный на восстановление нарушенного права» [5, с. 27]; процессуальный и процедурный порядок, установленный для применения конкретного способа защиты [22, с. 561]; указание на субъекта, осуществляющего защиту права [23, с. 103] и т. д.

Не менее разнообразны и подходы к классификации форм защиты. Однако наиболее часто формы защиты прав классифицируют по субъекту, осуществляющему защиту. Так, Д. М. Чечот выделяет пять форм защиты: судебную, административную, арбитражную, нотариальную и общественную [24, с. 53].

Поскольку форма защиты права есть внешнее выражение ее содержания, то позиция авторов, полагающих, что она представляет собой указание на субъекта, осуществляющего такую защиту, представляется нам наиболее удачной. В связи с этим и классификация форм защиты по субъекту, осуществляющему защиту, на наш взгляд, наиболее соответствует истине.

В учебной и научной литературе выделяют юрисдикционную и неюрисдикционную формы защиты прав, а в рамках первой — судебную и административную формы. Опираясь на традиционные представления, полагаем, что защита чести и достоинства личности может быть осуществлена в юрисдикционной и неюрисдикционной формах.

¹ Речь идет о проекте федерального закона № 98078807-2 «О конституционном праве граждан Российской Федерации на защиту чести и достоинства и об обеспечении этого права государством и обществом», который был принят Государственной Думой Российской Федерации в первом чтении 10.03.1999 и отклонен во втором чтении 17.11.2010.

Поскольку только юрисдикционная форма защиты предполагает защиту прав государственными или уполномоченными государством органами, можно сделать вывод, что и обеспечение защиты чести и достоинства личности государством может быть осуществлено только в юрисдикционной форме. Вместе с тем в рамках нашего исследования подразделение юрисдикционной формы на судебную и административную представляется нам не совсем точным.

Выделение судебной формы обеспечения защиты права видится обоснованным, поскольку именно судебная охрана и защита является «основной институциональной гарантией прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации» [25, с. 77]. В таком случае деятельность всех других органов государства, кроме судебных, должна быть охвачена административной формой обеспечения защиты прав личности.

Однако в числе наиболее характерных признаков администрирования выделяют подзаконность деятельности и вторичный характер по отношению к деятельности законодательной [26, с. 62], в связи с чем законодательная деятельность государства административной формой не охватывается. Это замечание несущественно для отраслевых исследований, где отраслевой закон принимается в качестве первоосновы. Однако в контексте государственно-правового обеспечения более точным нам представляется выделение внесудебной формы.

Таким образом, основными формами государственно-правового обеспечения защиты чести и достоинства личности, по нашему мнению, являются судебная и внесудебная формы.

Судебная власть в Российской Федерации является основным звеном обеспечения защиты чести и достоинства личности, поскольку на практике именно судами осуществляется подавляющее большинство всех мероприятий по защите рассматриваемых прав. Деятельность судов по защите чести и достоинства личности осуществляется федеральными судами и мировыми судьями.

Судебные органы обеспечивают защиту чести и достоинства личности путем издания актов правоприменения — судебных решений, обязательных для выполнения всеми субъектами, в отношении которых такое решение вынесено. Кроме того, в случаях, предусмотренных законом, суды осуществляют правотворческую деятельность. Правотворческая деятельность осуществляется судами в странах прецедентного права. В Российской Федерации такая деятельность судов воз-

можна в случае неясности или противоречивости законодательных актов в случае, когда сам законодатель предоставляет суду такое право (например, ч. 2 ст. 6 Гражданского кодекса Российской Федерации), исходя из задач Конституционного Суда Российской Федерации и т. д.

Наряду с судами обеспечение защиты чести и достоинства личности осуществляют иные уполномоченные государством органы, организации и должностные лица. К ним, в частности, относятся: Президент Российской Федерации, являющийся в соответствии с ч. 2 ст. 80 Конституции Российской Федерации гарантом прав и свобод человека и гражданина; Федеральное Собрание Российской Федерации, в компетенции которого находится законодательное регулирование сферы обеспечения прав и свобод человека и гражданина; Правительство Российской Федерации, а также федеральные органы исполнительной и законодательной власти в рамках их функций и полномочий по организации рассмотрения обращений граждан, обеспечению их прав и законных интересов; прокуратура Российской Федерации, которая уполномочена осуществлять надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина государственными и негосударственными органами, организациями, должностными лицами и другими субъектами; Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка; перечень можно продолжать. Указанные субъекты обеспечивают защиту чести и достоинства личности путем издания нормативных правовых актов и актов применения права в рамках своей компетенции.

Таким образом, защита является одной из форм обеспечения прав личности на честь и достоинство и имеет ключевое значение. Гарантом обеспечения защиты чести и достоинства личности может выступать только государство.

Государство обеспечивает защиту чести и достоинства личности правовым способом, который, в свою очередь, подразделяется на материальный и процессуальный способы. Материальный способ определяет права и обязанности личности, которые она вправе использовать в целях восстановления нарушенных прав на честь и достоинство, процессуальный способ определяет порядок такой деятельности.

В качестве форм государственно-правового обеспечения защиты чести и достоинства личности нами выделены судебная и внесудебная формы.

Список источников

1. Сидоров В. А. Право на защиту чести и достоинства: соотношение права и морали: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 21 с.
2. Бурлай Е. В. Нормы права и правоотношения в социалистическом обществе. Киев, 1987. 90 с.
3. Киричѐк Е. В. Организационно-правовой механизм обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях взаимодействия полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 537 с.
4. Чесноков А. А. Государственный механизм защиты прав личности в СССР и Российской Федерации (теоретико-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 240 с.
5. Живихина И. Б. Формы защиты права собственности // Гражданское право. 2010. № 1. С. 26–28.
6. Вертепова Т. А. Правовые способы защиты чести, личного достоинства и деловой репутации по законодательству Российской Федерации // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 105–107.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка: около 53 000 слов. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1963. 900 с.
8. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник. М.: Рус. яз., 2001. 568 с.
9. Вершинин А. П. Способы защиты гражданских прав в суде: дис. ... д-ра юрид. наук в форме научного доклада. СПб., 1998. 56 с.
10. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка: происхождение слов. М.: Дрофа, 2001. 400 с.
11. Права человека: энциклопедический словарь / отв. ред. С. С. Алексеев. М.: Норма, 2009. 656 с.
12. Грудцына Л. Ю. Правовая природа институтов защиты и охраны прав человека в России // Российская юстиция. 2008. № 2. С. 59–64.
13. Лоос Е. В. Обеспечение прав человека и его формы: теоретический аспект // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы шестнадцатой Международной научно-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2018. Ч. 2. С. 226–228.
14. Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. 293 с.
15. Обеспечение прав человека: учебник / под общ. ред. Ю. В. Анохина. Барнаул: БЮИ МВД России, 2016. 353 с.
16. Бутылин В. Н. Милиция в государственно-правовом механизме охраны конституционных прав и свобод граждан: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 459 с.
17. Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 01.08.2025).
18. Гук П. А. Судебная практика как форма судебного нормотворчества в правовой системе России: общетеоретический анализ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 49 с.
19. Ростовщиков И. В. Обеспечение и защита прав и свобод личности: вопросы теории и практика органов внутренних дел: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. 364 с.
20. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1981. Т. 1. 360 с.
21. Погодин А. В. Элементы теории правореализации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2014. 54 с.
22. Гражданское право: в 4 т.; т. 1: Общая часть: учебник / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Волтерс Клувер, 2006. 720 с.
23. Абова Т. Е. Охрана хозяйственных прав предприятий. М.: Юрид. литература, 1975. 215 с.
24. Чечот Д. М. Субъективное право и формы его защиты. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1968. 72 с.
25. Некрасов С. И. Конституционное право Российской Федерации: конспект лекций. М.: Юрайт, 2011. 167 с.
26. Емельянов А. С. К вопросу о понятии «администрирование» в административно-правовой и финансовой доктрине // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 3. С. 55–66.

References

1. Sidorov V. A. Pravo na zashchitu chesti i dostoinstva: sootnoshenie prava i morali: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2003. 21 s.
2. Burlaj E. V. Normy prava i pravootnosheniya v socialisticheskom obshchestve. Kiev, 1987. 90 s.

3. Kirichyok E. V. Organizacionno-pravovoj mekhanizm obespecheniya konstitucionnyh prav i svobod cheloveka i grazhdanina v usloviyah vzaimodejstviya policii i institutov grazhdanskogo obshchestva v Rossijskoj Federacii: dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2014. 537 s.
4. Chesnokov A. A. Gosudarstvennyj mekhanizm zashchity prav lichnosti v SSSR i Rossijskoj Federacii (teoretiko-pravovoe issledovanie): dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 2006. 240 s.
5. Zhivihina I. B. Formy zashchity prava sobstvennosti // Grazhdanskoe pravo. 2010. № 1. S. 26–28.
6. Vertepova T. A. Pravovye sposoby zashchity chesti, lichnogo dostoinstva i delovoj reputacii po zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii // Obshchestvo i pravo. 2015. № 4 (54). S. 105–107.
7. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka: okolo 53 000 slov. M.: Gos. izd-vo inostr. i nac. slovarej, 1963. 900 s.
8. Aleksandrova Z. E. Slovar' sinonimov russkogo yazyka: prakticheskij spravocnik. M.: Rus. yaz., 2001. 568 s.
9. Vershinin A. P. Sposoby zashchity grazhdanskih prav v sude: dis. ... d-ra jurid. nauk v forme nauchnogo doklada. SPb., 1998. 56 s.
10. Shanskij N. M., Bobrova T. A. Shkol'nyj etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: proiskhozhdenie slov. M.: Drofa, 2001. 400 s.
11. Prava cheloveka: enciklopedicheskij slovar' / otv. red. S. S. Alekseev. M.: Norma, 2009. 656 s.
12. Grudcyna L. Yu. Pravovaya priroda institutov zashchity i ohrany prav cheloveka v Rossii // Rossijskaya yusticiya. 2008. № 2. S. 59–64.
13. Loos E. V. Obespechenie prav cheloveka i ego formy: teoreticheskij aspekt // Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami: mat-ly shestnadcatoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii. Barnaul: BYuI MVD Rossii, 2018. Ch. 2. S. 226–228.
14. Matuzov N. I. Pravovaya sistema i lichnost'. Saratov, 1987. 293 s.
15. Obespechenie prav cheloveka: uchebnik / pod obshch. red. Yu. V. Anohina. Barnaul: BYuI MVD Rossii, 2016. 353 s.
16. Butylin V. N. Miliciya v gosudarstvenno-pravovom mekhanizme ohrany konstitucionnyh prav i svobod grazhdan: dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2001. 459 s.
17. Dannye sudebnoj statistiki. URL: <http://www.cdep.ru> (data obrashcheniya: 01.08.2025).
18. Guk P. A. Sudebnaya praktika kak forma sudebnogo normotvorchestva v pravovoj sisteme Rossii: obshcheteoreticheskij analiz: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2012. 49 s.
19. Rostovshchikov I. V. Obespechenie i zashchita prav i svobod lichnosti: voprosy teorii i praktika organov vnutrennih del: dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 1997. 364 s.
20. Alekseev S. S. Obshchaya teoriya prava: v 2 t. M.: Yurid. lit., 1981. T. 1. 360 s.
21. Pogodin A. V. Elementy teorii pravorealizacii: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. Kazan', 2014. 54 s.
22. Grazhdanskoe pravo: v 4 t.; t. 1: Obshchaya chast': uchebnik / otv. red. E. A. Suhanov. M.: Volters Kluver, 2006. 720 s.
23. Abova T. E. Ohrana hozyajstvennyh prav predpriyatij. M.: Yurid. literatura, 1975. 215 s.
24. Chehot D. M. Sub»ektivnoe pravo i formy ego zashchity. L.: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1968. 72 s.
25. Nekrasov S. I. Konstitucionnoe pravo Rossijskoj Federacii: konspekt lekcij. M.: Yurajt, 2011. 167 s.
26. Emel'yanov A. S. K voprosu o ponyatii «administrirovanie» v administrativno-pravovoj i finansovoj doktrine // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 3. S. 55–66.

Информация об авторе

Е. В. Кошелев — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

E. V. Koshelev — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 01.08.2025; одобрена после рецензирования 03.10.2025; принята к публикации 25.11.2025.

The article was submitted 01.08.2025; approved after reviewing 03.10.2025; accepted for publication 25.11.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 33–38.

Altai Law Journal. 2025. № 4 (52). P. 33–38.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.15:331.108(571.1)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НКВД СССР (1934–1945 ГГ.) НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Юлия Александровна Малкова

Сочинский государственный университет, Сочи, Россия, malkov01@rambler.ru

Аннотация. Создание общесоюзного Наркомата внутренних дел СССР в 1934 г. было связано с усилением репрессивных карательных мер в советском государстве. Кадровая политика в области обеспечения личным составом подразделений НКВД в 1934–1945 гг. была непоследовательна и сильно политизирована. На службу принципиально не принимались лица, классово чуждые советской власти, независимо от их профессиональных способностей. В указанный временной период проводились массовые чистки и увольнения сотрудников правоохранительных органов, в т. ч. и в связи с проведением масштабных репрессий в стране. С другой стороны, предпринимались меры по улучшению профессиональной подготовки сотрудников, обучению их грамоте, созданию специализированных курсов, образованию ведомственных учебных заведений. Значительное место в обучении кадрового состава уделялось политико-воспитательной подготовке, основанной на идеалах коммунизма, а также развитию у сотрудников ведомства определенных физических качеств, уверенному владению табельным оружием, проведению спортивных соревнований.

Ключевые слова: НКВД СССР, Алтайский край, кадры, подготовка, политика, сотрудники, учебные заведения

Для цитирования: Малкова Ю. А. Государственная политика в области кадрового обеспечения НКВД СССР (1934–1945 гг.) на примере Алтайского края // Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 33–38.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

STATE POLICY IN THE FIELD OF PERSONNEL SUPPLY OF THE NKVD OF THE USSR (1934–1945) ON THE EXAMPLE OF THE ALTAI TERRITORY

Yulia A. Malkova

Sochi State University, Sochi, Russia, malkov01@rambler.ru

Abstract. The creation of the All-Union People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR in 1934 was associated with the intensification of repressive punitive measures in the Soviet state. The personnel policy in the field of providing personnel to NKVD units in 1934–1945 was inconsistent and highly politicized. In principle, persons who were classically alien to the Soviet government were not accepted into the service, regardless of their professional abilities. During this time period, massive «purges» and dismissals of law enforcement officers were carried out, including in connection with large-scale repressions in the country.

On the other hand, measures were taken to improve the professional training of employees, teach them literacy, create specialized courses, and form departmental educational institutions. A significant place in the training of personnel was given to political and educational training based on the ideals of communism, as well as the development of certain physical qualities among the staff of the department, the confident possession of service weapons, and the conduct of sports competitions.

Keywords: NKVD of the USSR, Altai Territory, personnel, training, policy, staff, educational institutions

For citation: Malkova Yu. A. State policy in the field of personnel supply of the NKVD of the USSR (1934–1945) on the example of the Altai Territory. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;4:33–38 (In Russ.).

Предвоенный период (1934–1941 гг.)

Постановлением ЦИК СССР от 10 июля 1934 г. образован общесоюзный Народный комиссариат внутренних дел СССР¹. Этот документ имел фундаментальное значение для советской правоохранительной и карательной системы, создав единый мощный аппарат. С формально-юридической точки зрения постановление выполняло роль учредительного акта, реорганизуя структуру органов внутренних дел и государственной безопасности. В разное время в его состав входили подразделения рабоче-крестьянской милиции, государственной безопасности, пограничной, конвойной службы, пожарной охраны, исправительно-трудовых учреждений, ЗАГС и т. д. Эта мощная структура должна была обеспечивать реализацию внутренней государственной карательной политики, бороться с преступными элементами, шпионами, диверсантами, поддерживать общественный порядок, охранять заключенных и стратегические объекты.

После принятия Конституции 1936 г., согласно которой правительственные органы вновь были реорганизованы и усилен контроль со стороны органов безопасности над архивами, в соответствии с постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 16 апреля 1938 г. Центральное архивное управление передано в ведение НКВД СССР, а в сентябре того же года оно было преобразовано в Главное архивное управление НКВД СССР². После этого все государственные архивы страны были переданы в ведение НКВД СССР, и, таким образом, центральные и местные архивы попали под контроль ведомства.

В состав НКВД СССР в разное время входил ряд управлений. Гидропроект НКВД-МВД СССР был создан в ноябре 1942 г. для решения хозяйственно-промышленных задач, прежде всего для строительства малых и средних гидроэлектростанций.

Главное военно-строительное управление НКВД СССР было создано в 1939 г. Его основным направлением деятельности стало строительство жилых, служебных зданий, казарм. На Главное военно-строительное управление НКВД СССР возлагалось общее планирование, проектирование,

строительство зданий и сооружений, монтаж оборудования.

Главное управление аэродромного строительства НКВД СССР было образовано в 1941 г. для подготовки аэродромной инфраструктуры.

Главное управление внутренних войск НКВД СССР (1942 г.) первоначально состояло из управления войск по охране тыла действующей Красной Армии, пяти служб (ветеринарной, начальника артиллерии, автобронетанковой, инженерной, химической), восьми отделов (разведывательного, организационно-строевого, оперативного, боевой подготовки, связи, по начсоставу, службы тыла, санитарного) и секретариата.

29 сентября 1938 г. было организовано Главное транспортное управление НКВД СССР на базе существовавшего с 9 июня 1938 г. 3-го управления.

Главное управление военного снабжения НКВД СССР выполняло задачи по составлению планов-заказов на все виды материально-технического обеспечения, снабжения и финансирования подразделений НКВД СССР, накоплению неприкосновенных запасов в случае мобилизационного развертывания войск и органов НКВД [1, с. 58–73].

Существовавшие многочисленные направления деятельности органов НКВД СССР требовали постоянной «подпитки» кадрами, обладавшими специфическими навыками и знаниями. Перечислив только несколько подразделений НКВД СССР, можно ощутить масштаб его деятельности.

Особое отношение И. В. Сталина к деятельности НКВД СССР, повышенные требования к его руководителям, имевшим серьезное политическое влияние в стране, в какой-то мере объясняют трагическую судьбу всех наркомов внутренних дел Советского Союза, беспрекословно исполнявших волю главного лица социалистического государства.

Первый руководитель НКВД СССР генеральный комиссар госбезопасности Г. Г. Ягода (1934–1936 гг.) за антигосударственные и уголовные преступления был снят с должности, осужден и расстрелян. Генеральный комиссар госбезопасности Н. И. Ежов, второй нарком внутренних дел (1936–1938 гг.), был приговорен к смертной казни за шпионаж, подготовку антисоветского переворота, терроризм. В 1939 г. главой НКВД СССР становится генеральный комиссар госбезопасности, маршал Советского Союза Л. П. Берия, но 23 декабря 1953 г. он был также расстрелян по обвинению в измене Родине, заговоре с целью захвата власти.

Вследствие этого, если руководство системы подвергалось репрессивным мерам, то в отноше-

¹ Постановление ЦИК СССР об образовании общесоюзного Народного комиссариата внутренних дел СССР. 10 июля 1934 г. // Известия. 1934. 11 июля.

² Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного совета СССР. 1938–1944 гг. М.: Ведомости Верховного совета СССР, 1945. 362 с.

нии их подчиненных такие действия проводились в массовых масштабах, без учета их бывших заслуг перед советской властью, обострив и так непростую ситуацию с кадрами в правоохранительных органах страны.

Ситуацию усугубляли опасность и сложность выполняемых сотрудниками НКВД поручений. Не было замечено ажиотажа при приеме на службу в исправительно-трудовую систему из-за специфики работы со спецконтингентом, отсутствия бытовых удобств, зачастую отдаленности структурных подразделений от центров цивилизации. Снабженческий аппарат лагерей был наводнен «жуликами, проходимцами, спекулянтами, осужденными за растраты, воровство, подлоги, изготовление фальшивых документов, осуществление приписок, бытовое разложение». Все это выражалось в проявлении коррупции, хищений продуктов питания в местах лишения свободы [2, с. 36–39].

В официальных документах того времени часто фигурируют сотрудники НКВД, проходившие службу в Алтайском крае, нарушавшие служебную дисциплину и социалистическое законодательство. Так, стрелок дивизиона ВОХР Уржумов систематически пьянствовал. Самовольно уехал из казармы в деревню Крутой лог, во время командировки в город Новосибирск с секретными документами напился пьяный и был задержан сотрудниками милиции на станции Топчиха¹.

В начале 1930-х гг. в Советском Союзе прошла масштабная реорганизация милицейской службы. На основании Постановления от 15 декабря 1930 г. ЦИК СССР и СНК СССР «О ликвидации наркоматов внутренних дел союзных и автономных республик» ликвидированы республиканские НКВД, что имело далеко идущие последствия для советской государственной и правоохранительной системы². Это означало фактическое усиление карательного аппарата, создание предпосылок для формирования НКВД СССР, а также укрепление командно-административной системы. 31 декабря 1930 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О мероприятиях, вытекающих из ликвидации наркомвнудела РСФСР и наркомвнуделов автономных республик», которым руководство и управление органами милиции и уголовного розыска были

возложены на созданное при СНК РСФСР Главное управление милиции и уголовного розыска³. Это постановление было необходимым шагом для приведения в соответствие с общесоюзным законодательством, которое уже приняло решение о ликвидации республиканских наркоматов внутренних дел.

Завершилась организация единой общесоюзной системы органов внутренних дел принятием Постановления от 10 июля 1934 г. ЦИК СССР «Об образовании общесоюзного Народного комиссариата внутренних дел СССР». В состав НКВД СССР вошло Главное управление рабоче-крестьянской милиции. Была увеличена ее штатная численность, что потребовало принятия на службу новых сотрудников. Однако важнейшим критерием отбора оставалась классовая принадлежность кандидата к беднейшим слоям общества, в результате чего целые социальные группы были лишены возможности прохождения службы в государственных структурах. Осложняло ситуацию почти полное отсутствие психологического отбора кандидатов, что приводило к серьезным проблемам при несении службы [3, с. 15].

Тем не менее поступательно формировалась система ведомственного образования, создаются межкраевые школы (Приказ НКВД СССР от 16 марта 1939 г. «Положение о межкраевых школах НКВД»), где осуществлялась подготовка оперативных работников для периферийных органов, в июне 1940 г. принимается Положение о школах служебного собаководства, регламентирующее деятельность школ служебного собаководства в системе НКВД СССР. Внедрялись новые технические методы в расследовании преступлений, что потребовало увеличения численности экспертов-криминалистов. Одновременно с развитием сети школ и училищ НКВД, совершенствованием учебного процесса принимаются меры по улучшению системы текущей боевой и служебной подготовки личного состава милиции [4, с. 31, 32].

Для подразделений НКВД СССР Алтайского края кадры для проводников служебных собак готовили в Новосибирске, в школе служебного собаководства НКВД СССР. В 1933 г. ее штат составлял всего 17 человек, было установлено предельное содержание собак в количестве 56 взрослых

¹ Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 177. Л. 4.

² О ликвидации народных комиссариатов внутренних дел союзных и автономных республик: постановление Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров от 15 декабря 1930 г. // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1930. 16 декабря. № 345.

³ О мероприятиях, вытекающих из ликвидации Народного комиссариата внутренних дел РСФСР и народных комиссариатов внутренних дел автономных республик: постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 31 декабря 1930 г. // ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 44. Д. 64. Л. 1–5.

и 20 щенков. В ноябре 1941 г. это учебное заведение было временно закрыто [5].

Предпринимались меры по повышению физической выносливости сотрудников, приобретению ими навыков, необходимых для задержания или нейтрализации преступного элемента.

Физическая подготовка являлась неотъемлемой частью профессиональной подготовки. Благодаря этим мерам перед войной в органах и частях милиции произошло заметное улучшение системы текущей боевой и служебной подготовки личного состава. По сравнению с двадцатыми годами прошлого столетия в ней больше внимания уделялось именно профессиональной (милицейской) тематике. Однако в целом физическая подготовка в правоохранительных органах в довоенный период в большей степени строилась по общеармейской системе [6, с. 180–182].

Для поднятия уровня служебной дисциплины, повышения качества профессиональной подготовки и реализации поставленных перед НКВД СССР задач в подразделениях Алтайского края широко применялись социалистические соревнования как между отдельными органами, так и сотрудниками.

В результате грамотно организованного социалистического соревнования и политико-воспитательной работы коллектив 1-го отделения рабоче-крестьянской милиции значительно улучшил качество выполняемой служебно-оперативной деятельности. В официальной статистике наблюдался рост отличников и ударников социалистического соревнования, если в декабре 1940 г. их насчитывалось 27 человек, то в апреле 1941 г. — уже 36 человек.

Одним из них, оперуполномоченным товарищем Афанасовым, была ликвидирована бандитская группа, возглавляемая неким Овсянниковым, члены которой осуществляли дерзкие вооруженные ограбления граждан на улицах Барнаула. Милиционер также задержал беглого преступника Калинина-Казанина, который пытался получить из государственного банка крупную сумму денег по поддельному чеку. Отлично выполняли свои поручения участковые уполномоченные товарищи Чевыров и Тимофеев. На своих участках они провели масштабную работу с гражданами по обмену паспортов и контролю паспортного режима. Товарищ Аникина (военно-учетный стол) ликвидировала запущенность в учете и навела в военно-учетном столе идеальный порядок, на общем собрании женщин ее избрали председателем женского совета районного отделения милиции.

Несмотря на очевидные успехи в кадровом обеспечении, ряд сотрудников не в полной мере выполнял свои служебные обязанности. Так, делопроизводитель паспортного стола товарищ Заклюковская регулярно проявляла невежество и грубость к советским гражданам. Формально относился к своим обязанностям участковый уполномоченный Новичихин, к тому же «подверженный бытовым разложениям». Плохо работала секретарь городского отдела милиции Барнаула Подколзина, которая утеряла письменные жалобы граждан Бунонова и Максимова [7].

Несмотря на имевшиеся недостатки в организации службы, кадровым пополнением пресекались любые нарушения социалистической законности сотрудниками НКВД. В местах лишения свободы было строго запрещено вступать в любой неформальный контакт со спецконтингентом, особенно с корыстными побуждениями. Тем не менее надзиратель тюрьмы № 6 Алтайского края Гилев Е. Я. в январе 1941 г., пользуясь своим служебным положением, получил передачу для заключенного Гращенко Д. И. (холщовый мешок, верхнюю серую рубашку, пару нижнего белья, полотенце, перчатки, два носовых платка, папиросы, мыло, носки), которую присвоил себе. В результате бывший сотрудник НКВД СССР был осужден на пять лет лишения свободы.

Период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)

В годы Великой Отечественной войны вопрос кадрового состава в подразделениях НКВД СССР обострился в связи с призывом в действующую армию сотрудников. Советская милиция как боевой резерв Красной армии принимала активное участие в Великой Отечественной войне, всего в первые дни на фронт было мобилизовано 25 % личного состава РКМ [8, с. 354].

В надзирательский состав и военизированную охрану набирали, как правило, местных жителей, имевших боевой опыт, и демобилизованных по ранению из воинских частей. Подготовка кадров для сибирских исправительно-трудовых учреждений имела важное значение в связи с призывом в действующую армию большого числа сотрудников. После окончания специальных курсов новые сотрудники откомандировывались для прохождения службы [9, с. 30, 79].

Например, в 1943 г. комендантом одного из подразделений Сибирского исправительно-трудового лагеря, располагавшегося в Топчихинском районе Алтайского края, был назначен комиссованный из частей Красной армии товарищ Ти-

рин А. М.¹ Основные направления в деятельности органов НКВД в Алтайском крае в данное время выражались в реализации мер по эвакуации с центральных областей страны предприятий и работников с семьями, усилении борьбы с преступным элементом и охране общественного порядка, выполнении производственного плана в местах лишения свободы, организации противовоздушной обороны (особенно в первые годы войны), ужесточении требований к исполнительской дисциплине, проведении изменений в его структуре, экономии государственных средств, повышении ответственности с возникавшей необходимостью, соблюдении режима секретности, активном участии в призывной кампании в Вооруженные Силы Советского Союза, выполнении поручений руководства страны по эвакуации заключенных, а также депортации народов, обвиненных в сотрудничестве с захватчиками [10, с. 284, 285]. Лица, высланные в Алтайский край, имели категорию спецпереселенцев и постоянно находились под надзором сотрудников НКВД СССР.

В годы Великой Отечественной войны произошло ужесточение пенитенциарной политики на Алтае. Усилились охрана и изоляция заключенных. Осужденным запрещалось выдавать газеты и предоставлять свидание с родственниками [11, с. 232, 233]. Соответственно, повышались требования к соблюдению служебной дисциплины сотрудниками НКВД СССР.

Одновременно ухудшились материальное обеспечение сотрудников НКВД, санитарно-бытовые условия содержания в местах лишения свободы, тем самым усилился риск заболевания.

Фиксировались случаи отправления естественных надобностей в бараках для заключенных, умышленного уничтожения казенного имущества,

использования его в качестве топлива из-за нехватки дров². В местах лишения свободы ощущался дефицит продуктов питания, качество приготовления которого было зачастую крайне низким, во время приготовления пищи закладывались замороженные овощи, еда была невкусной, практически прямой в связи с нехваткой соли³, массовые случаи приписок и хищения хлеба⁴ и т. д. Все это негативно отражалось на существовании не только заключенных, но и надзирательского состава и охраны, которые проживали в сложных условиях.

Таким образом, государственная политика в области кадрового обеспечения НКВД СССР (1934–1945 гг.) на примере Алтайского края была противоречивой, страдала последствиями политических решений руководства страны. С одной стороны, шел планомерный процесс улучшения профессиональной подготовленности сотрудников НКВД СССР (физической, огневой, политико-воспитательной), создания специализированных учебных заведений, принятия мер по повышению престижа службы и т. д. С другой стороны, ощущались приоритет классовой принадлежности в наборе в органы НКВД СССР, увольнение, девальвация ценности человеческой личности, массовые репрессии и постоянные чистки личного состава. В военные годы серьезно возросли требования к советским правоохранительным органам, которые потеряли значительную часть своего профессионального ядра, и в этих экстраординарных условиях предпринимались меры по реализации возложенных государством функций на Наркомат внутренних дел. Несмотря на имевшиеся трудности, большинство сотрудников НКВД СССР достойно выполняли поставленные задачи, не считаясь с личным временем, героически противостояли врагам Отечества, пресекая противоправные действия.

Список источников

1. Энциклопедия административно-полицейских учреждений России / науч. ред. И. А. Потёмкин, А. Ю. Климов [и др.]. М.: Академия управления МВД России, 2022. 482 с.
2. Трухин М. А. Противодействие теневым экономическим отношениям сотрудниками правоохранительных органов в местах лишения свободы: на примере Западной Сибири в 30–50-е гг. XX в.: монография. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2024. 143 с.
3. Моисеев С. В., Суверов Е. В., Фризен П. Д. Эволюция процесса кадрового обеспечения подразделений милиции на территории Западной Сибири в 1919–1945 гг. // Алтайский юридический вестник. 2025. № 1 (49). С. 11–19.

¹ Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 187. Л. 39.

² Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 664. Л. 27.

³ Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 603. Л. 38.

⁴ Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 531. Л. 2.

4. История советской милиции. Т. 2. Советская милиция в период социализма (1936–1977 гг.): монография / под ред. Н. А. Щелокова. М.: Академия МВД СССР, 1977. 338 с.
5. Главное управление МВД России по Новосибирской области // Сайт ГУ МВД России по Новосибирской области. URL: <https://54.xn--b1aew.xn--p1ai/300> (дата обращения: 06.01.2025).
6. Медведев И. В., Семенов В. В. Становление и развитие физической подготовки в правоохранительных органах в 1920–1940 гг. // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы двенадцатой Международной научно-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2014. Ч. 2. С. 180–182.
7. Боевой пост. 1941. 3 апреля. № 13 (135).
8. Министерство внутренних дел. 1902–2002. Исторический очерк. М.: Объединенная редакция МВД России, 2004. 647 с.
9. Суверов Е. В., Суверов С. Е. Исправительно-трудовые учреждения в годы Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект): монография. Барнаул: БЮИ МВД России, 2024. 220 с.
10. Суверов Е. В., Суверов С. Е. Приоритетные направления деятельности НКВД в начале Великой Отечественной войны (в Сибири и на Дальнем Востоке) // 1941 год. От поражений к победам: сборник мат-лов Всероссийской конференции. М., 2021. С. 270–285.
11. Малкова Ю. А. К вопросу о пенитенциарной политике на Алтае в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы тринадцатой Международной научно-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2015. Ч. 2. С. 232–233.

References

1. Enciklopediya administrativno-policejskikh uchrezhdenij Rossii / nauch. red. I. A. Potyomkin, A. Yu. Klimov [i dr.]. М.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2022. 482 s.
2. Truhin M. A. Protivodejstvie tenevym ekonomicheskim otnosheniyam sotrudnikami pravoohranitel'nyh organov v mestah lisheniya svobody: na primere Zapadnoj Sibiri v 30–50-e gg. XX v.: monografiya. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet tekhnologij upravleniya i ekonomiki, 2024. 143 s.
3. Moiseev S. V., Suverov E. V., Frizen P. D. Evolyuciya processa kadrovogo obespecheniya podrazdelenij milicii na territorii Zapadnoj Sibiri v 1919–1945 gg. // Altajskij juridicheskij vestnik. 2025. № 1 (49). S. 11–19.
4. Istoriya sovetskoj milicii. T. 2. Sovetskaya miliciya v period socializma (1936–1977 gg.): monografiya / pod red. N. A. Shchelokova. М.: Akademiya MVD SSSR, 1977. 338 s.
5. Glavnoe upravlenie MVD Rossii po Novosibirskoj oblasti // Sajt GU MVD Rossii po Novosibirskoj oblasti. URL: <https://54.xn--b1aew.xn--p1ai/300> (data obrashcheniya: 06.01.2025).
6. Medvedev I. V., Semenov V. V. Stanovlenie i razvitie fizicheskoy podgotovki v pravoohranitel'nyh organah v 1920–1940 gg. // Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami: mat-ly dvenadcatoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii. Barnaul: BYuI MVD Rossii, 2014. Ch. 2. S. 180–182.
7. Boevoy post. 1941. 3 aprelya. № 13 (135).
8. Ministerstvo vnutrennih del. 1902–2002. Istoricheskij ocherk. М.: Ob"edinennaya redakciya MVD Rossii, 2004. 647 s.
9. Suverov E. V., Suverov S. E. Ispravitel'no-trudovye uchrezhdeniya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (istoriko-pravovoj aspekt): monografiya. Barnaul: BYuI MVD Rossii, 2024. 220 s.
10. Suverov E. V., Suverov S. E. Prioritetnye napravleniya deyatel'nosti NKVD v nachale Velikoj Otechestvennoj vojny (v Sibiri i na Dal'nem Vostoke) // 1941 god. Ot porazhenij k pobedam: sbornik mat-lov Vserossijskoj konferencii. М., 2021. S. 270–285.
11. Malkova Yu. A. K voprosu o penitenciarnoj politike na Altae v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. // Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami: mat-ly trinadcatoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii. Barnaul: BYuI MVD Rossii, 2015. Ch. 2. S. 232–233.

Информация об авторе

Ю. А. Малкова — кандидат исторических наук.

Information about the author

Yu. A. Malkova — Candidate of Science (History).

Статья поступила в редакцию 02.06.2025; одобрена после рецензирования 26.09.2025; принята к публикации 25.11.2025.

The article was submitted 02.06.2025; approved after reviewing 26.09.2025; accepted for publication 25.11.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 39–48.

Altai Law Journal. 2025. № 4 (52). P. 39–48.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 94:331.108

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПОДРЫВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ТЫЛОВЫХ ГУБЕРНИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Георгий Александрович Скипский

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, skipsky.georgy@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена историко-правовому анализу деятельности полиции, жандармов и военной контрразведки в Российской империи по профилактике и пресечению подрывной деятельности в период Первой мировой войны. Особое внимание в статье было уделено вопросам координации деятельности военных и полицейских структур как в прифронтовых, так и в тыловых губерниях. В статье приводятся примеры и статистические данные, иллюстрирующие степень сложности борьбы городской полиции, органов военной контрразведки и территориальных жандармских управлений с нарастающим революционным движением, а также региональную специфику оперативной обстановки, сложившейся на Урале, в Сибири и в Туркестане на фоне массовых депортаций, применения иностранной рабочей силы и активизации деятельности военных разведок не только противников Российской империи, но и ее военно-политических союзников по Антанте.

Ключевые слова: гибридная война, позиционная война, губернские жандармские управления, режим чрезвычайной охраны, массовые депортации, оперативная обстановка, оперативно-розыскная деятельность, агентурная деятельность, околоточные надзиратели, жандармские воинские команды, революционное движение, саботаж

Для цитирования: Скипский Г. А. Особенности и проблемы организации противодействия подрывной деятельности в тыловых губерниях Российской империи в период Первой мировой войны // Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 39–48.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

FEATURES AND PROBLEMS OF ORGANIZING COUNTERACTION TO SUBVERSIVE ACTIVITIES IN THE REAR PROVINCES OF THE RUSSIAN EMPIRE DURING THE FIRST WORLD WAR

Georgy A. Skipsky

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia,

skipsky.georgy@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the historical and legal analysis of the activities of the police, gendarmes and military counterintelligence in the Russian Empire to prevent and suppress subversive activities during the First World War. Special attention in the article was paid to the issues of coordination of the activities of military and police structures, both in frontline and rear provinces. The article provides examples and statistical data illustrating the complexity of the struggle between the city police, military counterintelligence agencies, and territorial gendarmerie departments against the growing revolutionary movement, as well as the regional specifics of the operational situation in the Urals, Siberia, and Turkestan, which were characterized by mass deportations, the use of foreign labor, and increased activity by military intelligence agencies.

Keywords: hybrid war, positional war, operational situation, operational and investigative activities, gendarmerie military teams, revolutionary movement, sabotage

For citation: Skipsky G. A. Features and problems of organizing counteraction to subversive activities in the rear provinces of the Russian Empire during the First World War. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;4:39–48 (In Russ.).

Актуальность темы исследования обусловлена современными политическими реалиями, происходящими на фоне специальной военной операции. Гибридный характер войны против Российской Федерации предусматривает активизацию диверсионной и террористической деятельности на всей ее территории. Ее масштабный характер обеспечивается вовлечением достаточно больших групп людей, мотивированных на уничтожение российской государственности как таковой посредством социально-политической дестабилизации, где основным инструментом были выбраны диверсии против важнейших объектов оборонной промышленности и экономической инфраструктуры, а также террористические акты как против обычных граждан, так и представителей командного и начальствующего состава силовых структур.

Немалые усилия организаторов гибридной войны против России направлены на провоцирование массовых беспорядков с участием мигрантов из стран Центральной Азии и Закавказья.

Исторические параллели специальной военной операции на Украине с периодом Первой мировой войны уже давно прослеживаются многими современными российскими военными специалистами, государственными и политическими деятелями. Затяжная позиционная война в 1914–1917 гг., проходившая на фоне существенного обострения социально-экономического кризиса и падения авторитета династии Романовых, неизбежно способствовала росту оппозиционных настроений как в российском обществе, так и в органах политической власти. Тогда против Российской империи активизировалась подрывная деятельность разведок ее военно-политических противников: Германской империи, Австро-Венгрии, Османской империи.

Еще до начала Первой мировой войны губернские жандармские управления в западной части Российской империи обладали весьма достоверной информацией о каналах проникновения агентуры потенциальных противников. Учитывая большие масштабы оперативной работы, а также явную нехватку подготовленных кадров для проведения точечных оперативно-розыскных мероприятий, было принято единственное в такой ситуации решение — введение военного положения во всех приграничных губерниях. В остальной части Российской империи было введено положение чрезвычайной охраны.

Органы военной контрразведки и командование губернских жандармских управлений тогда ошибочно считали, что угроза агентурной дея-

тельности против Российской империи не будет распространяться дальше ее западных губерний. Тем не менее огромные масштабы боевых действий и отступление русской императорской армии в 1914–1915 гг. привели к тому, что оперативная обстановка в тыловых военных округах стала стремительно ухудшаться. На волне беженцев из Привислинского края (современная Польша) и Прибалтийского края (Эстляндская, Лифляндская, Курляндская, Виленская губернии — территории современных Эстонии, Латвии и Литвы) в глубокий тыл тогда устремились и германская, и австро-венгерская агентура. Она же сыграла немалую роль по передаче ценной информации своим кураторам о ходе мобилизации русской императорской армии, ее численности и вооружении, перемещении воинских эшелонов, что во многом способствовало срыву планов военных кампаний осенью 1914 г. — весной 1915 г.

В целях пресечения агентурной деятельности в прифронтовой полосе командование войск Северо-Западного и Юго-Западного, а затем весной 1915 г. и Западного фронтов отдало приказ на массовую депортацию подданных Российской империи, имеющих иностранное происхождение — в основном немцев, австрийцев, чехов, поляков, евреев, в северные губернии Центральной России и за Урал. Именно эта категория считалась тогда наиболее политически неблагонадежной и подлежала высылке в тыловые губернии Российской империи.

В течение осени 1914 г. — весны и лета 1915 г. при содействии полиции и жандармов на восток были депортированы 151 943 подданных иностранных государств, по возрасту и состоянию здоровья подлежащих призыву на военную службу [1, с. 23]. Следует отметить, что депортация иностранцев осуществлялась тогда за их собственный счет. Часть личных денежных средств иностранцев изымалась полицейскими и жандармскими чиновниками на приобретение билетов на поезда в вагоны 3-го класса, а затем иностранцев отправляли под непосредственным надзором железнодорожных жандармских воинских команд, во главе которых стояли жандармские унтер-офицеры [2, с. 67]. В обратном направлении эти команды сопровождали воинские грузы, а также эшелоны с мобилизованными на фронт резервистами и новобранцами.

С одной стороны, эти радикальные меры действительно ослабили возможности агентурной работы германской и австро-венгерской разведок в прифронтовой полосе. Ведомство полковника

германского Генерального штаба Вальтера Николаи с сожалением отмечало, что качество разведывательной информации, поступавшей к нему в 1915 г., значительно ухудшилось, прежде всего по сравнению с предвоенным периодом и первыми месяцами Первой мировой войны. После проведения массовых депортаций в российской части прифронтовой полосы германская военная разведка теперь была вынуждена больше прибегать к услугам мелких мошенников, воров, проституток, дезертиров и военнопленных русской императорской армии, на чью подготовку уходило всего 1,5–2 месяца. Но с другой стороны, массовое перемещение иностранцев в Вятскую, Вологодскую, Пермскую, Оренбургскую, Нижегородскую, Самарскую губернии, а также в Туркестанскую область привело к осложнению оперативной обстановки уже в этих регионах.

В силу нарастающего дефицита штатной численности нижних полицейских чинов и рядовых чинов Отдельного корпуса жандармов на фоне всеобщей мобилизации численность полиции и жандармов в тыловых губерниях неизбежно сокращалась. К началу 1917 г. численность полиции Российской империи не превышала 145 тыс. чел., а Отдельного корпуса жандармов — 11 тыс. чел. [3], и это при населении страны в 170 млн чел., что в среднем предполагало соотношение 1 служителя правопорядка на 1140 подданных. В современной России данное соотношение при учете некомплекта сотрудников МВД на весну 2025 г. составляло 1 сотрудник органов внутренних дел на 190 граждан при населении более 146 млн чел. [4].

Массовое перемещение иностранцев в совокупности с большими партиями германских и австро-венгерских военнопленных стремительно создало опасный дисбаланс в количественном соотношении этого контингента с имеющимися малочисленными полицейскими гарнизонами и воинскими жандармскими командами на Урале, в Сибири и в Туркестане. А если учесть еще и тот факт, что в начальный период войны наиболее подготовленных офицеров и унтер-офицеров Отдельного корпуса жандармов мобилизовали для нужд военной контрразведки на фронт, можно говорить уже и о качественном ухудшении личного состава правоохранительных органов в тыловых губерниях. Необходимо также упомянуть и о том, что и в предвоенный период наибольшая концентрация полицейских чинов в Российской империи происходила в Москве и Санкт-Петербурге, а также в губернских центрах европейской части страны.

В уездных и губернских центрах Сибири и Урала количество полицейских гарнизонов изначально было небольшим в силу низкой плотности населения. В Туркестане, на Кавказе и Дальнем Востоке полицейские функции часто выполняли местные малочисленные воинские гарнизоны и воинские жандармские команды, рассредоточенные вдоль редкой сети железных дорог. К началу 1916 г. по всей Сибири, а также в Маньчжурии свою нелегкую службу несли всего 51 офицер и 1712 унтер-офицеров железнодорожных жандармских полицейских в составе 6 управлений, которые совмещали охрану железных дорог с обеспечением правопорядка на всю глубину полосы отчуждения [5, с. 81].

Но главным дестабилизирующим социально-политическим фактором стало растущее революционное движение в промышленных районах страны, которое стало проявляться как закономерная реакция на постоянный рост цен, инфляцию, обострившийся дефицит промтоваров, а также неспособность центральной государственной власти обуздать растущие аппетиты российской финансово-промышленной буржуазии, которая существенно повысила свои прибыли на военных поставках, но при этом занималась тонко завуалированным саботажем (под предлогом загруженности железных дорог происходил массовый срыв сроков поставки снарядов, патронов, продовольствия и т. п., в результате чего искусственно и в очередной раз повышались государственные закупочные цены) постоянно растущих потребностей русской императорской армии на фронте.

В ходе подготовки к войне против Российской империи в начале XX в. Германия и Австро-Венгрия усиленно направляли свою агентуру, прежде всего в западные пограничные военные округа. При этом использовался фактор этнической близости населения, состоявшего тогда из поляков и евреев, причем по обе стороны границы с Германской империей и Австро-Венгрией [5, с. 16]. Это обстоятельство существенно осложняло оперативную обстановку в западных военных округах, где у органов военной контрразведки Российской империи, как и жандармов и полицейских чинов, своей агентуры явно было недостаточно. Более того, собственная агентура российской военной контрразведки в этих округах была в целом крайне ненадежна и в основном состояла из членов местных банд контрабандистов польского и еврейского происхождения, имевших родственные связи на территории Германской империи, особенно в польских владениях Австро-Венгрии. А это,

в свою очередь, таило опасность превращения их в двойных агентов.

Когда начались боевые действия на фронтах Первой мировой войны, органы военной контрразведки и Отдельного корпуса жандармов были вынуждены приступить к массовым депортациям населения из прифронтовой полосы, поскольку иного, более эффективного способа пресечения возрастающей активности германской и австро-венгерской разведок в тот период практически не существовало. В результате этих депортаций данные агенты, весьма искусно сливавшиеся с местным населением, попадали в глубокий тыл, а затем на новом месте возобновляли свою подрывную деятельность. Например, в секретных ориентировках жандармского управления Пермской губернии указывалось, что у австро-венгерских шпионов, как правило, должны быть паспорта, выданные властями городов Сосновице и Бендеш Петроковской губернии Вислинского края (Бывшего Царства Польского, переименованного после подавления антиросийского восстания в 1863–1864 гг.). На такие паспорта было рекомендовано обращать особое внимание околоточным надзирателям и городовым при проверке документов у приезжих [6, с. 27].

Возможности детального проведения дознания и следствия с задержанными в подозрении в подрывной деятельности были ограничены сроком не более двух недель [7, с. 179]. При этом данная норма, несмотря на режим военного времени, так и не была пересмотрена вплоть до начала революции 1917 г.

Следует отметить, что огромный вклад в дестабилизацию социально-политической обстановки в Российской империи внесли сепаратистские силы в национальных окраинах: в автономном княжестве Финляндском, Прибалтийском крае, Кавказском наместничестве, Туркестане. При этом, если Прибалтийский край, Автономное княжество Финляндское и Кавказское наместничество были под прямым военно-политическим воздействием фронтов Первой мировой войны, то в Туркестанской области и примыкающих к ней сибирских и уральских губерниях немалую роль сыграли как местные националистически настроенные сепаратисты, так и сосланные в Сибирь и Туркестан многочисленные представители революционных партий. Именно эти категории населения стали активно вовлекаться в агентурные сети германской, и даже японской и британской разведки, и это несмотря на союзнические отношения Российской,

Британской и Японской империй в период Первой мировой войны.

Отдельно следует указать на парадоксальную роль военнопленных германской и австро-венгерской армий, которые, несмотря на свой формально низкий правовой статус, чувствовали себя вполне уверенно в тыловых губерниях Российской империи, где безнаказанно проводили антиросийскую пропагандистскую работу среди населения Урала, Сибири и Туркестана, апеллируя к обострившимся в стране социально-экономическим проблемам, а также к конкретным примерам проявления нежелания и неспособности местных властей их решать. Например, по улицам города Екатеринбурга тогда свободно перемещались военнопленные австро-венгерской армии, которые формально были под контролем городской полиции, а фактически свободно бродили по улицам, поскольку местные городские власти разрешали им заниматься наймом к частным подрядчикам в силу растущего дефицита рабочих рук на фоне массовых мобилизаций на фронт. В частности, 18 ноября 1916 г. на центральной площади Екатеринбурга городовые задержали австрийского военнопленного Павла Рамбо, который открыто заявлял находящимся рядом горожанам о грядущем поражении русской императорской армии, а они, к слову сказать, никак его не останавливали и даже внимательно слушали, а затем даже попытались воспрепятствовать его задержанию полицейскими чинами [6, с. 24].

Следует отметить, что екатеринбургские городовые в силу своей малочисленности были просто физически не в состоянии осуществлять прямой и непосредственный надзор над всеми военнопленными, но самое главное — опасались предпринимать активные меры к их задержанию, поскольку это могло провоцировать массовые беспорядки. Например, в своих указаниях по проведению изъятий самогонных аппаратов и готовой алкогольной продукции в условиях объявленного указом императора Николая II «сухого закона»¹ губернатор Пермской губернии действительный статский советник Лозина-Лозинский М. А. предписал полицейским чинам воздерживаться от проведения повальных обысков в целях выявления алкогольных напитков и применять их толь-

¹ О продлении воспрещения продажи спирта, вина и водочных изделий для местного потребления в Империи до окончания военного времени: Указ императора Николая II // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Отдел первый. Санкт-Петербург, 1914. № 248. Ст. 2348, 1527. 22 августа 1914 г.

ко в единичных случаях. Более того, он грозил отставкой уездным полицейским начальникам в случае, если возникнут новые пьяные погромы и бунты недовольных конфискациями алкогольной продукции.

После событий Первой русской революции 1905–1907 гг. полномочия полицейских чинов были законодательно ограничены в рамках реформ Министра МВД П. А. Столыпина [Закон 1907 г.], но самое главное — ввиду активного участия в подавлении революционных выступлений авторитет полиции упал в глазах не только населения рабочих окраин, но и представителей либеральной оппозиции. А они, в свою очередь, в условиях войны и неспособности государства самостоятельно наладить выпуск снарядов, патронов, форменного обмундирования усилили политическое давление на правящую династию, используя свой депутатский статус неприкосновенности в аппарате городских дум и в Государственной Думе IV созыва.

На серьезную угрозу династии Романовых со стороны либеральной оппозиции в условиях ухудшения положения на фронтах указывал начальник Петроградского охранного отделения П. К. Попов. Еще 11 мая 1915 г. в своей докладной записке Дворцовому коменданту он сообщал: «Несмотря на разногласия в задачах и стремлениях отдельных классов населения страны, как бы благоприятную для правительства, она в действительности таит в себе симптомы новой, постепенно надвигающейся революционной волны» [7, с. 188].

Во избежание серьезных потрясений внутри страны П. К. Попов предложил «заняться незамедлительным осуществлением ожидаемых населением страны либеральных и милостивых подачек», для чего необходимо создать ряд комиссий и совещаний. В противном случае «...народные массы, не дожидаясь удовлетворения своих пожеланий вверху», сами возьмут на себя инициативу и «открыто перейдут к действиям уже явно бунтарского характера» [7, с. 192].

Таким образом, и нижние чины полиции в провинциях, и руководство Департамента полиции в Петрограде вполне обоснованно опасались грядущих революционных потрясений. Ослабление полицейского контроля над населением, а также над ссыльными и военнопленными в условиях военного времени дополнительно усугублялось нарастающим параличом центральной власти в Российской империи.

Предложения начальника Департамента полиции П. К. Попова, прозвучавшие еще в 1915 г., не были поддержаны ни министрами МВД (а они до-

статочно часто сменяли друг друга в этот период), ни «коллегами по цеху»: ни товарищем (заместителем) Министра МВД В. Ф. Джунковским, возглавлявшим по совместительству Отдельный корпус жандармов, ни начальниками губернских жандармских управлений, ни начальниками охранных отделений, ни органами военной контрразведки. После отправки В. Ф. Джунковского в действующую армию летом 1915 г. Отдельный корпус жандармов возглавил начальник штаба корпуса В. П. Никольский, но и его назначение никоим образом не коснулось изменений в организации оперативно-розыскной деятельности, вплоть до начала Февральской революции 1917 г. [8, с. 19].

На фоне роста антивоенной пропаганды в тыловых частях русской императорской армии и вполне закономерного увеличения масштабов дезертирства игнорировалась профилактическая работа с солдатами и офицерами, возвращавшимися из немецкого плена, недооценивалась пропаганда представителей революционных партий на оборонных предприятиях и воинских частях в глубоком тылу — на Урале, в Сибири, в Туркестане. Например, в апреле 1916 г. полицейский урядник Пежевет, прикрепленный к Нижне-Уфалейскому заводу в Екатеринбургском уезде, докладывал, что служащий этого завода (заметим, это был не простой рабочий!!!) Леонид Боровой призывал мобилизованных солдат к дезертирству, распространял среди рабочих своего завода антиправительственные слухи, утверждал, что «Россия будет побеждена Германией», «под Вильгельмом будет лучше и свободнее» [6, с. 27]. Более того, германская и австро-венгерская разведки часто этим пользовались и активно вербовали свою агентуру среди пленных солдат и офицеров русской императорской армии, которые затем переходили линию фронта под видом бежавших из плена [9].

Аналогичная ситуация наблюдалась также и в Туркестанской области, в Томской губернии (в состав которой тогда входил город Барнаул), Омской губернии (в которую тогда входили территории современного северного Казахстана), Тобольской губернии, Акмолинской (современная Астана и Центрально-Казахстанская область) и Семипалатинской области (современный Семей в Республике Казахстан) и т. д. В этих областях, помимо высланных сюда германских, австро-венгерских и турецких военнопленных, в силу географической близости Китая находилось немало количество китайских и корейских неквалифицированных рабочих, которые массово привлекались для работ на шахтах, рудниках, лесоповалах, а так-

же при строительстве железных дорог. Среди этих трудовых мигрантов вполне безопасно себя ощущали агенты японской военной разведки [5, с. 21] (Япония также была союзником Российской империи в период Первой мировой войны), собственно сами офицеры китайской императорской армии, а также агенты германской и турецкой разведки [5, с. 37, 53]. Все они появились в данных регионах задолго до начала Первой мировой войны.

Особо следует отметить, что, помимо сбора информации о потенциале войск в Сибири и Туркестане, представители иностранных военных разведок занимались установлением тесных контактов со ссыльными членами партий социалистов-революционеров, анархистов, большевиков и меньшевиков, количество которых значительно возросло здесь после поражения Первой русской революции 1905–1907 гг. Обращает на себя внимание тот факт, что офицеры британской военной разведки особое внимание уделяли агентурной работе с населением именно в Туркестанской области, а также в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве. Сами идеи ваххабизма — возрождения исламского халифата на Ближнем Востоке — были использованы Британской империей не только для разжигания религиозной розни в своих индийских колониях, но и для провоцирования антироссийских восстаний в Туркестане.

Примечательно, что одновременно в этом регионе, а также в Закавказье и Крыму активизировалась турецкая разведка, которая активно использовала идеологию пантюркизма — объединения всех тюркских народов под властью Османской империи [10, с. 403]. Агентурная деятельность по организации антироссийских восстаний заметно активизировалась именно в условиях Первой мировой войны, когда Британская и Османская империи активно воевали друг с другом на Ближнем Востоке, но при этом в Туркестане являлись ситуативными военно-политическими союзниками против Российской империи. В таком своеобразном тандеме британской и турецкой разведок в начале Первой мировой войны на территории Туркестанской области происходило нарастание масштабов антироссийской пропаганды под знаменем священной войны мусульман против «неверных» — джихада. Фактически же речь шла о подготовке вооруженного восстания и открытии еще одного фронта против Российской империи, причем за счет ее же собственных подданных.

Особенностью действий британской и османской (турецкой) агентуры являлась ставка на постоянное провоцирование мусульманским духо-

венством массовых беспорядков, направленных на срыв поставок сырья (туркестанский хлопок шел на производство пороха), разрушение линий телеграфной связи и оборудования железнодорожных станций, а также массовый террор против русскоязычного населения. Жители крестьянских сёл, основанных столыпинскими переселенцами в 1906–1914 гг. в Туркестанской области, встретили явно враждебное отношение к ним как со стороны кочевников-скотоводов, так и оседлых земледельцев — сартов, которые периодически совершали нападения на колонистов с целью угона скота, грабежей и убийств переселенцев из губерний Центральной России. Именно поэтому в 1911 г. полицейские власти Туркестана разрешили колонистам, а также фабричным рабочим и служащим железной дороги, почты и других государственных учреждений приобретать для самообороны охотничьи гладкоствольные ружья, а также устаревшие винтовки системы Бердана. Эта мера тогда оказалась весьма действенной, поскольку сил городской полиции воинских гарнизонов для обеспечения безопасности русскоязычного населения было явно недостаточно.

Весьма странным стало новое распоряжение полиции Туркестана в начале Первой мировой войны, согласно которому теперь колонисты были принуждены к сдаче огнестрельного и охотничьего оружия в распоряжение полиции, якобы для обеспечения им мобилизованных новобранцев, убывающих на фронт. При этом изъятие оружия у местного населения — кочевников и сартов (оседлого населения оазисов и городов Туркестанской области) — не проводилось [11].

Интересно отметить, что активизация вооруженных нападений на сёла русских колонистов в Туркестанской области произошла именно после победы младотурецкой партии в ходе буржуазно-демократической революции в Османской империи в 1909 г. Фактически тогда произошел военный переворот, возглавляемый офицерами — сторонниками этнического турецкого национализма, поддерживавшими идеи младотурецкой партии по созданию Великого Турана — модернизированной Османской империи, включающей в себя территории и тюркоязычное население Кавказа, Крыма, Туркестана, Поволжья, Сибири.

В условиях массовой мобилизации мужского населения казачьи станицы и крестьянские сёла колонистов оказались совершенно беззащитными, что и было использовано организаторами антироссийского восстания в Туркестане, начавшегося в июле 1916 г. под предлогом отказа от трудо-

вой мобилизации коренного населения региона на строительные работы в прифронтовой полосе, предписанной Указом императора Николая II 25 июня 1916 г.¹

Восстание началось в уездном городе Худжанд Самаркандской области (город Ходжент, современный Таджикистан) уже 4 июля (по старому стилю) 1916 г. (т. е. накануне официального опубликования вышеупомянутого Указа), поскольку информация о начале трудовой мобилизации в Туркестане заблаговременно поступила из Петрограда от осведомленных депутатов IV Государственной Думы. Массовые выступления горожан «старого города» начались с призывов местных мулл и ишанов не подчиняться требованиям по отправке мобилизованных сартов в количестве около 2900 человек на железнодорожную станцию и идти громить государственные учреждения, дома, принадлежащие не мусульманам [11].

Следует отметить, что первоначально в первых рядах протестующих против мобилизации выступали женщины, а вот уже за ними накапливались табгачи — рядовые служители местной городской полиции, охранявшие общественный порядок в «старой части» города, где проживали торговцы и ремесленники, разделенные по кварталам (махалля) и возглавляемые своими полицейскими начальниками — юзбаши (пятидесятники). После того как одна из авторитетных женщин города Худжанда Бибисолеха Кобилхочаева попыталась силой отобрать оружие у начальника уездной полиции подполковника Арцишевского В. К., он был вынужден отдать приказ на открытие огня по толпе сартов. Тогда табгачи, объединенные своими юзбаши, организованно пошли на штурм уездного управления полиции, а также начали целенаправленно громить железнодорожную станцию и рушить телеграфные столбы [11].

В дальнейшем в течение июля — августа 1916 г. антироссийское восстание охватило практически все районы Туркестанской области и повсеместно сопровождалось вооруженными нападениями на казачьи станицы и сёла крестьян-колонистов. Тогда по неполным данным, и только в Семиреченской области, было убито, причем крайне жестокими способами, более 9 тыс. человек. Восставшие ко-

¹ Указ императора Николая II «О привлечении мужского инородческого населения в Империи для работы по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, для государства необходимых работ» // Собрание распоряжений и узаконений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Отдел первый. Петроград, 1916. № 182. Ст. 1527. 6 июля.

чевники и сарты не щадили ни женщин, ни детей. Они убивали не только православных священников, но и врачей и учителей, которые еще вчера их же лечили и учили их детей [11].

Возникает закономерный вопрос: а кто так доходчиво объяснил именно такой порядок действий в начале восстания людям, ранее никогда не имевшим особого отношения к индустриальным объектам, не имевшим полноценного светского образования и опыта действительной военной службы? Ответ на него раскрывается следующим фактом: в ходе разгрома повстанцев в Пишпекской области (современный Бишкек) подразделениями войск Туркестанского военного округа в плен были взяты 30 немецких военных советников и 16 китайских наемников из числа тех, кто ранее промышлял контрабандой и работоторговлей на территории Цинской империи [12, л. 2].

Сибирские губернии в годы Первой мировой войны стали местом массовых пересылок германских и австро-венгерских военнопленных. При этом в сибирских губерниях сложилась весьма опасная социально-политическая ситуация. В силу низкой плотности населения, а также обострившегося дефицита рабочих рук на фоне массовых мобилизаций на фронт военнопленные стали активно привлекаться не только к неквалифицированным работам, но и к обслуживанию подвижного состава железных дорог, оборудования железнодорожных станций, станков и паровых двигателей. Все это создавало угрозу массового применения диверсий на Транссибирской железнодорожной магистрали. Концентрация военнопленных тогда достигла критических масштабов. Уже в начале 1915 г. из 257 тыс. военнопленных солдат и офицеров противника 186 тыс. были размещены именно в Сибири [13, с. 16]. А уже летом 1915 г. в Омской губернии количество военнопленных достигло 152 тыс. чел, а в Иркутской губернии — 200 тыс. чел. [13, с. 16].

При этом значительная часть военнопленных, в основном немцев, венгров и австрийцев, располагалась в черте сибирских городов, поскольку для их размещения в сельской местности готовой инфраструктуры заблаговременно построено не было. К лету 1915 г. в сибирских городах при их малочисленном населении было размещено более 64 тыс. военнопленных, среди которых преобладали австрийцы и венгры [5, с. 79].

Все эти обстоятельства создавали неограниченные возможности общения иностранцев с местным населением, что явно способствовало распространению антироссийской пропаганды,

а также вовлечению местного населения в передачу сведений военного характера посредством почтовой корреспонденции, осуществлявшуюся тогда под патронажем организации Красного Креста. Данная организация активно использовалась германской и австро-венгерской военной разведкой для выявления секретной информации, касавшейся воинских перевозок, настроений в обществе, экономического потенциала и т. п. Как правило, эти сведения передавались на почтовых конвертах, марках посредством цифровых шифров или кодовых фраз [14, с. 146]. Только в декабре 1916 г. органы российской военной контрразведки получили распоряжение Генерального штаба по проведению обязательной перлюстрации всех писем военнопленных [5, с. 87].

Весьма любопытным и поучительным событием стало посещение Барнаула 6 января (по старому стилю) 1917 г. делегацией Красного Креста, возглавляемой австрийской сестрой милосердия княгиней Кунигундой фон Крой и капитаном датской армии (Дания тогда придерживалась нейтралитета) Р. Вульфом в сопровождении коллежского асессора А. Зворыкина и переводчика штаба Омского военного округа прапорщика Шарова. Формально миссия занималась передачей подарков и посылок военнопленным австро-венгерской армии, а фактически княгиня фон Крой при посещении казарм выясняла настроения чешских и словацких офицеров на предмет их добровольного перехода на сторону России и формирования Чехословацкого добровольческого корпуса. Кроме того, княгиня рассылала письма по частным квартирам, где проживали пленные чехи, словаки, поляки — подданные Австро-Венгрии, и в этих письмах требовала дать ответ о лояльности своему государству с тонким намеком на судьбы родственников пленных офицеров.

При этом полицейские власти Барнаула никак не реагировали на эту подрывную деятельность представительницы Красного Креста. Об этом в Департамент полиции вскоре докладывал начальник Томского губернского жандармского управления полковник Субботин, сам рекомендовавший пленным чехам, полякам и словакам на провокационные письма не отвечать. Но многие военнопленные в Барнауле тогда были сильно запуганы и отказались записываться добровольцами в формирующийся с осени 1916 г. Чехословацкий корпус, который командованием русской императорской армии предполагалось использовать уже весной 1917 г. в наступлении на Юго-Западном фронте, а в перспективе — в разгроме Австро-

Венгрии и последующем восстановлении чехословацкой государственности. По показаниям Зворыкина, княгиня фон Крой настойчиво допытывалась у него сведений о фамилиях чешских и словацких офицеров, давших честное слово не бежать из русского плена [5, с. 89]. По факту данных показаний коллежский асессор А. Зворыкин так и не был отстранен от занимаемой должности.

Исторические уроки из событий Первой мировой войны должны быть сегодня заново выучены. Ошибки и просчеты военной контрразведки, командования Отдельного корпуса жандармов, Департамента полиции Российской империи в вопросах организации мероприятий по пресечению и профилактике подрывной деятельности в период Первой мировой войны на территории прифронтовых губерний, но особенно в глубоком тылу — в Сибири, на Урале и Туркестане, в конечном счете не смогли предотвратить крушения российской государственности. И оно началось с массовых беспорядков в Петрограде и Москве в феврале 1917 г., а в Туркестане — еще летом — осенью 1916 г. вылилось в крупное вооруженное восстание местных религиозных фанатиков и сепаратистов, сопровождавшееся откровенным геноцидом русскоязычного населения в регионе.

Чрезмерная мягкость полицейских чинов и местных городских властей к представителям иностранных гуманитарных и дипломатических миссий, отсутствие должного контроля и полицейского надзора над военнопленными в условиях военного времени, бюрократическая неповоротливость всех правоохранительных органов Российской империи и безынициативность чиновников — всё это, безусловно, подрывало обороноспособность страны. Горьким уроком тогда стали ошибки и просчеты в организации оперативно-розыскной деятельности как в прифронтовой полосе, так и в тыловых губерниях, ограниченной законодательством, принятым для режима мирного времени. Существенно снизилась компетентность полицейских чинов и жандармских офицеров тыловых районов, где они оказались не способны выполнять специфические задачи в режиме военного времени.

Таким образом, законодательное ограничение полномочий полиции, которое вступило в силу в ходе Первой русской революции, не было пересмотрено в период Первой мировой войны, что существенно ограничивало ее действительные возможности в условиях военного времени. Это привело к массовой безнаказанности деструктивных действий не только представителей либе-

ральной оппозиции и революционных партий, но и огромных масс военнопленных и иностранных работников в тыловых губерниях Российской империи.

Список источников

1. Касьянов А. В., Удальцов А. А., Новопавловская Е. Е. Организация работы полиции Российской империи в годы Первой мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 3 (83). С. 21–29.
2. Министерство внутренних дел. 1902–2002: Исторический очерк. М.: Объединенная редакция МВД России, 2004.
3. Музафаров А. 10 Мифов о России. URL: <https://www.libfox.ru/468316-aleksandr-muzafarov-10-mifov-o-rossii.html>.
4. «Система не работает»: Россия осталась без полиции. Первый шаг для развала государства сделан. URL: <https://dzen.ru/a/aJyLqHvmtEEY-1Zo>.
5. Греков Н. В. Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М.: МОНФ, 2000. URL: <http://militera.lib.ru/research/0/one/grekov.rar>.
6. Кулаков Д. Екатеринбургская полиция в годы Первой мировой войны 1914–1917 гг. (Часть 1). Екатеринбург, 2011. С. 21–27.
7. Романов К. С. Департамент полиции в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2002.
8. Хутарев-Гарнишевский В. В. Отдельный корпус жандармов и Департамент полиции МВД: органы политического сыска накануне и в годы Первой мировой войны, 1913–1917 гг. М., 2012. 27 с. URL: <https://www.disscat.com/content/otdelnyi-korpus-zhandarmov-i-departament-politsii-mvd-organy-politicheskogo-syska-nakanune-i>.
9. Виноградова О. В. Смоленское губернское жандармское управление в годы Первой мировой войны. URL: <https://m.ok.ru/smolturizm67/topic/66613546887985>.
10. Потемкин И. А. 1915-й: активизация воинствующего панисламизма в Туркестане и противодействие ему структурных подразделений МВД // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1915 год: доклады и выступления участников V Международной научно-практ. конф-ции. М.: Изд-во МНЭПУ, 2016. С. 402–409.
11. Полонский И. Туркестанское восстание — кровавая катастрофа Средней Азии и русского народа. URL: <https://topwar.ru/160339-turkestanskoe-vosstanie-krovavaja-katastrofa-srednej-azii-i-russkogo-naroda.html>.
12. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р5881 (Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов). Оп. 2. Д. 660.
13. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов. М., 1967.
14. Ронге М. Разведка и контрразведка. Киев, 1993. URL: https://royallib.com/read/ronge_maks/razvedka_i_kontrrazvedka.html?ysclid=mgkktoguk374438391.

References

1. Kas'yanov A. V., Udal'cov A. A., Novopavlovskaya E. E. Organizaciya raboty policii Rossijskoj imperii v gody Pervoj mirovoj vojny // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2019. № 3 (83). S. 21–29.
2. Ministerstvo vnutrennih del. 1902–2002: Istoricheskij ocherk. M.: Ob»edinennaya redakciya MVD Rossii, 2004.
3. Muzafarov A. 10 Mifov o Rossii. URL: <https://www.libfox.ru/468316-aleksandr-muzafarov-10-mifov-o-rossii.html>.
4. «Sistema ne rabotaet»: Rossiya ostalas» bez policii. Pervyj shag dlya razvala gosudarstva sdelan. URL: <https://dzen.ru/a/aJyLqHvmtEEY-1Zo>.
5. Grekov N. V. Russkaya kontrrazvedka v 1905–1917 gg.: shpionomaniya i real'nye problemy. M.: MONF, 2000. URL: <http://militera.lib.ru/research/0/one/grekov.rar>.
6. Kulakov D. Ekaterinburgskaya policiya v gody Pervoj mirovoj vojny 1914–1917 gg. (Chast' 1). Ekaterinburg, 2011. S. 21–27.

7. Romanov K. S. Departament policii v gody Pervoj mirovoj vojny: dis. ... kand. ist. nauk. Sankt-Peterburg, 2002.
8. Hutarev-Garnishevskij V. V. Otdel'nyj korpus zhandarmov i Departament policii MVD: organy politicheskogo syska nakanune i v gody Pervoj mirovoj vojny, 1913–1917 gg. M., 2012. 27 s. URL: <https://www.dissercat.com/content/otdelnyi-korpus-zhandarmov-i-departament-politsii-mvd-organy-politicheskogo-syska-nakanune-i>.
9. Vinogradova O. V. Smolenskoe gubernskoe zhandarmskoe upravlenie v gody Pervoj mirovoj vojny. URL: <https://m.ok.ru/smolturizm67/topic/66613546887985>.
10. Potemkin I. A. 1915-j: aktivizaciya voinstvuyushchego panislamizma v Turkestane i protivodejstvie emu strukturnyh podrazdelenij MVD // Pervaya mirovaya vojna: vzglyad spustya stoletie. 1915 god: doklady i vystupleniya uchastnikov V Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii. M.: Izd-vo MNEPU, 2016. S. 402–409.
11. Polonskij I. Turkestanskoe vosstanie — krovavaya katastrofa Srednej Azii i russkogo naroda. URL: <https://topwar.ru/160339-turkestanskoe-vosstanie-krovavaya-katastrofa-srednej-azii-i-russkogo-naroda.html>.
12. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). F. R5881 (Kollekciya otdel'nyh dokumentov i memuarov emigrantov). Op. 2. D. 660.
13. Trudyashchiesya zarubezhnyh stran — uchastniki bor'by za vlast' Sovetov. M., 1967.
14. Ronge M. Razvedka i kontrrazvedka. Kiev, 1993. URL: https://royallib.com/read/ronge_maks/razvedka_i_kontrrazvedka.html?ysclid=mgkktooguk374438391.

Информация об авторе

Г. А. Скипский — кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

G. A. Skipsky — Candidate of Science (History), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025; одобрена после рецензирования 17.11.2025; принята к публикации 25.11.2025.

The article was submitted 10.10.2025; approved after reviewing 17.11.2025; accepted for publication 25.11.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 49–57.

Altai Law Journal. 2025. № 4 (52). P. 49–57.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 328.185:34

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ КОРРУПЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Анастасия Викторовна Щербинина

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, anastasiya_pitineva@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка нового научного осмысления сущности коррупции с учетом трансформационных процессов, происходящих в обществе и государстве в последние десятилетия. Автором проанализированы сложившиеся в научной среде подходы к пониманию коррупции, а также определение, закрепленное в отечественном законодательстве. Акцентировано внимание на имеющихся противоречиях и проблемах в вопросе понимания сущности коррупции, ее форм, круга субъектов и мотивов коррупционных проявлений. Решение выявленных проблем автор видит в изучении коррупции через ее взаимосвязь с такими понятиями, как общество, государство, власть и управление. По результатам исследования выявлены характеризующие признаки коррупции и предложено авторское определение этого понятия.

Ключевые слова: коррупция, субъекты коррупции, коррупционные отношения, публичные лица, публичные функции и услуги

Для цитирования: Щербинина А. В. Понятие и сущность коррупции в современном мире // Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 49–57.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

CONCEPT AND ESSENCE OF CORRUPTION IN THE CONTEMPORARY WORLD

Anastasia V. Shcherbinina

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, anastasiya_pitineva@mail.ru

Abstract. The article attempts to provide a new scientific understanding of the essence of corruption, taking into account the transformation processes taking place in society and the state in recent decades. The author analyzes the approaches to understanding corruption that have developed in the scientific community, as well as the definition enshrined in domestic legislation. Attention is focused on the existing contradictions and problems in understanding the essence of corruption, its forms, range of subjects and motives for corruption. The author sees the solution to the identified problems in the study of corruption through its relationship with such concepts as society, state, power and management. Based on the results of the study, the characteristic features of corruption were identified and the author's definition of this concept was proposed.

Keywords: corruption, subjects of corruption, corrupt relations, public figures, public functions and services

For citation: Shcherbinina A. V. Concept and essence of corruption in the contemporary world. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;4:49–57 (In Russ.).

Проблема коррупции актуальна для большинства государств современного мира. Россия не является исключением. Кроме того, как справедливо отмечает Е. Р. Макоева, «в настоящее время в российском обществе наблюдается осознание коррупции как серьезного барьера на пути развития государства и осуществляется серьезное наступательное движение на ее искоренение со стороны государственных институтов» [1, с. 260]. Это еще раз актуализирует потребность в новом научном осмыслении сущности коррупции, т. к. этому явлению свойственно видоизменяться, подстраиваться под существующую политическую конъюнктуру, социально-экономический базис и правоотношения, сложившиеся на конкретном историческом этапе развития общества и государства.

Сущность правоотношений, их содержание находятся в непосредственной взаимосвязи с нормами права, их регулируемыми. В данной связи можно проследить прямую зависимость между официально принятым в государстве пониманием сущности коррупции и качеством антикоррупционного законодательства, а также эффективностью мер, применяемых для решения одной из основных стратегических задач — снижения уровня коррупции в стране.

Нельзя назвать данный вопрос в современной науке неизученным. С конца XX в. до настоящего времени учеными проведено немало исследований в этой области, по результатам которых предпринимались попытки сформулировать определение коррупции. Однако до настоящего времени не выработано единого подхода к пониманию коррупции и ее пределов, определяющихся совокупностью признаков и форм проявления.

На протяжении всего исторического развития государств коррупция привлекала внимание ученых, мыслителей, общественных и государственных деятелей.

Первое упоминание этого явления мы можем обнаружить в исторических материалах времен античности. Так, Платон связывал коррупцию с процессом разложения трех выделенных им форм конституций полисов: монархии, аристократии и демократии. По мнению мыслителя, эти формы конституции разлагаются, когда правители преследуют лишь собственную выгоду, а не общий интерес, и рождаются тирания, олигархия и демагогия [2, с. 550]. Его ученик Аристотель, развивая эту идею в своей работе «Политика», выделял коррупцию как фактор, способный привести государство к вырождению или даже к гибели [3, с. 631]. Таким образом, еще в эпоху Античности коррупцию уже

связывали с формами организации властных отношений и характеризовали как негативное явление, появляющееся в результате подмены общественных интересов собственной выгодой.

В период Средневековья понятие «коррупция» приобретает исключительно церковное, каноническое значение — как дьявольский соблазн.

Знаменитый мыслитель эпохи Возрождения Н. Макиавелли коррупцию определял как «использование публичных возможностей в частных интересах» [4, с. 286], что позволяет сделать вывод, что он рассматривал коррупцию шире, чем взяточничество и продажность должностных лиц.

В современном мире сформировалось два основных подхода к пониманию сущности коррупции: узкий и широкий. Во многом это обусловлено отраслевой принадлежностью и соответствующими задачами, стоящими перед учеными-правоведами.

Сторонники узкого подхода отождествляют коррупцию с таким видом коррупционного преступления, как взяточничество. Как правило, такое понимание встречается среди ученых-криминологов. Так, например, по мнению Н. А. Лопашенко, коррупция — это подкуп и ничто иное: «Подкуп главный фундамент коррупции. Он существует в ней всегда, в обязательном порядке. Подкуп служащих и должностных лиц носит всегда корыстный характер, не соединенные с подкупом деликты не являются коррупционными» [5, с. 36]. Известный криминолог Н. Ф. Кузнецова под коррупцией видит «подкуп одних субъектов другими» [6, с. 21].

Анализ определений коррупции, выработанных в рамках узкого подхода, показывает, что коррупция его сторонниками характеризуется подкупом-продажностью должностных лиц, обусловленных корыстной мотивацией. При этом коррупционные отношения предполагают вовлеченность как минимум двух субъектов — подкупаемой стороны и подкупающей.

В свою очередь, сторонники широкого подхода относят к коррупционным проявлениям не только подкуп, но и иные злоупотребления властью. В качестве основной формы выражения сущности коррупции авторами используется метод перечисления основных признаков, характеризующих определяемое явление. Однако ввиду сложности и многомерности явления коррупции даже внутри одного подхода мнения ученых относительно признаков, присущих коррупции, и форм ее проявления неоднозначны. Это еще раз указывает на незавершенность общетеоретического исследования

изучаемого явления и отсутствие в теории права единого представления о коррупции.

Анализ существующих научных определений коррупции в рамках широкого подхода позволяет выделить основные признаки, которыми в науке наделяется это явление, и вскрыть наиболее спорные вопросы, ввиду отсутствия однозначного ответа на которые до настоящего времени не выработано единой доктринальной дефиниции.

Одним из наиболее известных определений является дефиниция, выведенная Б. В. Волженкиным, который определил коррупцию как «социальное явление, заключающееся в разложении власти, когда государственные (муниципальные) служащие и иные лица, уполномоченные на выполнение государственных функций, используют свое служебное положение, статус и авторитет занимаемой должности в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах» [7, с. 7].

Наиболее широкое представление о коррупционных проявлениях изложено в дефинициях М. В. Дульнева, П. А. Кабанова, С. В. Максимова, Н. В. Щедрина.

Так, например, М. В. Дульнев определил коррупцию как «использование государственными, муниципальными и иными публичными служащими либо служащими коммерческих или иных организаций своего статуса для незаконного получения каких-либо преимуществ (имущества, прав на него, услуг или льгот, в том числе неимущественного характера) как для себя, так и для своих близких вопреки законным интересам общества и государства, либо незаконное предоставление последним таких преимуществ» [8, с. 26–27].

Своеобразной представляется позиция В. Л. Римского, по мнению которого наиболее «адекватным российским условиям является признание коррупционными любых действий, нарушающих нормативное регулирование и развитие той или иной отрасли, сферы деятельности и страны в целом посредством использования публичных возможностей для реализации личных или корпоративных интересов в ущерб общественным» [9, с. 72].

В современной научной литературе существуют и иные подходы к определению понятия коррупции.

Так, например, в теории государства и права встречаются попытки объяснить коррупцию не через присущие ей признаки, а в целом охарактеризовать как явление, соотнося ее с социальной, правовой сферой жизнедеятельности общества и государства и ее влиянием на механизм государ-

ственного управления. Авторы, использующие такой подход, как правило, определяют коррупцию как социально-правовое явление, заключающееся в разложении власти. В данном смысле коррупция соотносится с дисфункцией механизма государственного управления.

В качестве одного из примеров такого подхода можно представить определение О. В. Кулигина, который рассматривает коррупцию как «сложное криминальное явление, которое в социологическом аспекте можно представить в виде особых отношений, складывающихся в обществе и вызывающих коррозию (разложение, разрушение, разъедание) политических институтов власти и управления» [10, с. 13].

Заслуживает внимания и еще один подход к определению коррупции — формально-юридический, в котором коррупция рассматривается как совокупность составов правонарушений, предусмотренных в законодательстве.

Именно по этому пути идет законодатель, нормативно закрепляя определение коррупции в Федеральном законе Российской Федерации от 19 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», где соотносит коррупцию с совокупностью уголовно наказуемых преступлений, предусмотренных УК РФ.

Указанное определение, по сути, стало первой официально реализованной попыткой законодателя определить исследуемое явление. До принятия указанного федерального закона легального законодательного определения коррупции в правовой системе России не существовало.

В научной среде установление рассматриваемой дефиниции вызвало немало критики, которую вряд ли можно назвать безосновательной. Существует даже мнение, что указанное определение ничего нового в борьбу с коррупцией не внесло, т. к. все деяния, перечисленные в нем, уже были запрещены под страхом уголовной ответственности и при этом не мешали коррупции успешно процветать [11, с. 26–27]. В свою очередь, по мнению С. Н. Шишкарёва, «данное определение имеет существенное значение для дальнейшего развития антикоррупционного законодательства. В то же время оно не охватывает всей совокупности признаков коррупции, что объективно ограничивает законодательное определение перечня коррупционных отношений, в связи с чем остается неурегулированным целый ряд отношений коррупционного характера» [12, с. 40].

Детальный анализ законодательной дефиниции, действительно, указывает на некоторые не-

точности и не позволяет полноценно сформировать представление о сущности коррупции в России. Так, из контекста представленной в законе формулировки видно, что законодатель использует наименования видов преступлений, закрепленных в УК РФ. Вместе с тем, если следовать буквальному толкованию, то в УК РФ не закреплён такой вид преступления, как злоупотребление служебным положением, предполагается, что была допущена неточность формулировки, и данный вид коррупционного правонарушения согласуется со ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями», субъектов которой в общем смысле можно отнести к категории государственных служащих, что в контексте изучения природы коррупции не вызывает вопросов и соответствует большинству научных подходов к определению коррупции. Следует только отметить, что в качестве организационно-распорядительных функций в отечественной правовой науке и правоприменении рассматриваются наряду с руководящими полномочиями в государственных структурах и полномочия лиц по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия (например, выдача медицинским работником листка временной нетрудоспособности).

Акцент следует сделать и на лицах, исполняющих функции представителя власти, к которым в соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации предлагается относить «лиц, наделенных правами и обязанностями по осуществлению функций органов законодательной, исполнительной и судебной власти, а также иных лиц правоохранительных или контролирующих органов, наделенных в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, либо правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, организациями, учреждениями независимо от их ведомственной принадлежности и форм собственности»¹ (к этим лицам, например, можно отнести депутатов ГД, сотрудников полиции, не наделенных организационно-распорядительными и административно-хозяйственными функциями и т. д.).

¹ О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Кроме того, из анализируемой статьи мы видим, что к коррупции отнесено и преступление, предусмотренное ст. 201 УК РФ «Злоупотребление полномочиями». Из диспозиции статьи следует, что субъектами коррупции в данном случае выступают лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации. При этом состав рассматриваемого преступления является материальным и предусматривает в качестве общественно опасного последствия причинение ущерба интересам общества и государства, что, на наш взгляд, и послужило основанием отнесения указанного преступления к числу коррупционных.

Обобщая признаки, которыми характеризуются два рассмотренных выше состава преступления, можно отметить, что их коррупционная сущность выражается в нарушении субъектами, выполняющими управленческие или распорядительные функции, установленного порядка управления и в причинении ущерба охраняемым законом интересам общества и государства.

Однако несколько размывает границы исследуемого явления допущение законодателем в качестве коррупции «иного незаконного использования физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства», что дает основание относить к коррупционным большую часть преступлений, предусматривающих в качестве обязательного и дополнительного квалифицирующего признака «использование своего служебного положения», например: мошенничество (ч. 3 ст. 159 УК РФ); присвоение или растрата (ч. 3 ст. 160 УК РФ); воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности (ст. 169 УК РФ), а также ряд административных правонарушений.

Анализ существующего законодательно закреплённого определения коррупции позволяет сделать вывод о достаточно широком подходе законодателя к определению сущности коррупции. Однако использование наряду с перечислением четкого перечня коррупционных преступлений расплывчатой формулировки во второй части определения не позволяет однозначно разрешить имеющиеся в науке и практике дискуссионные вопросы о границах коррупционных проявлений, их формах, а также субъектах коррупционных отношений, их мотивах и целях.

Ответить на указанные вопросы, на наш взгляд, невозможно без выявления взаимосвязи коррупции с такими понятиями, как общество, государство, власть и управление. Полагаем, что именно в раскрытии сущности общества, его государственной

организации и власти кроется ключ к природе возникновения и развития коррупции.

Большинством научных теорий государство в общем смысле рассматривается как организация политической власти в обществе. При этом мы видим, что власть в государстве соотносят только с одной разновидностью общественной власти — политической. Как правило, политическая и государственная рассматриваются как синонимы. Вместе с тем в теории существует и более широкий подход к определению политической власти, сторонники которого не отождествляют его с государственной властью, а соотносят с деятельностью государственных органов и с деятельностью других звеньев политической системы общества: партиями, массовыми общественными организациями (профсоюзы и другие общественные объединения).

Полагаем, что в условиях развития современного демократического государства, многообразия элементов политической системы, сложности ее организации и в контексте изучения коррупции важен именно широкий подход к определению политической власти, т. к. значительное влияние в политической среде в современных условиях способны оказывать не только государственные органы, но и такие институты, как политические партии, общественные объединения и даже различные коммерческие структуры.

Антисоциальная, негативная сущность коррупции проявляется в случае, когда субъекты, наделенные обществом политической властью, обязанные действовать в интересах всех слоев и групп общества и выступать нейтральным механизмом управления социальными процессами, смещают вектор функционирования государственного управления от общегосударственных, общественных интересов в сторону личных (узкогрупповых).

При этом девиантное поведение должностного лица может быть как спровоцировано со стороны путем подкупа, так и совершаться служащим из собственных побуждений в одностороннем порядке в целях получения личной выгоды. Общественная опасность, вредность такого отклоняющегося поведения и в том и в другом случае будет заключаться в одном — должностное лицо использует свои полномочия вопреки интересам общества. В связи с этим, на наш взгляд, коррупция не может отождествляться исключительно с подкупом (взятничеством), т. к. ее суть глубже и ее негативное воздействие проявляется во всех случаях искажения, нарушения установленного порядка функционирования государственного механизма.

О более широком значении коррупции говорил и Президент Российской Федерации В. В. Путин на первом заседании Совета по борьбе с коррупцией, отметив: «У нас в России под коррупцией в основном понимается взяточничество, между тем это гораздо более сложное социальное образование»¹.

Очевидна в данном вопросе и позиция законодателя, который наряду с дачей взятки и получением взятки относит к коррупции и иные злоупотребления служебным положением.

В вопросе о структуре коррупционных отношений следует отметить не только разнообразие форм проявления коррупционного поведения, но и его двойственную сущность. Так, Н. В. Селихов к коррупционным явлениям относит наряду с правонарушениями и иные злоупотребления публичным статусом, соотносящиеся с таким типом правового поведения, как злоупотребление правом, которое выражается в нарушении управомоченным субъектом прав и законных интересов других участников правоотношений, но не нарушающих правовые запреты и предписания [13, с. 28]. На указанный аспект двойственности коррупционного поведения важно обратить внимание, т. к. такие формы коррупции, как лоббизм, олигополия, протекционизм, зачастую не подпадают под категорию правонарушений, но вместе с тем носят общественно вредный, коррупционный характер.

Таким образом, мы приходим к выводу, что следует придерживаться более широкого толкования исследуемого явления, а именно не отождествлять коррупцию со взяточничеством, а рассматривать как более широкое и многостороннее явление.

Нет единого мнения в теории права и относительно круга субъектов коррупционных отношений, от которого непосредственно зависит характеристика коррупции с точки зрения ее границ.

Проведенный анализ, направленный на выявление механизма проявления коррупции в структуре государственного аппарата, дает основание относить к субъектам коррупции должностных лиц государственных органов. Данная позиция в целом согласуется с большинством подходов в определениях коррупции, рассмотренных нами выше. Однако, как мы уже указывали, существует и иная точка зрения, согласно которой к коррупции относят и иных лиц, в частности, большинством сторонников такого подхода последние именуются как «публичные должностные лица» или «публичные лица».

В этой связи следует обратить внимание на использование в статье 2 Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. (ратифицированной

¹ Российская газета. 2004. 13 января.

Россией в 2006 г.) для обозначения субъекта коррупции понятия «публичное должностное лицо»¹.

Терминология, используемая в представленной статье, свидетельствует, что на международном уровне коррупция по субъектному составу соотносится не только с принадлежностью лица к органу государственной власти, но и с такими понятиями, как публичная функция, публичная услуга. По данному поводу Н. В. Щедрин отмечает, что в российском правоведении термин «публичность» употребляется для выделения субъектов, осуществляющих деятельность для неопределенного круга лиц, в целях удовлетворения жизненно важных потребностей и интересов общества во имя «общего блага» [14, с. 1450].

Существует, например, мнение о необходимости отнесения к категории публичных лиц избирателей. По мнению некоторых авторов, это обусловлено «положением ст. 3 Конституции РФ, в соответствии с которой единственным источником власти в России является народ, осуществляющий свою власть через свободные выборы и референдум» [14, с. 1450]. С указанным предложением следует согласиться, т. к. в процессе реализации своего избирательного права народ совершает акт непосредственной реализации власти и обязан действовать в интересах общества. В ситуации же подкупа избирателя происходит подмена общественных интересов интересом подкупающей стороны, что искажает процесс реализации властеотношений, и, по сути, мы в данном случае также сталкиваемся с процессом «разложения власти».

Таким образом, объективно мы видим, что сфера реализации общественных интересов и жизнеобеспечения общества не ограничивается механизмом государственного управления и деятельностью должностных лиц государственного аппарата. В таком случае полагаем возможным рассмотреть вопрос о соотношении сферы проявления коррупции с публичным управлением.

Большинство отечественных авторов отождествляют публичное управление с управлением государственным. К примеру, А. А. Югов отмечает, что публичное управление есть система всеобщего участия населения в решении совместных дел [15, с. 12]. В таком случае ситуацию с подкупом

избирателей можно отнести к сфере публичного управления.

Однако, на наш взгляд, публичное управление также в полной мере не охватывает все проявления коррупции.

В ходе изучения сущности публичного управления обращает на себя внимание категория социального управления, которая выступает более широким понятием, чем государственное или публичное управление.

В общем значении термин «социальный» толкуется как общественный, относящийся к жизни людей и их отношениям в обществе [16]. Сущность же управленческой деятельности заключается в том, чтобы с помощью целенаправленных воздействий направлять функционирование и развитие того или иного объекта в соответствии с программой, заданной управляющим субъектом [17, с. 5]. Из этого в наиболее широком смысле можно сформировать представление о социальном управлении как об управлении всеми существующими общественными процессами.

На социальную природу коррупции обращал внимание и отечественный ученый Г. К. Мишин, соотнося ее с коррозией социальных институтов. По его мнению, «коррупция — это явление в сфере социального управления, выражающееся в злоупотреблении субъектами управления своими властными полномочиями путем их использования в личных (в широком смысле — индивидуальных и групповых, материальных и иных) целях» [18, с. 13].

Соглашаясь с приведенной точкой зрения, полагаем, что, учитывая многомерность коррупционных проявлений в современном обществе, необходимо соотносить коррупцию именно со сферой социального управления. Это обусловлено более широким спектром общественных отношений, регулируемых в рамках социального управления, осуществляемого посредством деятельности социальных институтов. Имея основным предназначением удовлетворение потребностей общества и регуляцию социальных процессов, социальные институты объединяют все сферы жизнедеятельности общества и государства (политическую, экономическую, социально-культурную и т. д.).

Еще одним весьма дискуссионным вопросом остается вопрос о возможности отнесения к числу коррупционных деяний, совершенных в целях извлечения нематериальной выгоды и иных преимуществ.

Во многом рассматриваемая проблема возникла ввиду закрепления в понятийном аппарате Федерального закона Российской Федерации «О про-

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции: принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, ратифицирована федеральным законом Российской Федерации от 08.03.2006 № 40-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тивоедействию коррупции» в качестве цели коррупционного поведения только выгоды имущественного характера. Использование именно такого подхода к определению мотивировочной стороны коррупции в рассматриваемом нормативном документе представляется несколько странным, т. к. в статьях УК РФ, предусматривающих ответственность за коррупционные преступления, позиция законодателя выражена иным образом и включает в себя в том числе нематериальную выгоду. Так, ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями) предусматривает помимо корыстной и иную личную заинтересованность, ст. 201 УК РФ (злоупотребление полномочиями) в качестве цели преступного поведения устанавливает извлечение выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесение вреда другим лицам.

Анализ научной литературы, международных правовых актов, законодательства зарубежных стран свидетельствует о том, что, по мнению большинства отечественных и зарубежных ученых, а также законодателей иностранных государств и международных организаций, коррупция обуславливается стремлением коррупционера к извлечению не только имущественной выгоды, но и иных преимуществ, выгоды нематериального характера. Полагаем, такой подход оправдан, т. к. при соотношении коррупции с извлечением лишь материальных благ из вида выпадает значительная часть коррупционных проявлений, обусловленных иной личной заинтересованностью, от получения взаимной услуги до мотивов карьеризма и семейной солидарности.

Таким образом, на основании анализа научной литературы, нормативно-правовой базы РФ в сфере противодействия коррупции и изучения процессов, происходящих в обществе и государстве, можно выделить следующие характеризующие признаки, присущие исследуемому явлению:

- коррупция — это явление, возникающее в сфере социального управления;
- коррупция выражается в использовании публичными лицами своих полномочий и статуса вопреки интересам общества и государства;

- коррупционные отношения могут носить как односторонний характер, т. е. включать только неправомерную деятельность одного субъекта, так и двухсторонний характер, когда отношения приобретают форму коррупционной сделки (выражается в форме подкупа). Кроме того, в коррупционные отношения могут быть вовлечены третьи лица — посредники;

- к субъектам коррупции относятся лица, выполняющие в сфере социального управления публичные функции и оказывающие публичные услуги, также лица, неправомерно предоставляющие указанным лицам какие-либо блага и преимущества, и посредники или лица, оказывающие содействие в совершении указанных действий в иной форме;

- с субъективной стороны коррупция характеризуется подменой общественных интересов личными, узкогрупповыми или интересами третьих лиц.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что коррупция — это явление в сфере социального управления, выражающееся в использовании публичными лицами своих полномочий и статуса в личных интересах и (или) в интересах третьих лиц, а также неправомерное предоставление указанным лицам каких-либо благ и преимуществ и содействие в совершении указанных действий.

Под публичными лицами в контексте данного определения следует понимать лиц, наделенных властными полномочиями в сфере социального управления, которые выполняют публичные функции или оказывают публичные услуги.

Под публичными функциями и публичными услугами следует понимать деятельность, ориентированную на неопределенный круг лиц, в целях удовлетворения интересов общества и государства.

Полагаем, что такой подход к определению коррупции позволит наиболее полно выявить сущность исследуемого явления, раскрыть механизм его проявления и отразить круг субъектов, подверженных коррупционной деформации.

Список источников

1. Макоева Е. Р. Понятие коррупции в общественной жизни современной России // Право и Управление. 2023. № 11. С. 259–270.
2. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. Т. 3. 654 с.
3. Аристотель. Сочинения: пер. с древнегреч. в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.
4. Макиавелли Н. Государь: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 656 с.

5. Лопашенко Н. А. Противодействие российской коррупции: обоснованность и достаточность уголовно-правовых мер // Следователь. 2009. № 6. С. 35–40.
6. Кузнецова Н. Ф. Коррупция в системе уголовных преступлений // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 1993. № 1. С. 21–26.
7. Волженкин Б. В. Коррупция. Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе». СПб., 1998. 44 с.
8. Дульнев М. В. Коррупция и борьба с ней в Советском государстве в 1917–1991 гг. (историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 214 с.
9. Римский В. Л. Бюрократия, клиентизм и коррупция в России // Полития. 2007. № 1 (44). С. 65–84.
10. Кулигин О. В. Исторический опыт государственного и общественного противодействия коррупции в Российской Федерации (1991–2008 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. Астрахань, 2012. 207 с.
11. Артемьев А. Б. Коррупция в механизме функционирования государства (теоретико-правовое исследование в рамках эволюционного подхода): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 420 с.
12. Шишкарёв С. Н. Правовой порядок в сфере противодействия коррупции: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 401 с.
13. Селихов Н. В. Коррупция в государственном механизме современной России (теоретические аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. 268 с.
14. Щедрин Н. В. О совершенствовании законодательного определения коррупции // Право и политика. 2009. № 7. С. 1448–1452.
15. Югов А. А. Правовые основы публичной власти в Российской Федерации. Екатеринбург: Изд-во Ур ГЮА, 1999. 121 с.
16. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=30014>.
17. Волков Ю. Е. Сущность социального управления // Социология власти. 2005. № 3. С. 5–22.
18. Мишин Г. К. Коррупция: понятие, сущность, меры ограничения. М., 1991. 34 с.

References

1. Makoeva E. R. Ponyatie korrupcii v obshchestvennoj zhizni sovremennoj Rossii // Pravo i Upravlenie. 2023. № 11. S. 259–270.
2. Platon. Sobranie sochinenij: v 4 t. / pod obshch. red. A. F. Loseva, V. F. Asmusa, A. A. Taho-Godi. M.: Mysl', 1994. T. 3. 654 s.
3. Aristotel'. Sochineniya: per. s drevnegrech: v 4 t. M.: Mysl', 1983. T. 4. 830 s.
4. Makiavelli N. Gosudar': Sochineniya. M.: EKSMO-Press, 2001. 656 s.
5. Lopashenko N. A. Protivodejstvie rossijskoj korrupcii: obosnovannost' i dostatochnost' ugovolno-pravovyh mer // Sledovatel'. 2009. № 6. S. 35–40.
6. Kuznecova N. F. Korrupciya v sisteme ugovolnyh prestuplenij // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo. 1993. № 1. S. 21–26.
7. Volzhenkin B. V. Korrupciya. Seriya «Sovremennye standarty v ugovolnom prave i ugovolnom processe». SPb., 1998. 44 s.
8. Dul'nev M. V. Korrupciya i bor'ba s nej v Sovetskom gosudarstve v 1917–1991 gg. (istoriko-pravovoe issledovanie): dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2008. 214 s.
9. Rimskij V. L. Byurokratiya, klientizm i korrupciya v Rossii // Politiya. 2007. № 1 (44). S. 65–84.
10. Kuligin O. V. Istoricheskij opyt gosudarstvennogo i obshchestvennogo protivodejstviya korrupcii v Rossijskoj Federacii (1991–2008 gg.): dis. ... kand. yurid. nauk. Astrahan', 2012. 207 s.
11. Artem'ev A. B. Korrupciya v mekhanizme funkcionirovaniya gosudarstva (teoretiko-pravovoe issledovanie v ramkah evolyucionnogo podhoda): dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2015. 420 s.
12. Shishkarev S. N. Pravovoj poryadok v sfere protivodejstviya korrupcii: teoretiko-pravovoe issledovanie: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2010. 401 s.
13. Selihov N. V. Korrupciya v gosudarstvennom mekhanizme sovremennoj Rossii (teoreticheskie aspekty): dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2001. 268 s.
14. Shchedrin N. V. O sovershenstvovanii zakonodatel'nogo opredeleniya korrupcii // Pravo i politika. 2009. № 7. S. 1448–1452.

15. Yugov A. A. Pravovye osnovy publichnoj vlasti v Rossijskoj Federacii. Ekaterinburg: Izd-vo Ur GYuA, 1999. 121 s.
16. Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=30014>.
17. Volkov Yu. E. Sushchnost' social'nogo upravleniya // Sociologiya vlasti. 2005. № 3. S. 5–22.
18. Mishin G. K. Korruptsiya: ponyatie, sushchnost', mery ogranicheniya. M., 1991. 34 s.

Статья поступила в редакцию 14.08.2025; одобрена после рецензирования 13.10.2025; принята к публикации 25.11.2025.

The article was submitted 14.08.2025; approved after reviewing 13.10.2025; accepted for publication 25.11.2025.

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 58–64.

Altai Law Journal. 2025. № 4 (52). P. 58–64.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.7

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ВАЖНЕЙШЕГО ЭЛЕМЕНТА МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Татьяна Дмитриевна Андреева

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, log0707@mail.ru

Аннотация. В современном мире, когда общество все более зависит от информационно-коммуникационных технологий и цифровых ресурсов, происходит поиск новых механизмов регулирования и обеспечения данных процессов. В связи с этим целью настоящей статьи является исследование эволюционного становления такого общественного явления, как культура информационной безопасности, являющаяся важнейшим элементом механизма обеспечения безопасности личности, общества и государства. Автором рассмотрены предпосылки формирования культуры информационной безопасности, а также выделены основные тенденции ее развития начиная с древних времен и до настоящего времени. Показана трансформация парадигмы информационной безопасности от технической к социотехнической системе, где непосредственно сам человек играет ключевую роль.

Ключевые слова: информационная безопасность, информационное общество, культура информационной безопасности, техническая парадигма, цифровая трансформация, эволюционные тенденции

Для цитирования: Андреева Т. Д. Формирование культуры информационной безопасности как важнейшего элемента механизма обеспечения безопасности личности, общества и государства // Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 58–64.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

FORMATION OF AN INFORMATION SECURITY CULTURE AS AN ESSENTIAL ELEMENT OF THE MECHANISM FOR ENSURING THE SECURITY OF INDIVIDUALS, SOCIETY AND THE STATE

Tatiana D. Andreeva

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, log0707@mail.ru

Abstract. Nowadays, when society is increasingly dependent on information and communication technologies and digital resources, there is a search for new mechanisms for regulating and ensuring these processes. In this regard, the purpose of this article is to study the evolutionary formation of such a social phenomenon as the culture of information security, which is an essential element of the mechanism for ensuring the security of individuals, society and the state. The author examines the prerequisites for the formation of an information security culture, as well as highlights the main trends in its development, from ancient times to the present. The transformation of the information security paradigm from a purely technical to a sociotechnical system, where the person himself plays a key role, is shown.

Keywords: information security, information society, information security culture, technical paradigm, digital transformation, evolutionary trends

For citation: Andreeva T. D. Formation of an information security culture as an essential element of the mechanism for ensuring the security of individuals, society and the state. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2025;4:58–64 (In Russ.).

© Андреева Т. Д., 2025

Становление глобального информационного пространства и формирование информационного общества, влекущего за собой определенные позитивные и негативные последствия, детерминируют необходимость соответствующих мер государственного реагирования. Это обусловлено специфическими особенностями, присущими информационному обществу, такими как глобальное распространение информационно-коммуникационных технологий, их активное проникновение во все сферы жизнедеятельности, качественное преобразование общественных отношений, а также обретение информацией статуса основного стратегического ресурса.

Для более глубокого понимания процессов, обусловивших формирование и развитие информационного общества, стоит отдельно остановиться на его истоках. Теоретические основы концепции информационного общества заложил американский социолог Дэниел Белл в классической работе 1973 г. «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования», где выделил три стадии общественного развития: доиндустриальную (основанную на мускульной силе), индустриальную (движимую машинным производством) и постиндустриальную (информационную), где ключевым производственным ресурсом становится интеллект. При этом основа концепции постиндустриального (информационного) общества базируется на оценке нового социума, резко отличающегося от господствовавшего на протяжении последних столетий: отмечаются, прежде всего, снижение роли материального производства и развитие сектора услуг и информации, иной характер человеческой деятельности, изменившиеся типы вовлекаемых в производство ресурсов, а также существенная модификация традиционной социальной структуры» [1, с. 29].

Вместе с тем Д. Беллом констатируется тот факт, что генезис информационного общества детерминирован центральной ролью знания, при этом приоритет отдается именно теоретическим знаниям, которые превалируют над практикой. Следовательно, теоретическое знание выступает в качестве стратегического ресурса общества, а те организации (университеты, научно-исследовательские институты), где это знание формируется и развивается, приобретают статус ключевых структур общества. Параллельно с этим исследователь, прогнозируя перспективу становления информационного общества, выделил сопутствующие риски, связанные с прогрессом информационных технологий, включая потенциал тотального

наблюдения за индивидами со стороны правоохранительных и политических институтов, а также масштабный сбор персональных данных в специализированные базы данных. Однако, как справедливо отмечает в своем исследовании В. Ф. Иванов, позиция Д. Белла в отношении развития информационного общества не носила ортодоксального характера и подвергалась неоднократной корректировке по мере появления новых эмпирических данных. При этом концепции Белла выступили катализатором дальнейших теоретических разработок в данной области [1, с. 515]. В частности, вопросам формирования и становления информационного общества были посвящены труды отечественных и зарубежных исследователей: З. Бжезинского, В. Л. Иноземцева, Ф. Махлупа, И. Масуды, И. А. Негодаева, Ю. А. Несневича, А. И. Ракитова, Э. Тоффлера и др.

В отечественной науке одним из первых исследовал новый этап исторического развития А. И. Ракитов. Ученый осмыслил основные характеристики информационного общества, выделенные ранее зарубежными исследователями, а также определил в качестве его основы превращение производства и использования услуг и знаний в важнейший продукт социальной деятельности [2, с. 321].

Ключевым документом, заложившим основы и принципы развития информационного общества в законодательстве, стала Окинавская хартия глобального информационного общества¹ (далее — Хартия). Это был первый международный документ, признавший информационно-коммуникационные технологии революционной силой, трансформирующей экономику, общество и политику во всем мире. В Хартии информационное общество рассматривалось как инструмент для экономического роста и процветания, социального прогресса, расширения прав и возможностей граждан и укрепления мира и стабильности. Одновременно с этим происходит процесс трансформации культуры информационной безопасности с позиций технических, корпоративных аспектов в социальную плоскость. Если ранее культура информационной безопасности рассматривалась в узкопрофессиональном контексте, с точки зрения соблюдения техники безопасности, то с указанного периода она начинает принимать социально-культурную значимость и ее роль в процессах обеспечения информационной безопасности становится ярко выраженной. В контексте проводи-

¹ Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения: 01.10.2025).

мого исследования стоит подробно остановиться на содержании понятия «культура».

Культура (от латинского *cultura* — возделываю, обрабатываю) — форма человеческого существования в его творческой и речевой активности [3, с. 330]. В Большой российской энциклопедии (под редакцией С. Л. Кравца) термин «культура» трактуется как исторически сложившийся образ жизни людей, включающий в себя ценности и нормы, верования и обряды, знания и умения, обычаи и установления, технику и технологии, способы мышления, деятельности, взаимодействия и коммуникации [4, с. 308]. Что касается культуры информационной безопасности, то Л. В. Астахова и С. С. Лушников рассматривают ее как «способ организации информационной деятельности субъекта, при котором знания и ценностные модели его поведения обеспечивают ему и другим субъектам безопасное функционирование и развитие в информационно-технологической среде» [5, с. 44].

Сравнительно недавно появилось официально закрепленное определение культуры информационной безопасности — это совокупность сформированных знаний, умений и навыков по вопросам информационной безопасности, обеспечивающая безопасное пребывание гражданина Российской Федерации в информационном пространстве¹. В свою очередь, безопасное пребывание гражданина в информационном пространстве гарантируется, прежде всего, знанием им нормативных правовых актов в указанной сфере, так называемой правовой грамотностью; умением собирать, использовать и оценивать качество информации, ее достоверность; осведомленностью о цифровых угрозах, методах защиты от них и умением применять их при возникновении соответствующих обстоятельств. В современных условиях культура информационной безопасности выступает необходимым фактором жизнедеятельности человека в обществе. Информационная культура оказывает влияние на поведение субъекта информационного права в информационном пространстве, обеспечивает его безопасность, а значит, является важнейшим социальным ненормативным регулятором общественных отношений [6, с. 569].

Стоит отметить, что еще в античные времена существовали предпосылки культуры информаци-

онной безопасности в виде наличия способов защиты материальных носителей информации. Об этом свидетельствуют сохранившиеся памятники культуры: наскальные рисунки, рассказывающие об образе жизни древних людей, письменные источники на глине, камнях, пергаменте и др. Также для защиты и передачи данных использовались физические объекты: фортификационные сооружения и вооруженная охрана. Но тем не менее указанные способы не отличались надежностью, в связи с чем информация оказывалась в руках врага. Это побудило к созданию более надежных средств защиты информации, например шифра императора Цезаря, который предусматривал систему кодов, делавших невозможным для прочтения информацию и передаваемые сообщения в случае перехвата врагами [7, с. 353]. По мере общественного развития, технического прогресса менялись объекты, методы, способы, приемы защиты информации. Если изначально процессы, связанные с защитой информации, поддерживались правовыми обычаями, указаниями органов власти и этого инструментария было вполне достаточно в указанный исторический период, то в дальнейшем данные меры с поставленной задачей не справлялись. Действительно, в контексте античной или феодальной культурной традиции вопрос о защите персональных данных эксплуатируемого народа даже не ставился, а запрет на доступ к сведениям об аристократии и тем более монаршим лицам был абсолютен [8, с. 131]. Способы обеспечения информационной безопасности были примитивными и оставались неизменными на протяжении длительного времени, вплоть до конца XVII в. Затем с учетом запросов и вызовов конкретного исторического периода, а именно укреплением капиталистического экономического уклада возникла необходимость в более сложных письменных источниках права, в т. ч. регулирующих общественные отношения в сфере защиты информации. В этот период начинают появляться правоприменительные акты, направленные на защиту авторского права, государственной тайны, персональных данных. Так, в 1724 г. Петром I был издан Указ «О делах тайности подлежащих», направленный на выработку мер защиты государственной тайны, который являлся фактически одним из первых источников права, обеспечивающих защиту информации. С 1845 г. разглашение коммерческой тайны стало наказуемым деянием, что было закреплено императором Николаем I в «Уложении о наказаниях общего определения».

¹ Об утверждении Концепции формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Российской Федерации от 22.12.2022 № 4088-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

С началом XX в. в поле зрения законодателя вошли вопросы защиты информации о частной жизни граждан. Так, Уголовное уложение 1903 г. ограничивало вмешательство должностных лиц в личную и семейную жизнь граждан при отправлении правосудия.

Несмотря на принятые меры, централизованная система защиты государственной тайны, а также унифицированное законодательство в данной сфере отсутствовали. Новая веха в данной области была открыта с установлением советской государственности, особенно с утверждением Конституции РСФСР 1936 г., где появился раздел о правах и свободах гражданина, а также были закреплены такие категории, как неприкосновенность личности, неприкосновенность жилища и тайна переписки.

С 1950-х гг. начинается процесс зарождения технической парадигмы информационной безопасности, а именно акцент делается на развитии централизованной системы обеспечения защиты государственной тайны, каналов спецсвязи и фельдсвязи для передачи секретной документации, совершенствовании нормативной правовой базы, обеспечивающей защиту информации. Культура информационной безопасности в тот период представляла собой набор технических правил для специалистов.

С 1980-х гг. начинается эра персональных компьютеров и интернета, влекущих за собой различные угрозы: компьютерные вирусы, сетевые атаки, хакерство и пр. Культура информационной безопасности начинает носить массовый характер, становятся популярными курсы повышения информационной грамотности. Таким образом, сам человек занимает активную позицию в вопросах обеспечения информационной безопасности, приобретая для этого специальные познания в целях защиты своих персональных данных.

Начало XXI в. ознаменовано развитием интернета вещей, цифровой трансформацией. Угрозы информационной безопасности выходят на новый уровень: фишинг, кибератаки, реалистичные фейки, утечки данных, безграничные возможности искусственного интеллекта и др. Указанные обстоятельства требуют от каждого человека не только знания особенностей функционирования информационной среды, но и умения адаптироваться к ней. Большие вызовы в условиях информационного общества обуславливают необходимость поиска дополнительных элементов механизма регулирования процессов обеспечения информационной безопасности. Классическая структура

механизма обеспечения безопасности личности включает в себя следующие элементы: наличие соответствующих нормативных правовых актов, наличие гарантий обеспечения безопасности личности, деятельность уполномоченных на то субъектов обеспечения безопасности, а также деятельность самого индивида (соблюдение «цифровой гигиены», наличие культуры информационной безопасности).

На наш взгляд, важнейшую роль в данном механизме занимает такой элемент, как культура информационной безопасности. Борьба с угрозами информационной безопасности государственно-правовыми средствами, безусловно, играет также существенную роль, но учитывая многочисленность источников угроз информационной безопасности и сложность их выявления, ограниченные возможности их пресечения, полностью оградить информационную среду от всевозможных рисков и угроз невозможно. В связи с этим актуальным становится вопрос о наличии у граждан развитой культуры информационной безопасности, позволяющей фильтровать деструктивную информацию и, таким образом, защищать себя от поступающих угроз.

В ходе данной работы нами был выделен ряд эволюционных тенденций формирования и развития культуры информационной безопасности (рис. 1).

Таким образом, культура информационной безопасности имела место в период развития всех эволюционных этапов развития общества, но по мере нарастания угроз общественным и личным социально-культурным ценностям ее значимость существенно увеличивалась. Стоит отметить, что с течением времени происходит смещение акцентов с физической и технической защиты носителей информации (сейфы для документов, пропускной режим, решетки на окнах и др.) к организационной защите, направленной непосредственно на человека и его поведение. При этом современные основы культуры информационной безопасности формируются с учетом исторических корней, базируясь на предыдущем опыте и опираясь на традиционные ценности. Важно помнить, что культура информационной безопасности представляет собой результат длительной эволюции, начавшейся в период античности и продолжающейся до настоящего времени. Тогда как довольно часто она воспринимается как современный феномен, что приводит к недооценке глубинных исторических предпосылок и закономерностей ее формирования.

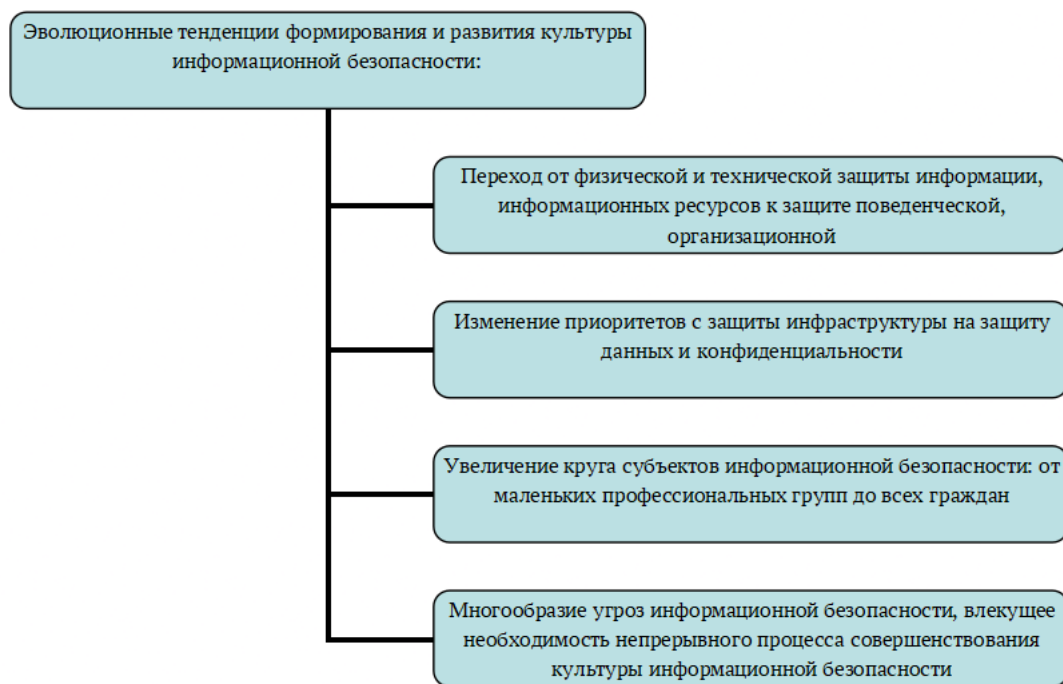

Рис. 1. Эволюционные тенденции формирования и развития культуры информационной безопасности

Развитие культуры информационной безопасности становится ключевым трендом настоящего времени, что объясняется происходящей в обществе цифровой трансформацией, становлением информации в качестве одного из стратегических экономических и политических ресурсов, а также существованием огромного количества информационных угроз, вызванных происходящими процессами. Работа по повышению культуры информационной безопасности граждан активно проводится со стороны государства, прежде всего в форме различных образовательных и просветительских проектов, а также путем замеров уровня цифровой грамотности населения. Так, аналитическим центром НАФИ с 2018 г. осуществляются ежегодные измерения уровня цифровой грамотности россиян. Исследование по итогам 2024 г. показало, что развитие цифровой грамотности жителей России затормозилось — индекс вышел на плато и третий год подряд составляет 71 п.п. из 100 возможных¹. Уже упомянутая нами выше Концепция формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации²

¹ Аналитический центр НАФИ: Индекс цифровой грамотности 2024. URL: <https://nafi.ru/analytics/index-tsifrovoy-gramotnosti-2024-tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-ne-rastet-trety-god-podryad/> (дата обращения: 01.10.2025).

² Об утверждении Концепции формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Рос-

сносит к наиболее уязвимым категориям граждан в вопросах информационной безопасности лиц в возрасте до 18 лет и старше 45 лет. Однако проводимые психологические исследования жертв кибермошенничеств [9, с. 534; 10, с. 21; 11, с. 268 и др.] указывают на то, что значительная доля потерпевших — это люди среднего возраста от 25 до 45 лет. Обусловлено это тем, что данная категория лиц проявляет наибольшую экономическую активность, пользуется различными банковскими сервисами и информационно-коммуникационными технологиями. Ввиду этого, на наш взгляд, упоминание в Концепции о том, что при проведении профилактических мероприятий в сфере информационной безопасности необходимо акцентировать внимание на лицах, не достигших восемнадцатилетнего возраста, и лицах старше 45 лет, необоснованно и требует корректировки.

Усложнение цифровой среды, использование ее возможностей для различного рода мошеннических действий требуют равного отношения ко всем субъектам профилактики и использования всех доступных средств и методов противодействия данным противоправным проявлениям.

сийской Федерации [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Российской Федерации от 22.12.2022 № 4088-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

При этом нельзя забывать о том, что центральным элементом системы информационной безопасности является человек, обладающий определенной устойчивостью к информационно-психологическим воздействиям и развитым уровнем культуры информационной безопасности.

Список источников

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования: пер. с англ. / под ред. В. Л. Иноземцева. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004. 788 с.
2. Ракитов А. И., Богуславский В. М., Чертихин В. Е. [и др.] Философия: основные идеи и принципы. Популярный очерк / под общ. ред. А. И. Ракитова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Политиздат, 1990. 368 с.
3. Новая российская энциклопедия: в 12 т. / редкол.: А. Д. Некипелов, В. И. Данилов-Данильянов и др. М.: Энциклопедия: ИНФРА-М, 2003. Т. 9. 480 с.
4. Большая российская энциклопедия: в 30 т. / отв. ред. С. Л. Кравец. М.: Большая российская энциклопедия, 2010. Т. 16. 514 с.
5. Астахова Л. В., Лушникова С. С. Культура информационной безопасности предприятия: сравнительный анализ зарубежных и российских исследований // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2019. № 1 (31). С. 37–47.
6. Кряжевских К. А. Влияние информационной культуры на уровень информационной безопасности // Вопросы российской юстиции. 2023. Вып. № 24. С. 568–573.
7. Слесарев Ю. В. Историко-правовой аспект обеспечения информационной безопасности // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 351–354.
8. Филонов А. А. Теоретические и исторические аспекты защиты информации в Российской Федерации // Вестник Национального института бизнеса. 2022. Выпуск № 1 (45). С. 130–140.
9. Жмуров Д. В. Виктимологическая характеристика жертв киберпреступлений России // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14. № 4А. С. 532–538.
10. Кабанов П. А. Жертвы кибермошенничества как один из объектов современной кибервиктимологии: краткий статистический анализ показателей криминальной виктимности 2021–2022 гг. // Виктимология. 2023. Т. 10. № 1. С. 17–28.
11. Андрианова Е. В. Социальный портрет жертв кибермошенничества // Экономическая безопасность страны, регионов, организаций различных видов деятельности: мат-лы четвертого Всероссийского форума в Тюмени по экономической безопасности, Тюмень, 19–22 апреля 2023 г. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2023. С. 265–269.

References

1. Bell D. Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo: opyt social'nogo prognozirovaniya: per. s ang. / pod red. V. L. Inozemceva. 2-e izd., ispr. i dop. M., 2004. 788 s.
2. Rakitov A. I., Boguslavskij V. M., Chertihin V. E. [i dr.] Filosofiya: osnovnye idei i principy. Populyarnyj ocherk / pod obshch. red. A. I. Rakitova. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Politizdat, 1990. 368 s.
3. Novaya rossijskaya enciklopediya: v 12 t. / redkol.: A. D. Nekipelov, V. I. Danilov-Danil'yanov i dr. M.: Enciklopediya: INFRA-M, 2003. T. 9. 480 s.
4. Bol'shaya rossijskaya enciklopediya: v 30 t. / otv. red. S. L. Kravec. M.: Bol'shaya rossijskaya enciklopediya, 2010. T. 16. 514 s.
5. Astahova L. V., Lushnikova S. S. Kul'tura informacionnoj bezopasnosti predpriyatiya: sravnitel'nyj analiz zarubezhnyh i rossijskih issledovanij // Vestnik UrFO. Bezopasnost' v informacionnoj sfere. 2019. № 1 (31). S. 37–47.
6. Kryazhevskih K. A. Vliyanie informacionnoj kul'tury na uroven' informacionnoj bezopasnosti // Voprosy rossijskoj yusticii. 2023. Vyp. № 24. S. 568–573.
7. Slesarev Yu. V. Istoriko-pravovoj aspekt obespecheniya informacionnoj bezopasnosti // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. 2019. T. 8. № 1 (26). S. 351–354.
8. Filonov A. A. Teoreticheskie i istoricheskie aspekty zashchity informacii v Rossijskoj Federacii // Vestnik Nacional'nogo instituta biznesa. 2022. Vypusk № 1 (45). S. 130–140.

9. Zhmurov D. V. Viktimologicheskaya harakteristika zhertv kiberprestuplenij Rossii // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2024. T. 14. № 4A. S. 532–538.

10. Kabanov P. A. Zhertvy kibermoshennichestva kak odin iz ob"ektov sovremennoj kiberviktimologii: kratkij statisticheskij analiz pokazatelej kriminal'noj viktimnosti 2021–2022 gg. // Viktimologiya. 2023. T. 10. № 1. S. 17–28.

11. Andrianova E. V. Social'nyj portret zhertv kibermoshennichestva // Ekonomicheskaya bezopasnost' strany, regionov, organizacij razlichnyh vidov deyatel'nosti: mat-ly chetvertogo Vserossijskogo foruma v Tyumeni po ekonomicheskoy bezopasnosti, Tyumen', 19–22 aprelya 2023 g. Tyumen': TyumGU-Press, 2023. S. 265–269.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025; одобрена после рецензирования 17.11.2025; принята к публикации 25.11.2025.

The article was submitted 10.10.2025; approved after reviewing 17.11.2025; accepted for publication 25.11.2025.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ КАК ФОРМА ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Марина Александровна Бучакова¹, Андрей Александрович Гайдуков²

¹ Омская академия МВД России, Омск, Россия, mb290163@mail.ru

² Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, gaidukow28@mail.ru

Аннотация. Авторы статьи считают, что общей целью предостережения является адресное профилактическое, а иногда корректирующее воздействие на должностных лиц и граждан, в т. ч. состоящих на профилактическом учете в органах внутренних дел. В статье подчеркивается, что предостережение носит исключительный профилактический характер, особенно на этапах ранней профилактики правонарушений. Кроме того, привлечение к юридической ответственности за несоблюдение требований официального предостережения противоречит принципу *non bis in idem*, в соответствии с которым не должно быть двойной ответственности. Официальное предостережение как мера профилактического характера имеет высокий потенциал в части противодействия совершению правонарушений и преступлений, а также устранения обстоятельств, им способствующих. Авторы полагают, что в юридической практике следует рассматривать неисполнение требований официального предостережения как обстоятельство,отягчающее административную и уголовную ответственность.

Ключевые слова: защита прав и свобод граждан, охрана общественного порядка, полиция, официальное предостережение, меры принуждения, меры убеждения, антиобщественное поведение, профилактика правонарушений, устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушения

Для цитирования: Бучакова М. А., Гайдуков А. А. Предостережение как форма профилактического воздействия // Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 65–72.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

WARNING AS A FORM OF PREVENTIVE ACTION

Marina A. Buchakova¹, Andrey A. Gaidukov²

¹ Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia, mbuchakova@mvd.ru

² Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, gaidukow28@mail.ru

Abstract. The authors believe that the overall purpose of a warning is to have a targeted preventative, and sometimes corrective, effect on officials and citizens, including those registered with internal affairs agencies. The article emphasizes that a warning is purely preventative in nature, especially during the early stages of crime prevention. Furthermore, imposing legal liability for failure to comply with the requirements of an official warning contradicts the principle of «*non bis in idem*», which stipulates that there should be no double jeopardy.

An official warning, as a preventative measure, has great potential for preventing offenses and crimes, as well as eliminating the circumstances that contribute to them. The authors consider that, in legal practice, failure to comply with the requirements of an official warning should be considered as aggravating circumstances for administrative and criminal liability.

Keywords: protection of public order, police, official warnings, coercive measures, persuasive measures, prevention of offenses

For citation: Buchakova M. A., Gaidukov A. A. Warning as a form of preventive action. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;4:65–72 (In Russ.).

На современном этапе развития общества в качестве одной из мер государственного воздействия на сложившиеся правоотношения законодателем была введена такая мера, как официальное предостережение. Эта административная мера носит прежде всего охранительный характер, т. к. направлена на защиту прав и свобод человека и гражданина (ч. 1 ст. 45 Конституции Российской Федерации)¹. Наличие рассматриваемой охранительной меры административно-правового воздействия предполагает, что государство выполняет взятые на себя полномочия не только посредством создания комфортных социально-экономических условий в стране, но и путем эффективной работы органов публичной власти по охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности, предупреждению и пресечению правонарушений и преступлений. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, подчеркивая важность развития единой государственной системы профилактики правонарушений, способствовала выработке унифицированных форм профилактического воздействия, применимых всеми без исключения субъектами профилактики правонарушений, начиная от федеральных органов исполнительной власти и заканчивая органами местного самоуправления². Следует отметить, что предостережение как непосредственная охранительная мера имеет расширенный спектр действия и, учитывая разнообразие общественных отношений в экономике, социальной сфере, безопасности государства, не может применяться только одним государственным органом.

Применительно к общественным отношениям предостережение чаще всего носит рекомендательный характер, указывая на возможность наступления негативных правовых последствий в случае нарушения обязательных требований либо неправильного применения норм права уполномоченными должностными лицами, а также в случае совершения гражданами антиобщественного поведения либо действий, создающих условия для совершения правонарушений. Рекомендации и наставления, оформленные в виде предостережения для должностных лиц и граждан, носят официальный характер и учитываются органом и должностным

лицом, в полномочия которого входит его вынесение (объявление).

Термин «предостережение» довольно часто встречается в справочной и юридической литературе. Так, толковый словарь русского языка С. И. Ожегова трактует рассматриваемый термин как «предостерегающие слова, меры, события» [1, с. 975].

В Большом юридическом словаре предостережение рассматривается в историческом контексте применительно к периоду с 1865 по 1917 г. Именно в этот период предостережение выступало в качестве меры государственного воздействия и выносилось Министром внутренних дел за нарушение цензурных правил. После вынесения третьего по счету предостережения печатное издание (газета, журнал) приостанавливало свою деятельность либо закрывалось [2, с. 471].

В советский период институт предостережения также был известен и входил в компетенцию органов прокуратуры и государственной безопасности. Так, согласно ст. 25.1 Закона СССР от 30 ноября 1979 г. № 1162-X «О прокуратуре СССР» предостережение прокурора о недопустимости нарушений закона объявлялось письменно как должностным лицам, так и гражданам³. Целью выносимого прокурором предостережения являлось предупреждение правонарушений, в т. ч. на стадии его подготовки.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 декабря 1972 г. № 3707-VIII «О применении органами государственной безопасности предостережения в качестве меры профилактического воздействия» должностные лица органов государственной безопасности наделялись полномочиями по вынесению официального предостережения за антиобщественные действия, противоречащие интересам государственной безопасности СССР, если данные действия не содержали состава преступления⁴.

На современном этапе предостережение введено в систему административно-предупредительных мер сравнительно недавно, в 1992 г., и является наиболее мягкой мерой в сравнении с другими предупредительными мерами, такими как представление об устранении причин и условий совершения правонарушений или предписание.

¹ Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О прокуратуре СССР: Закон СССР от 30 ноября 1979 г. № 1162-X. Документ утратил силу.

⁴ О применении органами государственной безопасности предостережения в качестве меры профилактического воздействия: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 декабря 1972 г. № 3707-VIII. Документ утратил силу.

Учитывая рекомендательный характер рассматриваемой охранительной меры, мы не можем отнести ее к мере принуждения. Это обусловлено тем, что должностное и физическое лицо еще не совершили административное правонарушение или преступление, однако они находятся в процессе несоблюдения обязательных требований и предписаний либо их поведение носит антиобщественный характер или создает условия для совершения правонарушения. Однако и к мерам убеждения рассматриваемая государственная мера воздействия не вполне относится.

К примеру, законодатель в Федеральном законе Российской Федерации от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» определил рассматриваемую меру между мерами поощрения и мерами взыскания¹.

В соответствии с указанным законом данная мера применима к лицам, находящимся на территориях следственных изоляторов и прилегающих к ним территориях, на которых установлены режимные требования (подозреваемые, обвиняемые, подсудимые и иные лица). Аналогичное по содержанию предостережение как промежуточная мера содержится в ст. 17.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее — УИК РФ). Его действие распространяется на территориях учреждений, исполняющих наказания, и прилегающих к ним территориях, на которых установлены режимные требования².

В настоящее время несколько органов публичной власти в лице их должностных лиц наделены полномочиями по вынесению (объявлению) предостережения. К ним относятся должностные лица: органов прокуратуры, органов, осуществляющих государственный контроль (надзор) и муниципальный контроль, ФСИН России, ФСБ России, полиции.

В зависимости от органа, его издавшего, предостережение выступает в качестве средства прокурорского реагирования, видом профилактического мероприятия, реализуемого в рамках государственного контроля (надзора) и муниципального контроля, или формой профилактического воздействия, установленной законом.

¹ О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Предостережение в прокурорской практике имеет свою специфику и вовсе не рассматривается как форма профилактического воздействия. Хотя законодатель наделил органы прокуратуры возможностью его применения в рассматриваемом качестве. Для органов прокуратуры предостережение — средство прокурорского реагирования на нарушения закона, которое применяется при осуществлении надзора за исполнением законов и законностью правовых актов (ст. 25.1 Федерального закона Российской Федерации от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»)³.

Важно подчеркнуть, что именно предостережение как средство прокурорского реагирования законодатель обеспечил силой государственного принуждения, установив административную ответственность по ст. 17.7 КоАП РФ. Вместе с тем не совсем понятно, каковы сроки исполнения требований, содержащихся в предостережении. Более того, в предостережении содержатся условия, при наличии которых может быть совершено правонарушение, однако на момент вынесения предостережения оно еще не совершено.

В научной литературе отмечается, что иногда прокурорское предостережение выносится для улучшения показателей деятельности. Все эти обстоятельства требуют совершенствования нормативного правового регулирования в части вынесения данной меры прокурорского реагирования.

Целью рассматриваемого средства прокурорского реагирования является предупреждение правонарушений и недопустимость нарушений закона. При этом одним из оснований для предостережения должностного лица могут быть достоверные сведения о готовящемся противоправном деянии, которое может причинить вред охраняемым законом правам и свободам граждан, однако не влечет за собой уголовную ответственность. Такой вид предостережения применим только к должностным лицам государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, органов военного управления, воинских частей и учреждений. Под его действие также подпадают руководители и отдельные работники коммерческих и некоммерческих организаций, общественных (религиозных) объединений, которые выполняют организационно-распорядительные и административно-хозяй-

³ О прокуратуре Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 17 января 1992 г. № 2202-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ственные функции. При наличии оснований для привлечения нарушителей закона к дисциплинарной, административной, материальной, уголовной ответственности предостережение о недопустимости нарушения закона, как правило, не применяются¹.

Разновидностью предостережения как средства прокурорского реагирования является объявление предостережения о недопустимости осуществления экстремистской деятельности (ст. 6 Федерального закона Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»)².

Наличие общественных отношений в экономике, торговле, производстве и других сферах, подпадающих под действие Федерального закона Российской Федерации от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности», предполагает существование обязательных требований к юридическим лицам или индивидуальным предпринимателям, которые имеют статус лицензиата³. Для соблюдения указанных требований контролирующими органами задействован институт предостережения. В соответствии со ст. 46 Федерального закона Российской Федерации от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» предостережение относится к числу профилактических мероприятий⁴. Так, предостережение о недопустимости нарушения (с предложением принять меры по обеспечению соблюдения обязательных требований) в качестве меры профилактики правонарушений вправе объявить контролируемому лицу Роспотребнадзор в случае, если данный хозяйствующий субъект нарушает обязательные требования или есть риск несоблюдения обязательных требований. Такая мера применяется, если имеются сведения о готовя-

щихся нарушениях обязательных требований (но пока ничего не нарушено) или имеются сведения о признаках нарушений обязательных требований (т. е., вероятно, уже нарушили), но при этом нет подтвержденных данных о том, что такое нарушение причинило вред (ущерб) охраняемым законом ценностям.

Предостережение необходимо отличать от предписания, и если первое является одним из видов профилактических мероприятий, то предписание — мерой реагирования контрольного (надзорного) органа на нарушения обязательных требований. В этой связи уполномоченное лицо соответствующего контрольного (надзорного) органа принимает решение о применяемой мере исходя из фактической ситуации, руководствуясь принципами законности и целесообразности.

Вне зависимости от разновидности предостережения общими элементами рассматриваемой меры государственного воздействия является его государственно-властный характер. Ведомственным нормативным актом уточняется и корректируется перечень должностных лиц, наделенных правом его применения. Общей целью предостережения является адресное профилактическое, а иногда корректирующее воздействие на должностных лиц и граждан, в т. ч. состоящих на профилактическом учете в органах внутренних дел. Общая задача предостережения — не позволить ранее указанным лицам нарушить требования закона и иных подзаконных актов.

Подчеркивая важность института предостережения в системе мер профилактического воздействия, следует более подробно его рассмотреть в качестве формы профилактического воздействия. В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 17 Федерального закона Российской Федерации от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее — Закон «О профилактике») официальное предостережение выносится о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения. Такое предостережение вправе применять субъекты профилактики, обозначенные в ст. 5 Закона «О профилактике»⁵.

Учитывая, что каждый федеральный орган исполнительной власти, относящийся к субъек-

¹ О применении предостережения о недопустимости нарушения закона [Электронный ресурс]: указание Генпрокуратуры Российской Федерации от 6 июля 1999 г. № 39/7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О противодействии экстремистской деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О лицензировании отдельных видов деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

там профилактики правонарушений, компетен-тен в своей области, то и предостережение будет распространяться на строго определенную сферу общественных отношений. Это подтверждается изданием отдельного ведомственного приказа (ФСБ России, МВД России, ФСИН России), в соответствии с которым устанавливается процедура вынесения или объявления официального предостережения, а также исчерпывающий перечень должностных лиц, уполномоченных совершать указанные действия. При этом предостережение одного органа может быть самостоятельным и независимым от предостережения другого органа. В частности, предостережение ФСБ России распространяется только на физических лиц, действия которых создают условия для совершения преступлений, дознание и предварительное следствие по которым отнесены к ведению органов ФСБ России (преступления против общественной безопасности и государственной власти)¹. Согласно требованиям приказа ФСБ России от 2 ноября 2010 г. № 544 официальное предостережение может быть объявлено в целях предупреждения указанной категории преступлений².

Сфера действия официального предостережения, объявляемого сотрудниками уголовно-исполнительной системы, ограничивается территорией (учреждения, исполняющие наказания, и следственные изоляторы), а также кругом лиц, находящихся на указанной территории (подозреваемые, обвиняемые, подсудимые, осужденные). Согласно ч. 3 ст. 23 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» объявление официального предостережения — это право сотрудника уголовно-исполнительной системы³. Целью официального предостережения является предупреждение адми-

нистративных правонарушений и преступлений со стороны спецконтингента на территории исправительных учреждений и следственных изоляторов⁴.

Сфера действия официального предостережения, объявляемого полицией, также ограничена. В частности, п. 12 ч. 1 ст. 13 Федерального закона Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее — Закон «О полиции») указывает на право полиции объявлять предостережение лицам, действия которых создают условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции⁵. Важно подчеркнуть, что перечень преступлений, отнесенных к компетенции полиции, определен ст. 151 УПК РФ. В свою очередь, перечень административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, регулируется законодательством об административных правонарушениях, включая региональное законодательство об административной ответственности.

Для полиции объявление официального предостережения, так же как и для сотрудников уголовно-исполнительной системы и органов государственной безопасности, — право, необходимое для выполнения возложенных на них обязанностей, в рамках полномочий рассматриваемых государственных органов.

В содержательном аспекте официальное предостережение, объявляемое полицией, как форма профилактического воздействия восполнило правовой пробел, имевшийся после принятия Закона «О профилактике», относительно полномочий полиции. При этом законодатель в Законе «О полиции» значительно расширил круг лиц, в отношении которых полиция вправе его применить. Если Закон «О профилактике» сконцентрировал применение официального предостережения в отношении лиц, состоящих на профилактическом учете и с которыми проводится индивидуальная профилактическая работа сотрудниками отдельных служб и подразделений полиции, то Закон «О по-

¹ О Федеральной службе безопасности [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об объявлении органами Федеральной службы безопасности официального предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, дознание и предварительное следствие по которым отнесено законодательством Российской Федерации к ведению органов Федеральной службы безопасности [Электронный ресурс]: приказ ФСБ России от 2 ноября 2010 г. № 544. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации [Электронный ресурс]: Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О некоторых вопросах объявления органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений и административных правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения [Электронный ресурс]: приказ ФСИН России от 3 декабря 2021 г. № 1106. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

лиции» расширил возможности применения официального предостережения. Критерии расширения применения официального предостережения были обусловлены предназначением и основными направлениями деятельности полиции, а также ключевой обязанностью полиции по предупреждению и пресечению преступлений и административных правонарушений. Процедурные вопросы, связанные с объявлением официального предостережения, а также перечень должностных лиц установлены Приказом МВД России от 4 марта 2020 г. № 119¹.

Рассматривая цели официального предостережения как формы профилактического воздействия, применяемые ФСБ России, ФСИН России, МВД России, уместно соотнести их с основными направлениями профилактики правонарушений, предусмотренных ст. 6 Закона «О профилактике» — они в полной мере соотносятся с таким направлением, как предупреждение правонарушений.

Несмотря на четкое целеполагание рассматриваемой формы профилактического воздействия, существуют отдельные проблемные аспекты, связанные с определением должностными лицами границ антиобщественного поведения. Следует отметить, что до настоящего момента не конкретизированы действия лица, которые интерпретируются сотрудниками полиции и уголовно-исполнительной системы как антиобщественное поведение, даже несмотря на наличие в п. 6 ч. 1 ст. 2 Закона «О профилактике» термина «антиобщественное поведение», который подразумевает «действия физического лица, не влекущие за собой административную или уголовную ответственность, нарушающие общепринятые нормы поведения и морали, права и законные интересы других лиц»². Более того, следует ли относить недостижение возраста привлечения к административной и уголовной ответственности к антиобщественному поведению? Имеющаяся формулировка в Законе «О профилактике» явля-

ется общей и будет иметь расширенное толкование в отдельных регионах Российской Федерации. В юридической литературе также не представлена однозначная позиция относительно толкования термина «антиобщественное поведение».

К. С. Баканов, С. Н. Антонов, М. М. Исаев указывают, что дефиниция «антиобщественное поведение» требует конкретизации. Это обусловлено тем, что «действия лица посягают на два объекта: нормы морали (неправовая категория) и нормы права — законодательство, определяющее рамки поведения конкретного индивидуума (правовая категория), нарушение которой влечет ответственность» [3, с. 47].

А. П. Вальков, А. Н. Димитров, С. С. Сотников под антиобщественным поведением подразумевают «поступки и действия людей, которые не соответствуют принятым в обществе нормам морали и существующим законодательным документам» [4, с. 51].

Так, А. К. Дубровин полагает, что антиобщественное поведение — «осознанное противоправное поведение лица, неоднократно нарушающего установленные законодательством нормы, имеющего умысел на последующее совершение правонарушений» [5, с. 219].

В свою очередь, Д. Н. Лунин указывает, что термин «антиобщественное поведение» в большей степени ассоциируется «с антиобщественными действиями, исчерпывающего перечня которых на сегодняшний день на законодательном уровне не имеется» [6, с. 105]. В настоящее время действия, подпадающие под антиобщественные, относятся к сфере полицейской дискреции.

Анализ вышеперечисленных нормативных актов позволяет нам с уверенностью сказать, что только ч. 3 ст. 20 Закона «О профилактике» предусматривает возможность привлечения к юридической ответственности в случае неисполнения требования, изложенного в официальном предостережении. Указанная в Законе «О профилактике» норма требует дополнительного разъяснения, т. к. вынесение (объявление) предостережения — это право полиции, а в содержании документа будут содержаться письменные требования о прекращении лицом действий, создающих условия совершения правонарушения либо антиобщественного поведения. В свою очередь, ч. 3 ст. 30 Закона «О полиции» четко сформулировала гарантии правовой защиты сотрудника полиции, связанные с обязательностью выполнения гражданами и должностными лицами его законных, а тем более письменных требований, содержащихся в официальном

¹ О некоторых вопросах объявления органами внутренних дел Российской Федерации официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 4 марта 2020 г. № 119. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

предостережении. Это, в свою очередь, должно расширять сферу действия ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ.

В научной среде относительно указанных нами обстоятельств встречается схожая точка зрения. Как справедливо отмечают Д. Р. Амиров и С. А. Ищенко, чтобы признать предостережение в качестве меры административного принуждения, необходимо наличие двух условий. Первое условие — установление юридической ответственности. Второе условие — порядок привлечения к ответственности с применением соответствующих мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении [7, с. 135]. В настоящее время правоприменительная практика относительно привлечения к административной ответственности по ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ за неисполнение требований, содержащихся в официальном предостережении, отсутствует.

Отсутствие принуждения и административной ответственности, по нашему мнению, об-

условлено несколькими важными обстоятельствами. Во-первых, законодатель подчеркивает исключительный профилактический характер предостережения, особенно на этапах ранней профилактики правонарушений. Во-вторых, привлечение к юридической ответственности за несоблюдение требований официального предостережения противоречит принципу *non bis in idem*, в соответствии с которым не должно быть двойной ответственности. В этой связи мы приходим к выводу, что официальное предостережение как мера профилактического характера имеет высокий потенциал в части противодействия совершению правонарушений и преступлений, а также устранению обстоятельств, им способствующих. В этой связи целесообразно и юридически верно рассматривать неисполнение требований официального предостережения как обстоятельства, отягчающие административную и уголовную ответственность.

Список источников

1. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М.: Мир и образование, 2024. 1375 с.
2. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Инфра-М, 2001. 704 с.
3. Баканов К. С., Антонов С. Н., Исаев М. М. Административно-предупредительные меры в области безопасности дорожного движения: монография. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2023. 140 с.
4. Вальков А. П., Димитров А. Н., Сотников С. С. Актуальные вопросы реализации права полиции объявлять физическому лицу официальное предостережение о недопустимости антиобщественного поведения // Российская юстиция. 2020. № 9. С. 50–52.
5. Дубровин А. К. Антиобщественное поведение и антиобщественные действия: теоретико-правовой аспект. Пробелы в российском законодательстве // Юридический журнал. 2017. № 1. С. 217–221.
6. Лунин Д. Н. Понятие и виды антиобщественного поведения // Виктимология. 2022. № 9 (1). С. 99–107.
7. Амиров Д. Р., Ищенко С. А. Использование института официального предостережения в отношении носителей правовых иммунитетов // Журнал российского права. 2023. № 12. С. 129–140.

Reference

1. Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: okolo 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenij / pod red. L. I. Skvorcova. 28-e izd., pererab. M.: Mir i obrazovanie, 2024. 1375 s.
2. Bol'shoj yuridicheskij slovar' / pod red. A. Ya. Suhareva, V. E. Krutskih. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Infra-M, 2001. 704 s.
3. Bakanov K. S., Antonov S. N., Isaev M. M. Administrativno-predupreditel'nye mery v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: monografiya. M.: FKU «NC BDD MVD Rossii», 2023. 140 s.
4. Val'kov A. P., Dimitrov A. N., Sotnikov S. S. Aktual'nye voprosy realizacii prava policii ob'yavlyat' fizicheskomu licu oficial'noe predosterezhenie o nedopustimosti antiobshchestvennogo povedeniya // Rossijskaya yusticiya. 2020. № 9. S. 50–52.
5. Dubrovin A. K. Antiobshchestvennoe povedenie i antiobshchestvennye dejstviya: teoretiko-pravovoj aspekt. Probely v rossijskom zakonodatel'stve // Yuridicheskij zhurnal. 2017. № 1. S. 217–221.
6. Lunin D. N. Ponyatie i vidy antiobshchestvennogo povedeniya // Viktimologiya. 2022. № 9 (1). S. 99–107.

7. Amirov D. R., Ishchenko S. A. Ispol'zovanie instituta oficial'nogo predosterezheniya v otnoshenii nositelej pravovyh immunitetov // Zhurnal rossijskogo prava. 2023. № 12. S. 129–140.

Информация об авторах

М. А. Бучакова — доктор юридических наук, профессор.

А. А. Гайдуков — кандидат юридических наук.

Information about the authors

M. A. Buchakova — Doctor of Science (Law), Professor.

A. A. Gaidukov — Candidate of Science (Law).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 23.10.2025; одобрена после рецензирования 18.11.2025; принята к публикации 25.11.2025.

The article was submitted 23.10.2025; approved after reviewing 18.11.2025; accepted for publication 25.11.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 73–78.

Altai Law Journal. 2025. № 4 (52). P. 73–78.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.95

ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КОНТРОЛЯ ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ДОКУМЕНТОВ И ПОРУЧЕНИЙ В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ (ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ)

Шамхал Абусайгидович Гаджиев¹, Татьяна Николаевна Обьедкова²,

Виктор Владимирович Тырышкин³

¹ Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, muaitai333@yandex.ru

² ГУ МВД России по Алтайскому краю, Барнаул, Россия, dtm2388@bk.ru

³ Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, witsan333@yandex.ru

Аннотация. Контроль за исполнением документов и поручений является важной частью управленческой деятельности в любой организации, включая систему Министерства внутренних дел Российской Федерации. В данной статье представлена сравнительная характеристика приказов МВД России, регламентирующих осуществление данного контроля с 1993 г. по настоящее время. Рассматриваются положительные изменения, а также проблемные вопросы, требующие дополнительной регламентации в указанной сфере. Авторами статьи рассматриваются организационно-правовые аспекты осуществления контроля за исполнением документов и поручений как одного из направлений ведомственного контроля.

Ключевые слова: функции управленческой деятельности, руководство, организация, контроль, исполнение документов и поручений, повышение эффективности деятельности, делопроизводство

Для цитирования: Гаджиев Ш. А., Обьедкова Т. Н., Тырышкин В. В. Особенности осуществления контроля за исполнением документов и поручений в системе МВД России (исторические аспекты и направления совершенствования) // Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 73–78.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

FEATURES OF MONITORING THE EXECUTION OF DOCUMENTS AND ORDERS IN THE SYSTEM OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA (HISTORICAL ASPECTS AND AREAS OF IMPROVEMENT)

Shamkhal A. Gadzhiev¹, Tatyana N. Obedkova², Viktor V. Tyryshkin³

¹ Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, Moscow, Russia, muaitai333@yandex.ru

² Russian MIA General Administration for the Altai Region, Barnaul, Russia, dtm2388@bk.ru

³ Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, witsan333@yandex.ru

Abstract. Control over the execution of documents and orders is an important part of management activities in any organization, including the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. This article presents a comparative description of the orders of the Ministry of Internal Affairs of Russia regulating the implementation of this control from 1993 to the present. Positive changes are being considered, as well as problematic issues requiring additional regulation in this area. The authors of the article provide an objective assessment of the organizational aspects of monitoring the execution of documents and orders in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia in accordance with current regulatory legal acts, as well as identify possible options for improving this area of activity of heads of territorial internal affairs bodies at various levels. The organizational and legal aspects of monitoring the execution of documents and orders are considered as one of the areas of departmental control.

Keywords: management functions, management, organization, control, execution of documents and orders, efficiency improvement, office work

For citation: Gadzhiev Sh. A., Obedkova T. N., Tyryshkin V. V. Features of monitoring the execution of documents and orders in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia (historical aspects and areas of improvement). *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;4:73–78 (In Russ.).

© Гаджиев Ш. А., Обьедкова Т. Н., Тырышкин В. В., 2025

Осуществление контроля за исполнением документов и поручений в любой организации имеет существенное значение. Учитывая огромное количество задач, решаемых органами внутренних дел, а также высокую нагрузку на руководителей, в МВД России организации данного вида контроля традиционно уделяется большое внимание на всех уровнях управления, начиная от территориальных органов районного уровня и заканчивая центральным аппаратом МВД России.

Контроль как функция управления является важной частью управленческой деятельности. В данной статье мы рассмотрим особенности осуществления контроля за исполнением документов и поручений в органах внутренних дел. Указанный вид контроля является важным аспектом управленческой деятельности в системе МВД России, т. к. он направлен на обеспечение своевременности, полноты и качества выполнения поставленных задач, что способствует повышению эффективности деятельности органов внутренних дел.

Рассматривая общие положения теории управления, выделим следующие цели контроля как одной из функций управления:

1. Обеспечение законности — контроль позволяет удостовериться, что исполнение документов осуществляется в строгом соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации.

2. Своевременность исполнения — обеспечивается выполнение поручений в установленные сроки, что повышает оперативность реагирования на возникающие проблемы.

3. Повышение дисциплины — постоянный контроль стимулирует сотрудников к выполнению обязанностей качественно и в срок.

4. Анализ результативности — через контроль выявляются недостатки в работе подразделений и отдельных сотрудников, что позволяет своевременно принимать корректирующие меры.

Контроль за исполнением поручений и документов имеет определенные специфические черты, которые мы рассмотрим далее, но в то же время в полной мере соответствует данным целям.

Рассматривая проблематику, касающуюся контроля за исполнением документов и поручений в системе МВД России, в первую очередь необходимо обратиться к историческим аспектам, раскрывающим осуществление данного контроля до введения в действие приказа МВД России № 515, актуального на сегодняшний день. В рамках подготовки статьи были проанализированы приказы МВД России, касающиеся данного аспекта управ-

ленческой деятельности руководителей различного уровня.

Одним из первых приказов, регламентирующих осуществление контроля за исполнением документов и поручений на постсоветском пространстве, является приказ МВД России от 14 января 1993 г. № 10 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в центральном аппарате Министерства внутренних дел Российской Федерации»¹.

В разделе VI Инструкции по делопроизводству в центральном аппарате Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденной данным приказом, раскрывались особенности осуществления контроля за исполнением документов и поручений в центральном аппарате МВД России. Указанный раздел назывался «Организация и контроль исполнения документов и писем граждан. Сроки исполнения поручений» и содержал особенности исполнения поручений министра внутренних дел и его заместителей. Особенностью данного приказа являлось то, что он распространял свое действие только на подразделения центрального аппарата МВД России. Пункт 5 данного приказа обязывал руководителей территориальных органов внутренних дел регионального уровня, управлений внутренних дел на транспорте и других подразделений МВД России разработать собственные инструкции по организации делопроизводства, что являлось существенным недостатком, т. к. такая практика могла иметь негативные последствия для организации контроля за исполнением документов и поручений ввиду того, что приказы, разработанные в отдельных территориальных органах МВД России, могли различаться по своему содержанию и существенные моменты, имеющие значение, в т. ч. и для осуществления указанного вида контроля, в них могли быть упущены.

Следующий приказ, регламентирующий организацию делопроизводства в органах внутренних дел, был принят в 1999 г.² и одновременно с ним приказ МВД России от 1 марта 1999 г. № 150 «Об организации делопроизводства и порядке работы с обращениями граждан в центральном аппарате и подчиненных подразделениях МВД России». Данный приказ включал в себя раздел VII «Контроль исполнения документов и поручений». Ука-

¹ В настоящее время приказ МВД России от 14 января 1993 г. № 10 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в центральном аппарате Министерства внутренних дел Российской Федерации» утратил силу.

² Об организации делопроизводства и порядке работы с обращениями граждан в центральном аппарате и подчиненных подразделениях МВД России: приказ МВД России от 1 марта 1999 г. № 150 (в настоящее время утратил силу).

занный раздел устранил отдельные пробелы, касающиеся организации контроля за исполнением документов и поручений, утвердив инструкцию по делопроизводству и порядку работы с обращениями граждан в центральном аппарате и подчиненных подразделениях МВД России.

Во-первых, действие данного приказа распространялось не только на подразделения центрального аппарата МВД России, но и на все нижестоящие территориальные органы внутренних дел, органы внутренних дел на транспорте, а также образовательные организации МВД России. Во-вторых, в качестве положительных изменений, включенных в рассматриваемый приказ, возможно отметить закрепление в тексте данного приказа субъектов, осуществляющих контроль за исполнением документов и поручений в системе МВД России, а также отдельные особенности осуществления указанного контроля.

Последующие изменения, касающиеся нормативного правового обеспечения осуществления контроля за исполнением документов и поручений были реализованы в 2006 г., когда был подписан приказ МВД России № 987¹. Данный приказ содержал в себе раздел VI «Контроль исполнения документов и поручений». В приказе № 987 раздел имел такое же название, как и в предшествующем приказе № 150. Также по содержанию существенных изменений внесено не было. Единственное нововведение — в данном приказе в качестве субъекта контроля выделяются штабные подразделения, что не было закреплено в приказе № 150.

Следующим этапом совершенствования нормативного обеспечения процесса осуществления контроля за исполнением документов и поручений стало подписание в 2012 г. приказа МВД России № 615². Данный приказ включал в себя раздел V «Организация контроля и исполнения документов и поручений». Во многом данный приказ был идентичен предыдущему приказу МВД России № 987, однако в наименовании раздела V рассматриваемого приказа отражена организационная составляющая осуществления контроля за исполнением документов и поручений. Прослежива-

лось закрепление ответственности руководителей в осуществлении указанного вида контроля.

Дальнейшим этапом в развитии правоотношений в сфере осуществления контроля за исполнением документов и поручений стало подписание приказа МВД России № 515³, действующего в настоящее время, поэтому на содержании данного приказа необходимо остановиться подробнее. Данный приказ, так же как и предыдущие, содержит в себе отдельный раздел VI «Организация контроля исполнения документов (поручений)».

В сравнении с ранее действовавшим приказом МВД России № 615 2012 г. приказ МВД России № 515 2024 г. существенных изменений не претерпел в части организации и осуществления контроля субъектами контроля, в т. ч. и штабными подразделениями в системе МВД России.

Сравнивая сам процесс организации контроля, он остался неизменным, направленным на реализацию поставленных перед МВД России целей и задач. Однако в данном приказе сделан акцент на использование информационных технологий. Так, п. 272 Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 02.09.2024 № 515, предписывает субъектам контроля осуществлять контроль с максимальным использованием возможностей СЭД⁴, других информационных систем (сервисов) и программно-технических средств обработки информации, которые за исключением СЭД в настоящее время не внедрены для использования. В приказе МВД России № 615 2012 г. использовалось такое понятие, как «контрольная картотека», однако по сложившейся практике ряд регионов использовали собственные разработанные программы ввода-вывода и формирования информации, которые с 2023 г. запрещены для использования в системе МВД, за исключением уже введенных в эксплуатацию сервисов ИСОД МВД России.

В настоящее время документооборот с каждым годом имеет тенденцию к росту, что является главным обоснованием необходимости программного сервиса организации контроля. Поэтому имеется важная для данного направления деятельности потребность внедрения электронных сервисов осуществления контроля за исполнением документов

¹ О документационном обеспечении управления в системе органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 4 декабря 2006 г. № 987. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 20 июня 2012 г. № 615. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об утверждении Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 2 сентября 2024 г. № 515. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Система электронного документооборота МВД России.

и поручений в деятельность территориальных органов, а также центрального аппарата МВД России. Введение автоматизированного сервиса позволит руководителям структурных подразделений более эффективно осуществлять промежуточный контроль за ходом исполнения мероприятий. Кроме того, сервис позволит осуществлять контроль со стороны вышестоящих органов без выезда в подчиненные подразделения, обеспечит прозрачность принимаемых решений и тем самым исключит постановку на контроль «ненужных» управленческих решений, в т. ч. дублирующих действующие приказы и указания МВД России.

Анализируя вышеперечисленные приказы МВД России, уже утратившие силу, а также действующий в настоящее время нормативный акт, мы приходим к выводу, что актуальный на сегодняшний день приказ МВД России № 515 в целом соответствует современным требованиям, предъявляемым к реализации функции контроля за исполнением документов и поручений, однако имеются определенные правовые коллизии, которые необходимо разрешить.

В частности, стоит отметить, что в управленческой деятельности МВД России каждая функция (например, анализа, планирования) закреплена в отдельных нормах права — приказах. Функция контроля за исполнением документов и поручений до настоящего времени нормативно закреплена в приказе, который в большей степени является руководством по делопроизводству. Целесообразно выделить организацию контроля штабными подразделениями в отдельный ведомственный документ, регламентирующий не только основные положения, но и процесс информатизации и применения сервиса ИСОД.

В свою очередь, анализируя практику осуществления контроля за исполнением документов и поручений, необходимо раскрыть особенности данного вида контроля, отличающие его от иных направлений контрольной деятельности. В частности, как контроль за исполнением документов и поручений соотносится с внутриведомственным контролем, а также с другими видами контроля.

Рассматривая понятие осуществления внутриведомственного контроля в органах внутренних дел, необходимо отметить, что в ведомственных приказах МВД России данное понятие не закреплено, поэтому необходимо обратиться к теории управленческой деятельности. Проанализировав научные источники [1, 2, 3], мы сформулировали наиболее общее понятие ведомственного контроля в МВД России: ведомственный контроль в системе

МВД России — это комплекс мероприятий, проводимых самим министерством и его структурными подразделениями для проверки соблюдения законности, служебной дисциплины и эффективности исполнения управленческих решений. Основная цель такого контроля — выявление нарушений, оценка результатов деятельности органов и обеспечение соответствия их работы установленным нормам. Как показывает практика, организационным аспектам внутриведомственного контроля руководителями различного уровня уделяется меньше внимания, чем иным его аспектам, несмотря на значимость данного направления работы руководителя как важной составляющей поддержания эффективности оперативно-служебной деятельности на должном уровне и ее повышения.

Ведомственный контроль возможно разграничить на два подвида: контроль за организацией деятельности подчиненных подразделений и контроль за исполнением документов и поручений подчиненными сотрудниками.

Первое направление внутриведомственного контроля детально регламентировано двумя приказами МВД России: приказом МВД России № 77 2012 г.¹, закрепляющим осуществление контроля за организацией деятельности территориальных органов внутренних дел, а также приказом МВД России № 370 2025 г.², включающим в себя особенности осуществления контроля за деятельностью образовательных организаций МВД России. Второе же направление регламентирует только отдельный раздел приказа МВД России № 515.

Несмотря на значимость и актуальность данного вида контрольной деятельности, по сути своей, включающей в себя контроль за исполнением документов и поручений подчиненными сотрудниками, как было указано выше, он регламентирован разделом приказа МВД России, закрепляющего осуществление делопроизводства в органах внутренних дел, при этом, как показал ретроспективный анализ приказов МВД России, такая практика закреплена в ведомственных нормативных актах МВД России с 1993 г. Причем, если говорить о контроле за исполнением документов, то его мы

¹ Об основах организации ведомственного контроля за деятельностью органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 3 февраля 2012 г. № 77. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об организации контроля за деятельностью образовательных организаций, находящихся в ведении Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 16 июня 2025 г. № 370. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

можем отнести к организации делопроизводства в органах внутренних дел, контроль же за исполнением поручений однозначно отнести к делопроизводству невозможно, поэтому в настоящее время усматривается необходимость разработки самостоятельного приказа МВД России, регламентирующего осуществление контроля за исполнением документов и поручений в системе МВД России.

Причем даже название раздела VI приказа МВД России № 515 «Организация контроля исполнения документов (поручений)» подчеркивает, что контроль исполнения документов — это основное направление данного раздела, что указывает на предназначение данного приказа — организацию делопроизводства.

Руководители различных уровней играют ключевую роль в процессе осуществления контрольных функций. Что касается контроля за исполнением документов и поручений, данная роль будет особо высока. Так как они устанавливают приоритеты, определяют направления фактических проверок, оценивают результаты и принимают решения по итогам проведенных мероприятий. Руководитель также несет ответственность за создание условий для эффективного функционирования системы контроля.

Руководители различных уровней должны учитывать, что при организации системы контроля за исполнением поручений и документов такой процесс включает в себя несколько последовательных этапов:

1. Постановка задачи: поручение или документ передается исполнителю с указанием сроков и требований к исполнению.
2. Мониторинг исполнения: систематический сбор информации о ходе выполнения поручений.

Может включать регулярные отчеты исполнителей, проверки на местах, использование автоматизированных информационных систем.

3. Оценка результатов: проводится сравнительный анализ фактического состояния дел с запланированными показателями. Выявленные отклонения фиксируются и анализируются.

4. Принятие мер: на основе полученных данных принимаются решения о необходимости корректировки действий исполнителей, применения дисциплинарных взысканий либо поощрений.

5. Документирование: результаты контроля оформляются в виде отчетов, справок или докладных (служебных) записок исполнительской дисциплины, которые направляются руководству для дальнейшего анализа и принятия решений.

Разграничение данных этапов позволяет выделить специфику контроля за исполнением документов и поручений и еще раз подчеркивает необходимость издания отдельного нормативного акта, регламентирующего данный вид ведомственного контроля.

В качестве вывода по рассмотренным в статье проблемным вопросам возможно отметить, что эффективная организация контроля за исполнением документов и поручений является важным элементом управления в системе МВД России. Указанный вид контроля помогает обеспечить выполнение поставленных задач, улучшить качество работы и поддерживать высокий уровень дисциплины. Важнейшими элементами успешной реализации данного контроля являются: четкое планирование, грамотная организация, применение современных методов и технологий, а также активное участие в нем руководителей всех уровней.

Список источников

1. Петрова И. В. Внутриведомственный контроль в бюджетной сфере и внутренний финансовый контроль: соотношение понятий // Государственный и муниципальный финансовый контроль. 2017. № 4. С. 11–14.
2. Беляева В. А. Финансовый контроль подведомственных учреждений: понятие и содержание // Система финансового права в условиях цифровой трансформации экономических отношений: доктрина и правовая реальность: мат-лы Международной научно-практ. конф-ции к 100-летию Верховного Суда Российской Федерации (Москва, 25 ноября 2022 г.). М.: Российский государственный университет правосудия, 2023. С. 256–263.
3. Сысолятин С. Ведомственный финансовый контроль: структура и механизмы // Государственная служба. 2008. № 5 (55). С. 87–97.

Reference

1. Petrova I. V. Vnutrivedomstvennyj kontrol' v byudzhetnoj sfere i vnutrennij finansovyj kontrol': sootnoshenie ponyatij // Gosudarstvennyj i municipal'nyj finansovyj kontrol'. 2017. № 4. S. 11–14.

2. Belyaeva V. A. Finansovyy kontrol' podvedomstvennykh uchrezhdenij: ponyatie i sodержanie // Sistema finansovogo prava v usloviyakh cifrovoj transformacii ekonomicheskikh otnoshenij: doktrina i pravovaya real'nost': mat-ly Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii k 100-letiyu Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii (Moskva, 25 noyabrya 2022 g.). M.: Rossijskij gosudarstvennyj universitet pravosudiya, 2023. S. 256–263.

3. Sysolyatin S. Vedomstvennyj finansovyy kontrol': struktura i mekhanizmy // Gosudarstvennaya sluzhba. 2008. № 5 (55). S. 87–97.

Информация об авторах

Ш. А. Гаджиев — кандидат педагогических наук.

В. В. Тырышкин — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

Sh. A. Gadzhiev — Candidate of Science (Pedagogical).

V. V. Tyryshkin — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 03.09.2025; одобрена после рецензирования 20.10.2025; принята к публикации 25.11.2025.

The article was submitted 03.09.2025; approved after reviewing 20.10.2025; accepted for publication 25.11.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 79–85.

Altai Law Journal. 2025. № 4 (52). P. 79–85.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342

ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ЕДИНОЙ СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ НА ПРИМЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Владимир Александрович Галицков¹, Иван Александрович Ефимов²

¹ Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия, v_galitskov@mail.ru

² Уральский институт государственной противопожарной службы МЧС России, Екатеринбург, Россия

Аннотация. Настоящая статья представляет собой анализ практики и возникающих проблем реализации отдельных полномочий органами местного самоуправления, которые фактически отнесены к сфере комплексной безопасности в области пожарной безопасности и предполагают выстроенное взаимодействие, но при этом носят разрозненный характер как правового регулирования, так и фактических мер реализации в правовом регулировании первичных мер пожарной безопасности. Исследование фокусируется на выявлении слабостей в законодательстве, критическом рассмотрении действующей практики и предложении рекомендаций по улучшению нормативной базы.

Ключевые слова: первичные меры пожарной безопасности, организационно-правовые проблемы перераспределения полномочий, местное самоуправление, единая система публичной власти

Для цитирования: Галицков В. А., Ефимов И. А. Полномочия органов местного самоуправления в условиях перехода к единой системе публичной власти на примере обеспечения пожарной безопасности: конституционно-правовой аспект // Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 79–85.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

POWERS OF LOCAL GOVERNMENT BODIES IN THE CONTEXT OF TRANSITION TO A UNIFIED SYSTEM OF PUBLIC AUTHORITY USING THE EXAMPLE OF ENSURING FIRE SAFETY: CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECT

Vladimir A. Galitskov¹, Ivan A. Efimov²

¹ Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia, v_galitskov@mail.ru

² Ural Institute of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Yekaterinburg, Russia

Abstract. This article is an analysis of the practice and emerging problems of the implementation of certain powers by local governments, which are actually attributed to the field of integrated safety — in the field of fire safety and involve structured interaction, but at the same time have a disparate nature of both legal regulation and actual implementation measures in the legal regulation of primary fire safety measures. The research focuses on identifying weaknesses in legislation, critically reviewing current practices, and offering recommendations for improving the regulatory framework. The authors have attempted to predict the specifics of the transit of legislative provisions from current norms to promising ones during the period of local government reform in the Russian Federation, due to the adoption of new federal law No. 33-FZ dated March 20, 2025.

Keywords: primary fire safety measures, organizational and legal problems of redistribution of powers, local self-government, unified system of public authority

For citation: Galitskov V. A., Efimov I. A. Powers of local government bodies in the context of transition to a unified system of public authority using the example of ensuring fire safety: constitutional and legal aspect. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;4:79–85 (In Russ.).

© Галицков В. А., Ефимов И. А., 2025

Вопросы пожарной безопасности стали предметом активного правового регулирования еще в дореволюционной России. Уже в XIX в. принимались специальные указы, предписывающие населению оборудовать помещения системами предупреждения пожаров и вводить особые порядки поведения в зонах повышенной опасности. После революции система пожарной охраны была интегрирована в общегосударственную инфраструктуру и получила дальнейшее развитие благодаря внедрению научно обоснованных методов и технологий.

В советский период сформировалась мощная государственная структура пожарной охраны, охватившая практически всю территорию страны. Одновременно с этим развивалась добровольческая пожарная охрана, активно привлекающая население к участию в профилактических мероприятиях.

Особенности построения государственного аппарата советского периода в истории нашей страны проявлялись в части политической и функциональной вертикализации ключевых общественных институтов с приоритетом власти советов.

Масштабные реформы конца XX в. привели к формированию принципиально иной системы управления, в которой важную роль играют органы местного самоуправления. За период правового регулирования такого явления, как местное самоуправление в Российской Федерации, мы уже трижды, если брать за основу федеральные законы в заявленной сфере, осуществляем трансформации в подходах к организации и функционированию муниципальных институтов. Конституционные поправки 2020 г. впервые затронули положения статей главы 8, и, как результат, мы получаем принятие в марте 2025 г. Федерального закона Российской Федерации № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в системе публичной власти» в сфере местного самоуправления с периодом перехода к реализации такого до 1 января 2027 г. Не вдаваясь в глубинный разбор преобразований, можно констатировать изменения территориальных основ местного самоуправления, трансформации в сфере определения структуры органов муниципалитетов, перестроение экономических основ местного самоуправления пусть и с соблюдением ранее заложенных принципов, но уже как минимум в новых условиях определения видов муниципальных образований и их компетенций. Нам еще только предстоит осуществить разборы практики переходов к новым правовым конструкциям федерального и регионального за-

конодательства в заявленных вопросах, очевидна и необходимость трансформации налогового, бюджетного законодательства РФ, а также всех тех сфер правового регулирования, где действует модель построения норм права таким образом, что федеральными законами местное самоуправление наделяется полномочиями в сфере здравоохранения, жилищных, градостроительных и других общественно значимых публичных областях.

Все это в очередной раз дает нам поле для дискуссии и постановки ряда вопросов в заявленном спектре правоотношений. Предпримем попытку постановки проблемы и предложений по адаптации нормативных правовых актов, сфокусировавшись на конкретном примере — полномочиях местного самоуправления в области пожарной безопасности, попробовав затем на уровне ряда выводов и обобщений транспонировать их на другие нормативно-правовые и муниципальные акты.

За период действия Федерального закона Российской Федерации от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» принят уже третий закон о местном самоуправлении, предпримем попытку оценить постановку вопросов в регулируемой сфере в законах 1995, 2003 и 2025 гг. Данный федеральный закон, как и ряд других законов, принятых I и II созывами Государственной Думы Российской Федерации, содержит в себе преамбулу, в которой говорится об особенностях регулирования отношений во взаимосвязи между органами государственной власти, органами местного самоуправления, общественными объединениями, юридическими лицами, должностными лицами и гражданами. Однако в этой же части закона строго обозначено, что прежде всего пожарная безопасность — это функция государства.

Далее по тексту федерального закона органы местного самоуправления, наряду с иными участниками процессов, обозначены как один из основных элементов пожарной безопасности (ст. 3), а далее уже отходя от «романтики» признания значимости, статья 6 закона определяет особенности федерального государственного надзора в заявленных процессах, где уже подразумевается строгость исполнения предписаний и соответствующих мер.

В свою очередь, в ст. 6 федерального закона о местном самоуправлении Российской Федерации от 1995 г. определялись предметы ведения местного самоуправления в сочетании вопросов местного значения и отдельных государственных полномочий, которые могут быть переданы органам муниципалитетов при предоставлении материальных и финансовых средств с возникающим

на данных основаниях правом осуществлять государственный контроль. Ключевым, на наш взгляд, аспектом здесь выступала возможность передачи полномочий, а не обязательность наличия таковых. Именно в федеральном законе Российской Федерации от 1995 г. (п. 30 ч. 2 ст. 6) в вопросах местного самоуправления мы наблюдаем сочетание таких форматов, как обеспечение противопожарной безопасности в границах муниципального образования и организация муниципальной противопожарной службы.

С принятием в 2003 г. федерального закона о местном самоуправлении № 131-ФЗ в статьях 14–16 при «распределении» объемов вопросов местного значения по видам муниципальных образований можно отметить такие тенденции, как: обеспечение противопожарной безопасности в данных нормах трансформируется в обеспечение первичных мер пожарной безопасности; для городских и сельских поселений необходимость создания муниципальной пожарной охраны была вменена только с 1 января 2010 г., а для муниципальных районов — с января 2022 г.

Возможно, эти обстоятельства и ряд других привели к тому, что по данным на февраль 2024 г. в 29 субъектах РФ созданы 249 добровольных пожарных команд и более 600 добровольных пожарных дружин. Следует отметить, что в ключевом для обеспечения пожарной безопасности ФЗ-69 статья о муниципальной пожарной охране была введена с 1 января 2005 г. на основании федерального закона Российской Федерации от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ.

Обратимся к понятийному аппарату и содержательным аспектам норм. Термин «первичные меры пожарной безопасности» впервые появился в российском законодательстве с принятием федерального закона Российской Федерации № 69-ФЗ, где и по настоящее время в разделе III «Полномочия органов государственной власти и органов местного самоуправления в области пожарной безопасности» наличествует статья 19 «Полномочия органов местного самоуправления в области пожарной безопасности». Первый фактор, который обращает на себя внимание — полномочия в данной сфере связаны именно с первичными мерами обеспечения пожарной безопасности, что свидетельствует о соблюдении принципов соответствия и взаимного учета положений федерального законодательства Российской Федерации в регулировании смежных вопросов. Второй — согласно положениям данной статьи, вопросы организационно-правового, финансового, материально-технического

обеспечения первичных мер пожарной безопасности поселений, муниципальных районов, муниципальных, городских округов, внутригородских районов устанавливаются нормативными актами органов местного самоуправления, а значит, они обязательно должны быть в них отражены. Третий аспект — в федеральном законе Российской Федерации № 131-ФЗ упомянуты только первичные меры пожарной безопасности, как следствие, это воспроизводится во всех уставах муниципальных образований, тогда как в федеральном законе Российской Федерации № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» полномочий в заявленной сфере, которые обязательны для исполнения органами и должностными лицами местного самоуправления гораздо больше: создание условий, оснащение территорий, организация и принятие мер, включение мероприятий и др. [1, с. 113]. Данные отношения усилены мерами государственного контроля и надзора. Да, безусловно, каждая из этих мер значима, весома и обусловлена факторами риска и глубиной последствий, но мы разбираем данный пример как сложившуюся и устоявшуюся тенденцию именно в контексте реформирования основ местного самоуправления, что в том числе потребует внесения изменений и в федеральный закон о пожарной безопасности как минимум в части учета переходов к одноуровневой системе местного самоуправления и к трем «новым» видам муниципальных образований.

Принятие с последующим введением в законную силу в полном его объеме с 1 января 2027 г. Федерального закона Российской Федерации от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» стало очередным этапом реформы местного самоуправления, направленным на усиление роли органов власти регионов и оптимизацию распределения полномочий, определение объемов вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения. Все это является продолжением построения единой системы публичной власти в Российской Федерации. Тот факт, что в период до 1 января 2027 г. на муниципальном уровне надлежит осуществить транзит в вопросах территориальных принципов организации местного самоуправления, а равно учесть и применить на практике условия и порядки построения системы муниципальных органов, взаимодействия с органами государственной власти субъектов РФ, заставляет по-новому посмотреть на уже сложившиеся практики сотрудничества в тех аспектах, где деятельность допускается

только при сочетании усилий всей вертикали публичной власти.

Долгое время за период функционирования ФЗ-131 складывались примерно следующие форматы: федеральный законодатель в зависимости от вида муниципального образования определяет совокупность вопросов местного значения, которые, в свою очередь, и являются предметной областью деятельности местного самоуправления — содержатся в обязательной части устава муниципального образования. Затем на условиях организационной и функциональной обеспеченности может быть передан ряд государственных полномочий от органов власти субъектов РФ, что расширяет круг ответственности местного самоуправления. К этому все-му еще добавляются часто в паритетном порядке многие полномочия из федеральных норм в сферах градостроительства, благоустройства, здравоохранения, жилищной сфере и др., где федеральная власть регулярно осуществляет контроль и надзор.

Частью 1 ст. 32 федерального закона Российской Федерации № 33-ФЗ определены полномочия органов местного самоуправления по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, которые не могут быть перераспределены между местным самоуправлением и органами государственной власти РФ, и в данной части статьи ни первичных мер безопасности ни муниципальной пожарной охраны нет.

В части 2 разбираемой нормы первичные меры пожарной безопасности указаны, но как полномочие, которое в соответствии с законом субъекта РФ может быть перераспределено от низового уровня публичной власти к вышестоящему по восходящей, а это уже транзит обратной направленности относительно тех порядков, которые сложились в федеральном законодательстве и практике его применения на данный момент. Возможность создания пожарной охраны на муниципальном уровне справедливо указана именно как право муниципалитетов на учреждение таковых, но при этом оно определено как вопрос, не отнесенный к полномочиям местного самоуправления. Тогда как сейчас мы имеем практику, при которой в федеральном законе Российской Федерации № 131-ФЗ это такой же вопрос местного значения, как и первичные меры пожарной безопасности, а значит, между ними можно поставить знак равенства. Да, безусловно, никто не посягает на ключевые принципы местного самоуправления — самостоятельность, организационно-финансовую обособленность, поиск и оптимизацию моделей и порядков исходя из своих особенностей и возможностей, но никто не

отменяет вопросы ответственности государственного контроля и надзора.

Еще одна из мер, косвенно обуславливающая пожарную безопасность, — это вопросы обращения с коммунальными отходами. Федеральное законодательство предусматривает четкое распределение полномочий и обязанностей между органами местного самоуправления, собственниками имущества и руководителями организаций в области пожарной безопасности и обращения с твердыми коммунальными отходами (далее — ТКО). Рассмотрим ключевые положения и взаимосвязь нормативных актов, регулирующих эти сферы.

Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ определяет вопросы местного значения, включающие организацию сбора, транспортировки и переработки ТКО.

Федеральный закон Российской Федерации от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ регламентирует общие нормы пожарной безопасности, обязывая всех участников процесса (собственников, управляющих компаний, предприятий) разрабатывать и внедрять меры предотвращения пожаров.

Правила противопожарного режима, утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 16 сентября 2020 г. № 1479, устанавливают детальные нормы поведения владельцев недвижимости и пользователей земель относительно уборки территорий и недопустимости устройства несанкционированных свалок.

Да, безусловно, эти три документа образуют единый правовой механизм, направленный на защиту населения и окружающей среды от рисков возникновения чрезвычайных ситуаций, вызванных пожарами и ненадлежащими методами обращения с отходами.

Особое внимание уделяется обязанностям собственников и пользователей земельных участков. Они обязаны регулярно проводить очистку территории от сухих растений, мусора и обеспечивать отсутствие условий для распространения огня. Правило действует на территории муниципальных образований, а также на не разграниченных земельных участках. Сложившаяся судебная практика, а также правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации — Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 октября 2015 г. № 26-П, Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 4 июля 2023 г. № 9-АД23-7-К1 и др. — лишь подтверждают обоснованность таких подходов.

При этом запрет установлен на размещение любых видов отходов на открытых пространствах,

особенно вблизи объектов инфраструктуры, жилых зон и природных территорий. Несоблюдение этих норм грозит как дисциплинарной и административной ответственностью, так и в случае наступления последствий вплоть до привлечения виновных лиц к уголовной ответственности.

Все это позволяет справедливо отметить, что законодательство России последовательно выстраивает систему защиты от угроз, например, связанных с пожароопасностью и загрязнением окружающей среды, что нормативные акты взаимодополняют друг друга, создавая эффективную правовую основу для контроля и мониторинга ситуации в сфере пожарной безопасности и экологического благополучия муниципалитетов и регионов. Однако следует отметить, что фактическое состояние финансовой обеспеченности, организационных и технических возможностей местного самоуправления, территориальная доступность, сезонность и прочее не всегда и не в полной мере позволяют обеспечить равенство муниципальных образований в своевременности принятия мер, в достаточности данных мер и их полноте.

На данном примере мы видим транзит норм из федерального законодательства о местном самоуправлении в подотраслевое законодательство в сфере пожарной безопасности и (или), наоборот, в подзаконные акты, где, безусловно, работает логика обоснования комплексной безопасности и защиты прав и свобод граждан. По крайней мере пожарная безопасность «перешла» из норм федерального закона Российской Федерации № 131-ФЗ в № 33-ФЗ и продолжит реализовываться, тогда как некоторые «аналоги», похоже, такого перехода не предполагают.

В частности, до настоящего времени в федеральном законодательстве установлена такая функция местного самоуправления, как охрана общественного порядка, которая изначально была в ч. 1 ст. 132 Конституции России, но после поправок 2020 г. ее исключили. В вопросах местного самоуправления подобного рода деятельность в федеральном законе Российской Федерации № 131-ФЗ была проявлена несколькими составляющими как в непосредственной форме деятельности, так и через право учреждать муниципальную милицию и взаимодействовать с федеральным органом власти в заявленной сфере, в новом законе РФ останется лишь формат содействия добровольным дружинам. Любопытным будет наблюдать, сохранится ли введенная федеральным законом и реализованная ведомственными актами МВД России практика отчетов должностных лиц территориаль-

ных органов МВД России перед представительными органами местного самоуправления.

Современные реалии требуют постоянного обновления и адаптации нормативных актов, регулирующих полномочия органов местного самоуправления в этой сфере [2, с. 15], в соответствии с изменяющимися условиями общественной жизни.

Проводимая в России реформа публичной власти, обусловленная как комплексными изменениями в части поправок к Конституции Российской Федерации 2020 г., так и принятием целого ряда федеральных законов, предусматривает в том числе и изменение порядков изъятия отдельных полномочий, передачи таковых от одного уровня публичной власти другому. Федеральный закон Российской Федерации от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» переводит форматы публичных отношений в части распределения полномочий в условия, при которых принципы такого распределения не просто предполагают возможность издания органами государственной власти законов субъектов о наделении соответствующим функционалом, а строго регламентируют вопросы наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями с соблюдением принципов ст. 52 ФЗ-414. Следует учитывать, что и ранее — в редакции федерального закона об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации от 2014 г. — был определен ряд сфер, в рамках которых обратная процедура изъятия полномочий по отношению к ряду конституционных функций местного самоуправления не представлялась возможной (такие как управление муниципальным имуществом, охрана общественного порядка и др.). Однако, как мы уже отметили выше, практика в части иных полномочий — в сфере градостроительства, рекламы — допускала изъятие таковых при фактическом «несогласии» муниципалитета.

В 2015 г. Законодательное Собрание Свердловской области приняло решение передать муниципальным органам Екатеринбурга все полномочия в сфере градостроительства Министерству строительства региона. Начиная с 1 января 2016 г. министерство стало единственным органом, осуществляющим выдачу разрешений на строительство и ввод объектов в эксплуатацию, утверждение градостроительных регламентов, правил землепользования и застройки (ПЗЗ), а также предоставление технических условий для присое-

единения новых объектов к инженерным коммуникациям.

Однако в декабре 2021 г. Законодательное Собрание области вернуло вышеуказанные полномочия Екатеринбургской городской администрации. Таким образом, начиная с 1 января 2022 г. городская администрация вновь стала ответственна за выдачу разрешений на строительство и введение в эксплуатацию жилых помещений, согласование реконструкции существующих зданий и сооружений, а также утверждение генерального плана города [3, с. 72].

Федеральный закон Российской Федерации № 414-ФЗ регулирует вопросы распределения полномочий между муниципальными образованиями и субъектами РФ. Основной принцип — перераспределение полномочий должно проходить на законных основаниях и не ущемлять права граждан и муниципальных образований [4, с. 139].

Нормы федерального закона о местном самоуправлении 2025 г. позволят нам в очередной раз оценить текущее состояние практики реализации отдельных полномочий органов местного самоуправления при отсутствии достаточных сил и средств или недостаточности перераспределить их на более высокий уровень организации публичной власти — субъектов РФ, тем самым избежать ситуации, при которой отсутствие организацион-

ных основ и возможностей фактически приводит к бездействию или недостаточности действий в рамках комплексных мер безопасности или вопорядка.

Ведь как показывают правоприменительная и судебная практика, а равно результаты государственного надзора в рассматриваемой сфере, дефицит средств на реализацию первичных мер пожарной безопасности часто становится аргументом в попытке обосновать те или иные упущения в данной сфере [5, с. 21].

Многие эксперты подчеркивают, что перераспределение полномочий без адекватного увеличения финансирования способно ухудшить ситуацию, заставляя муниципалитеты выбирать между первоочередными потребностями граждан и инвестициями в инфраструктуру пожарной безопасности.

Исследование показало, что вопросы пожарной безопасности в органах местного самоуправления остаются сложной задачей, требующей глубокого анализа и реформирования. Необходимо достичь баланса между централизованным контролем и децентрализацией полномочий, создать надежные механизмы финансирования и поддерживать высокие стандарты профессионализма сотрудников пожарных служб. Такие меры способствуют повышению уровня защиты населения и укрепляют устойчивость экономики на местах.

Список источников

1. Кожевников О. А. К вопросу о корректности использования муниципально-правовых категорий в публичном пространстве // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 2 (55). С. 111–116.
2. Галицков В. А., Гиздатов А. Р. Конституционно-правовые основы местного самоуправления и органов внутренних дел в сфере осуществления охраны общественного порядка // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2015. № 4. С. 15–18.
3. Карасев А. Т., Коваленко К. И. Самостоятельность местного самоуправления как ключевой принцип осуществления государственной и местной власти // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 1. С. 73–76.
4. Галицков В. А., Крысанов А. В. Развитие правоотношений в сфере изъятия отдельных полномочий органов местного самоуправления: на примере городского округа г. Екатеринбург // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. Уфа, 2017. Т. 9. № 2. С. 138–143.
5. Кожевников О. А. Трансформация местного самоуправления в России от рассвета до... // Муниципальное имущество, экономика, право, управление. 2024. № 1. С. 20–22.

Reference

1. Kozhevnikov O. A. K voprosu o korrektnosti ispol'zovaniya municipal'no-pravovykh kategorij v publichnom prostranstve // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2024. № 2 (55). S. 111–116.
2. Galickov V. A., Gizdatov A. R. Konstitucionno-pravovye osnovy mestnogo samoupravleniya i organov vnutrennih del v sfere osushchestvleniya ohrany obshchestvennogo poryadka // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2015. № 4. S. 15–18.

3. Karasev A. T., Kovalenko K. I. Samostoyatel'nost' mestnogo samoupravleniya kak klyuchevoj princip osushchestvleniya gosudarstvennoj i mestnoj vlasti // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2019. № 1. S. 73–76.

4. Galickov V. A., Krysanov A. V. Razvitie pravootnoshenij v sfere iz»yatiya ot del'nyh polnomochij organov mestnogo samoupravleniya: na primere gorodskogo okruga g. Ekaterinburg // Aktual'nye problemy prava i gosudarstva v NHI veke. Ufa, 2017. T. 9. № 2. S. 138–143.

5. Kozhevnikov O. A. Transformaciya mestnogo samoupravleniya v Rossii ot rassveta do... // Municipal'noe imushchestvo, ekonomika, pravo, upravlenie. 2024. № 1. S. 20–22.

Информация об авторах

В. А. Галицков — кандидат юридических наук.

И. А. Ефимов — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

V. A. Galitskov — Candidate of Science (Law).

I. A. Efimov — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 29.10.2025; одобрена после рецензирования 24.11.2025; принята к публикации 25.11.2025.

The article was submitted 29.10.2025; approved after reviewing 24.11.2025; accepted for publication 25.11.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 86–91.

Altai Law Journal. 2025. № 4 (52). P. 86–91.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.95

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Татьяна Митрофановна Занина¹, Ольга Анатольевна Федотова²

¹ Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия, zanina.tatyana2020@mail.ru

² Центральный филиал Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева, Воронеж, Россия, fedotova.olga2020@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается ключевая роль подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел в системе профилактики детской безнадзорности и правонарушений. На основе системного подхода автор исследует правовые и организационные основы функционирования ПДН, детально характеризует основные направления их работы: индивидуальную профилактику, работу с неблагополучными семьями и межведомственное взаимодействие. Рассматриваются актуальные проблемы организации профилактической работы с несовершеннолетними, осуществляемой ПДН. Определены ключевые направления совершенствования деятельности ПДН, а также сделан вывод о необходимости комплексного подхода, сочетающего традиционные методы с инновационными, для повышения эффективности профилактики правонарушений среди несовершеннолетних, предложены рекомендации по оптимизации деятельности ПДН. Особое внимание уделяется проблемам и перспективам повышения эффективности превентивной деятельности.

Ключевые слова: органы внутренних дел, подразделение по делам несовершеннолетних, административные правонарушения, преступления, профилактика, несовершеннолетние

Для цитирования: Занина Т. М., Федотова О. А. Актуальные вопросы профилактики правонарушений несовершеннолетних в деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел // Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 86–91.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

ACTUAL ISSUES OF PREVENTION OF JUVENILE DELINQUENCY BY JUVENILE AFFAIRS UNITS OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

Tatyana M. Zanina¹, Olga A. Fedotova²

¹ Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia, zanina.tatyana2020@mail.ru

² Central Branch of Lebedev Russian State University of Justice, Voronezh, Russia, fedotova.olga2020@mail.ru

Abstract. This article explores the key role of juvenile affairs units within the internal affairs agencies in preventing child neglect and delinquency. Using a systems approach, the author examines the legal and organizational foundations of JAUs and provides a detailed description of their key areas of work: individual prevention, work with dysfunctional families, and interagency cooperation. Current issues in organizing preventive work with minors carried out by JAUs are examined. Contemporary challenges, such as the digitalization of offenses, the transformation of family values, and the rise of deviance among adolescents, are analyzed. Key areas for improving the work of JAUs are identified, and a conclusion is reached regarding the need for a comprehensive approach combining traditional and innovative methods to enhance the effectiveness of juvenile delinquency prevention. Recommendations are offered for optimizing JAUs' activities to enhance their effectiveness in the current context. Particular attention is paid to the problems and prospects for increasing the effectiveness of preventive activities.

Keywords: internal affairs agencies, juvenile affairs department, administrative offenses, crimes, prevention, minors

For citation: Zanina T. M., Fedotova O. A. Actual issues of prevention of juvenile delinquency by juvenile affairs units of internal affairs bodies. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;4:86–91 (In Russ.).

Проблема совершения несовершеннолетними правонарушений является актуальной и остается одной из наиболее значимых в современном обществе. В последнее время наблюдается рост агрессивности лиц, не достигших совершеннолетия, и жестокости совершаемых ими правонарушений. Более того, отмечается увеличение числа правонарушений, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, например кибербуллинг, распространение запрещенных веществ, экстремизм. Как отмечает председатель Следственного комитета России А. Бастрыкин, на протяжении многих лет уровень подростковой преступности снижался, но темпы незначительно замедлились. Уровень и состояние криминализации подростковой среды по-прежнему остаются тревожными: в 2024 г. фигурантами уголовных дел стали 9,5 тыс. подростков в возрасте 14–17 лет [1]. Можно сказать, что рассматриваемая нами проблема выступает сложным социальным феноменом.

Профилактика правонарушений несовершеннолетних является первостепенной задачей подразделений по делам несовершеннолетних (далее — ПДН), а также одним из приоритетных направлений государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности и защиты прав детей. Указанные подразделения отличаются от остальных субъектов тем, что являются единственными как в межведомственной системе, так и в системе специальных субъектов профилактики ОВД, у которых предупреждение правонарушений несовершеннолетних является основной деятельностью. Однако, несмотря на все вышеизложенное, изменяющиеся в геометрической прогрессии социально-экономические условия, появление новых форм и способов совершения несовершеннолетними правонарушений, а также стремительная цифровизация обуславливают необходимость постоянного совершенствования деятельности ПДН. Злободневные вопросы, возникающие перед данным подразделением полиции, требуют не только совершенствования законодательной базы и увеличения ресурсного обеспечения, но и пересмотра методологических основ работы.

На основании ст. 4 и 21 главы 2 ФЗ № 120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел входят в систему органов по профилактической работе с несовершеннолетними с целью предупреждения противоправного и асоциального поведения.

В соответствии с главой 2 ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» следует выделить органы и организации, входящие в систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних:

- комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав;
- органы управления социальной защитой населения и учреждения социального обслуживания;
- специализированные учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации;
- органы, осуществляющие управление в сфере образования, и организации, осуществляющие образовательную деятельность;
- специальные учебно-воспитательные учреждения открытого и закрытого типа;
- органы опеки и попечительства; органы по делам молодежи и учреждения органов по делам молодежи;
- органы управления здравоохранением и медицинские организации;
- органы службы занятости;
- органы внутренних дел, в частности подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел и центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей;
- учреждения уголовно-исполнительной системы¹.

Профилактическая работа инспекторов ПДН носит многоплановый и системный характер. Ее можно структурировать по нескольким ключевым направлениям:

1. Индивидуальная профилактическая работа.

Это основная и наиболее трудоемкая часть деятельности ПДН. Она проводится в отношении несовершеннолетних:

- совершивших правонарушения или антиобщественные действия;
- условно-досрочно освобожденных от наказания;
- находящихся в социально опасном положении;
- проживающих в семьях, где родители ненадлежащим образом исполняют свои обязанности.

Индивидуальная профилактика позволяет воздействовать на конкретные причины и условия де-

¹ Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федеральный закон Российской Федерации от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 21.11.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 26. Ст. 3177.

виантного поведения несовершеннолетних. В отличие от общих мер, индивидуальная работа носит адресный, личностно ориентированный характер и направлена на выявление и коррекцию глубоких, часто скрытых от внешнего наблюдения проблем несовершеннолетнего.

2. Профилактическая работа с семьями.

Поскольку корень большинства проблем несовершеннолетних лежит в семейном неблагополучии, инспекторы ПДН уделяют значительное внимание работе с родителями или законными представителями. Эта работа включает:

- проведение профилактических бесед об административной и уголовной ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение родительских обязанностей;
- выявление фактов жестокого обращения с детьми;
- направление информации о неблагополучных семьях в органы опеки и попечительства для принятия соответствующих мер.

При профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних сотрудникам ПДН необходимо также выявлять негативные тенденции, происходящие внутри семьи несовершеннолетнего, находящегося в группе риска (категория лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, которая требует особого внимания со стороны педагогов, воспитателей и других специалистов) [2]. Можно выделить следующие факторы, способствующие вышеуказанному обстоятельству в семье:

- неполная семья.

Отсутствие одного из родителей, как правило, отца, приводит к дисбалансу в связи с экономической нестабильностью, отсутствием модели мужского поведения и авторитета. Следует сделать ремарку, что не столько сам факт неполной семьи выступает негативным фактором, способствующим повлиять на девиантное поведение несовершеннолетнего, сколько сопутствующие последствия, например бедность, гиперопека матери и т. д.;

- многодетность в условиях бедности.

В указанном случае негативным фактором является не количество детей, а невозможность родителей или законных представителей обеспечить несовершеннолетнему должный уровень благополучия, внимания и контроля. В связи с этим родителям для обеспечения семьи приходится работать иногда на нескольких работах, что приводит к бесконтрольности над несовершеннолетними и, как следствие, к их безнадзорности;

- проявление жестокости и соответствующего отношения к члену семьи, в которой присутствуют силовые способы решения конфликта, нанесения физического или материального ущерба членам семьи, а также ограничение свободы личности в семье;

- алкоголизация и наркомания родителей или законных представителей.

Данный фактор является системообразующим и ведет к деградации личности родителя, утрате им воспитательных функций, росту агрессии и насилия в семье, а также к вовлечению несовершеннолетних в употребление алкогольной продукции или наркотических средств.

Для углубленной характеристики социального неблагополучия семьи, а также составления характеристики неблагополучных семей инспектор ПДН при ведении учетно-профилактической карточки на несовершеннолетнего или его семью должен рассмотреть ряд показателей социального и демографического характера, наиболее важными из которых являются следующие:

- уровень образования;
- уровень дохода семьи;
- возможности получения льгот или социальной (материальной) помощи со стороны государства;
- площадь жилья;
- возможности в обустройстве досуга своих несовершеннолетних детей, находящихся на иждивении.

Это достигается путем направления запросов и получения ответов из соответствующих учреждений и организаций, к которым можно отнести управления социальной защиты населения, территориальные органы социального фонда России, налоговые инспекции, кадастровые палаты, отделы местной администрации по земельным и социальным вопросам, а также отдел образования и молодежной политики.

3. Взаимодействие с субъектами системы профилактики.

Эффективность работы ПДН невозможна без тесного межведомственного сотрудничества. Говоря о межведомственном взаимодействии как эффективном инструменте профилактики правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, можно отметить ключевую роль взаимодействия ПДН с образовательными организациями, т. к. именно школа как институт социализации, где ребенок проводит значительную часть времени, обладает уникальной возможностью для раннего выявления признаков неблагополучия. В свою очередь, ПДН

обладает полномочиями для своевременного реагирования на эти сигналы. Можно отметить, что конструктивное взаимодействие указанных субъектов профилактики создает мощный заслон на пути формирования противоправного поведения у несовершеннолетних. Продолжая рассматривать межведомственное взаимодействие субъектов профилактики, необходимо привести позицию А. А. Лакомовой, совершенно справедливо отмечающей: «...межведомственное взаимодействие школы и КДН и ЗП играет важную роль в профилактической работе девиантного поведения несовершеннолетних. КДН и ЗП проводит работу не только карательного или наказуемого характера, но и разного рода мероприятия в сотрудничестве с педагогами образовательных организаций (социальным педагогом, педагогом-психологом, классным руководителем, заместителем директора по воспитательной работе). Сотрудничество и налаженная работа КДН и ЗП совместно с педагогами школы являются основной для качественно результативной работы по профилактике девиантного поведения несовершеннолетних» [3, с. 35].

4. Правовое просвещение, включающее в себя:

- формирование системы правовых знаний, т. е. усвоение несовершеннолетними основных прав, свобод и обязанностей, закрепленных в Конституции РФ, КоАП РФ, УК РФ и иных нормативных правовых актах;

- развитие правового сознания, а именно воспитание уважения к закону, понимания его социальной ценности и неотвратимости ответственности за его нарушение;

- воспитание правовой культуры, т. е. формирование устойчивых навыков правомерного поведения, умения разрешать конфликты и критически оценивать противоправные действия окружающих.

Таким образом, правовое просвещение выступает в качестве ключевого инструмента правовой социализации, обеспечивая интеграцию личности в правовое поле общества.

Следует отметить, что, несмотря на значительный объем проводимой работы, деятельность ПДН сталкивается с рядом системных проблем:

1. Стремительная цифровизация.

В настоящее время широкую распространенность приобрели такие явления, как кибербуллинг, вовлечение несовершеннолетних в противоправную деятельность через Интернет (торговля наркотическими средствами, экстремизм, участие в деструктивных сообществах). Так, ректор Московской академии Следственного комитета РФ

им. А. Сухарева Алексей Бессонов, выступая на XIII Петербургском международном юридическом форуме, сообщил, что в каждом пятом преступлении, совершенном с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, субъектом является несовершеннолетний [4]. Поэтому указанные явления требуют от инспекторов ПДН специальных технических знаний, т. к. традиционные методы работы в виртуальной реальности оказываются малоэффективными.

2. Ограниченность межведомственного взаимодействия.

Несмотря на то что межведомственное взаимодействие законодательно закреплено, на практике, как правило, встречается ведомственная разобщенность. Так, обмен информацией между ПДН и другими органами профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних зачастую носит формальный характер, что в конечном итоге приводит к несвоевременному реагированию на проблемы несовершеннолетнего.

3. Высокая нагрузка на ПДН.

В условиях кадрового голода в МВД загруженность инспекторов ПДН превышает нормы, что приводит к нехватке времени на проведение индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетним и его семьей.

4. Низкий уровень психолого-педагогической подготовки.

Несовершеннолетние, совершающие правонарушения, чаще всего имеют сложные формы девиантного поведения, психические расстройства или пережитую травму. Для работы с такими субъектами необходимо обладать педагогическими и психологическими навыками общения. Но большинство инспекторов ПДН имеют только юридическое образование, что создает некоторые трудности в общении с несовершеннолетним девиантом.

Для преодоления вышеуказанных проблем предлагаем:

1. Создание единой информационной платформы для субъектов профилактики в целях развития межведомственной координации, которая позволит в режиме реального времени отследить ситуацию вокруг проблемного несовершеннолетнего и предоставит возможность оперативного реагирования на возникшую ситуацию.

2. Оптимизация нагрузки за счет увеличения штатной численности.

Кроме того, считаем целесообразным ввести в штат ПДН должности психологов и социальных работников.

3. Развитие программ наставничества и вовлечения несовершеннолетних, находящихся в группе риска, в социально полезную деятельность (волонтерство, спорт, творчество).

4. Создание на базе каждой образовательной организации службы медиации для разрешения конфликтов между несовершеннолетними и потерпевшими.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что профилактическая деятельность ПДН — это не просто набор формальных процедур, а сложная, многогранная работа, которая требует от инспектора не только профессиональных знаний, но и педагогического такта, терпения, искренней заинтересованности в судьбе каждого ребенка.

Эффективная профилактика правонарушений несовершеннолетних в деятельности ПДН возможна только при условии перехода от карательно-репрессивной парадигмы к комплексной социально ориентированной модели. Эта модель должна базироваться на глубоком индивидуальном подходе к каждому подростку, тесном

межведомственным партнерстве, активном использовании современных технологий и непрерывном профессиональном развитии сотрудников.

Решение актуальных вопросов профилактики требует не только совершенствования работы органов внутренних дел, но и консолидации усилий всего общества, поскольку благополучие подрастающего поколения является залогом стабильного будущего государства. Необходимость интеграции усилий всех органов системы профилактики, усиление превентивной работы с семьями, а также адаптивное к цифровизации являются корнем современной деятельности сотрудников ПДН, т. к. только междисциплинарный подход позволит снизить уровень правонарушений, совершаемых несовершеннолетними и обеспечить эффективную защиту их прав и законных интересов. Инвестиции в совершенствование деятельности ПДН, их кадровое и ресурсное укрепление — прямой вклад в снижение уровня правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, а также обеспечение будущего социального благополучия общества.

Список источников

1. Бастрыкин назвал тревожным уровень подростковой преступности в РФ // ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/23596255> (дата обращения: 01.11.2025).
2. Занина Т. М. К вопросу о взаимодействии подразделений по делам несовершеннолетних с другими подразделениями органов внутренних дел, государственными органами, учреждениями и ведомствами // Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия. 2024. С. 56–61.
3. Лакомова А. А. Профилактика девиантного поведения несовершеннолетних: межведомственное взаимодействие школы и комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2017. № 3-2. С. 31–36.
4. Каждое пятое киберпреступление в РФ совершено подростками — статистика СКР // Интерфакс. URL: <https://www.interfax-russia.ru/northwest/main/kazhdoe-pyatoe-kiberprestuplenie-v-rf-soversheno-podrostkami-statistika-skr> (дата обращения: 01.11.2025).

References

1. Bastrykin nazval trevozhnym uroven' podrostkovoj prestupnosti v RF // TASS. URL: <https://tass.ru/politika/23596255> (data obrashcheniya: 01.11.2025).
2. Zanina T. M. K voprosu o vzaimodejstvii podrazdelenij po delam nesovershennoletnih s drugimi podrazdeleniyami organov vnutrennih del, gosudarstvennymi organami, uchrezhdeniyami i vedomstvami // Policiya i obshchestvo: problemy i perspektivy vzaimodejstviya. 2024. S. 56–61.
3. Lakomova A. A. Profilaktika deviantnogo povedeniya nesovershennoletnih: mezhvedomstvennoe vzaimodejstvie shkoly i komissii po delam nesovershennoletnih i zashchite ih prav // Nauka. Mysl': elektronnyj periodicheskij zhurnal. 2017. № 3-2. S. 31–36.

4. Kazhdoe pyatoe kiberprestuplenie v RF soversheno podrostkami — statistika SKR // Interfaks. URL: <https://www.interfax-russia.ru/northwest/main/kazhdoe-pyatoe-kiberprestuplenie-v-rf-soversheno-podrostkami-statistika-skr> (data obrashcheniya: 01.11.2025).

Информация об авторах

Т. М. Занина — кандидат юридических наук, профессор.

О. А. Федотова — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

T. M. Zanina — Candidate of Science (Law), Professor.

O. A. Fedotova — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 06.07.2025; одобрена после рецензирования 06.11.2025; принята к публикации 25.11.2025.

The article was submitted 06.07.2025; approved after reviewing 06.11.2025; accepted for publication 25.11.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 92–101.

Altai Law Journal. 2025. № 4 (52). P. 92–101.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.53

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ИЗМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ФОРМИРОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Людмила Геннадьевна Коновалова

Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Барнаул, Россия, vaskova82@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу изменений законодательства о выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации на протяжении комплектования восьми ее созывов. Отмечается, что на начальных этапах становления избирательной системы формирования Государственной Думы законодательство расширительно регламентировало круг субъектов, имеющих право выдвижения кандидатов, что во многом предопределило «пестроту» политического состава первых legislatures. В дальнейшем была достигнута относительная стабильность политического состава нижней палаты парламента, а впоследствии и доминирование одной политической партии. Уделяется внимание современным тенденциям развития избирательного законодательства по формированию Государственной Думы. Делается вывод об актуальности общественного запроса на стабилизацию избирательной системы России, на повышение значимости продуманной законодательной, а не подзаконной институционализации избирательных процедур, усиление их прозрачности, а также адекватного реагирования на злоупотребляющие политические технологии.

Ключевые слова: избирательная система, выборы депутатов Государственной Думы, заградительный барьер, политические партии, избирательные технологии, голосование

Для цитирования: Коновалова Л. Г. Основные вехи изменения законодательства о формировании Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации // Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 92–101.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

KEY MILESTONES IN THE LEGISLATION CHANGES ON THE FORMATION OF THE STATE DUMA OF THE FEDERAL ASSEMBLY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Liudmila G. Konovalova

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Barnaul, Russia, vaskova82@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of legislation changes on elections of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation during the staffing of its eight convocations. It is noted that at the initial stages of the formation of the electoral system for the formation of the State Duma, the legislation broadly regulated the circle of subjects with the right to nominate candidates, which largely predetermined the «diversity» of the political composition of the first legislatures. Subsequently, due to the narrowing of the circle of persons nominating candidates for elections, due to tightening requirements for political parties and changes in the electoral system, relative stability of the political composition of the lower house of parliament was achieved, and subsequently — the dominance of one political party. Attention is paid to modern trends in the development of electoral legislation on the formation of the State Duma, including digitalization, the desire for transparency, greater detailing of electoral procedures and preventing the involvement of foreign agents and persons involved in extremist organizations in the electoral process.

Keywords: electoral system, elections of deputies of the State Duma, barrier, political parties, electoral technologies, voting

For citation: Konovalova L. G. Key milestones in the legislation changes on the formation of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;4:92–101 (In Russ.).

Конституция Российской Федерации, принятая по результатам всенародного голосования 12 декабря 1993 г., закрепила переход России от республики Советов к представительной демократии, основанной на принципах правовой государственности, разделения властей, федерализма. Учреждено Федеральное Собрание Российской Федерации как двухпалатный постоянно действующий парламент — представительный и законодательный орган страны, работающий на профессиональной основе. Федеральное Собрание Российской Федерации состоит из двух палат — Совета Федерации и Государственной Думы. В соответствии с Основным Законом в Совет Федерации входят по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации с возможным присутствием экс-президентов страны и сенаторов, назначаемых Президентом Российской Федерации, а Государственная Дума избирается гражданами. Хотя первый созыв обеих палат предполагал их избрание на два года, для последующих составов в Конституции Российской Федерации процедуры формирования палат парламента не регламентируются подробно, поэтому с 1993 г. уже неоднократно подвергались изменению в законодательстве.

В частности, Государственная Дума первого созыва (1994–1996 гг.) избиралась на основе Указа Президента РФ по смешанной избирательной системе одновременно с референдумом по принятию Конституции РФ 12 декабря 1993 г.¹, поэтому в момент голосования было не до конца ясно значение этих выборов. Только после объявления о принятии Конституции РФ 20 декабря 1993 г. стало понятно, что новый законодательный орган будет функционировать [1, с. 36]. Было избрано 444 депутата из 450, поскольку в пяти округах выборы не состоялись, в одном (Чеченская Республика) не проводились. Из 13 избирательных объединений (блоков), участвовавших в выборах, 5-процентный заградительный барьер преодолели 8: «Либерально-демократическая партия России» (64 места), «Выбор России» (64), КПРФ (42), «Женщины России» (23), «Аграрная партия» (57), «Яблоко» (27), «Партия российского единства и согласия» (22), «Демократическая партия России» (14) [2]. Соответственно, в первой Думе были зарегистри-

рованы 8 фракций, а также 2 депутатские группы («Новая региональная политика» — 66 депутатов и «Либерально-демократический союз 12 декабря» — 35 депутатов) [3].

Государственная Дума второго созыва (1996–2000 гг.) была сформирована уже на основе законов², но также с использованием смешанной избирательной системы и 5-процентного заградительного барьера. Выборы прошли 17 декабря 1995 г. и состоялись уже во всех избирательных округах. По партийным спискам в Думу прошли 4 избирательные объединения: КПРФ (157 мест), «Наш дом — Россия» (55), ЛДПР (51) и «Яблоко» (45) [2]. Объединения-победители образовали парламентские фракции, а депутаты, не вошедшие во фракции, образовали депутатские группы: фракции КПРФ (146 человек), НДР (66), ЛДПР (51), «Яблоко» (46); депутатские группы «Российские регионы» (43), «Народовластие» (38) и «Аграрная депутатская группа» (36) [3].

Изначально избирательное законодательство расширительно регламентировало круг субъектов, имеющих право выдвижения кандидатов, что во многом предопределило «пестроту» политического состава первых легислатур. Так, на выборах депутатов Государственной Думы первого созыва правом выдвижения кандидатов обладали группы граждан и избирательные объединения, под которыми наряду с политическими партиями понимались политические движения и блок таких общественных объединений³. На выборах депутатов Государственной Думы второго созыва выдвигать кандидатов могли непосредственно избиратели, избирательные объединения, избирательные блоки⁴. Соответственно, в условиях еще фактически не сформированной многопартийности различные политические силы пользовались рассматриваемым правом. В 1993 г. объявили о своем участии в выборах 35 избирательных объединений, но зарегистрированы были списки только 13 из них.

² О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 21 июня 1995 г. № 90-ФЗ // Российская газета. 1995. 26 июня; Об основных гарантиях избирательных прав граждан РФ: федеральный закон Российской Федерации от 6 декабря 1994 г. № 56-ФЗ // Российская газета. 1994. 10 декабря.

³ Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 6 декабря 1994 г. № 56-ФЗ // Российская газета. 1994. 10 декабря.

⁴ О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 21 июня 1995 г. № 90-ФЗ // Российская газета. 1995. 26 июня.

¹ Об утверждении уточненной редакции Положения о выборах депутатов Государственной Думы в 1993 году и внесении изменений и дополнений в Положение о федеральных органах власти на переходный период: Указ Президента Российской Федерации от 1 октября 1993 г. № 1557 (ред. от 04.02.1994) // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 41. Ст. 3907.

В 1995 г. правом участия в выборах обладали уже 258 общественных объединений и 15 профессиональных союзов. Из них 111 общественных объединений воспользовались правом участия в выборах, причем 40 из них самостоятельно, 71 — в составе 29 блоков [4, с. 25]. Многие из участвующих в выборах общественных объединений не имели политической направленности как таковой, например «Партия любителей пива», «Ассоциация скалолазов», «Союз пчеловодов», «Всероссийское общество трезвости и здоровья» и др. Такая многочисленность участников избирательного процесса в юридической литературе в основном признавалась деструктивной в связи с дезориентацией избирателей и девальвацией смысла избирательных процедур [5, с. 79; 6, с. 15].

Федеральным законом Российской Федерации от 19 сентября 1997 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» понятие «избирательное объединение» было сужено. Под ним стали пониматься лишь политические общественные объединения, зарегистрированные не позднее, чем за год до дня голосования¹.

Но, несмотря на ужесточенные правила, на выборах депутатов Государственной Думы третьего созыва (2000–2003 гг.) все еще принимало участие значительное число избирательных объединений — 139, из которых 26 участвовали самостоятельно, 40 — в составе избирательных блоков, 24 — на уровне соглашений с другими объединениями и блоками, 49 — не вошли ни в один из блоков, но их представители были выдвинуты иными избирательными объединениями [4, с. 28]. Выборы состоялись 19 декабря 1999 г. опять же на основе смешанной избирательной системы. В восьми одномандатных округах выборы были признаны несостоявшимися, в них перевыборы проходили в 2000 г., равно как и в Чеченском одномандатном округе № 31. Шесть избирательных объединений преодолело 5-процентный заградительный барьер: КПРФ (113 мест), «Межрегиональное движение "Единство" (Медведь)» (73), «Отечество — Вся Россия» (68), СПС — 29, «Блок Жириновского» (17), «Объединение "Яблоко"» (20) [2]. В палате парламента были созданы соответствующие фракции и три депутатские группы: «Народный депу-

тат» (62 депутата), «Регионы России» (44) и «Агропромышленная депутатская группа» (42) [3].

После усиления к 2001 г. в Государственной Думе третьего созыва крупной проправительственной и пропрезидентской фракции «Единство» избирательное законодательство было регламентировано более подробно, с сохранением ранее заложенных базовых принципов и ориентаций на партийное строительство. В частности, был принят Федеральный закон Российской Федерации от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях»², новый Федеральный закон Российской Федерации от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»³, а также Федеральный закон Российской Федерации от 20 декабря 2002 г. № 175-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»⁴.

Соответственно, к очередной избирательной кампании правом участвовать в выборах обладали 44 политические партии и 20 общественных организаций. О своем намерении получить депутатские мандаты заявили 39 партий и 1 общественная организация. Всего в избирательной кампании участвовали 18 партий и 5 избирательных блоков [3]. Выборы в Государственную Думу четвертого созыва (2003–2007 гг.) состоялись 7 декабря 2003 г. Несмотря на многочисленность участников, 5-процентный барьер сумели преодолеть 3 политические партии и 1 избирательный блок: «Единая Россия» (223 места), КПРФ (52), ЛДПР (36), избирательный блок «Родина» (37). По трем одномандатным округам выборы были признаны несостоявшимися, т. к. большинство избирателей по этим округам проголосовало против всех кандидатов [2].

Наиболее кардинально избирательное законодательство было изменено в ходе работы Государственной Думы четвертого созыва, отличавшейся

² О политических партиях: федеральный закон Российской Федерации от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 29, ст. 2950.

³ Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 24, ст. 2253.

⁴ О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 20 декабря 2002 г. № 175-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 51, ст. 4982.

¹ Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 19 сентября 1997 г. № 124-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 38, ст. 4339.

абсолютным большинством фракций «Единая Россия» (фракция «Единая Россия» — 300 депутатов, КПРФ — 52, ЛДПР — 36, «Родина» — 36 [3]). Правотворческие новеллы были направлены на создание преференций крупным политическим партиям. Так, были запрещены региональные и местные политические партии, установлены жесткие требования к численности членов партий (не менее 50 тыс. человек, включая региональные отделения в более чем половине субъектов Российской Федерации с минимальной численностью 500 человек), определен сложный порядок их регистрации, введено государственное финансирование партий в зависимости от итогов выборов в Государственную Думу, устанавливалось исключительное право партий на выдвижение кандидатов, в избирательных бюллетенях законодатель отказался от использования графы «против всех», а также порога явки избирателей. На выборах депутатов Государственной Думы смешанная избирательная система была заменена на пропорциональную с разбивкой списка кандидатов на региональные группы и с повышенным заградительным барьером в 7 %¹.

По мнению инициаторов законопроектов (фракций «Единая Россия» и ЛДПР), изменения должны были укрепить многопартийность и обеспечить стабильность в деятельности депутатских объединений [7, с. 6–7]. Оппозиция усматривала в проводимой реформе стремление к созданию однопартийности в России, попытки к ограничению возможностей большинства граждан участвовать в принятии политических решений [8, с. 3; 9, с. 761; 10, с. 6; 11, с. 77].

Интересно отметить, что Конституционный Суд Российской Федерации в 2005 г. признал, что установленные законом ограничения минимальной численности партий (на тот момент 10 тысяч

членов — общая численность и 100 членов — в регионе) и числа их региональных отделений не противоречат Основному Закону РФ. По мнению Конституционного Суда Российской Федерации, «осуществленное в Федеральном законе Российской Федерации "О политических партиях" регулирование, по которому статус политической партии могут получить только общенациональные (общероссийские) политические общественные объединения, не только направлено на достижение такой конституционно значимой цели, как формирование в стране реальной многопартийности, на правовую институционализацию партий в качестве важного фактора становления гражданского общества и стимулирование образования крупных общенациональных партий, но и необходимо в целях защиты конституционных ценностей, прежде всего обеспечения единства страны, в современных конкретно-исторических условиях становления демократии и правового государства в РФ». Суд отметил, что указанное ограничение носит временный характер и с отпадением породивших его обстоятельств должно быть снято². После повышения требований к политическим партиям по численности до 50 тысяч человек Конституционный Суд РФ снова одобрил решение законодателя³.

Обновленное законодательство действительно привело к прекращению деятельности многих созданных партий. Так, из существовавших ранее 44 политических партий 35 были допущены к дополнительным выборам депутатов Государственной Думы, проводимым в июле 2006 г. Из них только 15 отвечали требованиям нового законодательства к 5 сентября 2007 г. и только 11 смогли принять участие в парламентских выборах 2007 г. [12].

2 декабря 2007 г. по итогам выборов в Государственную Думу пятого созыва (2007–2011 гг.) «Единая Россия» получила конституционное большинство — 315 мандатов. Еще три фракции

¹ О политических партиях: федеральный закон Российской Федерации от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 29, ст. 2950; О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 18 мая 2005 г. № 93-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 21, ст. 1919; О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах и иные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 6 июля 2005 г. № 93-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 30, ст. 3104; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения порядка выдвижения кандидатов на выборные должности в органы государственной власти: федеральный закон Российской Федерации от 30 июня 2006 г. № 106-ФЗ // Российская газета. 2006. 15 июля.

² По делу о проверке конституционности абзацев второго и третьего пункта 2 статьи 3 и пункта 6 статьи 47 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой общественно-политической организации «Балтийская республиканская партия»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2005 г. № 1-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 6, ст. 491.

³ По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 3, 18 и 41 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой политической партии «Российская коммунистическая рабочая партия — российская партия коммунистов»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2007 г. № 11-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 30, ст. 3989.

были представлены КПРФ — 57 мест, ЛДПР — 40 и «Справедливая Россия» (до 2009 г. — «Справедливая Россия: Родина / Пенсионеры, Жизнь») — 38 [3]. Схожий расклад политических сил сохранился и в Государственной Думе шестого созыва (2011–2016 гг.), избранной 4 декабря 2011 г.: 56 депутатов от ЛДПР, 64 — от «Справедливой России», 92 — от КПРФ и 238 — от «Единой России». Однако шестой состав Думы впервые, согласно поправкам к Конституции РФ¹, стал формироваться не на четыре, а на пять лет.

Начиная с 2012 г. предприняты определенные шаги по расширению демократических основ формирования нижней палаты парламента: упрощен порядок регистрации политических партий, минимальные требования по численности членов которых сокращены до 500 человек; возвращена смешанная избирательная система с 5-процентным заградительным барьером. Дополнительно для парламентских партий и партий, набравших более 3 % голосов избирателей, были предоставлены некоторые преференции, связанные с финансированием и порядком выдвижения кандидатов без сбора подписей².

Законодательные новеллы на практике повлекли за собой увеличение числа политических партий в Российской Федерации, но не отразились на составе парламента с ожидаемым демократизмом. В частности, по состоянию на 2016 г. 74 партии могли принять участие в выборах Государственной Думы седьмого созыва, 17 из них заявили о своем участии. Но только 14 были включены ЦИК РФ в избирательный бюллетень, поскольку у остальных претендентов возникли проблемы со сбором подписей избирателей. В результате по итогам выборов в Государственную Думу седьмого созыва 18 сентября 2016 г. партия «Единая Россия» заняла первое место, получив беспрецедентно большое число депутатских мандатов (343), которое является не просто конституционным большинством, а «силой», способной «заблокировать» любое

конституционно-правовое начинание оппозиции. КПРФ приобрела 42 мандата, ЛДПР — 39, «Справедливая Россия» — 23. По одному месту благодаря одномандатным округам получили партии «Родина», «Гражданская платформа» и кандидат-самовыдвиженец [13].

По мнению специалистов, такой результат обусловлен главным образом длительным отсутствием конкуренции парламентским партиям из-за «ломки» партийной системы 2005 г., спецификой сочетания мажоритарной и пропорциональной избирательной системы, позволившей использовать преимущества крупной политической партии, а также применением административного ресурса. Как писала о новеллах избирательного законодательства Н. А. Боброва, анализируя результаты выборов депутатов Государственной Думы в 2016 г., «призрачная либерализация обернулась разгромом оппозиции, поскольку была не чем иным, как ловкой электоральной ловушкой, в которой утонуло 22 млн голосов избирателей, доставшихся в итоге "Единой России" и в меньшей степени партиям системной оппозиции» [14, с. 47]. С точки зрения этого автора, подобные последствия повлекли отмену графы «Против всех» в избирательных бюллетенях, увеличение числа подписей, необходимых для выдвижения кандидатов, отмену избирательного залога, изменение, а затем и отмену «порога явки».

Парламентские выборы в Государственную Думу восьмого созыва прошли 19 сентября 2021 г. (голосование проводилось в течение трех дней — 17, 18 и 19 сентября). За депутатские мандаты боролись 14 политических партий. Пятипроцентный барьер по федеральному округу впервые за последние 18 лет преодолели пять партий: парламентские «Единая Россия» (49,82 %), КПРФ (18,93 %), ЛДПР (7,55 %), «Справедливая Россия — Патриоты — За правду» (СРЗП; 7,46 %), а также партия «Новые люди» (5,32 %), образованная в 2020 г. В 225 одномандатных округах победу одержали представители «Единой России» (198), КПРФ (9), СРЗП (8), ЛДПР (2), «Родины», «Гражданской платформы» и «Партии роста» (по одному), а также пять самовыдвиженцев. В целом «Единая Россия» получила 324 мандата, сохранив конституционное большинство, КПРФ — 57, СРЗП — 27, ЛДПР — 21, «Новые люди» — 13, «Родина», «Гражданская платформа» и «Партия роста» — по одному мандату, пять мест досталось самовыдвиженцам [15].

В целом современное законодательство о формировании Государственной Думы Федерального Собрания РФ, помимо направленности на укруп-

¹ Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы: Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 1, ст. 1.

² О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях»: федеральный закон Российской Федерации от 2 апреля 2012 г. № 28-ФЗ // Российская газета. 2012. 4 апреля; О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 8, ст. 740.

нение политических партий, обнаруживает тенденции к повышению прозрачности выборов за счет ужесточения финансовой отчетности, повышения роли наблюдателей, расширения систем видеонаблюдения за организацией процесса голосования; к стабилизации статуса кандидата в депутаты в связи с наибольшей открытостью информации о нем и предоставлением ему дополнительных гарантий по освобождению от некоторых профессиональных функций; к большей детализации избирательных процедур и их соответствию международным стандартам, обеспечению прав инвалидов; к использованию современных информационных технологий, в т. ч. ГАС «Выборы» и дистанционного электронного голосования, электронных избирательных сервисов; к воспрепятствованию привлечению к избирательному процессу иностранных агентов и лиц, причастных к экстремистским организациям. В то же время избирательное законодательство становится нестабильным, громоздким, несистемным и излишне формальным [16, с. 161; 17, с. 40; 18, с. 42].

Достаточно часто как подрывающее доверие общества к выборам характеризуется практика трехдневного голосования и голосования «на придомовых территориях» [19, с. 41]. Хотя по этому вопросу имеется и иная точка зрения. Например, К. С. Мазуревский утверждает, что «многодневное голосование полностью оправдало себя в период пандемии COVID-19, позволив, с одной стороны, обеспечить реализацию избирательных прав граждан, а с другой — минимизировать риск для здоровья избирателей при осуществлении избирательных процедур. Стоит отметить, что практика голосования в течение нескольких дней распространена во многих странах (в Австралии, Италии, Швеции и др.) и соответствует международным стандартам» [18, с. 42].

Пока что не установлены законодательные барьеры использования такой избирательной технологии, как «спойлерство», т. е. регистрация так называемых кандидатов-клонов (кандидатов-двойников) на выборах в органы публичной власти. Для этого ранее неизвестные лица накануне выборов меняют имя и фамилию (а порой и внешность) и регистрируются в качестве кандидатов в тех же избирательных округах, в которых выдвигаются политики, имеющие значительную поддержку избирателей. Названную технологию могут использовать недобросовестные лица, чтобы получить неконкурентные преимущества на выборах для себя или чтобы «оттянуть» часть голосов от оппозиционных кандидатов в пользу кандидатов

провластных. Примеры использования этой технологии получило подтверждение на выборах депутатов Государственной Думы восьмого созыва, особенно в Санкт-Петербурге, Нижегородской области [20, с. 43].

Обсуждаются пределы возможного подзаконного регулирования избирательных кампаний. В частности, закрепление порядка видеонаблюдения на подзаконном уровне позволило существенно менять его параметры. Так, переход от всеобщей доступности прямых трансляций голосования в интернете к доступу к видеонаблюдению через служебный портал в 2021 г. на выборах в Государственную Думу вызывал общественную критику, также отмечались процессуальные сложности в получении видеозаписей нарушений. Решение указанных проблем на стабильной основе требует закрепления процедур видеонаблюдения непосредственно в избирательном законодательстве [21, с. 31].

Обоснованно критикуемыми остаются нормы о распределении депутатских мандатов по спискам. Во-первых, законодательство позволяет отказываться от мандатов избранных депутатов с передачей соответствующего места другому кандидату. Это регулирование породило избирательную технологию под названием «паровоз» или «свадебный генерал», когда популярные личности возглавляют список партии для привлечения голосов избирателей, не имея реальных намерений работать в парламенте. Такая технология широко используется на парламентских выборах в России. Например, в 2007 г. от депутатских мест отказались 112 избранных кандидатов, в т. ч. 101 от «Единой России», 6 от «Справедливой России», 3 от КПРФ и 2 от ЛДПР. В 2011 г. таких кандидатов было 111: 99 — от «Единой России», 8 — от КПРФ и 4 — от «Справедливой России». В 2016 г. от мандатов отказались 25 человек от «Единой России», 5 — от КПРФ и 1 — от «Справедливой России». Четыре из пяти лидеров федерального списка Всероссийской политической партии «Единая Россия» отказались от мандатов по результатам выборов в Государственную Думу восьмого созыва¹, и в целом 66 вакантных мандатов от «Единой России» 29 сентября 2021 г. ЦИК передала другим кандида-

¹ О передаче вакантных мандатов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва зарегистрированным кандидатам из федерального списка кандидатов, выдвинутого политической партией «Всероссийская политическая партия "ЕДИНАЯ РОССИЯ"»: постановление ЦИК России от 29 сентября 2021 г. № 62/469-8. URL: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/50604/>.

там от этой партии [22]. Большинство злоупотреблений приходится на «партию власти», списки которой возглавляют многие должностные лица, включая Президента РФ и высших должностных лиц регионов [23]. В такой ситуации избиратели оказываются дезориентированными.

Во-вторых, не вполне демократичным выглядит право руководящего органа партии по своему усмотрению определять вакантный депутатский мандат в случае досрочного прекращения полномочий депутата. Ранее освободившееся место занимал первый в порядке очередности кандидат из числа зарегистрированных в списке [24, с. 155]. К настоящему времени к этой проблеме добавилась и спорная практика ЦИК РФ по неодобрению предлагаемого партией кандидата. Так, ЦИК РФ в 2019 г. отказалась передать П. Груднину мандат депутата Госдумы, принадлежавший скончавшемуся Ж. Алферову. ЦИК РФ отклонила предложенную КПРФ кандидатуру по причине того, что у П. Груднина имелись иностранные счета в момент регистрации его кандидатом в депутаты Госдумы в 2016 г. Подобные полномочия ЦИК РФ прямо не предусмотрены законодательством, поэтому некоторые политические деятели усматривают в принятом решении политический подтекст [25].

Очевидно, что на сегодня регулирование правил распределения мандатов внутри списка кандидатов в депутаты Государственной Думы нуждается в совершенствовании. В этой связи выдающийся ученый В. Е. Чиркин предлагал к использованию применяемую в отдельных зарубежных странах пропорциональную систему с преференциальным вотумом [26, с. 13], которая достаточно сложна в реализации. Возможно, более оптимальным был бы запрет на отказ от мандата после избрания под угрозой потери этого мандата партией и возврат к четкой иерархичности партийного списка. Однако с учетом того, что отказ от мандата может быть предопределен различными жизненными обстоятельствами, стоило бы ввести исключения из этого правила. Например, Конституционный Суд РФ не ставит под сомнение право политической партии отступить от очередности расположения зарегистрированных кандидатов в федеральном списке кандидатов с учетом обстоятельств, возникших (открывшихся) в период после выборов, которые могли повлиять на принятие политической партией решения о выдвижении конкретного лица в качестве кандидата в депутаты. Но такое решение, по мнению Суда, должно быть мотивировано указанием на конкретные обстоятельства, которые

могут быть проверяемы в судебном порядке. В то же время Конституционный Суд РФ счел недопустимым передачу вакантного депутатского мандата лицу, ранее получившему депутатский мандат, а затем добровольно прекратившему исполнение депутатских полномочий досрочно¹.

В связи с формированием Государственной Думы Е. И. Козлова также обращает внимание на такой примечательный институт, как конституирование (т. е. признание самостоятельности, правомочности) палаты парламента. Применительно к представительному органу формой, посредством которой он мог конституироваться, издавна как в зарубежных странах, так и в России было признание законности прошедших выборов и, соответственно, утверждение полномочий депутатов, о чем принималось постановление представительного органа. В отличие от советского законодательства процедура конституирования исчезла из Конституции РФ и из Регламента Государственной Думы. По мнению автора, целесообразно возобновить эту процедуру на уровне регламента палаты. Особая мандатная комиссия могла бы анализировать данные о заявлениях избирателей, общую обстановку выборов, итоги решений судов по жалобам. Этот институт не должен восприниматься как глобальная проверка деятельности ЦИК РФ, но он явился бы дополнительной формой проверки со стороны избранных депутатов чистоты проведения избирательной кампании. С такими доводами именитого исследователя следует согласиться [27]. Думается, что подобная практика дополнительно подчеркнула бы политическую самостоятельность Государственной Думы.

Таким образом, можно отметить чрезмерный динамизм изменения законодательства о форми-

¹ По делу о проверке конституционности ряда положений пунктов 17 и 18 статьи 71 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» и частей 3 и 4 статьи 89 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ» в связи с жалобой гражданина Н. В. Гончарова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2014 г. № 33-П // Российская газета. 2014. 24 декабря; О разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2014 года № 33-П по делу о проверке конституционности ряда положений пунктов 17 и 18 статьи 71 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» и частей 3 и 4 статьи 89 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 31 марта 2016 г. № 449-О-Р // Российская газета. 2016. 13 апреля.

ровании Государственной Думы, обусловленный в первую очередь стремлением закрепить численное преимущество доминирующей в палате парламента политической партии. Позитивными являются новеллы, связанные с внедрением современных цифровых технологий в избирательный процесс, возвращением смешанной избирательной системы и снижением численных требова-

ний к членам политических партий. Однако сохраняется общественный запрос на стабилизацию избирательной системы России, на повышение значимости продуманной законодательной, а не подзаконной институционализации избирательных процедур, усиление их прозрачности, а также адекватное реагирование на злоупотребляющие политические технологии.

Список источников

1. Формирование политической системы России / А. С. Автономов, А. В. Картунов, С. А. Марков, Ю. А. Тихомиров; под ред. А. Картунова. М.: Центр конституционных исследований Московского общественного научного фонда, 1996.
2. Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ. URL: <http://duma.gov.ru/>.
3. История выборов в Государственную Думу // ТАСС. 2011. 30 ноября. URL: <https://tass.ru/spravochnaia-informaciya/508433>.
4. Лебедев В. А., Кандалов П. М., Неровная Н. Н. Партии на выборах: опыт, проблемы, перспективы. М.: Изд-во МГУ, 2006.
5. Авакьян С. А. Конституционно-правовой статус политических партий в России: учебное пособие. М.: Норма, Инфра-М, 2011.
6. Лапаева В. В. Право и политика. Из научной публицистики. М.: Норма, 2005.
7. Линьков А., Ушакова О. «О внесении изменений в некоторые законодательные акты РФ» — от проекта до закона // Парламентская газета. 2006. 25 мая.
8. Тюлькин В. Мнение «против» // Парламентская газета. 2006. 29 июня.
9. Горбачев А. А., Сквозиков А. К. Тенденции и противоречия в процессе формирования российского парламентаризма // Право и политика. 2011. № 5 (137). С. 752–761.
10. Макаренко Б. И. Верна ли будет пропорция? // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2004. № 1 (32). С. 6–11.
11. Саликов М. С. Централизм и демократия: проблемы поиска баланса // Централизм, демократия, децентрализация в современном государстве: конституционно-правовые вопросы: мат-лы Международной научной конф-ции / под ред. С. А. Авакьяна. М.: ТК Велби, 2006.
12. Список политических партий, отвечающих требованиям пункта 2 статьи 36 Федерального закона «О политических партиях» // Российская газета. 2006. 14 июля.
13. Выборы в Государственную Думу 18 сентября 2016 г. URL: https://ruxpert.ru/Выборы_в_Государственную_Думу_18_сентября_2016_года.
14. Боброва Н. А. Конституционное право как инструмент управления будущим, или Итоги выборов-2016 // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 1. С. 45–48.
15. Полномочия и состав Государственной Думы России // ТАСС. 2021. 12 октября. URL: <https://tass.ru/info/12626845>.
16. Садовникова Г. Д. Проблемы оптимизации порядка формирования представительных органов в Российской Федерации // Система органов публичной власти: сборник научных работ / отв. ред. В. В. Комарова, В. В. Невинский, А. М. Осавелюк. М.: РГ-Пресс, 2018. Т. 3.
17. Евстафьев А. И., Дегтярев М. А. Новый ценз пассивного избирательного права: причастность к деятельности террористической или экстремистской организации // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 3. С. 40–45. DOI: 10.18572/1812-3767-2023-3-40-45.
18. Мазуревский К. С. Реализация избирательных прав: современные тенденции // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 7. С. 42–47. DOI: 10.18572/1812-3767-2022-7-42-47.
19. Лозовская С. В. Роль выборов в обеспечении легитимности государственной власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 11. С. 41–45. DOI: 10.18572/1813-1247-2020-11-41-45.
20. Блохин П. Д. Феномен спойлерства и значение цели в публичном праве // Закон. 2022. № 5. С. 43–50. DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-5-43-50.
21. Постников А. Е. О пределах подзаконного регулирования избирательных прав граждан // Журнал российского права. 2022. № 5. С. 31–42. DOI: 10.12737/jrl.2022.050.

22. ЦИК РФ передал другим кандидатам 66 вакантных мандата «Единой России» // Интерфакс. 2021. 29 сентября. URL: <https://www.interfax.ru/russia/794284>.
23. ЦИК решила вопрос о передаче мандатов отказавшихся от депутатского кресла // РИА Новости. 2016. 28 сентября. URL: <https://ria.ru/20160928/1478044992.html>; Паровоз (выборы). URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Паровоз_\(выборы\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Паровоз_(выборы)).
24. Авдеев Д. А. Форма правления в России (краткий конституционный очерк). Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2015.
25. Отказ Павлу Груднину в депутатском мандате эксперты считают политическим // Ведомости. 2019. 22 марта. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/03/21/797040-otkaz-grudininu>.
26. Чиркин В. Е. Оптимальная избирательная система для России (субъективные заметки) // Журнал российского права. 2004. № 11. С. 13–14.
27. Козлова Е. И. Утраченная ценность (должна ли Государственная Дума конституироваться) // Система органов публичной власти: сборник научных работ / отв. ред. В. В. Комарова, В. В. Невинский, А. М. Осавелюк. М.: РГ-Пресс, 2018. Т. 3.

References

1. Formirovanie politicheskoy sistemy Rossii / A. S. Avtonomov, A. V. Kortunov, S. A. Markov, Yu. A. Tihomirov; podred. A. Kortunova. M.: Centr konstitucionnyh issledovanij Moskovskogo obshchestvennogo nauchnogo fonda, 1996.
2. Oficial'nyj sayt Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobraniya RF. URL: <http://duma.gov.ru/>.
3. Istoriya vyborov v Gosudarstvennuyu Dumu // TASS. 2011. 30 noyabrya. URL: <https://tass.ru/spravochnaya-informaciya/508433>.
4. Lebedev V. A., Kandalov P. M., Nerovnaya N. N. Partii na vyborah: opyt, problemy, perspektivy. M.: Izd-vo MGU, 2006.
5. Avak'yan S. A. Konstitucionno-pravovoj status politicheskikh partij v Rossii: uchebnoe posobie. M.: Norma, Infra-M, 2011.
6. Lapaeva V. V. Pravo i politika. Iz nauchnoj publicistiki. M.: Norma, 2005.
7. Lin'kov A., Ushakova O. «O vnesenii izmenenij v nekotorye zakonodatel'nye akty RF» — ot proekta do zakona // Parlamentskaya gazeta. 2006. 25 maya.
8. Tyul'kin V. Mnenie «protiv» // Parlamentskaya gazeta. 2006. 29 iyunya.
9. Gorbachev A. A., Skovikov A. K. Tendencii i protivorechiya v processe formirovaniya rossijskogo parlamentarizma // Pravo i politika. 2011. № 5 (137). S. 752–761.
10. Makarenko B. I. Verna li budet proporcija? // Politiya: Analiz. Hronika. Prognoz. 2004. № 1 (32). S. 6–11.
11. Salikov M. S. Centralizm i demokratiya: problemy poiska balansa // Centralizm, demokratiya, decentralizaciya v sovremennom gosudarstve: konstitucionno-pravovye voprosy: mat-ly Mezhdunarodnoj nauchnoj konf-cii / pod red. S. A. Avak'yana. M.: TK Velbi, 2006.
12. Spisok politicheskikh partij, otvechayushchih trebovaniyam punkta 2 stat'i 36 Federal'nogo zakona «O politicheskikh partiyaх» // Rossijskaya gazeta. 2006. 14 iyulya.
13. Vybory v Gosudarstvennuyu Dumu 18 sentyabrya 2016 g. URL: https://ruxpert.ru/Vybory_v_Gosudarstvennuyu_Dumu_18_sentyabrya_2016_goda.
14. Bobrova N. A. Konstitucionnoe pravo kak instrument upravleniya budushchim, ili Itogi vyborov-2016 // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2017. № 1. S. 45–48.
15. Polnomochiya i sostav Gosudarstvennoj Dumy Rossii // TASS. 2021. 12 oktyabrya. URL: <https://tass.ru/info/12626845>.
16. Sadovnikova G. D. Problemy optimizacii poryadka formirovaniya predstavitel'nyh organov v Rossijskoj Federacii // Sistema organov pубличной власти: sbornik nauchnyh rabot / отв. ред. V. V. Komarova, V. V. Nevinskij, A. M. Osavelyuk. M.: RG-Press, 2018. Т. 3.
17. Evstaf'ev A. I., Degtyarev M. A. Novyj cenz passivnogo izbiratel'nogo prava: prichastnost' k deyatelnosti terroristicheskoy ili ekstremistskoj organizacii // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2023. № 3. S. 40–45. DOI: 10.18572/1812-3767-2023-3-40-45.
18. Mazurevskij K. S. Realizaciya izbiratel'nyh prav: sovremennye tendencii // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2022. № 7. S. 42–47. DOI: 10.18572/1812-3767-2022-7-42-47.

19. Lozovskaya S. V. Rol' vyborov v obespechenii legitimnosti gosudarstvennoj vlasti // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2020. № 11. S. 41–45. DOI: 10.18572/1813-1247-2020-11-41-45.
20. Blohin P. D. Fenomen spojlerstva i znachenie celi v publichnom prave // Zakon. 2022. № 5. S. 43–50. DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-5-43-50.
21. Postnikov A. E. O predelah podzakonnogo regulirovaniya izbiratel'nyh prav grazhdan // Zhurnal rossijskogo prava. 2022. № 5. S. 31–42. DOI: 10.12737/jrl.2022.050.
22. CIK RF peredal drugim kandidatam 66 vakantnyh mandata «Edinoj Rossii» // Interfaks. 2021. 29 sentyabrya. URL: <https://www.interfax.ru/russia/794284>.
23. CIK reshila vopros o peredache mandatov otkazavshihsya ot deputatskogo kresla // RIA Novosti. 2016. 28 sentyabrya. URL: <https://ria.ru/20160928/1478044992.html>; Parovoz (vybory). URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Parovoz_\(vybory\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Parovoz_(vybory)).
24. Avdeev D. A. Forma pravleniya v Rossii (kratkij konstitucionnyj ocherk). Tyumen': Izd-vo Tyumenskogo gos. un-ta, 2015.
25. Otkaz Pavlu Grudininu v deputatskom mandate eksperty schitayut politicheskim // Vedomosti. 2019. 22 marta. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/03/21/797040-otkaz-grudininu>.
26. Chirkin V. E. Optimal'naya izbiratel'naya sistema dlya Rossii (sub'ektivnye zametki) // Zhurnal rossijskogo prava. 2004. № 11. S. 13–14.
27. Kozlova E. I. Utrachennaya cennost' (dolzhna li Gosudarstvennaya Duma konstituirovat'sya) // Sistema organov publichnoj vlasti: sbornik nauchnyh rabot / otv. red. V. V. Komarova, V. V. Nevinskij, A. M. Osavelyuk. M.: RG-Press, 2018. T. 3.

Информация об авторе

Л. Г. Коновалова — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

L. G. Konovalova — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 14.02.2025; одобрена после рецензирования 02.04.2025; принята к публикации 25.11.2025.

The article was submitted 14.02.2025; approved after reviewing 02.04.2025; accepted for publication 25.11.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 102–108.

Altai Law Journal. 2025. № 4 (52). P. 102–108.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.98

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПОЛИЦИИ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ

Светлана Владимировна Мягкова¹, Виктория Евгеньевна Хазова²

¹ Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, myagkovas83@mail.ru

² Институт национальной безопасности и права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, x.victoria@yandex.ru

Аннотация. Данная статья представляет собой актуальное исследование, это объясняется как увеличением миграционных потоков, так и усложнением видов и способов совершения административных правонарушений в данной области, где правоприменение сталкивается с определенными сложностями и проблемами, требующими тщательного анализа и разработки способов улучшения. Несмотря на прилагаемые усилия, реализация административного законодательства в области миграции сопряжена с рядом трудностей, требующих комплексного анализа и выработки мер по их решению.

Ключевые слова: правоприменительная практика, органы внутренних дел, полиция, административные правонарушения, миграция

Для цитирования: Мягкова С. В., Хазова В. Е. Актуальные проблемы правоприменительной практики по делам об административных правонарушениях сотрудников органов внутренних дел (полиции) МВД России в сфере миграции // Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 102–108.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

TOPICAL ISSUES OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE OF POLICE IN THE SPHERE OF MIGRATION

Svetlana V. Myagkova¹, Victoria E. Khazova²

¹ Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, Moscow, Russia, myagkovas83@mail.ru

² Institute of National Security and Law of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia, x.victoria@yandex.ru

Abstract. This article is relevant study, which is explained both by the increase in migration flows and the increasing complexity of the types and methods of committing administrative offenses in this area, where law enforcement faces certain difficulties and problems that require careful analysis and development of ways to improve. Despite the efforts being made, the law enforcement practice in cases of administrative violations in the field of migration is fraught with a number of difficulties that require a comprehensive analysis and the development of measures to address them. In the course of this study, the authors used methods of system and logical analysis. This made it possible, on the one hand, to summarize, structure and interpret the collected data, and on the other, to identify the key factors influencing migration processes in the Russian Federation and present their dynamic development.

Keywords: law enforcement practice, internal affairs agencies, police, administrative offenses, migration

For citation: Myagkova S. V., Khazova V. E. Topical Issues of law enforcement practice of police in the sphere of migration. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;4:102–108 (In Russ.).

В современной реальности миграционные процессы существенно влияют на социально-экономическое положение и правовую систему в России. Миграционная картина в Российской Федерации претерпевает динамичные изменения, в связи с чем поддержание правопорядка в области миграции становится одним из важнейших направлений работы органов внутренних дел (полиции). Эффективная борьба с административными правонарушениями в этой сфере является ключевой задачей для сотрудников МВД России.

Россия — это открытое для внешнего мира государство [1]. «С начала 2024 года в Россию въехало около 6,3 миллиона иностранных граждан. Цифры свидетельствуют о полном восстановлении миграционных потоков после пандемийных ограничений. Основной поток мигрантов традиционно формируют граждане стран СНГ: Республики Узбекистан составляют 23,3 % от общего числа прибывших, Республики Таджикистан — 16,7 %, Республики Кыргызстан — 10,4 %. Граждане Республики Белоруссии, пользующиеся правом свободного въезда, занимают четвертое место с показателем 9,5 %. Эти цифры отражают потребность российской экономики в иностранной рабочей силе, особенно в таких отраслях, как строительство, транспорт и сфера услуг. Текущая миграционная политика направлена на создание сбалансированной системы, которая, с одной стороны, обеспечивает защиту мигрантов, а с другой — способствует легализации их трудовой деятельности. Перед нами стоит важная задача — создать условия для комфортного сосуществования местного населения и трудовых мигрантов», — пояснила в рамках Петербургского международного экономического форума «Трудовая миграция. Экономическое измерение», проходившего 19 июня 2025 г., Валентина Казакова [2]. А также «Более 3,5 млн украинских граждан перешли через границу в Российскую Федерацию после начала специальной военной операции на Украине», — сообщил первый заместитель директора — руководитель Погранслужбы ФСБ России генерал армии Владимир Кулишов [3].

В числе самых популярных российских регионов у иностранных граждан на протяжении более чем десяти лет остаются Москва, Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область. Так, доля трудовых мигрантов в Москве составляет 8,6 %. В конце 2024 г. в столице работали 1,142 млн иностранных граждан, а по всей стране — 2,676 млн, что на 9,7 % ниже, чем в 2023 г. [4].

По данным Следственного комитета России, за 2024 год число «преступных посягательств» со стороны трудовых мигрантов возросло с 5868 до 9708. Почти втрое выросло число преступлений, совершенных лицами, которые незаконно находятся на территории России (с 2808 до 8059) [5].

География трудовой миграции в России начинает меняться с геометрической прогрессией, развивая систему международных отношений не только с постсоветскими государствами, но и со странами дальнего зарубежья, к примеру Индией. Впрочем, власти российских регионов налаживают связи с целым рядом государств, среди которых африканские Бурунди и Буркино-Фасо. Значительные потоки граждан из соседних государств приезжают в Российскую Федерацию не только для того, чтобы познать культуру нашего народа, посетить различные выставки или музеи, полюбоваться окружающей природой, но и с целью заработка. В нашем национальном законодательстве имеются нормативно-правовые акты, которые закрепляют основания законного нахождения таких людей на территории Российской Федерации, в т. ч. их права, обязанности, а также ответственность [6].

МВД России на постоянной основе принимают комплексные системные меры по укреплению правопорядка в сфере миграции, усилению контроля за миграционными потоками, противодействию незаконной миграции и преступности среди мигрантов. Подразделениями по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь — декабрь 2024 г. проведено 293,2 тыс. (+3,4 %) мероприятий, направленных на выявление фактов нарушения миграционного законодательства Российской Федерации. Усилен контроль за работодателями, привлекающими к трудовой деятельности мигрантов. Так, в 2,2 раза (с 5862 до 12 788) возросло количество внеплановых проверок, проведенных в отношении юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, по итогам которых выявлено на 69,6 % правонарушений больше (с 21 681 до 36 781). Результатом проведенной работы в части реализации административного законодательства в 2024 г. стал рост на 43,1 % (с 2 348 561 до 3 360 311) количества составленных протоколов об административных правонарушениях в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства. По итогам 2024 г. принято 190,2 тыс. решений об удалении иностранных граждан с территории Российской Федерации (об административном выдворении, депортации и реадмиссии), что на 31,1 % больше, чем за 2023 год. Удалено из России 157 тыс. иностранцев — на-

рушителей законодательства, что на 44,6 % превышает результаты работы за 2023 год. Помимо этого, органами внутренних дел активизирована работа по ограничению въезда в страну иностранных граждан, не соблюдающих требования российского законодательства. В отношении данной категории лиц полицией направлено 267,2 тыс. представлений о неразрешении въезда в Россию, что на 93,8 тыс. больше, чем за 2023 год. Активная работа по выявлению и пресечению фактов злоупотребления иностранными гражданами правом на получение разрешения на временное проживание, вида на жительство в упрощенном порядке, проводимая территориальными органами МВД России, способствовала сокращению количества выданных иностранным гражданам разрешений на временное проживание (-50,4 %, 44 551) и видов на жительство (-21,3 %, 214 982). В результате принимаемых мер по усилению контроля за миграционными процессами количество уведомлений о заключении трудового или гражданско-правового договора с иностранными гражданами и лицами без гражданства, осуществляющими трудовую деятельность на основании патента либо разрешения на работу, возросло на 48,8 % (1 966 148) и 33,6 % (100 870) соответственно. Аналогичная тенденция зафиксирована в отношении уведомлений о заключении таких договоров с гражданами государств — членов ЕАЭС (+19,9 %, 825 548) [7].

Административное законодательство, касающееся миграции, — это сложная и многоуровневая система нормативных актов, которая служит для правового регулирования прибытия, нахождения, проживания и трудовой деятельности иностранцев в нашей стране. Административная деятельность в данной сфере направлена на обеспечение стабильности и защищенности социума, а также на охрану прав и законных интересов как приезжих граждан, так и населения, принимающего их в свою среду.

В Российской Федерации главный законодательный акт¹ гарантирует каждому человеку вне зависимости от его гражданства защиту его законных интересов и свобод, утверждая, что личность с присущими ей неотъемлемыми правами и свободами является приоритетной ценностью для государства. Признание, уважение и обеспечение прав и свобод человека и гражданина — это

долг государства (статья 2). Государство обязуется обеспечивать равные права и свободы всем, независимо от гендерной принадлежности, этнической группы, национальности, языка, социального происхождения, материального достатка или занимаемой должности, места проживания, религиозных взглядов, убеждений, членства в общественных организациях, а также иных факторов. Любые виды дискриминации и ограничения прав граждан по признакам социального статуса, расовой или национальной принадлежности, языковой идентичности или религиозных убеждений запрещены (статья 17).

Российская Федерация — государство, обеспечивающее достойную жизнь и свободное развитие человека, с механизмами поддержки института семьи, труда и социальных отношений в гражданском обществе. Вышеизложенное подтверждается статистическими сведениями о миграционной ситуации, где прослеживается тенденция пребывания на территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства [8].

Сотрудники Министерства внутренних дел Российской Федерации в рамках миграционного контроля уделяют особое внимание следующим задачам: осуществление комплекса мероприятий, направленных на профилактику и пресечение незаконной миграции; контроль за пребыванием и проживанием иностранных граждан и лиц без гражданства; контроль и надзор за соблюдением работодателями правил привлечения и использования иностранной рабочей силы. Ответственность административного характера применяется к лицам, допустившим несоблюдение миграционного законодательства. Деятельность сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации в миграционной сфере и ее правовое обеспечение представляют собой многогранный и непростой механизм, основанный на множестве законов и подзаконных актов, которые наделяют их определенными полномочиями и таким образом создают юридическую основу для выполнения ими своих функций.

В правовом регулировании миграционных процессов основное значение имеет Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях² (далее — КоАП РФ), который устанавливает ответственность за различные правонарушения в этой области.

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 23.05.2025; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2025). URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 03.06.2025).

Важную роль для сотрудников МВД России играет, во-первых, квалификация административных правонарушений в области миграции как основная непростая задача. Она требует глубоких знаний миграционного законодательства, позволяющих грамотно применять нормы права к конкретным ситуациям. Верная и точная квалификация имеет первостепенное значение для обеспечения справедливости и законности в правоприменительной деятельности.

Во-вторых, разграничение составов правонарушений может быть затруднено из-за их схожести, что требует детального анализа фактических обстоятельств и установления всех элементов состава правонарушения. Например, нелегальное осуществление трудовой деятельности иностранцем может быть квалифицировано по различным статьям КоАП РФ в зависимости от конкретных обстоятельств, таких как наличие разрешения на работу, характер выполняемой работы и наличие работодателя.

Установление вины нарушителя является еще одним сложным аспектом квалификации административных правонарушений. Нужно установить наличие умысла или неосторожности в действиях лица, совершившего правонарушение. При этом следует учитывать различные смягчающие и отягчающие обстоятельства, которые могут повлиять на степень вины и, соответственно, на размер административного наказания. При определении размера административного наказания имеет значение множество факторов, таких как характер совершенного правонарушения, степень вины правонарушителя, наличие смягчающих и отягчающих обстоятельств, а также имущественное положение нарушителя. Неверное определение размера административного наказания может привести к нарушению принципа справедливости и законности, а также к обжалованию вынесенного постановления в административном порядке. Наконец, существенным фактором, влияющим на верность квалификации административных нарушений в миграционной сфере, являются полнота и достоверность собранных доказательств. Для правильной квалификации необходимо располагать достаточным объемом доказательств, подтверждающих факт совершения правонарушения, вину нарушителя и иные обстоятельства, имеющие значение для дела. Недостаточность или недостоверность доказательств может привести к неверной квалификации правонарушения и вынесению незаконного решения. В связи с этим особое внимание следует уделять сбору и фиксации доказательств,

соблюдению процессуальных требований и обеспечению прав лиц, подвергающихся административному наказанию.

Только за последнее десятилетие в КоАП РФ внесено свыше 150 поправок и нововведений, что подчеркивает значимость научного анализа существующих проблем правоприменения и последующей активной законотворческой работы, нацеленной на их решение [9].

Огромный прорыв в правоприменительную практику органов внутренних дел МВД России внес Федеральный закон Российской Федерации от 8 августа 2024 г.¹ Поправки, внесенные в КоАП РФ, расширили полномочия МВД (полиции) в части рассмотрения дел об административных правонарушениях, предусматривающих выдворение за пределы России. Теперь к компетенции органов внутренних дел относятся, в частности, нарушения правил нахождения в России, посяательства на здоровье населения и санитарно-эпидемиологическое благополучие, общественную нравственность, а также нарушения установленного порядка управления, общественной безопасности и порядка.

Кроме того, в Кодекс об административных правонарушениях РФ были внесены уточнения, касающиеся содержания иностранных мигрантов и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению, в специализированных учреждениях. Изменены правила продления срока пребывания в таких учреждениях, а также порядок обжалования решений о применении административного наказания в виде выдворения. Новые положения вступили в силу 5 февраля 2025 г.

Выявление и фиксация административных правонарушений в области миграции представляют собой многоплановый и непростой процесс, связанный со специфическими сложностями, вытекающими из особенностей этой сферы правоотношений.

Наиболее существенными проблемами в правоприменительной практике в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства являются: отсутствие у нарушителей документов, подтверждающих их личность; языковой барьер и сокрытие фактов правонарушений.

Кроме того, результативность документирования во многом зависит от взаимодействия сотруд-

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 8 августа 2024 г. № 260-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ников МВД России с другими государственными структурами и общественными организациями. В частности, важную роль играет сотрудничество с органом федерального уровня, наделенным властными полномочиями, реализующим государственное регулирование в сфере обеспечения безопасности нашей страны и действующим в рамках установленной компетенции (ФСБ России), федеральным органом исполнительной власти, который занимается принудительным исполнением судебных актов и других обязательных решений (ФССП России), государственным органом, ответственным за сбор налогов, а также с органами местного самоуправления и общественными организациями, занимающимися защитой прав мигрантов.

«В целом в миграционной сфере еще многое предстоит сделать», — отметил на расширенном заседании коллегии МВД России В. А. Колокольцев [10].

В целях улучшения правоприменительной практики (нормативной базы) в области миграции, которая регулирует административную ответственность иностранных граждан и лиц, не имеющих принадлежности ни к какому гражданству, а также их принимающих (приглашающих) сторон, целесообразно увеличить число составов административных правонарушений. Предлагается внести изменения в главу 18 КоАП РФ, дополнив ее новыми частями и статьями, определяющими конкретные виды нарушений. Расширение перечня административных правонарушений позволит более эффективно обеспечивать законность и правопорядок в сфере пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации.

Так, КоАП РФ дополнить: во-первых, статьей 18.22 «Соучастие в административных правонарушениях».

1. Умышленное совместное участие иностранного гражданина/лица без гражданства и принимающей стороны/работодателя в совершении административного правонарушения, предусмотренного статьями 18.1–18.12, 18.14–18.19 КоАП РФ.

Так, соучастием в административном правонарушении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного административного правонарушения. Соучастниками в данном случае будут признаваться организатор (принимающая сторона, работодатель) и пособник (иностранец, гражданин, лицо без гражданства).

В соответствии с подпунктом б) пункта 1 постановления Правительства Российской Федерации¹ в период с 30 июня 2025 г. по 30 июня 2026 г. во всех пунктах пропуска через Государственную границу Российской Федерации будет проводиться эксперимент, по которому все иностранцы при въезде в Российскую Федерацию обязаны проходить биометрическую идентификацию. Процедура включает снятие отпечатков пальцев и фотографирование. Ранее она применялась выборочно, но теперь станет обязательной на всех пунктах пропуска.

Во-вторых, предлагается дополнить КоАП РФ статьей 18.23 «Отказ иностранного гражданина при въезде в Российскую Федерацию от прохождения биометрической идентификации».

Кроме этого, «в настоящее время в России проживает 638 174 несовершеннолетних иностранных граждан, но значительная часть из них не ходят в школу. В Москве находится 80 282 несовершеннолетних иностранца, обучаются только 25 тысяч детей», — сообщил заместитель Министра внутренних дел РФ Игорь Зубов [11].

Вопросы воспитания и содержания несовершеннолетних иностранных детей должны являться прямой обязанностью их родителей и иных законных представителей. Именно они обязаны не только не препятствовать осуществлению установленных государством социальных стандартов по развитию своих детей (заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии несовершеннолетних), но и принимать все меры по обеспечению и реализации прав и свобод несовершеннолетних во всех сферах жизнедеятельности, т. к. внедрение образованных иностранных граждан в российское общество — залог успешного развития страны.

В-третьих, как следствие, предлагается ст. 5.35 дополнить частью 4 «Неисполнение или ненадлежащее исполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних иностранных граждан по их воспитанию и обучению, влекущее за собой наложение административного штрафа в размере от пяти до семи тысяч рублей с административным выдворением за пределы Российской Федерации».

¹ О проведении эксперимента по апробации правил и условий въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства: постановление Правительства Российской Федерации от 7 ноября 2024 г. № 1510. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411130026> (дата обращения: 20.06.2025).

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что существующие проблемы правоприменительной административной практики в отношении иностранных граждан/лиц без гражданства и их принимающих сторон/работодателей требуют дополнительных мер реа-

гирования со стороны исполнительных органов и органов власти с целью обеспечения социально-экономического, пространственного и демографического развития страны, а также поддержания межнационального, межрелигиозного мира в обществе.

Список источников

1. Мягкова С. В., Хазова В. Е. Государственная миграционная политика современной России // Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 114–119.
2. Казакова В. Выступление в рамках Петербургского международного экономического форума на сессии «Трудовая миграция. Экономическое измерение» 19 июня 2025 года. URL: <https://riamo.ru/news/obschestvo/kazakova-na-pmef-migranty-vosstanavlivajut-dopandemijnyj-uroven/> (дата обращения: 20.06.2025).
3. URL: <https://www.mk.ru/politics/2023/05/27/bole-35-mln-grazhdan-ukrainy-pereshli-cherez-granicu-v-rf-posle-nachala-svo-fsb.html>.
4. Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 03.06.2025).
5. СКР: в 2024 году преступность среди нелегальных мигрантов выросла почти вдвое. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7197764> (дата обращения: 03.06.2025).
6. Мягкова С. В. Международное сотрудничество привлечения мигрантов в Российскую Федерацию из стран дальнего зарубежья: новое порождение нелегальной миграции или перспективное развитие страны // Право, общество, государство: проблемы истории, теории и практики: сборник мат-лов Всероссийской научно-практ. конф-ции (12 апреля 2024 г., Московский областной филиал МосУ МВД России имени В. Я. Кикотя). М., 2024. С. 154–157.
7. Результаты деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь — декабрь 2024 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/deyatelnost/statistics/migracionnaya/item/63022223/> (дата обращения: 05.06.2025).
8. Мягкова С. В. Особенности правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации // Правовой вектор конституционного развития России (к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации): Всероссийская научно-практ. конф-ция, 14 декабря 2023 г.: сборник научных трудов. М.: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2024. С. 81–84.
9. Горшков И. С. О некоторых вопросах производства по делам об административных правонарушениях в отношении неустановленного лица в правоприменительной практике органов внутренних дел // Административное право и процесс. 2023. № 3. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 03.06.2025).
10. Колокольцев В. А. Выступление на заседании коллегии МВД России «В целом в миграционной сфере еще многое предстоит сделать». URL: <https://мвд.рф/news/item/56665974/> (дата обращения: 20.06.2025).
11. Зубов И. МВД: значительная часть детей мигрантов в России не ходят в школу. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2025/06/10/1116375-chast-detei-migrantov> (дата обращения: 20.06.2025).

References

1. Myagkova S. V., Hazova V. E. Gosudarstvennaya migracionnaya politika sovremennoj Rossii // Altajskij yuridicheskij vestnik. 2024. № 3 (47). S. 114–119.
2. Kazakova V. Vystuplenie v ramkah Peterburgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma na sessii «Trudovaya migraciya. Ekonomicheskoe izmerenie» 19 iyunya 2025 goda. URL: <https://riamo.ru/news/obschestvo/kazakova-na-pmef-migranty-vosstanavlivajut-dopandemijnyj-uroven/> (data obrashcheniya: 20.06.2025).
3. URL: <https://www.mk.ru/politics/2023/05/27/bole-35-mln-grazhdan-ukrainy-pereshli-cherez-granicu-v-rf-posle-nachala-svo-fsb.html>.

4. Ministerstvo vnutrennih del Rossijskoj Federacii: oficial'nyj sajt. URL: <https://mvd.rf/> (data obrashcheniya: 03.06.2025).
5. SKR: v 2024 godu prestupnost' sredi nelegal'nyh migrantov vyrosla pochtii vtroe. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7197764> (data obrashcheniya: 03.06.2025).
6. Myagkova S. V. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo privlecheniya migrantov v Rossijskuyu Federaciju iz stran dal'nego zarubezh'ya: novoe porozhdenie nelegal'noj migracii ili perspektivnoe razvitie strany // Pravo, obshchestvo, gosudarstvo: problemy istorii, teorii i praktiki: sbornik mat-lov Vserossijskoj nauchno-prakt. konf-cii (12 aprelya 2024 g., Moskovskij oblastnoj filial MosU MVD Rossii imeni V. Ya. Kikotya). M., 2024. S. 154–157.
7. Rezul'taty deyatelnosti podrazdelenij po voprosam migracii territorial'nyh organov MVD Rossii za yanvar' — dekabr' 2024 goda // Oficial'nyj sajt MVD Rossii. URL: <https://mvd.rf/deyatelnost/statistics/migracionnaya/item/63022223/> (data obrashcheniya: 05.06.2025).
8. Myagkova S. V. Osobennosti pravovogo statusa inostrannyh grazhdan i lic bez grazhdanstva na territorii Rossijskoj Federacii // Pravovoj vektor konstitucionnogo razvitiya Rossii (k 30-letiyu so dnya prinyatiya Konstitucii Rossijskoj Federacii): Vserossijskaya nauchno-prakt. konf-ciya, 14 dekabrya 2023 g.: sbornik nauchnyh trudov. M.: Moskovskij universitet MVD Rossii imeni V. Ya. Kikotya, 2024. S. 81–84.
9. Gorshkov I. S. O nekotoryh voprosah proizvodstva po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah v otnoshenii neustanovlennogo lica v pravoprimeritel'noj praktike organov vnutrennih del // Administrativnoe pravo i process. 2023. № 3. URL: <https://www.consultant.ru/> (data obrashcheniya: 03.06.2025).
10. Kolokol'cev V. A. Vystuplenie na zasedanii kollegii MVD Rossii «V celom v migracionnoj sfere eshche mnogoe predstoit sdelat'». URL: <https://mvd.rf/news/item/56665974/> (data obrashcheniya: 20.06.2025).
11. Zubov I. MVD: znachitel'naya chast' detej migrantov v Rossii ne hodyat v shkolu. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2025/06/10/1116375-chast-detei-migrantov> (data obrashcheniya: 20.06.2025).

Информация об авторах

С. В. Мяжкова — кандидат педагогических наук.

В. Е. Хазова — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

S. V. Myagkova — Candidate of Science (Pedagogical).

V. E. Khazova — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 18.06.2025; одобрена после рецензирования 02.09.2025; принята к публикации 25.11.2025.

The article was submitted 18.06.2025; approved after reviewing 02.09.2025; accepted for publication 25.11.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 109–116.

Altai Law Journal. 2025. № 4 (52). P. 109–116.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 343.359.2

МЕХАНИЗМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ

Александра Александровна Нестерова^{1, 2}, Ольга Владимировна Рыбкина³

¹ Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия, nesterovaalexandra@yandex.ru

² Воронежский государственный аграрный университет имени Петра I, Воронеж, Россия

³ Воронежский государственный технический университет, Воронеж, Россия, ryzhunya@inbox.ru

Аннотация. В статье исследуется механизм взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов при выявлении признаков налоговых правонарушений и преступлений. Особое внимание уделяется вопросу о месте и роли органов внутренних дел в налоговом контроле и в налоговых правоотношениях. Предлагается введение новых элементов механизма взаимодействия налоговых органов и органов внутренних дел при выявлении признаков налоговых правонарушений и преступлений.

Ключевые слова: налоговое правонарушение, виды ответственности, взаимодействие органов внутренних дел и налоговых органов, налоговые проверки, налоговый контроль

Для цитирования: Нестерова А. А., Рыбкина О. В. Механизм взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов при осуществлении налогового контроля // Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 109–116.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

MECHANISM FOR INTERACTION BETWEEN INTERNAL AFFAIRS AGENCIES AND TAX AUTHORITIES DURING TAX CONTROL

Alexandra A. Nesterova^{1, 2}, Olga V. Rybkina³

¹ Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia, nesterovaalexandra@yandex.ru

² Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter the Great, Voronezh, Russia

³ Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia, ryzhunya@inbox.ru

Abstract. The article examines the mechanism of interaction between internal affairs bodies and tax authorities in identifying signs of tax offenses and crimes. Special attention is paid to the issue of the place and role of internal affairs bodies in tax control and tax legal relations. The author proposes the introduction of new elements in the mechanism of interaction between tax authorities and internal affairs bodies in identifying signs of tax offenses and crimes.

Keywords: tax offenses, types of liability, interaction between internal affairs agencies and tax authorities, tax inspections, tax control

For citation: Nesterova A. A., Rybkina O. V. Mechanism for interaction between internal affairs agencies and tax authorities during tax control. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;4:109–116 (In Russ.).

В современных реалиях Налоговый кодекс Российской Федерации (далее — НК РФ) предусматривает широкий перечень правонарушений. К ним относятся: нарушение срока постановки на учет в налоговом органе (ч. 1 ст. 116 НК РФ), ведение деятельности без постановки на учет (ч. 2 ст. 116 НК РФ), непредоставление в установленный срок налоговой декларации (ч. 1 ст. 119 НК РФ) или предоставление налоговым агентом налоговому органу документов, содержащих недостоверные сведения (ст. 126.1 НК РФ) и др.

Обратим внимание, что в дополнение к налоговым санкциям нарушение законодательства в сфере налогов и сборов может повлечь административную ответственность. Несмотря на то что налоговая ответственность может быть возложена на организацию в целом, это не препятствует привлечению ее должностных лиц к административной ответственности в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП РФ). Положения об ответственности за нарушение налогового законодательства содержатся в ряде норм КоАП РФ (ст. 15.3–15.9 и др.)¹. А также в случаях уклонения от уплаты налогов в крупных и особо крупных размерах наступает уголовная ответственность, установленная Уголовным кодексом Российской Федерации (далее — УК РФ).

Следует отметить, что понятие «налоговые преступления» не имеет четкого законодательного определения, что обуславливает неоднозначные интерпретации данного термина в юридической науке. Согласно мнению Ю. И. Корabelьниковой, понятие «налоговые преступления» может быть определено следующим образом: «налоговые преступления — это деяния, умышленно совершаемые лицами в области законодательства о налогах и сборах, место которых определено в уголовном российском законодательстве в структуре УК РФ в разделе VIII "Преступления в сфере экономики" в гл. 22 "Преступления в сфере экономической деятельности"» [1, с. 153].

Верховный Суд Российской Федерации к категории налоговых преступлений относит противоправные действия, предусмотренные статьями 198, 199, 199.1 и 199.2 УК РФ². Большинство

специалистов в области уголовного права придерживаются позиции, согласно которой составы преступлений, предусмотренные статьями 198–199.2 УК РФ, подлежат квалификации как налоговые преступления [2, с. 108].

Некоторые исследователи относят к числу налоговых преступлений так называемое налоговое мошенничество, т. е. действия, связанные с незаконным возвратом из государственного бюджета уплаченных налогов, которые классифицируются по ст. 159 УК РФ «Мошенничество». Подобную позицию занимают также Генеральная прокуратура и Министерство внутренних дел Российской Федерации: в целях статистического учета они относят к категории налоговых преступлений противоправные деяния, связанные с незаконным возвратом уплаченного налога из бюджета, квалифицируемые по ст. 159 УК РФ³. Другие исследователи, напротив, полагают, что вышеописанные действия не могут быть отнесены к категории налоговых преступлений [3, с. 84].

В силу разногласий в интерпретации сущности указанных деяний отсутствует унифицированная теоретическая основа для их квалификации, что, несомненно, усложняет процесс правоприменения.

Анализируя положения Указания Генпрокуратуры России № 503/11, МВД России № 1 от 28.07.2025 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности», налоговые преступления можно разделить на две большие группы:

1. Налоговые преступления, предварительное расследование по которым производится в форме предварительного следствия, без дополнительных условий. К ним относятся преступления, предусмотренные ст. 198, 199, 199.1, 199.2, 199.3, 199.4 УК РФ. К этой же категории относятся противоправные деяния, связанные с незаконным возмещением налогов из государственного бюджета, квалифицируемые по ч. 2–4 ст. 159 УК РФ. В целях статистического учета, согласно настоящему положению, к налоговым преступлениям при наличии дополнительных условий относятся деяния, сийской Федерации от 26 ноября 2019 г. № 48. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности [Электронный ресурс]: указание Генпрокуратуры России № 503/11, МВД России № 1 от 28.07.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос-

предусмотренные ст. 170.1, 173, 173.1, 173.2, ч. 1, 2 ст. 193, ч. 1–3 ст. 193.1, ч. 3, 4 ст. 194, ст. 195, 196 и 197 УК РФ¹.

2. Налоговые преступления, предварительное расследование по которым производится в форме дознания. К ним относятся деяния, квалифицируемые по ч. 1 ст. 159 УК РФ (незаконное возмещение налогов из бюджета), а также деяния, отнесение которых к категории налоговых преступлений осуществляется при наличии дополнительных условий, указанных в данном положении, а именно

деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 193, ч. 1 ст. 193.1, ст. 194 УК РФ².

Таблица 1 демонстрирует изменения количества выявленных налоговых преступлений в Российской Федерации в период с 2019 по 2024 г., а также показывает процент раскрываемости указанных преступлений за аналогичный период. Данные были сформированы на основании отчетности Федерального казенного учреждения «Главное информационно-аналитическое управление МВД России» (далее — ГИАЦ МВД России)³.

Таблица 1

Количество зарегистрированных и раскрытых налоговых преступлений на территории Российской Федерации

Показатель / год	Количество зарегистрированных налоговых преступлений, ед.	Количество раскрытых налоговых преступлений, ед.	Количество раскрытых налоговых преступлений, %
2020	4872	2996	66,2
2021	5543	3321	69,7
2022	5264	3546	70,2
2023	4935	3400	79,1
2024	4639	3378	72,82

Анализируя данные ГИАЦ МВД России, важно подчеркнуть, что в течение рассматриваемого периода сотрудники ОВД ежегодно выявляли бо-

лее 80 % всех зарегистрированных налоговых преступлений (см. таблицу 2)⁴.

¹ Перечень № 2 Преступлений по уголовным делам, предварительное расследование по которым производится в форме предварительного следствия, в том числе экономической направленности и экологических преступлений [Электронный ресурс]: указание Генпрокуратуры России № 462/11, МВД России № 2 от 25.06.2024 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Перечень № 1 Преступлений по уголовным делам, предварительное расследование по которым производится в форме дознания, в том числе экономической направленности и экологических преступлений [Электронный ресурс]: указание Генпрокуратуры России № 462/11, МВД России № 2 от 25.06.2024 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Статистика и аналитика // МВД России: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 10.11.2025).

⁴ Там же.

Таблица 2

Сведения о выявленных налоговых преступлениях органами внутренних дел как субъектами учета

Показатель / год	Налоговые преступления, выявленные сотрудниками ОВД, ед.	Их доля в общем количестве зарегистрированных налоговых преступлений в РФ, %
2020	4212	86,45
2021	4688	84,58
2022	4290	81,5
2023	4033	81,72
2024	3776	84,4

Несмотря на то что сотрудники ОВД демонстрируют более высокую эффективность в выявлении налоговых преступлений по сравнению с другими правоохранительными структурами, доля предварительно расследованных дел о налоговых преступлениях колеблется в пределах

20–30 %¹. Такая ситуация обусловлена положениями статьи 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), регуливающей подследственность, а также спецификой структуры налоговых преступлений в соответствии с УК РФ (см. таблицу 3).

Таблица 3

Сведения о предварительно расследованных налоговых преступлениях органами внутренних дел как субъектами учета

Показатель / год	Налоговые преступления, дела по которым предварительно расследовали сотрудники ОВД, ед.	Их доля в общем количестве предварительно расследованных налоговых преступлений, %
2020	1000	33,38
2021	1174	35,35
2022	926	26,11
2023	858	25,24
2024	994	29,4

Таким образом, за совершение налогового правонарушения предусмотрена комплексная система ответственности, определенная налоговым, административным и уголовным законодательством.

Для обеспечения надлежащего исполнения налогового законодательства, а именно для проверки точности расчета, полноты и своевременности внесения налогов, сборов и страховых взносов на территории Российской Федерации, предусмотрена система налогового контроля (так называемая система досудебного урегулирования налоговых споров). Обозначим, что налоговый контроль, представляющий собой неотъемлемый элемент функционирования любой современной фискальной системы, детерминирован необходимостью обеспечения полноты и своевременности поступления обязательных платежей в бюджеты различных уровней. В Российской Федерации данный институт находит свое основное воплощение в форме налоговых проверок, выступающих ключевым

инструментом правоприменительной деятельности уполномоченных органов.

Повышению эффективности налогового контроля способствует взаимодействие ОВД и налоговых органов Российской Федерации. Совместная работа ведомств в сфере противодействия налоговым правонарушениям и преступлениям оптимизирует механизмы выявления и пресечения нарушений в сфере налогообложения. Изучение процедур, регламентирующих организацию и взаимодействие указанных органов, приобретает существенную теоретическую и практическую значимость для широкого круга субъектов: от государственных служащих, непосредственно реализующих контрольные полномочия, до налогоплательщиков, чья хозяйственная деятельность

¹ Статистика и аналитика // МВД России: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 10.11.2025).

неизбежно сопряжена с взаимодействием с налоговыми инспекциями.

Современное правовое регулирование взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов устанавливает сложный, многоаспектный механизм. Каждая из этих форм обладает специфическими основаниями для инициирования, строго определенной процедурой проведения, установленными сроками, а также характерным набором прав и обязанностей для всех вовлеченных сторон. Понимание данных особенностей является императивным требованием для обеспечения законности действий контролирующих органов и эффективной защиты прав и законных интересов налогоплательщиков в случае возникновения споров.

Следует отметить, что задача, поставленная Президентом Российской Федерации в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации от 29 февраля 2024 г., актуализирует проблему повышения эффективности противодействия налоговым правонарушениям и преступлениям. В целях оптимизации контрольных мероприятий над бизнесом предлагается законодательно закрепить переход от практики временных мораториев на проверки к риск-ориентированному подходу. В ситуациях, не предполагающих рисков, целесообразно использовать профилактические меры. Кроме того, В. В. Путин поставил задачу устранить все пробелы в действующем законодательстве, которые могут быть использованы отдельными компаниями для снижения налоговых выплат. Особое внимание уделяется необходимости решительно пресекать злоупотребления полномочиями прокуратуры и иных правоохранительных органов в целях оказания давления на бизнес-структуры¹.

Принимая во внимание актуальность направления взаимодействия налоговых органов и органов внутренних дел за соблюдением законодательства о налогах и сборах, направленного на оптимизацию баланса фискальных интересов государства и правовой защищенности субъектов экономической деятельности, сфера такого взаимодействия относится к числу областей, ключевой ролью которых являются обеспечение экономической безопасности государства и защита имущественных интересов как казны, так и налогоплательщиков.

Взаимодействие ОВД и налоговых органов осуществляется на основе целого ряда нормативных правовых актов, среди которых: Налоговый

кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон Российской Федерации «О полиции», «Соглашение о взаимодействии между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Федеральной налоговой службой»², в котором определены общие принципы и направления взаимодействия, а также Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации № 495 и Приказ Федеральной налоговой службы Российской Федерации № ММ-7-2-347 «Об утверждении порядка взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых правонарушений и преступлений»³. Последний определяет порядок привлечения сотрудников полиции, их полномочия при проведении совместных проверок. Приказ утверждает две инструкции, детально регламентирующие порядок проведения совместных проверок. Первая инструкция определяет общий порядок организации и осуществления совместных проверок. Вторая инструкция раскрывает случаи, когда проверка ОВД может послужить основанием для проведения налоговой проверки, а также когда налоговая проверка влечет за собой необходимость проверки ОВД.

Сотрудничество ОВД с налоговыми органами направлено на достижение общих целей в сфере обеспечения правопорядка и экономической безопасности, в т. ч. выявление и предотвращение нарушений норм права в области налогообложения (обеспечение уплаты налогов в соответствии с установленными нормами), валютного регулирования и контроля (предотвращение нарушений правил операций с иностранной валютой), а также законодательства, регламентирующего государственную регистрацию юридических лиц (контроль за законностью регистрации и деятельности компаний) и процедуры банкротства (соблюдение установленных норм при процедуре банкротства юридических лиц), а также пресечение незакон-

² О взаимодействии между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Федеральной налоговой службой [Электронный ресурс]: соглашение МВД России № 1/8656, ФНС России № ММВ-27-4/11 от 13.10.2010 (ред. от 26.10.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об утверждении порядка взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых правонарушений и преступлений [Электронный ресурс]: приказ МВД России № 495, ФНС России № ММ-7-2-347 от 30.06.2009 (ред. от 12.11.2013). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ных возвратов средств из федерального бюджета, предназначенных для покрытия налога на добавленную стоимость.

Как было отмечено выше, взаимодействие ОВД и налоговых органов осуществляется посредством различных форм сотрудничества, каждая из которых характеризуется комплексностью и многогранностью, среди которых:

1) совместные проверки организаций, которые являются ключевым элементом налогового контроля. Такая практика расширяет возможности налоговых органов в проведении проверочных мероприятий и реализует практико-ориентированный подход в рассматриваемом взаимодействии;

2) другим инструментом является межведомственный обмен информацией. Правоохранительные органы предоставляют налоговым службам данные о подозрительных финансово-хозяйственных операциях, которые могут свидетельствовать о совершении экономических преступлений. Такое содействие способствует выявлению и пресечению противоправной деятельности в сфере экономики;

3) при расследовании преступлений в сфере налогообложения МВД может инициировать проведение оперативно-розыскных мероприятий, таких как прослушивание телефонных переговоров и наблюдение за подозреваемыми лицами.

Таким образом, повышение эффективности налогового контроля за счет совместной работы ведомств в сфере противодействия налоговым правонарушениям и преступлениям, безусловно, является результатом взаимодействия ОВД и налоговых органов в России. По информации СМИ на апрель 2025 г., налоговые органы (ФНС) наращивают взаимодействие с МВД, что позволяет быстрее взыскивать долги. Некоторыми результатами такого сотрудничества являются следующие показатели: в 2024 г. 56 % недоимок выявили без проверок, 67 % доначислений провели в том числе благодаря взаимодействию с МВД; плательщики налогов стали быстрее передавать сведения полицейским (еще на этапе подготовки к проверке), качество переданных материалов стало лучше; если до 2023 г. уголовные дела возбуждали только в 50 % случаев, то теперь — в 70 %¹.

Проведенное исследование показало, что взаимодействие налоговых органов с ОВД способ-

ствует развитию эффективных методов налогового контроля. Данное сотрудничество формирует комплексный подход к проведению налоговых проверок как сложный, эволюционирующий механизм обеспечения фискального суверенитета государства при безусловном соблюдении принципов правовой определенности и соразмерности вмешательства в экономическую деятельность. В этой связи для оптимизации взаимодействия между налоговыми органами и ОВД могут быть реализованы следующие меры:

1. Создание унифицированной системы отчетности. Данная мера предполагает разработку единой формы отчетности для Министерства внутренних дел, Следственного комитета и Федеральной налоговой службы России, занесенной в единую систему межведомственного взаимодействия, используя технологии искусственного интеллекта для более быстрого и точного обмена данными. К числу ключевых показателей можно отнести: количество проведенных проверок с выявлением нарушений законодательства о налогах и сборах; объем дополнительно начисленных налогов, пеней и штрафов, уплаченных налогоплательщиками добровольно или взысканных принудительно; количество выявленных фирм-однодневок и общий объем организаций, подвергнутых проверкам; количество возбужденных уголовных дел, направленных в суд.

2. В дополнение к унифицированной системе отчетности положительным практическим аспектом будет внедрение в налоговую систему модели оценки деятельности МВД России в сфере налогового контроля, которая повысит точность статистических данных, объективность оценки взаимодействия между ведомствами и обоснованность принимаемых управленческих решений. Такая методика позволит определить результативность и эффективность взаимодействия вне зависимости от уровня работы и охватит деятельность территориальных подразделений, городских и региональных управлений, что делает ее гибкой и универсальной. В качестве принципиальных основ структуры предложенной методики могут выступать:

- оперативная оценка в онлайн-формате взаимодействия за любой временной период: месяц, квартал, полугодие, год;

- возможность руководителям подразделений оперативно вносить коррективы в задачи на предстоящий период на основе полученных результатов;

- расчет показателя объема реальной восполняемости бюджета, который представляет собой

¹ ФНС стала плотнее работать с МВД — что это значит для бизнеса? // Большой портал для бизнеса. URL: <https://www.business.ru/news/42062-fns-stala-plotnee-rabotat-s-mvd---chto-eto-znachit-dlya-biznesa> (дата обращения: 10.11.2025).

совокупность всех дополнительно уплаченных налоговых платежей в бюджет, явившихся результатом совместной контрольной работы налоговых органов и ОВД, за вычетом расходов бюджета на содержание кадрового аппарата этих ведомств [4, с. 52].

В реальности использование предложенной методики может существенно повысить достоверность статистических данных, качество проверок, профессиональный уровень подготовки сотрудников и, что немаловажно, их мотивацию.

3. Создание единого онлайн-реестра, объединяющего информацию правоохранительных и налоговых органов, который будет содержать сводные данные о налогоплательщиках с крупными задолженностями, сведения о проведенных проверках и иную информацию, необходимую для должного и быстрого законодательного реагирования. Таким образом, созданный реестр злостных нарушителей от налогообложения позволит оптимизировать информационный обмен между указанными ведомствами для повышения эффективности борьбы с налоговыми правонарушениями.

4. Создание межведомственной инструкции, определяющей параметры выездных налоговых проверок с ясной дифференциацией полномочий между участниками проверки, учитывая

межведомственное взаимодействие, которое будет включать: многостороннее обсуждение различных жалоб и разногласий, выявленных в ходе совместных проверок; оказание взаимной квалифицированной помощи при подготовке материалов для рассмотрения в арбитражном суде, основанных на результатах актов проверок, а также применение иных мер, направленных на разрешение споров.

5. Создание программы совместных учебных мероприятий (лекций, круглых столов, независимых опросов, конференций), которая будет направлена на обмен опытом между специалистами МВД, Федеральной налоговой службы и Следственного комитета Российской Федерации.

6. Введение системы постоянной премиальной выплаты для контролирующих органов, размер которой будет напрямую зависеть от суммы недоимки по налогам и сборам, выявленной и обязательно погашенной в результате проведенных ими проверок за отчетный период. Данная мера предлагается в целях стимулирования повышения эффективности проверочных мероприятий в сфере налогообложения, а также для более качественного выполнения своих профессиональных обязанностей всеми субъектами налогового контроля (стимулирующая функция).

Список источников

1. Корабельникова Ю. И. Налоговые преступления: понятие и место в структуре российского уголовного законодательства // Налоговое администрирование и профессиональное развитие государственных служащих как инвестиции в будущее: мат-лы научно-практ. конф-ции (Нижний Новгород, 23 мая 2024 г.). Нижний Новгород: Академия лидерства и администрирования бизнес-процессов ФНС России – Волга (Нижний Новгород), 2024. С. 153–157.
2. Панкратьев А. Н. Структура и динамика налоговой преступности за период 2016–2021 годов // Научный портал МВД России. 2023. № 2 (62). С. 105–118.
3. Панкратьев А. Н. Практика применения статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации по делам о налоговом мошенничестве // Научный портал МВД России. 2022. № 1 (57). С. 83–88.
4. Жирнова Н. А., Минаков А. В. Показатели оценки взаимодействия налоговых органов и органов внутренних дел в процессе осуществления налогового контроля // Налоги и налогообложение. 2019. № 3. С. 43–52.

References

1. Korabel'nikova Yu. I. Nalogovye prestupleniya: ponyatie i mesto v strukture rossijskogo ugolovnogogo zakonodatel'stva // Nalogovoe administrirovanie i professional'noe razvitie gosudarstvennykh sluzhashchih kak investicii v budushchee: mat-ly nauchno-prakt. konf-cii (Nizhnij Novgorod, 23 maya 2024 g.). Nizhnij Novgorod: Akademiya liderstva i administrirovaniya biznes-processov FNS Rossii – Volga (Nizhnij Novgorod), 2024. S. 153–157.
2. Pankrat'ev A. N. Struktura i dinamika nalogovoj prestupnosti za period 2016–2021 godov // Nauchnyj portal MVD Rossii. 2023. № 2 (62). S. 105–118.
3. Pankrat'ev A. N. Praktika primeneniya stat'i 159 Ugolovnogogo kodeksa Rossijskoj Federacii po delam o nalogovom moshennichestve // Nauchnyj portal MVD Rossii. 2022. № 1 (57). S. 83–88.

4. Zhirnova N. A., Minakov A. V. Pokazateli ocenki vzaimodejstviya nalogovyh organov i organov vnutrennih del v processe osushchestvleniya nalogovogo kontrolya // Nalogi i nalogooblozhenie. 2019. № 3. S. 43–52.

Информация об авторах

A. A. Нестерова — кандидат исторических наук.

O. B. Рыбкина — кандидат экономических наук.

Information about the authors

A. A. Nesterova — Candidate of Science (History).

O. V. Rybkina — Candidate of Science (Economic).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 27.10.2025; одобрена после рецензирования 24.11.2025; принята к публикации 25.11.2025.

The article was submitted 27.10.2025; approved after reviewing 24.11.2025; accepted for publication 25.11.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 117–122.

Altai Law Journal. 2025. № 4 (52). P. 117–122.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.519

КООРДИНАЦИОННЫЕ ФУНКЦИИ ВЫСШЕГО ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЕДИНОЙ СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Иван Сергеевич Романчук

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, rector@utmn.ru

Аннотация. Автор настоящей статьи обращает внимание на то, что возложение на высшее должностное лицо наибольшего объема специальных прав и обязанностей в области обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия структур публичной власти, действующих в субъекте РФ, свидетельствует о попытке переноса на данный уровень модели координации, осуществляемой в единой системе публичной власти Президентом РФ. Обосновывается, что координационные функции главы (губернатора) субъекта РФ обращены к двум значимым группам отношений — с участием исполнительных органов власти региона и иных органов государственной власти федерального и субъектового уровня, с участием структур публичной власти субъекта РФ и органов местного самоуправления, действующих на его территории.

Ключевые слова: высшее должностное лицо субъекта РФ, система публичной власти, координация, операционная модель координации, организационная модель координации, координационные полномочия

Для цитирования: Романчук И. С. Координационные функции высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в единой системе публичной власти // Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 117–122.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

COORDINATION FUNCTIONS OF THE HIGHEST OFFICIAL OF A CONSTITUENT ENTITY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN A UNIFIED SYSTEM OF PUBLIC AUTHORITY

Ivan S. Romanchuk

Tyumen State University, Tyumen, Russia, rector@utmn.ru

Abstract. This article is devoted to the study of the coordination functions of a senior official in a unified system of public authority. The author draws attention to the fact that the imposition on the specified person of the largest volume of special rights and responsibilities in the field of ensuring the coordinated functioning and interaction of public power structures operating in a constituent entity of the Russian Federation indicates an attempt to transfer the coordination model carried out by in a unified system of public power by the President of the Russian Federation. It is substantiated that the coordination functions of the head (governor) of a constituent entity of the Russian Federation are addressed to two significant groups of relations — with the participation of the executive authorities of the region and other government bodies of the federal and subject level, with the participation of public authorities of the constituent entity of the Russian Federation and local governments, operating on its territory. It has been proven that in order to overcome disproportions in the implementation of these functions when building independent coordination structures in the regions, one of the following models should be used: organizational, which assumes that the coordinator and the coordinated person have the rights and responsibilities to create complex conditions necessary to implement autonomous management decisions based on an agreed position; operational, which presupposes the existence of rights and responsibilities sufficient for making operational decisions directly by the coordination structure itself.

Keywords: highest official of a constituent entity of the Russian Federation, public authority system, coordination, operational model of coordination, organizational model of coordination, coordination powers

For citation: Romanchuk I. S. Coordination functions of the highest official of a constituent entity of the Russian Federation in a unified system of public authority. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;4:117–122 (In Russ.).

© Романчук И. С., 2025

В науке конституционного права справедливо обращается внимание на то, что наибольшим объемом специальных функций в области обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия структур публичной власти, действующих в субъектах РФ, наделяется высшее должностное лицо региона [1, с. 12; 2, с. 19]. Обобщая существующие точки зрения по вопросу о причинах такого положения вещей, можно отметить, что подавляющее большинство авторов относит к ним либо особый статус данного субъекта в системе органов исполнительной власти (руководство такой властью в соответствующем субъекте РФ) вкупе с тем обстоятельством, что именно структурам исполнительной власти в большей степени свойственна потребность в координации [3, с. 143; 4, с. 35], либо возложение на высшее должностное лицо субъекта РФ повышенной ответственности, выражающейся, в частности, в возможности применения к нему специального механизма отрешения от должности по решению Президента РФ при утрате доверия, а также допущении нарушений действующего законодательства РФ, подрывающих единство правовой системы, верховенство Основного Закона страны. В последнем случае имеется в виду непринятие мер по отмене акта высшего должностного лица субъекта РФ, противоречащего Конституции РФ, федеральным конституционным и федеральным законам, неисполнение решения Конституционного Суда Российской Федерации, вынесенного в отношении такого нормативного правового акта [5, с. 59; 6, с. 45].

Как представляется, ссылка на «исполнительность» механизмов координации восходит к заимствованному из теории управления подходу, предполагающему рассмотрение координационной функции исключительно в качестве составляющей функции контроля за исполнением принимаемых решений. С другой стороны, повышенная ответственность главы (губернатора) региона представляет собой лишь одно из проявлений специфики его правового статуса, в действительности же, на наш взгляд, речь идет о попытке переноса модели координации, осуществляемой в единой системе публичной власти Президентом Российской Федерации, на подсистемы такой власти в субъекте с некоторым акцентом на дополнительных средствах доведения до нижестоящих публичных структур общих векторов реализуемой в государстве внешней и внутренней политики, единоначалии как наиболее эффективном и привычном инструменте, используемом для приведения в состояние согла-

сованности структур государственной и муниципальной власти.

В самом деле на такой подход указывает ряд обстоятельств, включая двойственный правовой статус высшего должностного лица субъекта РФ в качестве лица, замещающего одновременно государственные должности федерации и субъекта (для сравнения, фигура председателя высшего исполнительного органа субъекта предполагает замещение только государственной должности субъекта РФ), отказ от возложения на высшее должностное лицо субъекта РФ конкретных функций по обеспечению исполнения законов и нормативных правовых актов, несмотря на его включение в соответствующую подсистему органов исполнительной власти, возможность применения при замещении соответствующей должности специфического порядка избрания (с привлечением для представления кандидатур Президента РФ в законодательном органе региона). Наконец, нельзя не обратить внимания и на отсутствие представителей структур и объединений МСУ в Государственном Совете РФ¹.

Координационные функции главы (губернатора) субъекта при попытке экстраполяции всеобъемлющей модели организации Президентом РФ согласованного функционирования властных структур закономерно обращаются как минимум к двум значимым группам отношений — отношениям с участием исполнительных органов власти региона и иных органов государственной власти федерального и субъектового уровня, отношениям с участием структур публичной власти субъекта РФ и органов местного самоуправления, действующих на его территории. В то же время Президентом РФ для обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти, как уже отмечалось, используется специально созданный орган — Государственный Совет Российской Федерации, включающий в себя представителей координируемых лиц, собственно, имеющий своей целью определение основных направлений внутренней и внешней политики, направлений социально-экономического развития государства в целом в качестве одной из задач своей деятельности. Означает ли это, что высшему должностному лицу субъекта РФ также целесообразно привлекать для осуществления своих координационных функций специально созданные для этих целей структуры?

¹ См.: Состав Государственного Совета Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/persons/165/events> (дата обращения: 08.12.2023).

Анализ действующего субъектового законодательства и актов органов местного самоуправления позволяет заметить в данной части весьма любопытную особенность — для координации внутрисубъектового уровня власти и взаимодействия с территориальными органами государственной власти РФ традиционно используются такие «структуры-посредники». В то же время построение координационных связей с органами местного самоуправления чаще осуществляется на основе правовых возможностей, предоставляемых главам регионов в соответствии с законодательством об общих принципах организации субъектового уровня власти, а также отправных началах построения органов местного самоуправления. В последнем случае к координации могут привлекаться ассоциативные формирования, образуемые ОМСУ по собственному желанию, без инициативы «извне».

Характерным примером координационного органа, формируемого первой моделью, являются субъектовые комиссии по координации работы по противодействию коррупции, в отношении которых указом Президента РФ¹ устанавливается не только требование об обязательности создания, но и круг полномочий, характер деятельности (комиссия является постоянно действующей), примерная структура (в данной части императивный характер имеет положение о возложении обязанностей председателя комиссии на высшее должностное лицо субъекта РФ, что же касается иных членов, то к их числу могут относиться не только руководители органов исполнительной власти региона и территориальных органов исполнительной власти федерации, но и представители ОМСУ, представители аппарата полномочного представителя Президента РФ в федеральном округе и др.). Вместе с тем вторую модель отличает разнообразие координационных связей вкупе с риском одностороннего властного воздействия на представителей муниципального уровня власти.

Обращаясь к координационным структурам, формируемым в субъектах РФ без инициативы «извне» (с федерального уровня власти), нельзя не обратить внимания, во-первых, на широкий спектр направлений их деятельности, а во-вторых, достаточно выхолащенное определение прав и обязанностей, делающее невозможным построение не только оперативных, но зачастую и организа-

ционных отношений. Так, в частности, широкое распространение получили комиссии (советы) в сфере финансовой деятельности (бюджетных отношений), охраны труда, реализации и защиты прав отдельных категорий субъектов экономической деятельности (сельскохозяйственных товаропроизводителей, субъектов малого предпринимательства в целом), пропаганды традиционных ценностей и здорового образа жизни, цифровизации и внедрения конкретных новых информационных технологий и др.² Указанные координационные органы могут формироваться и действовать не только при главе (губернаторе) субъекта РФ, но и при высшем органе исполнительной власти региона, что, впрочем, не приводит к отрицанию ведущей роли первого из указанных субъектов. Напротив, большинство координационных структур предусматривает активное участие в их деятельности высшего должностного лица региона и его аппарата, а некоторые их разновидности создаются исключительно по инициативе данного должностного лица (как, например, координационные совещания по вопросам обеспечения правопорядка и противодействия преступности) [7, с. 26–27].

Традиционная структура и порядок деятельности комиссий (советов), формируемых в субъектах РФ в рамках собственной компетенции, как нетрудно заметить, приспособлены для выработки согласованных рекомендаций и подготовки проектов решений органов государственной власти. Так, в частности, функции председателя, как правило, возлагаются непосредственно на главу (губернатора) субъекта РФ или его заместителя (по направлению деятельности), в то время как состав не ограничивается представителями органов государственной власти и местного самоуправления, но включает в себя также работников научно-исследовательских и образовательных организаций,

² См., напр.: О создании межведомственной комиссии Тамбовской области по увеличению поступлений налоговых и неналоговых доходов и погашению недоимки в консолидированный бюджет области и в государственные внебюджетные фонды: постановление Администрации Тамбовской области от 5 сентября 2011 г. № 1172. URL: <https://www.tambov.gov.ru/ekon/finance/mezhvedomstvennaya-komissiya-tambovskoj-oblasti-po-uvlicheniyu-postuplenij-nalogovyh-i-nenalogovyh-dohodov-i-pogasheniyu-nedoimki.html> (дата обращения: 08.12.2023); О координационном совете по обеспечению поэтапного доступа негосударственных организаций, осуществляющих деятельность в социальной сфере, к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг населению в Новосибирской области [Электронный ресурс]: постановление Губернатора Новосибирской области от 29 июля 2016 г. № 168. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» и др.

¹ О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции: Указ Президента Российской Федерации от 15 июля 2015 г. № 364 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 29 (ч. II), ст. 4477; 2023. № 27, ст. 4980.

членов общественных советов и т. п. При наличии общего правила о принятии рекомендательных решений простым большинством голосов практически повсеместно отсутствует необходимая правовая регламентация согласительных процедур, подлежащих применению при недостижении консенсуса [8, с. 41–43].

Показательным в свете изложенного представляется пример достаточно типичной для субъектов РФ координационной структуры, объединяющей усилия субъектов профилактики правонарушений и противодействия преступности в Тюменской области. Объем координационных прав создаваемого в данной области совета указывает на преобладающий характер консультативно-рекомендательных и информационно-аналитических отношений с его участием, поскольку лишь в этой части такие права урегулированы последовательно. К примеру, обозначены органы и организации, которые обязаны представлять совету необходимые в его деятельности материалы и информацию, предусмотрены традиционные для совещательной структуры мероприятия по заслушиванию руководителей органов власти субъекта и ОМСУ с дачей экспертной оценки эффективности проводимой работы и выработкой рекомендаций. При этом участие в организационных отношениях хотя и предполагается, но не сопровождается установлением необходимых правовых возможностей и обязанностей самого совета, а равно и иных участников отношений координации. В частности, лишь в наиболее общем виде упомянуты координация разработки областных программ, взаимодействие с межрегиональными, межотраслевыми и федеральными организациями¹.

Примечательно, что конституционно-правовой статус и проблемы оптимальной организации вспомогательных структур (комиссий, советов, совещаний), формируемых при органах государственной власти субъекта РФ, в настоящее время все чаще попадают в орбиту научного исследования. При этом обращается внимание на необходимость разграничения совещательных органов (советов) от координационных комиссий посредством указания в нормативных правовых актах об их учреждении: для первых — прав и обязанностей, связанных с предварительным рассмотрением вопросов, находящихся в ведении конкретного орга-

на государственной власти субъекта РФ, и подготовкой документов рекомендательного характера; для вторых — прав и обязанностей, обеспечивающих решение конкретной задачи в секторе государственного управления, требующей согласования усилий различных компонентов единой системы публичной власти [9, с. 19]. Встречаются и попытки разделения вспомогательных структур на консультативные, являющиеся инструментом независимого (общественного) контроля за деятельностью органов публичной власти (их создание допускается без ограничений при ОГВ и ОМСУ любой ветви власти), и координационные, формируемые исключительно при исполнительно-распорядительных органах, наделяемые производной от них компетенцией в целях выработки общих решений по «государственно важным» вопросам [10, с. 38].

Представляется, что среди перечисленных особенностей наибольшего внимания заслуживает правовая регламентация координационных органов в части, касающейся достаточности их прав и обязанностей, прав и обязанностей иных участников для возникновения и развития отношений, составляющих существо координации в единой системе публичной власти. Целесообразно, в частности, предлагать регионам строить координационные структуры в зависимости от сферы управленческой деятельности по одной из моделей: организационная модель предполагает наличие прав и обязанностей для создания условий выработки и принятия согласованных управленческих решений (включая права и обязанности, направленные на учет мнений участников отношений координации, урегулирование возможных конфликтов); операционная модель используется в случае необходимости принятия оперативных решений непосредственно самой координационной структурой (как правило, в критически важных сферах осуществления публичной власти).

Таким образом, возложение на высшее должностное лицо субъекта РФ наибольшего объема специальных прав и обязанностей в области обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия структур публичной власти, действующих в данном субъекте РФ, свидетельствует о попытке переноса на данный уровень модели координации, осуществляемой в единой системе публичной власти Президентом РФ. Координационные функции главы (губернатора) субъекта РФ обращены к двум значимым группам координационных отношений — с участием исполнительных органов власти региона и иных

¹ См.: О координационном совете по профилактике правонарушений и усилению борьбы с преступностью: распоряжение Правительства Тюменской области от 15 августа 2005 г. № 515-рп. URL: <https://law.admtymen.ru/law/view.htm?id=212434> (дата обращения: 08.12.2023).

органов государственной власти федерального и субъектового уровня, с участием структур публичной власти субъекта РФ и органов местного самоуправления, действующих на его территории. Вместе с тем отношения первой разновидности чаще характеризуют стабильность и относительно устойчивое нормативное правовое регулирование на фоне преобладающей регламентации федерацией вопросов реализации совместных полномочий, второй — разнообразие координационных связей в купе с риском одностороннего воздействия на представителей муниципального уровня власти.

В целях преодоления существующих диспорций представляется необходимым при построении в регионах самостоятельных координационных структур использовать одну из следующих моделей: организационную, предполагающую наличие у координатора и координируемого прав и обязанностей по созданию комплексных условий, необходимых для реализации автономных управленческих решений на основе согласованной позиции; операционную, предполагающую наличие прав и обязанностей, достаточных для принятия оперативных решений непосредственно самой координационной структурой.

Список источников

1. Наумкина В. В. К вопросу о статусе высшего должностного лица субъекта Российской Федерации // Современное право. 2019. № 11. С. 11–14.
2. Ганина О. Ю., Кузнецов П. П. Теоретические основы конституционно-правового статуса высшего должностного лица субъекта Российской Федерации // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2021. № 2. С. 17–22.
3. Третьяк И. А. Конституционно-правовые аспекты отрешения от должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в связи с утратой доверия Президента // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 1. С. 141–155.
4. Князев Д. А. Некоторые вопросы ответственности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации на примере главы Республики Хакасия // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 5. С. 33–36.
5. Волочковская М. А. Сравнительная характеристика конституционно-правового статуса высшего должностного лица субъектов РФ — городов Москвы, Санкт-Петербурга // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2021. № 1. С. 54–65.
6. Дзидзоев Р. М. Вопросы формирования должности главы субъекта Российской Федерации // Власть Закона. 2020. № 1. С. 42–51.
7. Серкова Ю. И. Конституционно-правовой статус высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и губернаторов штатов Соединенных Штатов Америки: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 32 с.
8. Кравцова Е. А. Принцип самостоятельности в организации и функционировании органов государственной власти субъектов Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2023. 55 с.
9. Насырова Д. С. Совещательные и координационные органы в системе исполнительной власти Российской Федерации // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 100. С. 15–20.
10. Поздеев П. В. Этапы становления совещательных, консультативных и координационных органов в России // Вестник Вятского государственного университета. 2014. № 8. С. 37–43.

References

1. Naumkina V. V. K voprosu o statuse vysshego dolzhnostnogo lica sub»ekta Rossijskoj Federacii // Sovremennoe pravo. 2019. № 11. S. 11–14.
2. Ganina O. Yu., Kuznecov P. P. Teoreticheskie osnovy konstitucionno-pravovogo statusa vysshego dolzhnostnogo lica sub»ekta Rossijskoj Federacii // Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. 2021. № 2. S. 17–22.
3. Tret'yak I. A. Konstitucionno-pravovye aspekty otrasheniya ot dolzhnosti vysshego dolzhnostnogo lica sub»ekta Rossijskoj Federacii v svyazi s utratoj doveriya Prezidenta // Pravoprimenenie. 2021. T. 5. № 1. S. 141–155.

4. Knyazev D. A. Nekotorye voprosy otvetstvennosti vysshego dolzhnostnogo lica sub»ekta Rossijskoj Federacii na primere glavy Respubliki Hakasiya // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2021. № 5. S. 33–36.
5. Volochkovskaya M. A. Sravnitel'naya harakteristika konstitucionno-pravovogo statusa vysshego dolzhnostnogo lica sub»ektov RF — gorodov Moskvy, Sankt-Peterburga // Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudenciya. 2021. № 1. S. 54–65.
6. Dzidzoev R. M. Voprosy formirovaniya dolzhnosti glavy sub»ekta Rossijskoj Federacii // Vlast' Zakona. 2020. № 1. S. 42–51.
7. Serkova Yu. I. Konstitucionno-pravovoj status vysshih dolzhnostnyh lic sub»ektov Rossijskoj Federacii i gubernatorov shtatov Soedinennyh Shtatov Ameriki: sravnitel'no-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2022. 32 s.
8. Kravcova E. A. Princip samostoyatel'nosti v organizacii i funkcionirovanii organov gosudarstvennoj vlasti sub»ektov Rossijskoj Federacii: konstitucionno-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2023. 55 s.
9. Nasyrova D. S. Soveshchatel'nye i koordinacionnye organy v sisteme ispolnitel'noj vlasti Rossijskoj Federacii // Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2023. № 100. S. 15–20.
10. Pozdeev P. V. Etapy stanovleniya soveshchatel'nyh, konsul'tativnyh i koordinacionnyh organov v Rossii // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 8. S. 37–43.

Информация об авторе

И. С. Романчук — почетный работник науки и высоких технологий Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

I. S. Romanchuk — Honored Worker of Science and High Technologies of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 26.09.2025; одобрена после рецензирования 01.11.2025; принята к публикации 25.11.2025.

The article was submitted 26.09.2025; approved after reviewing 01.11.2025; accepted for publication 25.11.2025.

Уголовно-правовые науки

Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 123–131.

Altai Law Journal. 2025. № 4 (52). P. 123–131.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.34

ПОНЯТИЕ «УНИЖЕНИЕ» В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: СУЩНОСТЬ, ПРИЗНАКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Анна Григорьевна Брагина

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, agb.06@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена уголовно-правовому понятию «унижение». Анализируется его прямое, а также опосредованное (через категорию «оскорбление») упоминание в общественно опасных деяниях, предусмотренных ст. 107, 110, 113, 128.1, 148, 163, 280.3, 282, 297, 298.1, 319, 335, 336, 354.1 УК РФ. На конкретных примерах судебно-следственной практики демонстрируются различия в толковании унижения в зависимости от состава преступления. Обосновывается тезис о том, что унижение — многозначный оценочный признак, характеризующий деяние, способ совершения преступления, причиненный вред, направленность умысла. Делается вывод о необходимости его доктринального осмысления для совершенствования в целях правоприменения.

Ключевые слова: унижение, оскорбление, дискредитация, клевета, состав преступления, разграничение преступлений, преступления, совершаемые в вербальной форме

Для цитирования: Брагина А. Г. Понятие «унижение» в уголовном праве: сущность, признаки и правоприменительная практика // Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 123–131.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

CONCEPT OF «DEGRADING» IN CRIMINAL LAW: ESSENCE, FEATURES, AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Anna G. Bragina

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, agb.06@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the criminal-legal concept of «humiliation». It is analyzed both its direct and indirect (through the category of «insult») mention in socially dangerous acts stipulated by Articles 107, 110, 113, 128.1, 148, 163, 280.3, 282, 297, 298.1, 319, 335, 336, 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Specific examples of judicial and investigative practice demonstrate the differences in the interpretation of humiliation depending on the elements of the crime. The thesis is substantiated that humiliation is a polysemantic evaluative feature characterizing the act, the method of committing the crime, the harm caused, and the direction of intent. A conclusion is drawn on the need for its doctrinal understanding for improvement for the purposes of law enforcement.

Keywords: humiliation, insult, discrediting, slander, elements of crimes

For citation: Bragina A. G. Concept of «degrading» in criminal law: essence, features, and law enforcement practice. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;4:123–131 (In Russ.).

Понятие «унижение» в уголовном праве встречается в нескольких составах преступлений. Например, прямое указание на него имеется в диспозициях ст. 110, 282, 335, ч. 3 ст. 354.1 УК РФ.

В нормах уголовного закона, предусмотренных ст. 107, 113, 148, 297, 319, 336 УК РФ, непосредственного упоминания унижения нет. При формулировании уголовно-правовых запретов на них законодатель применяет дефиницию «оскорбление», которая согласно правоприменительной практике раскрывается через правовой термин, закрепленный в ст. 5.61 КоАП РФ. В этом источнике административного права оскорбление определяется через унижение. В связи с тем, что оно может быть использовано при толковании объективной стороны этих уголовно наказуемых деяний, можно сделать вывод о том, что и названные составы преступлений опосредованно включают признак «унижение».

С признаком «унижение» связаны и составы преступлений, предусмотренные ст. 128.1, 298.1, 163, 280.3, ч. 1–2 ст. 354.1 УК РФ.

Указанное предопределяет значимость исследования уголовно-правового понятия «унижение» и его толкования как признака конкретных составов преступлений в целях осуществления верной квалификации объединенных им преступных деяний, оценки степени общественной опасности содеянного через эту категорию.

Итак, в русском языке слово «унижение» однокоренное с глаголом «унижать», следовательно, схоже по смыслу с такими словами, как «бесславить», «умалить значение», «принижать» [1, с. 329], «обида», «оскорбление», «порушение», «бесчестье», «позор» [1, с. 198]. С ним схоже слово «дискредитировать», которое, помимо подрыва доверия к кому-, чему-нибудь, означает также и «умалить (умалить) чей-нибудь авторитет» [2, с. 163], значение кого-, чего-либо [3, с. 402]. Дискредитация же фактически подобна компрометации («выставление в неблагоприятном свете, порочение»), клевете («порочающая кого-, что-нибудь ложь»), порочению («навлекать позор на кого-, что-нибудь, бесчестить») [2, с. 283, 271, 555].

Как видим, лексическое значение слова «унижение» ожидаемо сближает составы преступлений, предусмотренные ст. 107, 110, 113, 128.1, 148, 163, 280.3, 282, 297, 298.1, 319, 335, 336, 354.1 УК РФ, даже без учета избранного юридико-технического способа описания признаков состава преступления через схожие по смыслу термины, позволяя говорить о них как о родственных. В то же время нужно подчеркнуть их отличия, проявляющиеся

как внешне, так и содержательно, а именно: в степени интенсивности негативного воздействия на те или иные охраняемые уголовным законом общественные отношения, конкретного потерпевшего, отношения виновного к осуществляемому воздействию и преследуемых им целей. В ряде составов преступлений унижение понимается суженно, занимая в некотором смысле подчиненное положение относительно иных признаков, даже частично поглощается ими, в других же толкуется максимально широко (гораздо шире, чем само оскорбление).

Например, в составе доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ) унижение человеческого достоинства — это один из способов совершения преступления, выражающихся, в частности, в неоднократных актах оскорбления, глумлении над потерпевшим, его постоянной травле, распространении о нем клеветнических сведений, несправедливой критике и т. п. [4, с. 250]. То есть в системе признаков объективной стороны доведения до самоубийства «унижение» является более широким по смыслу понятием, чем унижение как признак уголовно наказуемых оскорблений, к тому же усиленным признаком «систематическое». Последний, в свою очередь, определяет количественность перечисленных выше актов насильственного психического воздействия на потерпевшего, не ограниченных лишь оскорблением.

Правоприменителем систематическое унижение нередко учитывается в совокупности с другими способами. При этом им, к сожалению, игнорируются и выражающий альтернативность способов совершения преступления союз «или» в диспозиции ст. 110 УК РФ, и смысл, вкладываемый в него законодателем, отличающий от того же жестокого обращения. Например, гражданка К., как было установлено органами предварительного расследования и судом, на протяжении длительного времени конфликтовала со своей несовершеннолетней дочерью, оскорбляла ее, обвиняла в интимных связях со своими сожителями, ревновала сожителей к дочери, также применяла физическое насилие. Могла ударить по щеке, трепать за волосы, неоднократно оставляла дочь одну, уезжая куда-то с сожителями, оставляла без средств к существованию. В результате девочка совершила самоубийство. Содеянное К. было квалифицировано по п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ как доведение лица до самоубийства путем угроз, жестокого обращения и (выделено авт. — А. Б.) систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего, в отношении несовершеннолетнего, заведомо для виновного находящегося в материальной

и иной зависимости от него, а также по ст. 156 УК РФ как ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего родителем, соединенное с жестоким обращением с несовершеннолетним¹. Разумеется, К. совершила деяния, подпадающие под признаки и угроз, и жестокого обращения, и систематического унижения человеческого достоинства, вместе с тем содержание обвинительного приговора не позволило четко установить, что правоприменитель действительно соотнес содеянное этой осужденной с конкретными признаками объективной стороны состава преступления.

То же касается состава возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), направленного на ущемление достоинства группы лиц. Преступление, квалифицируемое по ст. 282 УК РФ, ведет и к снижению положительного восприятия отдельными представителями этой группы, с которой ассоциируются внутренне, и формированию представления о себе как о недостойном уважения, равного отношения с другими. Вплоть до полного отрицания ценности как личности в собственных глазах. Указанный вред является сущностным изменением, отражающим все трансформации, происходящие в объекте преступления [5, с. 182], однако не влияет на квалификацию. Унижение в рамках данного состава толкуется как понятие, включающее в себя и оскорбление. Оно может быть выражено как в явно неприличной, так и во внешне приличной форме, например в форме издевки, обидного намека [6, с. 106].

В контексте оскорблений различных видов специальных потерпевших (в деяниях, предусмотренных ст. 297, 319, 336 УК РФ) признак «унижение» традиционно понимается, во-первых, как обхождение, которое выходит за рамки общепринятой нормы обращения и форма которого отрицательно оценивается обществом [7, с. 10; 8, с. 31; 9, с. 199], а во-вторых, как негативная оценка потерпевшего, подрывающая уважение к самому себе и его престиж (авторитет) в глазах окружающих (так называемая «дискредитация личности») [10, с. 27; 11, с. 16; 12, с. 77]. Примечательно, что Верховный Суд Российской Федерации в своих решениях тоже определяет унижение чести и достоинства как отрицательную оценку личности в обобщенном виде, направленную на ее дискредитацию, подрыв авторитета человека как в глазах окружающих, так

и в своих собственных². Поскольку уголовно наказуемые виды оскорбления посягают на лиц, обладающих особыми признаками, то и отрицательная оценка их осуществляется в связи с выполняемыми ими социальными ролями (например, судья, участник судебного разбирательства, представитель власти и пр.).

Резюмируя сказанное, необходимо сделать вывод о схожем толковании признака «унижение» в составах преступлений, предусмотренных ст. 297, 319, 336 УК РФ, как отрицательной оценки потерпевшего, открытой, целенаправленной дискредитации его как перед отдельными гражданами, так и государством и обществом в целом, умалении ценности как профессионала, лишении авторитета, совпадении «границ» оскорбления и унижения. Наличие иных признаков, образующих составы этих видов оскорблений (публичность, время, место, обстановка совершения и т. д.), не оказывает влияния на их смысловое наполнение.

Опосредованно через понятие «оскорбление» унижение представлено в составе нарушения права на свободу совести и вероисповедания (ст. 148 УК РФ). В ней законодателем установлены в качестве составообразующего признака цели оскорбления религиозных чувств верующих, т. е. совершение деяния для демонстрации насмешки, глумления, издевательства над чувствами любви, восхищения, гордости, блаженства и другого к символам, обрядам и церемониям, составляющим содержание вероучения [13, с. 53–54]. При этом как справедливо отмечает Д. А. Казанцев, «только некоторые действия виновных лиц могут преследовать цель существенно оскорбить религиозные чувства верующих» [14, с. 37].

Например, по ч. 1 данной статьи были привлечены к ответственности Ч. и М., которые разместили в двух социальных сетях фотоизображение, на котором Ч., одетая в куртку форменного обмундирования сотрудника полиции с отличительной надписью на спине «Полиция», стояла на корточках лицом к М. и спиной к камере на фоне Собора Покрова Пресвятой Богородицы на Рву, имитировала удовлетворение половых потребностей в форме орального полового акта со своим участием. Согласно показаниям виновных, они рассчитывали, что, если сделают именно такую фотографию, то смогут получить больше лайков и тем самым стать более популярными в социальных сетях. При этом Ч. и М. предвидели негативную реакцию части об-

¹ Архив Липецкого областного суда за 2025 г. Д. № 22-878.2025. URL: <https://судебныерешения.рф/91373221> (дата обращения: 04.10.2025).

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2010 г. № 65-О10-1 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

щественности, и тем не менее специально, заранее взяв форму сотрудника полиции, симитировали публичное удовлетворение половых потребностей в общественном месте, напротив православного храма. В основу обвинения также были положены показания потерпевшего М-ва о том, что такая фотография на фоне святого места является оскорблением чувств всех православных, причиняет глубокое моральное страдание и выражает явное неуважение к обществу и к огромному количеству православных верующих¹. В данном случае мы видим существенную степень вредоносности деяния, продемонстрированные вовне цели, преследуемые виновными, которые желали унижить потерпевших, отрицали ценность их верования и его символов, т. е. экстраполируя отдаленный результат своей преступной деятельности.

Сравнение унижения как признака составов нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (ст. 335 УК РФ) и оскорбления военнослужащего (ст. 336 УК РФ) также представляет интерес в рамках настоящего исследования. Отметим, что идентичность формы выражения общественно опасного деяния в обоих составах не препятствует отграничению их по субъективной стороне, в частности по направленности умысла [15, с. 45; 16, с. 57–58, 126–127]. Так, Верховный Суд Российской Федерации разделяет понятия унижения и оскорбления в этих составах преступлений, разъясняя, что «если судом будет установлено, что унижение чести и достоинства не связано с предъявлением к потерпевшему тех или иных требований и имеет целью только унижить честь и достоинство потерпевшего, содеянное подлежит квалификации по части 1 статьи 336 УК РФ как оскорбление военнослужащего»². Унижение, охватываемое деянием, предусмотренным ст. 335 УК РФ, не затрагивает личностные и (или) профессиональные (служебные) качества военнослужащего, к тому же совершается во время исполнения или в связи с исполнением обязанностей военной службы³, является способом достижения виновным определенных целей (обеспечение при-

вилегированного положения в коллективе, подчинение своей воле сослуживцев и др.)⁴.

Например, деяниями, квалифицированными по ст. 335 УК РФ, были признаны пачканье лица потерпевшего кремом для обуви и нанесение двух ударов кулаком, продиктованные желанием унижить честь и достоинство сослуживца⁵, хватание руками за форменное обмундирование и бросание потерпевшего на кровать с последующим причинением телесных повреждений в виде ссадин и кровоподтека, совершенные Д., недовольным отказом потерпевшего произвести уборку, желающим показать свое мнимое превосходство над сослуживцем, унижить его честь и достоинство в присутствии других военнослужащих⁶. Указанные формы выражения общественно опасного деяния (пачканье лица, хватание за элементы форменного обмундирования) относятся к типичному оскорблению действием и, как и любое другое оскорбление, унижительны. В то же время совокупность поведенческих актов, образованная оскорблением и иными относящимися к применению насилия деяниями, объединенными направленностью умысла и целями виновного, позволила правильно квалифицировать содеянное не по ст. 336 УК РФ, а как нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (ст. 335 УК РФ).

В свою очередь, оскорблением, квалифицирующимся по ст. 336 УК РФ, в судебно-следственной практике признаются высказывания в нецензурной форме⁷, что можно назвать традиционным в части истолкования этого уголовно-правового понятия [17, с. 104–105].

⁴ Обзор судебной практики по делам о преступлениях против военной службы и некоторых должностных преступлениях, совершаемых военнослужащими: обзор судебной практики от 01.03.2002 (документ официально опубликован не был). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Архив Владивостокского гарнизонного военного суда за 2021 г. Д. № 1-74/2021. URL: https://vgvs--prtm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=220176&case_uid=ee821198-6166-4c63-9100-e38e70c315ea&delo_id=1540006 (дата обращения: 07.10.2025).

⁶ Архив Оренбургского гарнизонного военного суда за 2021 г. Д. № 1-59/2021. Постановление о прекращении уголовного дела и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа от 23.06.2021.

⁷ Архив 1-го Восточного окружного военного суда за 2020 г. Д. № 22-154/2020. Апелляционное постановление от 20.10.2020; Архив Пензенского гарнизонного военного суда за 2020 г. Приговор от 23.07.2020; Архив 109-го гарнизонного военного суда за 2020 г. Приговор от 22.05.2020 и др.

¹ Архив судебного участка № 370 Тверского района города Москвы за 2021 г. Д. № 1-40/2021.

² Пункт 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы».

³ Пункт 37 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы».

Дискредитация, схожая по смыслу с оскорблением и, соответственно, унижением, является неотъемлемой частью публичных действий и обязательным условием признания их уголовно наказуемыми в числе прочих в составе преступления, предусмотренного ст. 280.3 УК РФ. Она демонстрирует направленность публичных действий и публичных призывов «на выражение негативной оценки объекта, а также приведение доводов в качестве обоснования такой позиции»¹. Виновный действует не ради выражения своего мнения, критики, дачи оценки с исторической, научной точки зрения. Он концентрируется на убеждении адресата этой информации в правильности такой негативной оценки, вероятно, побуждении к противодействию соответствующим лицам и организациям в перспективе.

Например, И., ранее привлеченный к административной ответственности по ч. 1 ст. 20.3.3 КоАП РФ, неоднократно публично демонстрировал свою платежную банковскую карту с изображением наклейки в виде официального государственного символа Украины и национального символа украинцев с нанесенным на него знаком «пацифик» (знака разоружения, антивоенного движения), а также надписью «Нет войны на Украине» на английском языке. Содеянное было признано судом действиями по дискредитации использования Вооруженных Сил Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности. И. был осужден по ч. 1 ст. 280.3 УК РФ².

Такое преступление внешне может обладать признаками клеветы (ст. 128.1, 298.1 УК РФ), оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ), административно наказуемого оскорбления (ст. 5.61 КоАП РФ), но преследует специфичную цель, направленную на умаление авторитета, порочение потерпевшего, а также военных, особых

¹ Об особенностях назначения и проведения лингвистических экспертиз (исследований) материалов, связанных с распространением заведомо ложной информации в отношении Вооруженных Сил Российской Федерации и дискредитацией их действий, а также с призывами к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации и ее граждан: информационное письмо ФГКУ ЭКЦ МВД России от 26.04.2022 № 224-07-2022.

² Приговор Новоузенского районного суда Саратовской области от 18.07.2024. Д. № 1-38(1)/2024 // Справка по изучению практики рассмотрения дел о преступлениях экстремистской направленности за 2023–2024 гг. Новоузенского районного суда Саратовской области. URL: <https://novouzensky.sar.sudrf.ru/modules.php?name=document&id=24> (дата обращения: 09.10.2025).

государственно-властных структур, а потому кардинально отличается от этих деяний.

Особое положение в анализируемой группе преступлений занимает деяние, предусмотренное ст. 354.1 УК РФ. Сразу несколько его признаков, содержащихся в ч. 1–4, связаны с унижением или являются таковым. Это, во-первых, распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны, во-вторых, распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, в-третьих, оскорбление памяти защитников Отечества и, наконец, в-четвертых, унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны.

Так, очевидно, что для ветеранов Великой Отечественной войны, их родственников и других людей, испытывающих чувство уважения к представителям военного поколения, сражавшимся за Родину и победившим нацизм, унижительными будут публичное оправдание с целью реабилитации действий нацистской Германии по отношению к СССР в годы Великой Отечественной войны, отвергание подвига героев войны, одобрение преступлений нацистов против мирного населения, отрицание ценности почитания дней воинской славы и иных памятных дат России, что подтверждается и судебно-следственной практикой³.

В отличие от клеветы (ст. 128.1 УК РФ) распространение заведомо ложных сведений о ветеранах Великой Отечественной войны может быть связано с целью их унижения как представителей народа-победителя. Вследствие этого происходит преуменьшение и/или отрицание ведущей роли советского народа в победе над нацистской Германией и ее сателлитами, стирание граней между ними и Советским Союзом, возложение вины за развязывание войны на нашу страну, что является предпосылкой для поддержки и усиления позиций нацизма в современном мире и в конечном итоге его полной реабилитации, несмотря на весь исторический опыт.

В условиях отсутствия в уголовном законе с 2011 г. общей нормы об оскорблении установление уголовно-правового запрета на такое деяние в отношении специального потерпевшего — ветерана Великой Отечественной войны — нами лишь приветствуется. Законодатель не просто учел общественную опасность такого рода посягательств

³ Архив Смоленского областного суда за 2022 г. Д. № 2-12/2022.

на мир и безопасность человечества, но также позволил применять адекватное наказание к виновным в совершении названных действий.

Оскорбление памяти защитников Отечества является новым признаком в составе реабилитации нацизма. Очевидно, что результатом своевременной и справедливой уголовно-правовой защиты памяти воинов является сплоченное российское общество и армия. Еще на рубеже IX–X вв. византийский император Лев VI Мудрый писал: «Всегда благостно и богоугодно почтение к умершим, особенно же необходимо оно к павшим в сражении, ибо оно одновременно и раскрывает священство погибших, и несет большое утешение живущим. Ведь каждый из стратиотов [воинов, набравшихся из свободных крестьян и обязанных служить в ополчении — А. Б.], видя происходящее, думает, что то же самое предстоит испытать и ему самому. (...) Если же он знает, что будет удостоен чести, а после гибели и доброй памяти, то видя все это, он не уклонится от того, чтобы сражаться как можно более мужественно» [18, с. 248].

Полагаем, что при его совершении осуществляется непосредственное и негативное воздействие на психику определенной группы людей («российских граждан»). Оскорбление памяти защитников Отечества может быть выражено не только в словесной форме — унижающих комментариев, высказываниях, публикациях, но и в виде разрушающего воздействия на предметы материального мира (бюсты, памятники, горельефы, барельефы и т. п.). Кстати, в этой части норма ст. 354.1 УК РФ конкурирует с предусмотренной ст. 243.4 УК РФ, поскольку физическое уничтожение либо повреждение мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России, весьма схожи с оскорблением памяти защитников Отечества [19, с. 45–46]. Вместе с тем преследуемые виновным цели, избранный способ разрушающего воздействия на объект преступления и сам объект существенно разнят между собой эти составы преступлений.

Составы клеветы и вымогательства (ст. 128.1, 298.1, 163 УК РФ) также связаны с понятием унижения. Так, в ст. 163 УК РФ в качестве способа вымогательства предусмотрена угроза распространения сведений, порочащих потерпевшего или его близких. Согласно разъяснению Верховного Суда Российской Федерации, эти сведения могут быть порочащими честь, достоинство или под-

рывающими репутацию потерпевшего¹. В то же время порочащими сведениями, распространение которых может быть квалифицировано как клевета (ст. 128.1, 298.1), признаются сведения, содержащие утверждения о нарушении лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни и т. п., которые умаляют честь и достоинство гражданина или подрывают деловую репутацию лица². Такой подход совершенно справедлив и с точки зрения русского языка, о чем мы писали выше. Как результат, виновный угрожает совершить клевету, желая получить от потерпевшего то или иное имущество или право на него, совершая вымогательство. Несет он ответственность именно за преступление против собственности. И в то же время, если угрозы распространения сведений, порочащих потерпевшего или его близких, все-таки были реализованы, деяние требует квалификации по совокупности с клеветой. Фактически эта угроза в вымогательстве вовсе не предполагает обязательности совершения клеветы, она лишь делает его более весомым, унижает потерпевшего в еще большей степени. То есть унижение — здесь только способ оказать более интенсивное воздействие на потерпевшего, сломить его сопротивление, реальная угроза причинения вреда очередным общественным отношениям, охраняемым уголовным законом. В этом смысле можно даже говорить о превентивности состава вымогательства.

Особую группу среди рассматриваемых преступлений образуют оскорбления, совершенные самим потерпевшим, также толкуемые через родовое понятие «унижение», выступающие причиной (если образно, пусковым механизмом) совершения противоправных посягательств на его жизнь или здоровье (ст. 107 и 113 УК РФ). Законодатель аналогично норме ст. 110 УК РФ конкретизировал их, дополнив признаком «тяжкое», призванным продемонстрировать высокую степень травмирующего воздействия на психику будущего субъекта преступления, вызвавшего состояние физиологического аффекта [20, с. 38]. Отметим, что это решение вызвало необходимость уточнения содержания сложной оценочной уголовно-правовой

¹ Пункт 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2015 № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)».

² Абзац 5 пункта 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц».

категории «тяжкое оскорбление» и последовавшие за этим ее научные интерпретации.

Например, Э. А. Багун, глубоко изучив подходы к пониманию словосочетания «тяжкое оскорбление», приводит его общую трактовку как «ситуации, когда происходит грубое, особо циничное, глубоко травмирующее психику унижение чести и достоинства личности, противоречащее моральным нормам, принятым в обществе» [21, с. 109], а также разъясняет, что его оценка должна осуществляться и на основании этических представлений, и на субъективном, личностном восприятии лицом нанесенного ему оскорбления [21, с. 109].

Очевидно, что определение тяжкого оскорбления через сразу несколько новых оценочных категорий («ситуация», «грубое», «особо циничное», «глубоко травмирующее психику») не отвечает принципу правовой определенности, затрудняет установление его содержания как минимум в части выявления и установления границ степени тяжести нанесенного оскорбления, а также демонстрирует неудачность уголовно-правовой нормы и примененных при ее конструировании терминов. Согласимся с мнением Л. В. Лобановой и Е. И. Семеновой о том, что «наделение оскорбления в данной статье качеством тяжкого является излишним» [22, с. 76]. Также заметим, что, несмотря на то, что унижение исходит от потерпевшей стороны, это никоим образом не влияет на его оценку, как это имеет место в иных рассмотренных выше составах преступлений, связанных с оскорблением. Тяжкое оскорбление представляет собой повод¹, вызывающий состояние аффекта и характеризующий

обстановку, имевшую место до совершения самого преступления, и вряд ли подлежащий на практике самостоятельной уголовно-правовой оценке из-за смерти потерпевшего (в случае совершения деяния, предусмотренного ст. 107 УК РФ).

Таким образом, вышеизложенное позволяет утверждать, что понятие «унижение» можно рассматривать как одно из основных оценочных понятий уголовного права, главным образом характеризующих объективные признаки отдельных составов преступления: во-первых, общественно опасное деяние; во-вторых, способ совершения преступления; в-третьих, вред, причиненный охраняемым уголовным законом общественным отношениям. При этом избираемый виновным лицом способ совершения преступления, определяемый законодателем как «унижение», либо вербализирован, либо выражен в конкретных действиях, «считываемых» потерпевшим и посторонними как умаляющие ценность конкретной личности и/или его заслуг перед обществом, другими лицами, значимости группы лиц.

Унижение описывает обстановку, предшествующую совершению преступления, позволяя оценить отдельные аспекты возникновения и реализации умысла, является ключевым признаком, характеризующим внутреннее отношение лица к совершенному преступлению, а точнее — направленность его умысла и, соответственно, преследуемые цели.

Унижение также позволяет установить внутреннюю оценку потерпевшим ценности себя как личности, оценку потерпевшего третьими лицами.

Список источников

1. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка: 50 000 слов / под ред. А. С. Гавриловой. М.: Аделант, 2014. 800 с.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: АЗЪ, 1996. 928 с.
3. Словарь русского языка: в 4 т. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1: А–Й. 698 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под общ. ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М.: Инфра-М-Норма, 1996. 832 с.
5. Винокуров В. Н. Объект преступления: доктринально-прикладное исследование: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2022. 368 с.
6. Авдеева Е. А. Унижение человеческого достоинства как признак объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2014. № 2 (34). С. 104–106.

¹ Апелляционное определение Верховного суда Республики Саха (Якутия) № 22-1272/2025 от 02.09.2025. URL: <https://судебныерешения.рф/92367393>.

7. Неклюдов Н. А. Руководство к Особенной части русского уголовного права. Т. 1: Преступления и проступки против личности. СПб.: тип. П. П. Меркульева, 1876. XII, 543 с.
8. Гришанин П. Ф., Журавлев М. П. Преступления против порядка управления: лекция. М.: Высшая школа МООП СССР, 1963. 43 с.
9. Сухарев Е. А. Ответственность за преступные посягательства на деятельность представителя власти и общественности: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1964. 250 с.
10. Журавлев М. П. Ответственность за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников: лекция / под ред. проф. М. И. Якубовича. М., 1965. 32 с.
11. Кругликов Л. Л. Преступления против личности: текст лекций. Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 1998. 120 с.
12. Глухов Е. А. Высокомерие начальников в виде оскорблений подчиненных или пути защиты достоинства военнослужащего // Военное право. 2019. № 5. С. 75–84.
13. Новиков В. А., Шиян В. И. Оскорбление религиозных чувств верующих: состояние и актуальные вопросы квалификации преступления и административного правонарушения // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 3 (29). С. 52–56.
14. Казанцев Д. А. К вопросу об уголовно-правовой охране религиозных чувств верующих // Российский следователь. 2019. № 9. С. 36–40.
15. Алиева Э. К. Нарушения правил уставных взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности // Юристъ-Правоведъ. 2010. № 2. С. 44–45.
16. Игнатъев И. О. Нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности: монография. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. 142 с.
17. Брагина А. Г. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти: монография. Барнаул: БЮИ МВД России, 2008. 212 с.
18. Лев VI Мудрый. Тактика Льва / изд. подготовил В. В. Кучма; отв. ред. Н. Д. Барабанов. СПб.: Алетей, 2012. 368 с.
19. Брагина А. Г., Лоос Е. В., Мальков С. М. Уголовно-правовые аспекты борьбы с нацизмом и фашизмом: учебное пособие. Барнаул: БЮИ МВД России, 2025. 120 с.
20. Кейдунова Е. Р., Мавренкова Е. А., Напханенко И. П. [и др.] Понятие и виды аффектов // Философия права. 2017. № 4 (83). С. 35–42.
21. Багун Э. А. Издевательство, тяжкое оскорбление и аморальные действия как основания возникновения аффекта // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2021. № 4 (50). С. 106–110.
22. Лобанова Л. В., Семенова Е. И. К вопросу о толковании тяжелого оскорбления применительно к статье 107 УК РФ // Вестник ВолГУ. 2007. Вып. 9. С. 75–76.

References

1. Slovar' sinonimov i antonimov sovremennogo russkogo yazyka: 50 000 slov / pod red. A. S. Gavrilovoj. M.: Adelant, 2014. 800 s.
2. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij. M.: AZ», 1996. 928 s.
3. Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. 4-e izd., ster. M.: Rus. yaz.; Poligrafresursy, 1999. T. 1: A–J. 698 s.
4. Kommentarij u Ugolovnomu kodeksu RF / pod obshch. red. Yu. I. Skuratova, V. M. Lebedeva. M.: Infra-M-Norma, 1996. 832 s.
5. Vinokurov V. N. Ob»ekt prestupleniya: doktrinal'no-prikladnoe issledovanie: monografiya. 2-e izd., prerab. i dop. M.: Prospekt, 2022. 368 s.
6. Avdeeva E. A. Unizhenie chelovecheskogo dostoinstva kak priznak ob»ektivnoj storony sostava prestupleniya, predusmotrennogo st. 282 UK RF // Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava. 2014. № 2 (34). S. 104–106.
7. Neklyudov N. A. Rukovodstvo k osobennoj chasti russkogo ugovnogo prava. T. 1: Prestupleniya i prostupki protiv lichnosti. SPb.: tip. P. P. Merkul'eva, 1876. XII, 543 s.
8. Grishanin P. F., Zhuravlev M. P. Prestupleniya protiv poryadka upravleniya: lekciya. M.: Vysshaya shkola MOOP SSSR, 1963. 43 s.

9. Suharev E. A. Otvetstvennost' za prestupnye posyagatel'stva na deyatel'nost' predstavatelya vlasti i obshchestvennosti: dis. ... kand. jurid. nauk. Sverdlovsk, 1964. 250 s.
10. Zhuravlev M. P. Otvetstvennost' za posyagatel'stvo na zhizn', zdorov'e i dostoinstvo rabotnikov milicii i narodnyh družinnikov: lekciya / pod red. prof. M. I. Yakubovicha. M., 1965. 32 s.
11. Kruglikov L. L. Prestupleniya protiv lichnosti: tekst lekcij. Yaroslavl': Yarosl. gos. un-t, 1998. 120 s.
12. Gluhov E. A. Vysokomerie nachal'nikov v vide oskorblenij podchinennyh ili puti zashchity dostoinstva voennosluzhashchego // Voennoe pravo. 2019. № 5. S. 75–84.
13. Novikov V. A., Shiyan V. I. Oskorblenie religioznyh chuvstv veruyushchih: sostoyanie i aktual'nye voprosy kvalifikacii prestupleniya i administrativnogo pravonarusheniya // Rassledovanie prestuplenij: problemy i puti ih resheniya. 2020. № 3 (29). S. 52–56.
14. Kazancev D. A. K voprosu ob ugovolno-pravovoj ohrane religioznyh chuvstv veruyushchih // Rossijskij sledovatel'. 2019. № 9. S. 36–40.
15. Alieva E. K. Narusheniya pravil ustavnyh vzaimootnoshenij mezhdru voennosluzhashchimi pri otsutstvii mezhdru nimi otnoshenij podchinennosti // Yurist»-Pravoved». 2010. № 2. S. 44–45.
16. Ignat'ev I. O. Narushenie ustavnyh pravil vzaimootnoshenij mezhdru voennosluzhashchimi pri otsutstvii mezhdru nimi otnoshenij podchinennosti: monografiya. Kaliningrad: Izd-vo BFU im. I. Kanta, 2012. 142 s.
17. Bragina A. G. Ugolovnaya otvetstvennost' za oskorblenie predstavatelya vlasti: monografiya. Barnaul: BYuI MVD Rossii, 2008. 212 s.
18. Lev VI Mudryj. Taktika L'va / izd. podgotovil V. V. Kuchma; otv. red. N. D. Barabanov. SPb.: Aletejya, 2012. 368 s.
19. Bragina A. G., Loos E. V., Mal'kov S. M. Ugolovno-pravovye aspekty bor'by s nacizmom i fashizmom: uchebnoe posobie. Barnaul: BYuI MVD Rossii, 2025. 120 s.
20. Kejdunova E. R., Mavrenkova E. A., Naphanenkov I. P. [i dr.] Ponyatie i vidy affektov // Filosofiya prava. 2017. № 4 (83). S. 35–42.
21. Bagun E. A. Izdevatel'stvo, tyazhkoie oskorblenie i amoral'nye dejstviya kak osnovaniya vozniknoveniya affekta // Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. 2021. № 4 (50). S. 106–110.
22. Lobanova L. V., Semenova E. I. K voprosu o tolkovanii tyazhelogo oskorbleniya primenitel'no k stat'e 107 UK RF // Vestnik VolGu. 2007. Vyp. 9. S. 75–76.

Информация об авторе

А. Г. Брагина — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. G. Bragina — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 03.10.2025; одобрена после рецензирования 05.11.2025; принята к публикации 25.11.2025.

The article was submitted 03.10.2025; approved after reviewing 05.11.2025; accepted for publication 25.11.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 132–137.

Altai Law Journal. 2025. № 4 (52). P. 132–137.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.9

ПОТЕРПЕВШИЕ ОТ МОШЕННИЧЕСТВА В 2024 ГОДУ: АНАЛИЗ СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Дмитрий Витальевич Веденин

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, dv_1973@mail.ru

Аннотация. В статье на основе статистических данных рассматриваются особенности потерпевших от мошенничества в Российской Федерации. Автор полагает, что с учетом латентности наиболее распространенными фактически совершаемыми преступлениями в России в 2024 г. явились мошенничества, хотя формально кражи регистрировались чаще. При этом на протяжении последних лет доля краж в общем числе преступлений против собственности неуклонно снижается, а доля мошенничеств возрастает. В статье сравниваются статистические сведения о потерпевших от всех зарегистрированных преступлений: от преступлений против собственности и от мошенничеств. Автор определяет, какие группы населения наиболее часто становятся жертвами такого преступления, как мошенничество, что может быть использовано для эффективного осуществления комплексной и адресной виктимологической профилактики.

Ключевые слова: потерпевшие, мошенничество, виктимологическая профилактика, статистические данные

Для цитирования: Веденин Д. В. Потерпевшие от мошенничества в 2024 году: анализ статистических данных // Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 132–137.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

FRAUD VICTIMS IN 2024: STATISTICAL DATA ANALYSIS

Dmitriy V. Vedenin

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia, dv_1973@mail.ru

Abstract. Based on statistical data, this article examines the characteristics of fraud victims in the Russian Federation. The author believes that, taking into account latency, fraud was the most common crime actually committed in Russia in 2024, although theft was formally registered more often. At the same time, the share of theft in the total number of crimes against property has been steadily decreasing in recent years, while the share of fraud has been increasing. The article compares statistical information about victims of all registered crimes, crimes against property and fraud. The author indicates which groups of the population are most often victims of crimes such as fraud, which can be used for the effective implementation of comprehensive and targeted victimological prevention.

Keywords: victims, fraud, victimological prevention, statistical data

For citation: Vedenin D. V. Fraud victims in 2024: statistical data analysis. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2025;4:132–137 (In Russ.).

Имеющиеся статистические данные подтверждают наметившиеся за последние несколько лет тенденции, касающиеся основных характеристик преступности в России. Преступность всегда быстро реагирует на происходящие изменения в общественной жизни, приспосабливаясь к новой обстановке, и обычно делает это оперативнее противостоящих ей государственных структур.

До начала специальной военной операции фактором, серьезно повлиявшим на российскую действительность, явилась пандемия коронавирусной инфекции (COVID-19), сопряженная с введением ограничительных мероприятий. Количество пре-

ступлений, совершенных в общественных местах, заметно снизилось (применительно к данному факту на влияние ограничений на производственную деятельность и передвижения граждан в силу режима самоизоляции специалистами обоснованно было обращено внимание еще в 2021 г.¹), а исключение составили лишь показатели 2022 г., когда число преступлений данной группы незначительно увеличилось на скромные 1,6 %. Если же говорить об уличной преступности, то снижение количества выявленных подобных преступлений имело место во все предшествующие периоды, не исключая и 2024 год (таблица 1).

Таблица 1

Преступления, совершенные в общественных местах и на улице

Преступления	Год					
	2019	2020	2021	2022	2023	2024
совершенные в общественных местах	690 013 (-1,8 %)	620 759 (-10 %)	581 254 (-6,4 %)	590 562 (+1,6 %)	487 008 (-17,5 %)	418 601 (-14 %)
совершенные на улице	404 625 (-5,7 %)	364 457 (-9,9 %)	338 231 (-7,2 %)	325 184 (-3,9 %)	253 510 (-22 %)	205 040 (-19,1)

Можно предположить, что значительная часть преступников сначала отчасти вынужденно ушла с улиц, а затем, «распробовав» новые формы преступной деятельности (зачастую относящиеся к дистанционным), осознала всю привлекательность для них подобных способов совершения преступлений и отказалась от некоторых допандемийных вариантов или значительно сократила их применение. Во многих случаях эти современные способы предполагают использование информационно-телекоммуникационных технологий и сети Интернет, что вызывает сложности практического характера, с которыми сталкиваются следователи и сотрудники, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, влияющие, как указывает О. И. Захаренко, на низкую

раскрываемость преступлений рассматриваемой категории [1].

По мнению Д. В. Жмурова, самыми распространенными способами осуществления виктимизации является воздействие на жертву посредством сети Интернет (удельный вес таких деяний в 2019 г. составил 53 % от общего числа киберпреступлений, а к 2023 г. достиг 78 %) и использование средств мобильной связи (в 2019 г. — 40 % и в 2023 г. — 45 %) [2].

В структуре российской преступности традиционно наиболее часто регистрировались преступления против собственности, при этом их количество, как и общее число всех выявленных преступлений, с 2021 г. непрерывно уменьшалось (таблица 2).

¹ Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2020 г. и ожидаемые тенденции ее развития: аналитический обзор / М. В. Гончарова, О. Р. Афанасьева, М. М. Бабаев, С. А. Невский, Г. Ф. Кожимшиди, В. Г. Смирнов, Г. Э. Бицадзе. М.: ВНИИ МВД России, 2021. С. 10.

Таблица 2

Динамика количества зарегистрированных преступлений в 2021–2024 гг.

Зарегистрировано преступлений	Год			
	2021	2022	2023	2024
Всего	2 004 404 (-6,4 %)	1 966 795 (-1,9 %)	1 947 161 (-1 %)	1 911 258 (-1,8 %)
против собственности	1 195 838 (-2 %)	1 169 495 (-2,2 %)	1 136 957 (-2,8 %)	1 040 969 (-8,4 %)
доля преступлений против собственности	59,66 %	59,5 %	58,39 %	54,47 %

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что если в 2021 г. число всех зарегистрированных преступлений сократилось на 6,4 %, то преступлений против собственности — лишь на 2 %. В 2022 г. темпы снижения были очень близки друг к другу — 1,9 % и 2,2 % соответственно, тогда как в 2023 г. первый показатель составил -1 %, а второй показал динамику в -2,8 %, т. е. количество выявленных преступлений против собственности сократилось заметнее. В 2024 г. темпы снижения количества всех выявленных преступлений составили 1,8 %, а преступлений против собственности — 8,4 %.

Доля преступлений против собственности в общей структуре преступности в 2021–2023 гг. оставалась стабильной с незначительной тенденцией к снижению — с 59,66 % до 58,39 %, в то время как в 2024 г. на фоне более серьезного уменьшения их количества по сравнению с общим числом выявленных преступлений указанная доля упала до 54,47 %¹.

В структуре выявленных преступлений против собственности основное место занимают кражи (ст. 158 УК РФ) и мошенничества (ст. 159–159.6 УК РФ). Изменение количества двух этих разновидностей преступлений против собственности представлено в таблице 3.

Таблица 3

Динамика краж и мошенничеств в 2021–2024 гг.

Зарегистрировано преступлений	Год			
	2021	2022	2023	2024
Кража (ст. 158 УК РФ)	733 075	697 567	583 343	499 642
доля краж в общем числе преступлений против собственности	61,3 %	59,6 %	51,3 %	48 %
Мошенничество (ст. 159–159.6 УК РФ)	339 606	343 085	433 708	445 690
доля мошенничеств в общем числе преступлений против собственности	28,4 %	29,3 %	38,1 %	41,5 %

Исходя из представленных данных, четко прослеживаются две разнонаправленные тенденции: сокращение количества выявляемых краж и снижение их доли в общей массе преступлений против собственности при одновременном росте этих показателей, относящихся к мошенничествам. Если в 2021 и 2022 гг. кражи регистрировались более чем в два раза чаще, чем мошенничества, то в прошедшем году разница составила лишь несколько больше 10 %. Таким образом, в данных официаль-

ной статистики кражи по-прежнему являются самым распространенным в России преступлением.

Но насколько эти цифры отражают реальное положение дел? Полагаем, что на данном этапе (включая 2024 год) в Российской Федерации мо-

¹ Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2024 г. и ожидаемые тенденции ее развития. Аналитический обзор / М. В. Гончарова, О. Р. Афанасьева, М. М. Бабаев [и др.]. М.: ВНИИ МВД России, 2025. С. 22.

шенничества совершаются гораздо чаще, чем кражи.

Большинство совершаемых в настоящее время мошеннических действий осуществляется с применением современных технологий (мобильной связи, мессенджеров, электронной почты и т. д.). По разным причинам далеко не все попытки завладеть чужим имуществом заканчиваются причинением ущерба потенциальному потерпевшему, например часть попыток автоматически блокируется даже без ведома адресата. Кроме того, в настоящее время многие люди стараются не отвечать на звонки и сообщения с незнакомых номеров или электронных адресов и тем самым снижают вероятность стать жертвой преступления, в других случаях человек с той или иной степенью успешности может распознать, что общается с преступником и т. п. О таких попытках мошеннических действий, которые не привели к желаемому для преступников результату, крайне редко сообщают в правоохранительные органы, хотя во многих подобных случаях преступники уже начали выполнять действия, входящие в объективную сторону мошенничества, т. е. имеет место покушение на данное преступление. По всей вероятности, число покушений на мошенничество, не нашедших отражение в официальной статистике, измеряется сотнями тысяч. Тем более что зачастую преступники «работают по площадям», надеясь выйти на подходящую жертву за счет большого охвата, например, обзваниваемых потенциальных потерпевших (речь не идет о случаях, когда проводится более или менее тщательная подготовка в отношении конкретного лица, когда заранее выясняются сведения, полезные для введения его в заблуждение, к примеру относящиеся к его работе, семье, материальному положению и др.).

Таким образом, мошенничество сегодня отличается повышенной латентностью, в связи с чем его распространенность далеко не в полной мере отражается цифрами, которые предоставляет официальная статистика. Эффективная борьба с этим преступлением невозможна без осуществления комплексной и адресной виктимологической профилактики, поэтому необходимо определиться с теми чертами, которыми обладает типичная жертва мошенников. Для этой цели именно сведения, содержащиеся в статистических документах и характеризующие тех, кто реально стал потерпевшими от мошеннических действий, представляют особый интерес для исследования, в т. ч. в сравнении с пострадавшими от других преступных посягательств.

В 2024 г., согласно данным статистических отчетов¹, в Российской Федерации выявлено 1 181 503 физических лица, ставших потерпевшими от преступлений (далее речь также будет идти именно о потерпевших — физических лицах). Наиболее часто жертвы преступлений — лица в возрасте от 30 до 49 лет (485 807, что составляет 41,1 %), лица других возрастов становятся потерпевшими заметно реже. Так, далее следуют категории лиц старше 60 лет (224 116, или около 19 %) и от 50 до 59 лет (166 474, или 14,1 %). Интересно, что лица, относящиеся к возрастной группе от 18 до 24 лет, являются потерпевшими заметно чаще (10,1 %) представителей «соседних» возрастов — 14–17 лет (3,9 %) и 25–29 лет (6,6 %). Причем данная тенденция выявляется и при анализе как состава жертв от преступлений против собственности, так и состава пострадавших от мошеннических действий при некотором увеличении их доли, которая составляет 12 % и 12,4 % соответственно.

В целом данные показатели не вполне коррелируют с долями той или иной из трех рассмотренных групп возрастов, представители которых наиболее часто становятся жертвами преступлений, во всем населении нашей страны. Так, по данным, опубликованным в Российском статистическом ежегоднике за 2024 год² (содержащиеся в нем сведения округлены до тысяч, но все же в определенной степени позволяют составить представление о лицах, проживающих в нашей стране), население Российской Федерации на 1 января 2024 г. составляло 146 151 тыс. человек. При этом на возрастные группы от 30 до 49 лет приходилось 45 126 тыс. человек (30,9 %), от 50 до 59 лет — 18 090 тыс. человек (12,4 %), свыше 60 лет — 35 147 тыс. человек (24 %). Таким образом, доля лиц, ставших потерпевшими от преступлений в возрасте 30–49 лет, заметно выше доли группы людей этого возраста во всем населении.

Если говорить о преступлениях против собственности, то в рассматриваемом периоде зафиксировано 787 514 человек потерпевших. Следовательно, потерпевшие от преступлений против собственности составляют наиболее многочисленную группу жертв преступлений (66,7 %). И это неудивительно, поскольку, как было отмечено ранее, именно указанные преступления наи-

¹ Статистические документы // Сервис ведомственной правовой статистики МВД России. URL: <https://svps.mvd.ru/web/guest/stat-docs/> (дата обращения: 16.02.2025).

² Российский статистический ежегодник. 2024. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2024.pdf (дата обращения: 16.02.2025).

более часто регистрируются в России. При этом наблюдается тенденция к увеличению доли лиц, ставших жертвами преступлений, относящихся к тем же условно старшим возрастам, что и применительно ко всем преступным посягательствам: от всех пострадавших в результате совершения преступлений против собственности лица в возрасте 30–49 лет составляют 342 918 (43,5 %), старше 60 лет — 172 496 (21,9 %), от 50 до 59 лет — 115 140 (14,6 %).

Потерпевшими от мошенничеств являются не много менее трети потерпевших от всех преступлений (389 063; 32,9 %) и примерно половина жертв преступлений против собственности (49,4 %). Доля лиц в возрасте 30–49 лет среди жертв мошеннических действий заметно снижается (до 37,54 %, что составляет 146 063 человека), но все равно превышает удельный вес данной группы во всем населении России (30,9 %). При этом доля потерпевших в возрасте 50–59 лет увеличивается незначительно (15,43 %, или 60 013), зато существенно возрастает доля пострадавших от мошенничества, относящихся к категории 60 лет и старше (до 27,2 %, или 105 875). В последнем случае удельный вес потерпевших по данной возрастной группе начинает превышать ее долю (24 %) во всем населении страны.

Анализ представленных данных позволяет сделать вывод о том, что вероятность стать жертвой такого преступления, как мошенничество, значительно повышается именно для лиц старше 60 лет, т. е. подтверждаются подобные утверждения, которые нередко встречаются как в научных источниках, так и в сообщениях новостных каналов. Однако наибольшее количество потерпевших от мошенничества в 2024 г. в Российской Федерации приходилось все же на возрастную группу от 30 до 49 лет (как, впрочем, применительно и ко всем преступлениям, и к преступлениям против собственности).

Весьма острой проблемой, напрямую связанной с возрастом потерпевших, является совершение преступлений в отношении лиц, являющихся пенсионерами по старости, многие из которых являются социально не защищенными (что справедливо отмечено Н. В. Игнатьевой [3]), в связи с чем в статистическую отчетность включены соответствующие сведения. В настоящее время в соответствии с ч. 1 ст. 8 Федерального закона Российской Федерации от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» к лицам, имеющим право на получение пенсии по старости, отнесены мужчины, достигшие 65 лет, а женщины — 60 лет.

Среди жертв всех преступлений пенсионеры по старости составляют 196 517 из 1 181 503 потерпевших (16,63 %), среди пострадавших от преступлений против собственности — 152 636 из 787 514 (19,4 %), а среди потерпевших от мошеннических действий — 95 052 из 450 201 (24,43 %). Таким образом, удельный вес пенсионеров по старости применительно к потерпевшим от мошенничества значительно выше, чем соответствующая доля в преступлениях против собственности и тем более во всех зарегистрированных в прошлом году в Российской Федерации преступлениях.

Если же касаться соотношения мужчин и женщин среди жертв всех преступлений в 2024 г., то стоит отметить, что оно является весьма близким — 49,4 % и 50,6 % соответственно. При этом потерпевших мужчин зарегистрировано 583 672, а женщин — 597 782, однако следует учитывать, что женщин в Российской Федерации проживает значительно больше, чем мужчин. Так, на 1 января 2024 г. в России первых было 78 234 тыс. (53,5 %), а вторых — 67 917 тыс. (46,5 %), так что шанс пострадать от преступления у каждого отдельного мужчины все же выше.

Когда речь идет о преступлениях против собственности, то доля потерпевших женщин начинает увеличиваться и достигает 52,3 %, при этом доля мужчин составляет 47,7 %; всего среди потерпевших от данной разновидности преступлений зарегистрировано 357 590 мужчин и 411 921 женщина. Соответственно, возможность стать жертвой преступления у мужчин и женщин примерно равна.

Еще более велик процент женщин среди жертв мошеннических действий, он достигает 57,2 % (222 594 человека), тогда как доля мужчин сокращается до 42,8 % (166 468 человек). И это означает, что женщины в России по сравнению с мужчинами заметно более часто становятся потерпевшими именно от такого преступления, как мошенничество.

Достаточным своеобразием отличается удельный вес потерпевших, которые не имеют постоянного источника дохода. Если в общем числе потерпевших от всех преступных посягательств и жертв преступлений против собственности он практически не отличается — 23,8 % и 23,65 % соответственно, то в случае, когда речь идет о мошеннических действиях, данный показатель заметно снижается и составляет 20,14 %.

Необходимо признать, что в России в статистической отчетности иностранцы и лица без гражданства довольно редко фиксируются в качестве жертв преступлений, что во многом связано

с небольшим количеством регистрируемых преступлений, совершенных в отношении этих лиц (11 662 за 2024 год¹). Так, по данным 2024 г. лица, отнесенные к указанной группе, составили лишь 11 918 от всех потерпевших (1 %), 8 666 (1,1 %) — от жертв преступлений против собственности и 2 925 (0,75 %) — от потерпевших применительно к мошенничеству.

Итак, имеющиеся статистические данные позволяют сделать следующие выводы относительно того, какие признаки наиболее характерны для лиц, пострадавших от мошенничества.

Потерпевшие от такого преступления, как мошенничество, составляют весьма многочисленную часть жертв преступлений. Наиболее часто

потерпевшими от мошеннических действий становятся люди условно среднего возраста (от 30 до 49 лет), однако следует заметить, что вероятность пострадать от подобных преступлений значительно возрастает также и в преклонном возрасте — старше 60 лет. При этом женщины фиксируются в качестве потерпевших от мошенничества заметно чаще мужчин, причем удельный вес женщин в населении России существенно ниже удельного веса женщин — жертв мошенничеств. Процент лиц, не имеющих постоянного источника дохода, среди потерпевших от рассматриваемых преступлений несколько меньше, чем аналогичная доля применительно как ко всем преступлениям, так и к преступлениям против собственности.

Список источников

1. Захаренко О. И. Возможности повышения эффективности борьбы с преступлениями, совершаемыми в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // *Законность*. 2024. № 9. С. 56–58.
2. Жмуров Д. В. Показатели преступности в сфере информационно-телекоммуникационных технологий в 2019–2023 годах (виктимологический аспект) // *Российский судья*. 2024. № 5. С. 19–23.
3. Игнатьева Н. В. Защита прав социально незащищенных граждан, пострадавших в результате совершения преступления // *Законность*. 2024. № 8. С. 15–16.

References

1. Zaharenko O. I. Vozmozhnosti povysheniya effektivnosti bor'by s prestupleniyami, sovershaemymi v sfere informacionno-telekommunikacionnyh tekhnologij // *Zakonnost'*. 2024. № 9. S. 56–58.
2. Zhmurov D. V. Pokazateli prestupnosti v sfere informacionno-telekommunikacionnyh tekhnologij v 2019–2023 godah (viktimologicheskij aspekt) // *Rossiiskij sud'ya*. 2024. № 5. S. 19–23.
3. Ignat'eva N. V. Zashchita prav social'no nezashchishchennyh grazhdan, postradavshih v rezul'tate soversheniya prestupleniya // *Zakonnost'*. 2024. № 8. S. 15–16.

Статья поступила в редакцию 02.06.2025; одобрена после рецензирования 19.08.2025; принята к публикации 25.11.2025.

The article was submitted 02.06.2025; approved after reviewing 19.08.2025; accepted for publication 25.11.2025.

¹ Состояние преступности в России за январь — декабрь 2024 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 16.02.2025).

Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 138–143.

Altai Law Journal. 2025. № 4 (52). P. 138–143.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.21

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЙ «ГРУППА ЛИЦ» И «ГРУППА ЛИЦ ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМУ СГОВОРУ» В СТАТЬЯХ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УК РФ

Юрий Александрович Власов

Омская академия МВД России, Омск, Россия, karabanovka@mail.ru,

<https://orcid.org/0009-0001-0424-3849>

Аннотация. В статье рассматривается соотношение понятий «группа лиц» и «группа лиц по предварительному сговору», вопросы квалификации действий субъекта, совершившего преступление в соисполнительстве с лицами, не подлежащими уголовной ответственности в различные периоды правоприменения. При квалификации преступлений, совершенных группой лиц, данное обстоятельство следует рассматривать как соучастие, если все исполнители являются субъектами. Если в группе лиц один субъект, а другие соисполнители не субъекты в силу возраста или невменяемости, то субъекту следует вменять признак «группа лиц» как способ совершения преступления. Предлагается вернуть квалифицирующий признак «группа лиц» в нормы главы 21 УК РФ.

Ключевые слова: группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, квалификация, лица, не подлежащие уголовной ответственности

Для цитирования: Власов Ю. А. Содержание понятий «группа лиц» и «группа лиц по предварительному сговору» в статьях Особенной части УК РФ // Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 138–143.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

THE CONTENT OF THE CONCEPTS OF A GROUP OF PERSONS AND A GROUP OF PERSONS BY PRIOR AGREEMENT IN THE ARTICLES OF THE SPECIAL PART OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Yuri A. Vlasov

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia, karabanovka@mail.ru,

<https://orcid.org/0009-0001-0424-3849>

Abstract. The article examines the relationship between the concepts of «group of persons» and «group of persons by prior agreement», as well as the issues of qualifying the actions of a subject who committed a crime in co-execution with persons who are not subject to criminal liability in various periods of law enforcement. When qualifying crimes committed by a group of persons, this circumstance should be considered as complicity if all the perpetrators are subjects. If there is only one subject in the group of persons, and the other co-perpetrators are not subjects due to their age or insanity, then the subject should be charged with the «group of persons» as a method of committing the crime. It is proposed to return the qualifying feature «group of persons» to the norms of Chapter 21 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: group of persons, group of persons by prior agreement, qualification, persons not subject to criminal liability

For citation: Vlasov Yu. A. The content of the concepts of a group of persons and a group of persons by prior agreement in the articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;4:138–143 (In Russ.).

Понятие «группа лиц» приводится в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве», где в п. 10 говорится: «Убийство признается совершенным группой лиц, когда два или более лица, действуя совместно с умыслом, направленным на совершение убийства, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего, применяя к нему насилие». В теории уголовного права «группа лиц» преимущественно понимается как форма простого соучастия в виде соисполнительства, где соучастниками могут быть только субъекты преступления, осуществляющие совместную умышленную преступную деятельность, направленную на достижение единого результата. Однако совместное выполнение объективной стороны преступления двумя или более лицами не следует отождествлять только с простой формой соучастия. Участие в преступлении двух или более лиц отражает факультативный признак объективной стороны преступления, к которому относится групповой способ совершения деяния. Групповой способ совпадает с объективными признаками соучастия, отражающими совершение единого преступления совместными действиями двух или более лиц, где каждый из них выполняет объективную сторону состава преступления.

В статье 32 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) дается понятие соучастия в преступлении, где содержатся два признака — субъективный и объективный. Субъективный признак отражает внутреннее, психическое отношение лица к совершаемому деянию. Лицо осознает, что действует совместно с другим лицом, и стремится к достижению единой цели. Для наличия соучастия обязательным условием является то, что эти лица должны быть субъектами преступления, обладающими признаками, указанными в ст. 19 УК РФ. Это обстоятельство логически вытекает из указания в законе на субъективную сторону, где дважды используется понятие умысла. Из этого прямо следует, что соучастие с несубъектами юридически невозможно.

В то же время объективный признак соучастия в виде объединенных действий двух или более лиц, направленных на совершение деяния, выражается и в объективной стороне состава преступления как групповой способ, который не имеет значения для квалификации, если преступление совершено двумя субъектами без предварительного сговора, поскольку имеет место соучастие, которое закреп-

лено в квалифицирующих обстоятельствах соответствующей нормы УК РФ.

Ситуация меняется, если умышленное преступление совершается группой лиц, где одно лицо является субъектом, а другое несубъектом. В таком случае соучастия не будет, а имеет место соисполнительство в групповом преступлении. Здесь речь идет о ситуациях, когда в группе лиц имеется лишь один субъект, а остальные участники несубъекты. Учитывая юридическое отсутствие соучастия, действия субъекта должны квалифицироваться как совершенные единолично, что не отражает фактическую общественную опасность совершенного деяния.

По данному поводу Д. Савельев отмечает, что ответственность за совершение преступлений группой лиц в УК РФ урегулирована только в рамках соучастия. И предлагает при анализе таких ситуаций исходить из группового способа совершения преступления, который выражает его объективную характеристику [1, с. 49]. Р. Р. Галиакбаров обоснованно считает, что группа лиц выступает в нескольких качествах и не исчерпывается только соучастием в преступлении, что должно влиять на квалификацию дел данной категории [2, с. 63].

В статье 35 УК РФ закреплены виды простого соучастия в преступлении: группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа или преступное сообщество (преступная организация). Все указанные в статье формирования являются видами соучастия, которые предусматривают обязательное наличие субъектов, на что прямо указывает предварительный сговор и организованность. Юридически невозможно признать эти объединения соучастием, если там не будет минимум два субъекта. Однако признак «группа лиц» указывает фактически только на участие в преступлении двух или более лиц, и необязательно, чтобы они оба были субъектами. В таком случае совместные действия субъекта с несубъектом следует рассматривать как групповой способ совершения преступления, который относится к факультативным признакам объективной стороны, отражающий в объективной действительности совместные действия нескольких лиц, осуществляющих посягательство на объект. Объединяя усилия, каждый из участников группы выступает соисполнителем преступления, непосредственно совершая действия, полностью или частично входящие в объективную сторону состава. Эти обстоятельства должны получить надлежащую юридическую оценку.

Ранее Верховный Суд Российской Федерации в руководящих разъяснениях пленумов допускал практику привлечения к уголовной ответственности субъекта по признаку группы лиц при соисполнительстве в умышленном преступлении с несубъектом. Так, в п. 9 Постановления Пленума от 22 апреля 1992 г. № 4 «О судебной практике по делам об изнасиловании» разъяснялось, что по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР изнасилование квалифицируется как групповое независимо от того, что остальные участники преступления не были привлечены к уголовной ответственности ввиду их невменяемости либо недостижения возраста уголовной ответственности (ст. 10 УК РСФСР), или по другим предусмотренным законом основаниям. В пункте 19 Постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 22 марта 1966 г. № 31 «О судебной практике по делам о грабеже и разбое» также указывалось, что действия участника разбоя или грабежа надлежит квалифицировать по ч. 2 ст. 145 или по п. «а» ч. 2 ст. 146 УК РСФСР как совершенные группой лиц по предварительному сговору независимо от того, что другие участники преступления не были привлечены к уголовной ответственности в силу ст. 10 УК РСФСР или по другим предусмотренным законом основаниям¹. Следует отметить, что данное разъяснение противоречит теории соучастия, в соответствии с которой юридически предварительный сговор с несубъектами невозможен.

Наиболее правильная квалификация таких действий в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. «О судебной практике по делам об изнасиловании», которое более верно отражает квалификацию деяния, совершенного группой лиц, где в п. 10 говорилось, что действия лиц, организовавших изнасилование группой, следует квалифицировать по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР независимо от того, что другие участники не были привлечены к уголовной ответственности². Данное постановление отражает то обстоятельство, что фактически предварительный сговор на совершение преступления между субъектом и несубъектом не имеет юридического значения с позиции соучастия, но при совместном умышленном сопричинении вреда объекту действия субъекта должны ква-

лифицироваться как преступление, совершенное групповым способом, но без предварительного сговора [1, с. 50].

Рассматривая проблемы учения о соучастии, П. С. Яни отмечает, что это относится к вопросу о возможности вменения лицу совершения преступления группой лиц, если в соисполнительстве с ним в совершении деяния участвовало лицо, не подлежащее уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных уголовным законом [3, с. 44]. Следует отметить, что многие ученые не согласны с таким мнением. Тем не менее судебная практика в некоторых случаях встает именно на эту позицию, что находит отражение в пока еще не широко распространенной судебной практике.

В судебных решениях делается различие между понятиями «группа лиц» как соучастие и как способ совершения преступления. Так, вынося решение в отношении П., Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации квалифицировала его действия по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ. По материалам дела подсудимый совершил убийство в соисполнительстве с Б., признанным невменяемым. В момент убийства П. удерживал потерпевшего, а Б. по его указанию наносил потерпевшему удары ножом. При этом было подчеркнуто, что такая квалификация наступает независимо от того, что другой участник преступления не был привлечен к уголовной ответственности ввиду его невменяемости³. Анализ данного решения показывает, что, квалифицируя действия данных лиц, суд исходил не из соучастия, а из способа совершения преступления. И такая позиция суда представляется обоснованной, поскольку при деянии, посягающем на личность, фактически против потерпевшего действуют более одного человека, и здесь требуется оценка не субъективной стороны соучастия, а группового способа совершения преступления.

С. Д. Макаров не отождествляет термины «исполнители», «лица», «группа лиц», говоря, что они не являются синонимами термина «субъект преступления», поскольку обладают более широким содержанием. Исходя из этого, не каждый исполнитель преступления может быть субъектом, а квалификация действий исполнителей в преступлении, совершаемом группой лиц, может различаться. Термин «лицо» обозначает физическое лицо, человека. На этом основании автор делает вывод, что действия субъекта должны квалифицироваться

¹ О судебной практике по делам о грабеже и разбое [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 22.03.1966 № 31. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Пленум Верховного Суда СССР от 25.03.1964 «О судебной практике по делам об изнасиловании». URL: <http://http://ППВС РФ> (дата обращения: 21.09.2025).

³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4. С. 18.

как групповой способ преступления, если другие соисполнители были несубъектами [4, с. 25].

В статьях Особенной части УК РФ, содержащих квалифицирующий признак «группа лиц», необязательно, чтобы все участники были субъектами преступления, поскольку содержание этого понятия предполагает только один признак субъекта — физическое лицо. Как пишет А. Трухин, групповое преступление не следует рассматривать только как соучастие двух или более субъектов [5, с. 47–50]. Толкование признака «группа лиц» только как соучастия приводит к тому, что фактически занижается общественная опасность действий лица, совершающего преступление в соисполнительстве с несубъектами. Поскольку фактически субъект действует не один, а его действия при отсутствии другихотячающих обстоятельств квалифицируются по основному составу статьи. Конечно, п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ учитывает это обстоятельство при назначении наказания, но вид и размер наказания по основному составу и квалифицирующему существенно отличаются.

Содержание квалифицирующих признаков «группа лиц по предварительному сговору» и «организованная группа» показывает, что они однозначно относятся только к институту соучастия, поскольку являются простой формой. Понятия «предварительный сговор» и «организованная группа» указывают на наличие у участников всех признаков субъекта. Хотя следует заметить, что в некоторых ситуациях возможно сочетание различных форм и видов соучастия. Так, в руководящих постановлениях пленумов Верховного Суда Российской Федерации разъясняется, что если преступление совершается организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией), действия всех участников независимо от выполняемой роли квалифицируются по статье Особенной части УК РФ, без ссылки на ст. 33 УК РФ. На практике при совершении таких преступлений фактически происходит распределение ролей среди соучастников, но юридически они признаются соисполнителями вне зависимости от реально выполняемой роли [6].

Признак «группа лиц» с позиции соучастия отражает количественный признак, указывающий на объективную сторону деяния, два и более лица, и субъективную сторону, совместность умысла без предварительного сговора. Если группа лиц состоит из одного субъекта и других соисполнителей, не обладающих признаками субъекта в силу указания в законе, ответственность за соучастие исключается. Как правильно отмечает А. П. Козлов, при

совершении преступления с несубъектом соисполнительство не может быть соучастием. Действия субъекта следует квалифицировать как посредственного исполнителя [7, с. 55]. Данное утверждение основывается на ч. 2 ст. 33 УК РФ и применимо только для случаев, когда субъект сам непосредственно не участвовал в преступлении, а фактически выступал в качестве организатора или подстрекателя, используя несубъекта как орудие. Но такая квалификация неприменима, если субъект действует совместно с несубъектом, т. е. преступление совершают фактически два лица.

На данный момент мало примеров судебной практики по данному вопросу. На официальном судебном сайте удалось найти одно судебное решение¹. Так, К.Д.ВВ. был осужден по п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, повлекшее за собой психическое расстройство, совершенное группой лиц. Как усматривается из приговора, подсудимый совместно с ФИОЗ, уголовное дело в отношении которого выделено в отдельное производство, из личной неприязни к потерпевшему умышленно причинили тяжкий вред здоровью последнего. Согласно постановлению Советского районного суда г. Владивостока ФИОЗ от уголовной ответственности по ст. 116.1 и п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ был освобожден на основании ч. 2 ст. 92 УК РФ и ч. 2 ст. 433 УПК РФ с применением в отношении него мер медицинского характера в виде принудительного лечения в психиатрическом стационаре специализированного типа². Из приговора суда усматривается, что суд, квалифицируя действия подсудимого, исходил из способа совершения преступления, поскольку не указал признак «предварительный сговор». Р. Р. Галиакбаров считает правильной подобную практику суда [8, с. 37].

А. П. Козлов пишет, что признание групповым преступлением действий нескольких несубъектов (малолетних, душевнобольных, невиновных лиц) является необоснованным и противоречащим закону, поскольку групповые преступления относятся к соучастию и только субъекты преступления могут быть соучастниками [7, с. 314–315]. Эту же позицию занимал Г. А. Кригер [9, с. 244] и поддерживает В. В. Векленко [10, с. 40]. Эти утверждения совершенно правильны по отношению к группе лиц, где нет субъектов, соответственно, нет и со-

¹ URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 19.09.2025).

² Приговор Советского районного суда г. Владивостока Приморского края по делу № 1-237/2023. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 19.09.2025).

става преступления, но не подходят к случаю, где в группе несубъектов есть одно лицо, обладающее признаками субъекта. В этой ситуации оценка его действий должна основываться не на институте соучастия, а на факультативном признаке объективной стороны — способе совершения преступления, а именно групповом способе.

Федеральным законом Российской Федерации от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» из всех статей главы 21 «Преступления против собственности» был исключен квалифицирующий признак «группа лиц». Видимо, законодатель посчитал, что все имущественные преступления, совершаемые группой лиц, могут происходить только по предварительному сговору. Конечно, большинство групповых имущественных преступлений содержит предварительный сговор, что прямо относится к соучастию. Несомненно и то, что в практике имеет место и совершение данной категории преступлений группой лиц без предварительного сговора, но оно не обладает той степенью общественной опасности, которая присуща группе лиц с признаками соучастия, поэтому их действия квалифицируются самостоятельно в соответствии с индивидуальным объемом действий, без указания на соучастие.

Эти изменения в законе привели к тому, что значительно уменьшился объем ответственности субъектов, которые совершают преступления против собственности группой лиц в соисполнительстве с несубъектами. Несмотря на то что в такой группе фактически имеется предварительный сговор, юридически он отсутствует, и субъект привлекается к ответственности как совершивший преступление единолично. В принципе ничего страшного в этом не было бы, если бы речь шла о ненасильственных формах хищения. Однако ситуация существенно меняется, когда виновное лицо, являющееся субъектом, совершает хищение с применением насилия, например разбойное нападение. В этом случае нельзя вменить группу лиц по предварительному сговору и действия субъекта квалифицируются по основному составу, хотя фактически совершается деяние, обладающее более высокой общественной опасностью. И если применительно к ненасильственным формам хищений квалификация действий субъекта как совершенных единолично может быть допустима, то при насильственных формах хищений, когда потерпевший осознает, что против него действуют два и более лица, что влияет на подавление его воли к сопротивлению, такая юридическая оценка

нарушает принцип справедливости. Поэтому квалификация действий субъекта в насильственных хищениях, совершенных в соисполнительстве с несубъектами, без признака «группа лиц», представляется неправильной.

В доктрине уголовного права и судебной практике следует разделить признак «группа лиц» на два элемента: соучастие, если преступление совершено субъектами, и способ совершения преступления, если деяние совершено субъектом в соисполнительстве с несубъектом. В свое время Р. Д. Сабиров предлагал разделить понятия «преступная группа» и «групповое преступление» с признанием последнего несоучастием [11, с. 8], а Р. Р. Галиакбаров говорил о введении в закон нормы общего типа для регламентации групповых преступлений, которая выводит групповое преступление за пределы соучастия [12, с. 48, 39]. Д. Савельев предлагает включить в УК РФ ст. 32¹ «Совершение преступления вне соучастия», где предусматривалась ответственность за преступления, совершаемые субъектом с использованием несубъектов (малолетних, невменяемых). Автор назвал это «умышленным сопричинением» [1, с. 49]. П. С. Яни также считает необходимым внести изменения в уголовный закон, которые будут учитывать и существующее в законе определение соучастия, и необходимость более строгой ответственности за деяние, совершенное субъектом совместно с лицами, не подлежащими уголовной ответственности [3, с. 49].

Законодатель не воспринял данные предложения, хотя этот вопрос можно урегулировать на уровне разъяснений Верховного Суда Российской Федерации в руководящих постановлениях, где указать на различие понимания признака «группа лиц» как соучастия и как способа совершения преступления. Критерием разграничения здесь будет выступать состав участников. Если два и более лица являются субъектами, то имеет место соучастие. Если один из участников — субъект, остальные соисполнители — несубъекты, то следует квалифицировать как групповой способ совершения преступления.

Подводя итог, следует отметить, что главное отличие между группой лиц и группой лиц по предварительному сговору выражается в том, что во втором случае все участники должны быть субъектами. В группе лиц как способе совершения преступления субъект может быть один, а остальные несубъекты.

В качестве предложения законодательного характера можно рассмотреть вопрос о возврате в нормы главы 21 УК РФ «Преступления против

собственности» признака «группа лиц», который и как способ совершения преступления, характеризующий объективную сторону состава.

Список источников

1. Савельев Д. Легализовать ответственность за групповой способ совершения преступления // Российская юстиция. 2001. № 12. С. 49–50.
2. Галиакбаров Р. Р. Квалификация многосубъектных преступлений без признаков соучастия. Хабаровск, 1987. 95 с.
3. Яни П. С. Проблемы понимания соучастия в судебной практике // Законность. 2013. № 7. С. 44–49.
4. Макаров С. Д. Квалификация соучастия в преступлении с ненадлежащим субъектом // Российский судья. 2005. № 8. С. 22–25.
5. Трухин А. Соучастник преступления // Уголовное право. 2006. № 3. С. 46–50.
6. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М.: Статут, 2012. 466 с. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Козлов А. П. Соучастие. Традиции и реальность. СПб., 2001. 359 с.
8. Галиакбаров Р. Р. Квалификация групповых преступлений. М., 1980. 80 с.
9. Кригер Г. А. Квалификация хищений социалистического имущества. М., 1971. 336 с.
10. Векленко В. В. Уголовная ответственность за групповые кражи. Омск, 1993. 47 с.
11. Сабиров Р. Д. Уголовно-правовая борьба с насильственными групповыми посягательствами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1981. 197 с.
12. Галиакбаров Р. Р. Эффективность норм института соучастия в преступлении // Некоторые вопросы эффективности уголовного законодательства. Свердловск, 1974.

References

1. Savel'ev D. Legalizovat' otvetstvennost' za gruppovoj sposob soversheniya prestupleniya // Rossijskaya yusticiya. 2001. № 12. S. 49–50.
2. Galiakbarov R. R. Kvalifikaciya mnogosub»ektnyh prestuplenij bez priznakov souchastiya. Habarovsk, 1987. 95 s.
3. Yani P. S. Problemy ponimaniya souchastiya v sudebnoj praktike // Zakonnost'. 2013. № 7. S. 44–49.
4. Makarov S. D. Kvalifikaciya souchastiya v prestuplenii s nenadlezhashchim sub»ektom // Rossijskij sud'ya. 2005. № 8. S. 22–25.
5. Truhin A. Souchastnik prestupleniya // Ugolovnoe pravo. 2006. № 3. S. 46–50.
6. Ugolovnoe pravo Rossijskoj Federacii. Obshchaya chast': uchebnik dlya vuzov / pod red. V. S. Komissarova, N. E. Krylovoj, I. M. Tyazhkovej. M.: Statut, 2012. 466 s. [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
7. Kozlov A. P. Souchastie. Tradicii i real'nost'. SPb., 2001. 359 s.
8. Galiakbarov R. R. Kvalifikaciya gruppovyh prestuplenij. M., 1980. 80 s.
9. Kriger G. A. Kvalifikaciya hishchenij socialisticheskogo imushchestva. M., 1971. 336 s.
10. Veklenko V. V. Ugolovnaya otvetstvennost' za gruppovye krazhi. Omsk, 1993. 47 s.
11. Sabirov R. D. Ugolovno-pravovaya bor'ba s nasil'stvennymi gruppovymi posyagatel'stvami: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Sverdlovsk, 1981. 197 s.
12. Galiakbarov R. R. Effektivnost' norm instituta souchastiya v prestuplenii // Nekotorye voprosy effektivnosti ugolovnogo zakonodatel'stva. Sverdlovsk, 1974.

Информация об авторе

Ю. А. Власов — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

Yu. A. Vlasov — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.10.2025; одобрена после рецензирования 01.11.2025; принята к публикации 25.11.2025.

The article was submitted 28.10.2025; approved after reviewing 01.11.2025; accepted for publication 25.11.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 144–151.
Altai Law Journal. 2025. № 4 (52). P. 144–151.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.98

ОСМОТР МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ФАКТУ НЕЗАКОННОЙ РУБКИ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ ПРИ СОКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПУТЕМ ПОДЖОГА

Михаил Юрьевич Гераськин¹, Ирина Владимировна Харченко², Анатолий Александрович Шеков³

^{1,2} Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

¹ a258a216@mail.ru

² irina_kharchenko_irina@mail.ru

³ Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, shek@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена особенностям проведения такого следственного действия, как осмотр места происшествия по факту одного из распространенных экологических преступлений — незаконной рубки леса. Особенностью преступлений такого рода является то, что преступники часто используют различные способы, позволяющие полностью уничтожить следы преступного деяния (чаще всего путем поджога). В статье рассмотрены особенности осмотра места происшествия в случае поджога лесных насаждений, причем подробно описаны наиболее распространенные на практике случаи инсценировки преступниками возникновения пожара от причин, не связанных с искусственным инициированием возгорания.

Ключевые слова: экологические преступления, незаконная рубка леса, кража лесных ресурсов, осмотр места происшествия, поджог, инсценировка возникновения пожара, очаг пожара

Для цитирования: Гераськин М. Ю., Харченко И. В., Шеков А. А. Осмотр места происшествия по факту незаконной рубки лесных насаждений при сокрытии преступления путем поджога // Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 144–151.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

EXAMINATION OF THE SCENE OF THE ILLEGAL LOGGING OF FOREST PLANTATIONS DURING ATTEMPTS TO CONCEAL A CRIME BY ARSON

Mikhail Yu. Geraskin¹, Irina V. Kharchenko², Anatoly A. Shekov³

^{1,2} Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia

¹ a258a216@mail.ru

² irina_kharchenko_irina@mail.ru

³ East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia, shek@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the specifics of conducting such an investigative action as an inspection of the scene of an incident on the fact of one of the most common environmental crimes — illegal logging. A feature of crimes of this kind is that criminals often use various methods to completely destroy the traces of a criminal act (most often by arson). The authors emphasize that only a high-quality inspection of the scene with the involvement of specialists of various profiles will allow identifying, record and removing all traces. The article discusses the specifics of examining the scene of an incident in the case of arson of forest plantations, and describes in detail the most common cases in practice where criminals stage a fire for reasons unrelated to artificial ignition, that is, arson.

Keywords: environmental crimes, illegal logging, theft of forest resources, inspection of the scene, arson, staging of a fire, a fire source

For citation: Geraskin M. Yu., Kharchenko I. V., Shekov A. A. Examination of the scene of the illegal logging of forest plantations during attempts to conceal a crime by arson. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2025;4:144–151 (In Russ.).

Незаконная рубка лесных насаждений и нелегальный оборот лесоматериалов являются наиболее острыми проблемами российского лесного сектора и негативно влияют на экологическую и экономическую безопасность государства. Так, в 2024 г. по результатам дистанционного мониторинга лесов выявлено 1,2 тыс. нарушений с объемом незаконно заготовленной древесины 0,13 млн куб. м [1]. Особенностью таких преступлений является то, что они совершаются в отдаленных, малолюдных местах, с использованием преступниками различных способов, позволяющих полностью уничтожить следы преступного деяния (в т. ч. с помощью поджога). Только квалифицированный качественный осмотр места происшествия дает возможность выявить следы и зафиксировать обстановку на месте происшествия, произвести оценку причиненного ущерба.

В соответствии с поставленными целями при производстве осмотра места происшествия (далее — ОМП) по факту незаконной рубки леса членами следственно-оперативной группы (далее — СОГ) решаются следующие задачи:

- установление события преступления и обстоятельств его совершения (фактов кражи леса с лесных участков лесхоза, незаконной рубки лесных насаждений; времени совершения преступления, способа и т. п.);

- установление месторасположения и границ места преступления (участка, где совершена незаконная рубка лесных насаждений);

- непосредственная фиксация обстановки на месте происшествия; выявление и фиксация следов, способствующих как установлению причиненного ущерба лесным насаждениям, так и установлению лиц, причастных к совершению преступления, а также свидетелей (очевидцев);

- предварительное исследование и изъятие следов, указывающих как на конкретных лиц, причастных к совершению преступления, так и на способ его совершения;

- выдвижение и первоначальная проверка версий о событии преступления, способе его совершения и об его участниках [2, с. 316–318].

Основными объектами осмотра при выявлении фактов незаконной рубки лесных насаждений являются:

- территория, на которой произошло преступление или обнаружены следы или предметы, связанные с ним: пилорамы¹, лесные участки лесхозов², помещения (склады лесхозов и пилорам, сортировочные площадки, расположенные на них);

- участки леса (кварталы, выделы);

- участки местности (прилегающая территория, лесные поляны и дороги; место нахождения транспортного средства, на которое производилась погрузка, а также прилегающие дороги, транспортное шоссе, трасса и т. д.);

- транспортные средства и иные предметы и объекты.

С целью предотвращения утраты следов или внесения изменений в обстановку места происшествия в результате воздействия каких-либо факторов (например, погодных условий (дождь, снег, ветер), в результате действия лиц, животных и т. д.) осмотр необходимо провести в кратчайшие сроки.

При работе на месте происшествия в обязательном порядке проводят необходимые измерения с целью определения места расположения участка предполагаемой незаконной рубки: расстояния от его границ до деляночных столбов, лесных просек и других ориентиров, таких как дорога, отдельно стоящие здания, линии электропередач и др. При осмотре места происшествия используются планы, схемы, карты лесного хозяйства. Для осмотра труднодоступных, отдаленных мест или больших территорий применяются спутниковое навигационное оборудование (спутниковые GPS-навигаторы), в т. ч. работников лесного хозяйства, участвующих в ОМП, или беспилотные летательные аппараты.

При ОМП по факту незаконной рубки следует придерживаться следующей последовательности действий:

1. Место рубки (выдел), месторасположения стоянки лесорубов (кострище, шалаш, палатка, места стоянки техники и т. п.) с целью выявления, фиксации и изъятия максимального количества следов (объектов) для установления лиц, причастных к совершению преступления.

2. Постепенно расширяются границы осмотра до места непосредственной вырубki, при этом учитываются прилегающие лесные дороги и территории.

3. Особое внимание обращается на спиленные ветки, сучки, вершины деревьев с целью выявления следов применения инструментов (такие

бревен и брусьев различных пород древесины на пиломатериалы.

² Лесхоз — лесное хозяйство, предприятие, осуществляющее разведение, рубку леса и т. п., является юридическим лицом с полной хозяйственной и финансовой самостоятельностью.

¹ Пилорама — предприятие, где занимаются распиловкой бревен. Также пилорама — это деревообрабатывающий станок, предназначенный для продольной распиловки

объекты изымаются целиком либо с них делаются поперечные спилы), а также на щепки, пни, места складирования.

4. Осматриваются кострища, места приема пищи, ночлега с целью выявления различных следов (автотранспортных средств, горюче-смазочных материалов (далее — ГСМ), биологического происхождения и др.), а также предметов (брошенных запчастей, инструментов и пр.).

5. Осмотр дороги на территории лесхоза, осмотр пилорам, складских помещений, при этом фиксируется:

- при осмотре дороги — все обнаруженные следы транспортных средств (от лесовоза, гусеничного трактора, крана, трала, грузовой машины и др.); следы волочения, складирования леса;
- на деревообрабатывающих станках пилорам — свежие опилки коры и обработанной древесины (брус, рейки и пр.);
- при осмотре леса (древесины) — точный его объем, вид древесины, способ рубки и обработки (следы распила) и транспортировки (следы трелёвки¹).

6. Обнаруживаются следующие следы:

- трасологические следы: автотранспортных средств (в зависимости от времени года могут быть следы протекторов шин, полозьев саней, гусеничного транспорта, колес тележек, опор крана гидроманипулятора и др.); разруба и распила древесины, свидетельствующие об использовании таких инструментов, как различного рода пилы, топоры и т. д., следы подошвы обуви;
- следы горюче-смазочных материалов: пролитого топлива транспортных средств, различных смазочных материалов, применяемых как при эксплуатации транспорта, так и инструментария, используемого для валки, следы лакокрасочных покрытий (далее — ЛКП) от используемого транспорта, инструментов (для выявления со стволов деревьев делаются сколы);
- оставленные на месте происшествия преступниками по недосмотру орудия преступления (бензопилы, топоры и др.) в том виде и состоянии, в котором они обнаружены²;
- транспортные средства, обнаруженные на месте происшествия или на прилегающей терри-

тории (или при проведении иных следственных действий), следы и объекты, выявленные при его осмотре (частицы почвы, растений, стружка, опилки и т. п.)³;

- волокна и фрагменты волокнистых материалов (от одежды, перчаток, рукавиц и пр. преступников), на стволах деревьев, пиломатериале и т. п.;
- дактилоскопические следы: следы рук на забытых орудиях преступления и (или) различных предметах и т. д. Следует отметить, что следы рук, непригодные для идентификации, представляют собой потожировые выделения, которые являются объектами экспертизы тканей и выделений человека;

- следы биологического происхождения: слюны на посуде, окурках; потожировые следы, следы крови (от возможных травм, полученных преступниками при разрубе и распиле древесины и т. п.).

Особое внимание уделяется осмотру, измерению и описанию пней, поврежденных деревьев и лесоматериалов:

- пни последовательно осматриваются на всей территории рубки: измеряются (диаметр и высота), подсчитываются (наносится нумерация) с указанием местоположения на схеме. Также на схеме указывается направление падения деревьев. В протоколе фиксируются пояснительная информация специалистов (государственного лесного инспектора, специалиста, обладающего техническими знаниями, ботаника и др.), касающаяся характеристик леса (древесины), вида, породы срубленных и/или поврежденных деревьев и их заболеваний, наличия на стволах маркировочных обозначений и их значений, следов повреждений от инструментов, применяемых для рубки и т. п.;
- поврежденные деревья осматриваются, при участии специалистов с помощью технических средств измеряются и описываются диаметр ствола, высота, размеры повреждений, производится отбор образцов в местах повреждений;
- лесоматериалы (в местах складирования) подсчитываются, устанавливаются характеризующие признаки, производятся замеры длины бревен, диаметр верхних и нижних торцов, с которых производят поперечные спилы.

При осмотре места происшествия, помимо выявления, фиксации и изъятия всех следов и предметов, имеющих отношение к совершенному преступлению, специалист производит отбор об-

¹ Трелёвка древесины — это транспортировка поваленных деревьев, хлыстов (стволов, отделенных от корневой системы и очищенных от сучьев), сортиментов (определенных частей срубленного дерева) из участков валки до места погрузки.

² Орудия преступления также могут быть изъяты не только при ОМП, но и в рамках других следственных действий.

³ Для проведения сравнительного исследования отбирают контрольные образцы почвы, растений, коры деревьев и мха с места происшествия и прилегающей территории.

разцов спилов деревьев для последующего сравнительного исследования:

- образцы спилов деревьев со следами (признаками), образовавшимися в результате применения бензопил при совершении преступления. На поверхности спила пней или срубов (т. е. на натуральных объектах) отображаются две группы признаков (следов): трасологические следы, оставленные в результате применения бензопилы; следы, отображающие функциональные признаки человека (профессиональные навыки, телосложение лесоруба);

- экспериментальные образцы спилов, получаемые в случае обнаружения орудий преступления (бензопил и др.) или при установлении лиц, подозреваемых в совершении преступлений¹.

В зависимости от конкретных обстоятельств специалист должен исходить из соображений оптимальности и выбирать способ отбора образцов самостоятельно. Так, в некоторых случаях достаточно будет зафиксировать отображенные следы методом фотографирования.

При расследовании преступлений, связанных с хищением леса и незаконной рубкой лесных насаждений, для выяснения обстоятельств их совершения и установления виновных лиц назначаются экспертизы: криминалистические (трасологическая, дактилоскопическая и др.), ботаническая, дендрохронологическая, почвоведческая, экспертиза материалов, веществ и изделий, автотехническая и др.

Поскольку целью таких преступлений, как незаконная рубка лесных насаждений, является получение максимально возможной прибыли от незаконной реализации древесины, то субъекты этого вида преступлений очень часто стараются максимально обезопасить себя от возможного привлечения к уголовной ответственности, используя такой способ, позволяющий практически полностью уничтожить следы преступления, как поджог [3].

Одна из основных проблем, возникающих перед правоохранительными органами при обнаружении следов лесного пожара, состоит в том, что очень часто преступники для сокрытия сле-

дов преступления создают на месте происшествия следовую картину (из специально подготовленных следов и объектов) с целью введения в заблуждение следствия относительно технической причины возникновения пожара (т. е. пытаются направить расследование по ложному пути). Поэтому для установления факта поджога, т. е. инициирования пламенного горения лесных горючих материалов (далее — ЛГМ) при помощи источника открытого огня, необходимо обязательно привлечение к ОМП пожарно-технического эксперта. К основным задачам последнего при осмотре места пожара относятся:

- фиксация и анализ термических повреждений на месте происшествия;
- установление путей распространения огня;
- выявление очаговых признаков (в совокупности с различными другими данными, например пирологическими характеристиками ЛГМ, метеоданных (направление ветра) и т. п.), на основании анализа которых устанавливается местоположение очага (очагов) пожара, их количество и взаимосвязь;
- установление механизма возникновения горения в очаговых зонах, а также динамики развития пожара;
- обнаружение признаков преступления;
- установление причины возникновения пожара с технической точки зрения [4, с. 60].

Согласно действующей методике определение технической причины возникновения пожара (явления, обуславливающего возникновение пожара) производится методом последовательного выдвижения, проверки и исключения (подтверждения) экспертных версий о возможных причинах пожара исходя из наличия тепловых источников загорания и возможности воспламенения горючих материалов от этих источников [5, с. 443–444].

Возникновение любого пожара всегда связано с наличием в очаговой зоне источника загорания, служащего инициирующим импульсом для возникновения горения и непосредственно связанного с технической причиной пожара. В соответствии с действующей методикой установления причины пожара, выдвижение и проверка экспертных версий о тепловом источнике и причине пожара проводится исходя из месторасположения очага пожара, установленного факта наличия материальных следов, характерных для вида теплового источника. Для этого прежде всего устанавливаются факты наличия в районе очага пожара и (или) прилегающей зоне горения приборов, оборудования, веществ и материалов, способных

¹ Отбор сравнительных и экспериментальных образцов спилов проводится не в рамках осмотра места происшествия, а оформляется протоколом другого следственного действия — отбора образцов для сравнительного исследования. Качество экспериментальных следов зависит от породы дерева, его влажности, прочности и других параметров. В каждом конкретном случае, учитывая степень отображения следов и их выраженность, специалист должен определить способ получения этих образцов.

послужить потенциальными источниками возникновения горения. Далее выявляются характерные признаки наличия пожароопасных процессов или их отсутствия на средствах, ранее находившихся или обнаруженных после пожара в районе очага пожара и (или) прилегающих участках зоны горения.

С точки зрения расследования при выявлении признаков незаконной рубки леса с последующим сокрытием этого факта путем поджога решающее значение приобретает выявление таких признаков преступления, как искусственное инициирование горения, т. е. установление антропогенной причины лесного пожара (связанной с прямым влиянием человека на лесную экосистему) [6, с. 26–32].

При рассмотрении версии о возникновении лесного пожара от искусственного инициирования (поджога) перед экспертом встает непростая задача: дифференцировать искусственное инициирование горения (поджог) от случаев применения открытого огня (разжигание костров, сжигание порубочных остатков, палов травы и др.). Здесь пожарно-техническому эксперту необходимо использовать свои знания о признаках, квалифицирующих поджог:

- наличие двух и более независимых друг от друга очагов пожара, т. е. пространственно не связанных между собой общей площадью горения;
- наличие следов (остатков) сосредоточения ЛГМ либо применения легковоспламеняющихся (далее — ЛВЖ) или горючих жидкостей (далее — ГЖ) в зоне (зонах) очага пожара, используемых для гарантированного воспламенения ЛГМ;
- наличие самодельных зажигательных устройств (т. е. специальных технических средств или заранее приготовленных зажигательных приспособлений, обеспечивающих большую надежность и конспирацию при осуществлении преступных действий, а также гарантирующих заданное время воспламенения) или их остатков в районе очага пожара [7];
- выявление следов намеренного создания условий для возникновения пожара от причин, имитирующих случайность, неумышленное нарушение мер пожарной безопасности или неосторожность;
- сочетание всех вышеуказанных факторов [8, с. 3–4].

Задачей субъекта преступления достаточно часто является моделирование с помощью различных средств на месте происшествия условий, позволяющих при поверхностно проведенном ОМП отнести причину возникновения пожара к техногенным (связанным с работой техники, оборудования и др. в лесной зоне) либо к природным, т. е. вызванным природными явлениями: молниями, погодными условиями, самовозгораниями ЛГМ и т. д.

Наиболее часто способами инсценировки возникновения лесного пожара в зоне незаконной вырубki леса от причин техногенного либо природного характера являются:

1. Оставление субъектом преступления в зоне очага пожара осколков стекла, имеющих правильную округлую форму, пустых или заполненных водой стеклянных емкостей, способных к фокусированию солнечных лучей (рис. 1). Данное явление заключается в том, что лучи солнца, проходя через изделия, изготовленные из прозрачных (светопропускаемых) материалов, могут распространяться в виде сходящегося потока. В этом случае энергия солнечных лучей концентрируется на определенном расстоянии от предмета (в данном случае ЛГМ), которое называется фокусным расстоянием. В точке концентрирования лучей (фокусе) энергия достигает максимального значения. Если в фокусе поместить какой-либо предмет, то разогрев в месте концентрации солнечных лучей может достичь нескольких сот градусов Цельсия с последующим возгоранием ЛГМ.

При инсценировке возникновения пожара вследствие воспламенения сухой травы от фокусирования солнечных лучей преступники часто не учитывают, что с технической точки зрения возникновение пожара возможно при соблюдении определенных условий, а именно:

- наличия солнечной погоды;
- наличия в центре очаговой зоны предмета определенной формы (см. выше), способного фокусировать лучи солнца;
- наличие в фокусе, образовавшемся при прохождении солнечных лучей через данный предмет, ЛГМ с относительно невысокой температурой самовоспламенения (или температурой тления), значение которой ниже значения температуры разогрева в фокусе;

Рисунок 1. Стекла́нная бутылка и порубочные остатки в зоне горения

- строго определенное взаиморасположение солнца, фокусирующего предмета и горючего материала;

- развитие в точке фокусирования солнечных лучей температуры, достигающей температуры самовоспламенения (или тления) ЛГМ с соответствующими пирологическими характеристиками.

2. Моделирование преступником электротехнического аварийного режима. При имитации возникновения пожара по этой причине субъекты преступления часто не учитывают, что с технической точки зрения возникновение пожара возможно при соблюдении определенных условий, а именно:

- наличие воздушной линии электропередачи (далее — ЛЭП) в зоне очага пожара;

- наличие неисправностей воздушной ЛЭП, зафиксированных в специальных журналах предприятий (график осмотров ЛЭП), их обслуживающих;

- наличие признаков аварийных режимов работ ЛЭП (обрыв провода и замыкание на землю, замыкание воздушной линии на опору ЛЭП, повреждение изоляции и т. п.).

3. Оставление субъектом преступления в очаговой зоне тлеющих табачных изделий, т. е. попытка представить в качестве технической причины пожара возникновение горения от малоразмерного источника зажигания. При попытке имитации возникновения пожара по этой причине преступники часто не учитывают, что с технической точки зрения возникновение пожара по указанной причине возможно также при соблюдении таких условий, как:

- вещество, вступающее в контакт с тлеющим табачным изделием (мхи, лишайники, подстилка, верхний торфяной слой почвы) должны быть склонны к самоподдерживающемуся тлению;

- наличие благоприятных для возгорания метеоусловий (отсутствие в течение длительного периода времени осадков): влагосодержание напочвенного покрова должно быть минимальным. При содержании в лесной растительности более 21 % влаги зажигание травы или кустарника от малоразмерного источника зажигания, тем более низкой энергетики, крайне маловероятно [4, с. 108–111].

4. Моделирование преступником возникновения пожара от тлеющих углей костров (которые также можно квалифицировать как малоразмерные источники зажигания). Следует указать на особые условия, позволяющие тлению развиваться до режима пламенного горения:

- особые погодные условия, благоприятные для возгорания, т. е. засуха, что позволит снизить содержание влаги в ЛГМ до минимума;

- местоположение кострища (костер, разведенный на корнях и под нависающими ветвями деревьев, под камнями, может долго тлеть без перехода в пламенный режим);

- наличие сильного ветра.

Задача как специалиста (привлекаемого пожарно-технического эксперта), так и других членов следственно-оперативной группы состоит в выявлении наличия или отсутствия указанных в пунктах 1–4 условий, что позволит установить реальную, а не смоделированную техническую причину пожара. Роль специалиста при ОМП по таким

фактам является чрезвычайно важной и состоит не только в выявлении всех возможных источников загорания, выдвижении версий причины возникновения лесного пожара, но и в выявлении признаков искусственного инициирования горения ЛГМ, т. е. поджога.

Таким образом, качественный осмотр места происшествия по факту незаконной рубки или кражи леса с привлечением квалифицированных специалистов дает возможность не только зафиксировать обстановку на месте происшествия и произвести оценку причиненного ущерба, но и выявить комплекс следов, указывающих как на способ со-

вершения преступления, так и на конкретных лиц, причастных к нему, а также установить различные обстоятельства, имеющие значение для раскрытия и расследования данного преступления.

В случае возникновения пожара после незаконной вырубки или кражи леса привлечение к ОМП пожарно-технического эксперта поможет определить причину возникновения пожара с технической точки зрения и установить как факт имитации возникновения лесного пожара от причин техногенного либо природного характера, так и реальную причину — в результате искусственного инициирования горения, т. е. поджога.

Список источников

1. Лесные ресурсы. URL: https://www.mnr.gov.ru/theme/lesnye_resursy/ (дата обращения: 30.06.2025).
2. Боловинов А. В., Данилова С. И., Корнева Л. С. [и др.] Руководство для следователей по осмотру места происшествия: учебно-практическое пособие / под ред. И. А. Попова, Г. В. Костылевой, Н. Е. Муженской. М.: Проспект, 2015. 440 с.
3. Количество лесных пожаров в 2024 году. URL: <https://rosleshoz.gov.ru/news/federal/rosleskhoz-v-2024-kolichestvo-lesnykh-pozharov-sokratilos-v-1-5-raza-v-sravnении-so-srednepyatiletnimi-znacheniyami-n11213//> (дата обращения: 30.06.2025).
4. Зернов С. И., Павлов Е. Ю. Первоначальные действия по факту пожара: учебно-практическое пособие. М.: Академия ГПС МЧС России, 2005. 158 с.
5. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств / под ред. А. Ю. Семенова; общ. ред. канд. техн. наук В. В. Мартынова. М.: ЭКЦ МВД России, 2012. Ч. II. 800 с.
6. Чешко И. Д., Парийская А. Ю., Принцева М. Ю. [и др.] Экспертное исследование природных пожаров: методическое пособие. СПб.: СПб. университет ГПС МЧС России, 2019. 252 с.
7. Гераськин М. Ю., Дашко Л. В., Харченко И. В. [и др.] Самодельные зажигательные устройства как объект криминалистического исследования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4 (99). С. 189–201.
8. Зернов С. И., Галишев М. А., Чешко И. Д. Обнаружение и идентификация инициаторов горения различной природы при отработке версий о поджоге: методические рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России, 1998. 48 с.

References

1. Lesnye resursy. URL: https://www.mnr.gov.ru/theme/lesnye_resursy/ (data obrashcheniya: 30.06.2025).
2. Bolovinov A. V., Danilova S. I., Korneva L. S. [i dr.] Rukovodstvo dlya sledovatelej po osmotru mesta proisshestviya: uchebno-prakticheskoe posobie / pod red. I. A. Popova, G. V. Kostylevoj, N. E. Muzhenskoj. M.: Prospekt, 2015. 440 s.
3. Kolichestvo lesnykh pozharov v 2024 godu. URL: <https://rosleshoz.gov.ru/news/federal/rosleskhoz-v-2024-kolichestvo-lesnykh-pozharov-sokratilos-v-1-5-raza-v-sravnении-so-srednepyatiletnimi-znacheniyami-n11213//> (data obrashcheniya: 30.06.2025).
4. Zernov S. I., Pavlov E. Yu. Pervonachal'nye dejstviya po faktu pozhara: uchebno-prakticheskoe posobie. M.: Akademiya GPS MChS Rossii, 2005. 158 s.
5. Tipovye ekspertnye metodiki issledovaniya veshchestvennykh dokazatel'stv / pod red. A. Yu. Semenova; obshch. red. kand. tekhn. nauk V. V. Martynova. M.: EKC MVD Rossii, 2012. Ch. II. 800 s.
6. Cheshko I. D., Parijskaya A. Yu., Princeva M. Yu. [i dr.] Ekspertnoe issledovanie prirodnih pozharov: metodicheskoe posobie. SPb.: SPb. universitet GPS MChS Rossii, 2019. 252 s.
7. Geras'kin M. Yu., Dashko L. V., Harchenko I. V. [i dr.] Samodel'nye zazhigatel'nye ustrojstva kak ob'ekt kriminalisticheskogo issledovaniya // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 4 (99). S. 189–201.

8. Zernov S. I., Galishev M. A., Cheshko I. D. Obnaruzhenie i identifikaciya iniciatorov goreniya razlichnoj prirody pri otrabotke versij o podzhoge: metodicheskie rekomendacii. M.: EKC MVD Rossii, 1998. 48 s.

Информация об авторах

И. В. Харченко — кандидат биологических наук, доцент.

А. А. Шеков — кандидат химических наук, доцент.

Information about the authors

I. V. Kharchenko — Candidate of Science (Biological), Associate Professor.

A. A. Shekov — Candidate of Science (Chemical), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 24.03.2025; одобрена после рецензирования 02.09.2025; принята к публикации 25.11.2025.

The article was submitted 24.03.2025; approved after reviewing 02.09.2025; accepted for publication 25.11.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 152–159.

Altai Law Journal. 2025. № 4 (52). P. 152–159.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.985.2

ТАКТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОХРАННОСТИ И ПОИСКА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ГОЛОСОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ОСМОТРОВ, ОБЫСКА

Степан Евгеньевич Гольцов

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, S.E.Goltsov@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время одними из самых распространенных видов преступлений, в механизме совершения которых используется голос и речь человека, являются мошенничества, совершенные дистанционным способом, вымогательства, взяточничество и др. В механизме подобных противоправных деяний преступники активно вступают в вербальную коммуникацию с потерпевшими, в результате чего образуется голосовая информация, выступающая основой социальной инженерии. Основными процессуальными средствами получения криминалистически значимой голосовой информации, содержащейся в пользовательском оборудовании и на электронных носителях информации, выступают следственные осмотры и обыск. Однако в криминалистической науке до сегодняшнего дня не были отражены тактические условия собирания криминалистически значимой голосовой информации, содержащейся на электронных носителях информации и в пользовательском оборудовании, в частности, для обеспечения ее сохранности и поиска при производстве следственных осмотров, обыска. В статье раскрываются вышеназванные условия.

Ключевые слова: голосовая информация, электронные носители информации, пользовательское оборудование, следственный осмотр, обыск

Для цитирования: Гольцов С. Е. Тактические условия обеспечения сохранности и поиска криминалистически значимой голосовой информации при производстве следственных осмотров, обыска // Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 152–159.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

TACTICAL CONDITIONS FOR ENSURING THE SAFETY AND SEARCH OF CRIMINALLY SIGNIFICANT VOICE INFORMATION DURING INVESTIGATIVE INSPECTIONS, SEARCHES

Stepan E. Goltsov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, S.E.Goltsov@yandex.ru

Abstract. Currently, some of the most common crimes committed using human voice and speech include remote fraud, extortion, bribery, and others. In these types of crimes, criminals actively engage in verbal communication with victims, resulting in the generation of voice data that serves as the basis for social engineering. The primary procedural means for obtaining forensically significant voice data stored on user equipment and electronic storage media are investigative inspections and searches. However, to date, forensic science has not addressed the tactical requirements for collecting forensically significant voice data stored on electronic storage media and user equipment, particularly for ensuring its preservation and retrieval during investigative inspections and searches. This article explores these requirements.

Keywords: voice information, electronic media, user equipment, investigative inspection, search

For citation: Goltsov S. E. Tactical conditions for ensuring the safety and search of criminally significant voice information during investigative inspections, searches. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;4:152–159 (In Russ.).

Актуальность настоящей статьи определяется процессом цифровой трансформации преступности, выражающимся в росте количества преступлений, в механизме которых задействуются методы социальной инженерии, мобильная связь, цифровые технологии анонимизации, синтеза, генерации и модификации голосовых сообщений, виртуальной подмены абонентских номеров, сервисы IP-телефонии.

По данным МВД России, только в течение 2024 г. было совершено 346 035 преступлений с использованием мобильной связи, 649 064 с использованием сети Интернет, что на 14,3 % и 23,2 % соответственно больше аналогичных показателей прошлого года. Из них 379 762 (38,2 %) — мошенничества, раскрываемость которых за 2024 год составила 4577 (10,1 %) [1].

В январе — августе 2025 г. число зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, составило 473 389, из которых 242 783 (51,3 %) — мошенничества [2], что подтверждает актуальность дальнейшей борьбы с такими преступлениями.

В большинстве случаев лица, совершающие подобные преступления, активно вступают в вербальную коммуникацию с потерпевшим. В результате этого образуется голосовая информация, выступающая основой механизма социальной инженерии, которая, помимо ее передачи посредством сетей связи, сохраняется на электронных носителях информации и в пользовательском оборудовании¹, а следственными действиями, объединенными единой целью — ее получением с таких носителей, выступают следственные осмотры и обыск.

Актуальность решения проблем, связанных с цифровой трансформацией преступности, подчеркивалась Президентом Российской Федерации Владимиром Владимировичем Путиным на расширенной коллегии МВД России, состоявшейся 5 марта 2025 г., который отметил, что необходимо обратить дополнительное внимание на раскрываемость преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, а также на поиск новых, более эффективных методов борьбы с этой угрозой, в т. ч. в рамках

единой системы противодействия подобным преступлениям, поскольку ущерб от них превысил 200 млрд рублей [3].

Председатель Следственного комитета России А. И. Бастрыкин отмечает, что правоприменительная практика свидетельствует о необходимости совершенствования способов собирания доказательств, основанных на использовании специальных технических средств для получения и фиксации доказательственной информации, в т. ч. содержащейся на электронных носителях информации [4, с. 43]. Не является исключением и получение криминалистически значимой голосовой информации, хранящейся на таких носителях.

Проведенное анкетирование следователей системы МВД России показало, что в настоящий момент 85 % следователей органов предварительного следствия системы МВД России нуждаются в тактических рекомендациях по получению криминалистически значимой голосовой информации².

При этом в криминалистической науке до настоящего времени не получили своего разрешения вопросы тактических условий ее сохранности и поиска с учетом современного развития информационно-телекоммуникационных технологий.

В ходе подготовки диссертационного исследования на тему «Уголовно-процессуальные и тактические основы получения и использования голосовой информации в расследовании преступлений» (далее — диссертационное исследование) автором установлено, что процессуальные средства получения криминалистически значимой голосовой информации, содержащейся в пользовательском оборудовании и на электронных носителях информации, реализуются в конкретной следственной ситуации с учетом ее индивидуальных особенностей, обусловленных влиянием информационных, технических, организационных и иных факторов.

Обеспечить наиболее эффективную реализацию имеющихся в распоряжении следователей (дознавателей) процессуальных средств призвана криминалистическая тактика, рекомендации которой направлены на организацию и планирование производства расследования, применение тактических приемов производства следственных действий, направленных на установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания и пре-

¹ В соответствии с п. 10 ч. 1 ст. 2 Федерального закона Российской Федерации «О связи» пользовательское оборудование (оконечное оборудование) — это технические средства для передачи и (или) приема сигналов электро-связи по линиям связи, подключенные к абонентским линиям и находящиеся в пользовании абонентов или предназначенные для таких целей.

² Результаты анкетирования следователей подразделений МВД России Алтайского, Краснодарского, Приморского краев, Московской области и г. Москвы, проведенного в период с 2022 по 2025 г. по вопросам получения голосовой информации в процессе расследования преступлений.

одоление противодействия [5, с. 84–85] со стороны участников уголовного судопроизводства.

Тактика производства отдельного следственного (процессуального) действия представляет собой систему тактических приемов, последовательность действий, заключающихся в подготовке, производстве, фиксации хода и результатов следственного действия и их оценке, и призвана обеспечить его максимальную эффективность при строжайшем соблюдении законности [6, с. 458]. Ее образуют тактические приемы и тактические рекомендации применительно к подготовительному, рабочему и заключительному этапам следственного действия (в нашем случае — следственных осмотров, обыска). Посредством указанных приемов и рекомендаций разрешаются тактические задачи как «обусловленная ситуационным фактором необходимость использования сложившихся или создания благоприятных для дальнейшего расследования условий криминалистической деятельности путем оказания тактического воздействия на тот или иной объект» [7, с. 111].

В ходе анкетирования следователей системы МВД России автором установлено, что наиболее распространенными следственными действиями, направленными на обеспечение сохранности и поиска криминалистически значимой голосовой информации, содержащейся на электронных носителях информации и в пользовательском оборудовании, потенциально содержащих ее, являются следственные осмотры и обыск (91 %)¹.

Для каждого источника хранения голосовой информации, в т. ч. электронных носителей информации и пользовательского оборудования, характерны свои технические особенности, от которых зависит порядок ее получения. Действия на определенных этапах производства следственных осмотров, обыска, используемые при этом тактические приемы зависят от вида носителя голосовой информации. Например, полученная в ходе подготовки к обыску информация о месторасположении электронных носителей информации, пользовательского оборудования, содержащих криминалистически значимую голосовую информацию, в т. ч. замаскированных под иные цифровые устройства (портативное зарядное устройство, брелок от сигнализации автомобиля и т. п.), позволит следователям (дознателям) целенаправленно

осуществлять поиск подлинных электронных носителей информации и пользовательского оборудования, содержащих криминалистически значимую голосовую информацию, используя при этом тактические приемы по наблюдению за реакцией лиц (нервное напряжение, изменение поведения, действия по отвлечению должностных лиц, осуществляющих обыск, от вероятного местоположения искомых объектов), в помещении которых производится обыск.

В ходе проведенного исследования автором установлено, что особенности криминалистически значимой голосовой информации обуславливают перечень тактических задач, возникающих в процессе ее получения на электронных носителях информации и в пользовательском оборудовании:

- на подготовительном этапе: обеспечение неизменности и сохранности голосовой информации;
- на рабочем этапе: поиск электронных носителей, содержащих голосовую информацию; получение доступа к содержимому памяти пользовательского оборудования;
- на заключительном этапе: фиксация голосовой информации, включающая подзадачи по ее копированию и получению из устройств мобильной связи; изъятие содержащих ее электронных носителей и пользовательского оборудования.

В настоящей статье мы рассмотрим тактические условия решения тактических задач по обеспечению сохранности и поиску криминалистически значимой голосовой информации, содержащейся на электронных носителях информации и в пользовательском оборудовании.

Эффективное решение указанных тактических задач требует соблюдения следующих тактических условий, под которыми понимается комплекс факторов, влияющих на планирование производства следственных осмотров и обыска.

Для обеспечения сохранности криминалистически значимой голосовой информации характерно соблюдение следующих тактических условий:

1. Получение сведений об обстановке на месте производства следственного действия, включая сведения о типе и размерах компьютерного оборудования, его количестве и физических характеристиках. Кроме того, персональные компьютеры могут быть соединены между собой локальной сетью и иметь доступ к информационно-телекоммуникационной сети Интернет посредством подключения с помощью медного кабеля (витой пары) или волоконно-оптической линии связи, либо со-

¹ Результаты анкетирования следователей подразделений МВД России Алтайского, Краснодарского, Приморского краев, Московской области и г. Москвы, проведенного в период с 2022 по 2025 г. по вопросам получения голосовой информации в процессе расследования преступлений.

единения с роутером (WiFi). Значение имеет наличие на месте производства следственного действия источников электромагнитного излучения. Проведение осмотра пользовательского оборудования рядом с устройствами и предметами, которые распространяют электромагнитное излучение, может повлечь невозвратимую утрату криминалистически значимой голосовой информации, хранящейся на электронных носителях. Следует получить сведения об имеющихся в месте производства следственного действия технических средств, которые излучают электромагнитные волны. Некоторые авторы считают, что для этого необходимо провести опрос представителей администрации организации, в которой планируется производство соответствующего следственного действия [8, с. 23], но не поясняют, каким образом. В таком случае целесообразно направить поручение органу дознания о получении информации об указанной технической обстановке. Сотрудники, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, с помощью негласных методов и средств получают указанные сведения, в т. ч. посредством негласного опроса. Следует выяснить возможные способы удаленного уничтожения криминалистически значимой голосовой информации (например, через функцию «Найти iPhone»).

2. Привлекая к производству следственного действия участников, обладающих компетенциями в области информационно-телекоммуникационных технологий, в т. ч. понятых, обладающих познаниями в указанной сфере, специалистов по сетевым технологиям, системам электросвязи [9, с. 100], необходимо убедиться в их компетенции. По возможности следует приглашать в качестве специалистов к участию в следственном действии экспертов МВД России, занимающихся производством судебных компьютерных экспертиз. Например, специалист, обладающий высоким уровнем компетенций в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, сможет осуществить безопасный поиск криминалистически значимой голосовой информации, в т. ч. не активируя программное обеспечение, инициирующее ее автоматическое уничтожение. А понятые будут иметь представление, какие именно действия, направленные на обеспечение ее сохранности, осуществляет специалист.

3. Инструктаж участников следственно-оперативной группы о последовательности действий и выполняемых ими задач: специалист единственный, кто должен совершать действия, направленные на обеспечение сохранности криминалисти-

чески значимой голосовой информации, находящейся на электронных носителях, в пользовательском оборудовании. Оперативные сотрудники не должны допускать кого-либо к такому оборудованию, носителям и не должны позволять создавать препятствия для получения криминалистически значимой голосовой информации — лишить сотрудников организации возможности осуществлять действия, направленные на модификацию, сокрытие, уничтожение голосовой информации, содержащейся в пользовательском оборудовании и на электронных носителях информации. В этих целях лиц, в помещении которых производится следственный осмотр или обыск, необходимо разместить в другом помещении и по возможности изъять у них все электронные носители информации, в т. ч. устройства мобильной связи. Кроме того, в лице инструктирующего вместе со следователем должен выступать специалист, чтобы обнаруженная криминалистически значимая голосовая информация на электронных носителях информации и в пользовательском оборудовании не была утрачена по неосторожности, в результате некачественных действий лиц [10, с. 102], участвующих в производстве следственных осмотров и обыске, по причине ошибок, совершенных при обеспечении ее сохранности.

4. Акцентировать внимание на установленном в пользовательском оборудовании специальном программном обеспечении, запускающем автоматическое уничтожение [11, с. 31] голосовой информации, а также предотвращающем попытки несанкционированного доступа к нему. К индикаторам работы такого программного обеспечения может относиться: массовое удаление файлов без действий пользователя; удаление log-файлов, следов активности; изменение системных процессов (например, отключение резервного копирования); неожиданное завершение работы или перезагрузка после определенных событий (например, ввода неправильного пароля, подключения USB-носителя); снижение производительности компьютера при подключении внешних устройств. В случае если оборудование объединено в единую сеть [12, с. 216], следует учесть, что с ее использованием могут поступить сигналы для уничтожения голосовой информации. Не следует допускать отключения электричества, что может повлечь уничтожение информации в оперативной памяти компьютера.

5. Внезапность [6, с. 513]. Эффект неожиданности проведения обыска минимизирует возможность уничтожения голосовой информации, содер-

жащейся на электронных носителях и в пользовательском оборудовании, принадлежащих лицам, у которых они изымаются.

6. Одновременность производства указанных следственных действий, если предполагается изъять несколько единиц электронных носителей информации и пользовательского оборудования, содержащих голосовую информацию, расположенных в разных местах. По этой причине обыск следует проводить в одно и то же время во всех обнаруженных помещениях, что также снизит риск утраты или уничтожения криминалистически значимой голосовой информации. Некоторые авторы называют подобный обыск групповым [6, с. 569]. Как отмечено выше, персональные компьютеры могут быть подключены в одну единую сеть, для чего необходимо проверить их на наличие соединения с локальными сетями.

Для поиска криминалистически значимой голосовой информации характерно соблюдение следующих тактических условий:

1. Предварительный анализ сведений, полученных в ходе иных следственных и процессуальных действий, а также от органов, осуществляющих ОРД, включая наличие информации об электронных носителях информации и пользовательском оборудовании, предположительно содержащих криминалистически значимую голосовую информацию, потенциально имеющую доказательственное значение, который позволит осуществлять ее целенаправленный поиск и наблюдение за реакцией лиц, в помещении которых происходит следственный осмотр или обыск, о чем упоминалось выше.

2. Получение информации о компетенциях подозреваемых (обвиняемых) в области информационно-телекоммуникационных технологий, что будет содействовать целенаправленному поиску криминалистически значимой голосовой информации. Такие лица могут: использовать шифрование данных (например, VeraCrypt, BitLocker), скрытые разделы на жестких дисках; хранить голосовую информацию в облачных хранилищах (Google Drive, Dropbox, Mega и др.) с двухфакторной аутентификацией, на микрокартах памяти (microSD), вшитых в предметы (часы, ручки, обувь и др.), в устройствах IoT — интернет вещей (умных колонках, видеокамерах, роутерах и др.), на носителях с физическими повреждениями, имитирующими неисправность, в USB-устройствах с функцией Rubber Ducky — маскирующихся под клавиатуру и автоматически вводящих команды; применять стеганографию для сокрытия голосо-

вых сообщений в изображениях, приложениях и других файлах, не предназначенных для ее хранения и передачи.

3. Подготовка криминалистических средств поиска электронных носителей и пользовательского оборудования. К таким средствам относятся нелинейные локаторы «Лорнет», Orion, «Люкс», NR, BWS WH, профессиональные детекторы нелинейных переходов NR900EM [13, с. 9–14]. Они предназначены для обнаружения скрытых жестких дисков, USB-накопителей, SD-карт, звукозаписывающих устройств, выявления технических средств с возможностью удаленного уничтожения голосовой информации.

4. Сбор и анализ ориентирующей информации, включающий установление наличия у обыскиваемых лиц или в помещении, подлежащем обыску, устройств, способных записывать, хранить или передавать голосовую информацию: мобильные телефоны, диктофоны, голосовые помощники (Alexa, Siri, «Алиса» и др.); компьютеры, ноутбуки, планшеты; устройства умного дома с функцией записи (камеры, колонки); облачные аккаунты (Google Drive, iCloud, «Яндекс Диск», облако mail.ru и др.). Определение приоритетных направлений поиска мест (скрытые отсеки — тайники, спальня, серверная комната) вероятного хранения электронных носителей (в т. ч. замаскированных под внешние накопители: microSD, жесткие диски и др.) и пользовательского оборудования предметов (сейфы, шкафы, рабочий стол и др.), потенциально содержащих голосовую информацию.

5. Планирование тактики обыска включает разработку плана, включающего: время и способ (в т. ч. в случаях, не терпящих отлагательства, с применением специальных средств для разрушения запирающих устройств и конструкций или без); распределение ролей: кто контролирует действия лиц, в помещении которых осуществляется обыск, кто изымает технику, кто осуществляет видеозапись.

6. Подготовка технических средств для обеспечения сохранности голосовой информации: экранирующие сумки для устройств мобильной связи для блокировки возможного дистанционного вмешательства в целях уничтожения голосовой информации; устройства для безопасного копирования голосовой информации; аппаратно-программные комплексы (и портативные источники их питания), которые позволяют получать доступ к пользовательскому оборудованию и анализировать имеющуюся в нем голосовую информацию; фото- и видеокамеры с резервным питанием; ком-

плекты для опечатывания (пломбы, бирки, конверты).

7. Использование средств радиоэлектронного подавления, которые предотвращают возможность внешнего вмешательства посредством программ дистанционного доступа через сеть Интернет и мобильную связь, направленных на недопущение приема/передачи голосовой информации, подачу команд на ее передачу с использованием беспроводных компьютерных сетей и сетей мобильной связи.

В ходе проведенного исследования автором установлено, что к средствам радиоэлектронного подавления, применяемым МВД России, может относиться блокиратор сетей связи ЛГШ-725, представляющий собой устройство, функциональное назначение которого заключается в создании помех для каналов связи между абонентскими устройствами (мобильными телефонами) и базовыми станциями операторов сотовой связи. Применяется для блокировки цифровых каналов передачи данных, работающих по стандартам GSM, Bluetooth и WiFi.

Ключевым эксплуатационным преимуществом ЛГШ-725 является простота его настройки и применения, не требующая от оператора наличия узкоспециализированных знаний. Отличительной технической особенностью прибора является архитектура с восемью независимыми каналами регулировки выходной мощности для каждого из частотных диапазонов. Данная функция обеспечивает гибкое конфигурирование зоны подавления в строгом соответствии с поставленными тактико-техническими задачами.

Кроме того, могут быть использованы блокираторы ЛГШ-723, ЛГШ-719, ЛГШ-719 Кейс, ЛГШ-701, ЛГШ-716, ЛГШ-718 в зависимости от того, какие именно сети связи необходимо подавить.

8. Достаточность компетенций специалистов, экспертов и их опыта работы с аппаратно-программными комплексами (далее — АПК), которые в настоящий момент применяются в практической деятельности экспертно-криминалистическими подразделениями МВД России — специалистами при производстве следственных осмотров, обысков, а также экспертами при производстве судебных компьютерных экспертиз:

1. «Мобильный криминалист Эксперт» (разработчик «МКО Системы», Российская Федерация) — позволяет получить доступ к устройствам с операционной системой (далее — ОС) Android, имеющим встроенную технологию аппаратного шифрования информации. Имеет возможность из-

влекать голосовую информацию из сервисов обмена мгновенными сообщениями Viber, WhatsApp, Telegram и др., анализировать полученные данные, расшифровывать резервные копии мобильных устройств, в т. ч. с выключенными и заблокированными. В методах извлечения данных реализованы функции подбора или обхода пароля на блокировку экрана. Функция «Анализ биллингов» позволяет импортировать и анализировать биллинги, полученные от операторов связи в независимости от формата колонок, размера, структуры файла, дающего возможность преобразовать файл в требуемый формат, после чего специалист имеет возможность проанализировать прямые и косвенные связи между звонящими на графе [14, с. 409].

2. АПК «Сегмент-С» (производитель в Российской Федерации ФГУП НИИ «Квант») — позволяет выделять интересующие группы абонентов из трафика базовых приемопередающих станций в определенном месте.

3. PC-3000 Mobile (разработчик ACELab, Российская Федерация) — мобильный АПК, предназначенный для восстановления и (или) извлечения данных, в т. ч. голосовой информации, из мобильных устройств (телефонов, смартфонов, планшетов и др.), где в качестве внутренней памяти применяются твердотельные накопители и микросхемы памяти [15, с. 130]. Позволяет работать с поврежденными устройствами и электронными носителями информации.

4. Elcomsoft iOS Forensic Toolkit (разработчик ООО «Элкомсофт», Российская Федерация) — специализированный продукт для криминалистического исследования устройств Apple на основе iOS (ряд моделей iPhone, iPod Touch, iPad, Apple Watch и Apple TV). Доступны расширения для ОС на базе Windows и Linux. С помощью iOS Forensic Toolkit можно получить полный доступ к информации, хранящейся в поддерживаемых устройствах, включая доступ к расшифрованному образу файловой системы устройства, паролям и иной защищенной информации, включая голосовую [15, с. 130].

Анкетирование следователей показало, что они лично и посредством привлечения специалистов редко используют (7 % случаев использования¹) АПК для поиска криминалистически значимой голосовой информации, содержащейся в пользовательском оборудовании и на электронных но-

¹ Результаты анкетирования следователей подразделений МВД России Алтайского, Краснодарского, Приморского краев, Московской области и г. Москвы, проведенного в период с 2022 по 2025 г. по вопросам получения голосовой информации в процессе расследования преступлений.

сителях информации, что обусловлено низким уровнем информированности о функциональных возможностях указанных комплексов, а также недостаточным обеспечением ими соответствующих экспертных подразделений. Решением указанной проблемы на данный момент является направление соответствующего пользовательского оборудования, содержащего голосовую информацию, для производства судебных компьютерных экспертиз в экспертно-криминалистические подразделения МВД России, укомплектованные рассматриваемыми программными комплексами. Однако перед

назначением экспертизы следователю необходимо в устной форме проконсультироваться у соответствующих экспертов для формулирования вопросов, которые будут разрешаться производством указанной экспертизы.

Таким образом, соблюдение рассмотренных тактических условий позволит эффективно решать тактические задачи по обеспечению сохранности криминалистически значимой голосовой информации, содержащейся на электронных носителях информации и в пользовательском оборудовании, и ее поиску.

Список источников

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2023 и 2024 года // Сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/> (дата обращения: 09.10.2025).
2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — август 2025 года // Сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/70644759/> (дата обращения: 09.10.2025).
3. Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations%20/76408> (дата обращения: 09.10.2025).
4. Бастрыкин А. И. Вопросы совершенствования уголовно-процессуального законодательства в современных условиях // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 41–45.
5. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. 240 с.
6. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г. [и др.] Криминалистика: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. 928 с.
7. Гаврилин Ю. В., Головин А. Ю., Тишутина И. В. Криминалистика в понятиях и терминах: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под общ. ред. А. Ю. Головина. М., 2006. 384 с.
8. Гребенюк О. А., Жидков Д. Н., Макарова Е. Н. [и др.] Тактика обнаружения, изъятия и осмотра средств электронных носителей информации и их подготовки для назначения судебных экспертиз: учебно-практическое пособие. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. 48 с.
9. Гайнелзянова В. Р. Организационно-тактические особенности осмотра места происшествия в ходе расследования неправомерного доступа к компьютерной информации // Научный портал МВД России. 2022. № 4 (60). С. 98–104.
10. Нугаева Э. Д., Низаева С. Р., Гайнелзянова В. Р. [и др.] Особенности первоначального этапа расследования неправомерного доступа к компьютерной информации: учебно-методическое пособие. Уфа: Уфимский юридический институт МВД России, 2023. 96 с.
11. Гурьянова В. Р., Тугузбаев Г. А., Ишмеева А. С. [и др.] Противодействие преступлениям, совершаемым с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий: отдельные аспекты: учебное пособие. Уфа: Уфимский юридический институт МВД России, 2023. 48 с.
12. Гаврилин Ю. В., Пинкевич Т. В., Мартыненко Н. Э. Организация противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: учебник: в 2 ч. / под общ. ред. Ю. В. Гаврилина. М.: Академия управления МВД России, 2024. Ч. 1. 304 с.
13. Багмет А. М. Актуальные вопросы применения криминалистической техники для получения информации, содержащейся в мобильных электронных устройствах // Вестник криминалистики. 2013. № 4 (48). С. 9–14.
14. Криминалистика: учебник / под ред. В. П. Лаврова. Душанбе, 2022. 660 с.
15. Севастьянов П. В. Цифровые технологии фиксации невербальной доказательственной информации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 194 с.

References

1. Kratkaya harakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii za yanvar'-dekabr' 2023 i 2024 goda // Sajt MVD Rossii. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/> (data obrashcheniya: 09.10.2025).
2. Kratkaya harakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii za yanvar' — avgust 2025 goda // Sajt MVD Rossii. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/70644759/> (data obrashcheniya: 09.10.2025).
3. Oficial'nyj sajт Prezidenta Rossii. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations%20/76408> (data obrashcheniya: 09.10.2025).
4. Bastrykin A. I. Voprosy sovershenstvovaniya ugovolno-processual'nogo zakonodatel'stva v sovremennyh usloviyah // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 7. S. 41–45.
5. Belkin R. S. Kriminalistika: problemy segodnyashnego dnya. Zlobodnevnye voprosy rossijskoj kriminalistiki. M., 2001. 240 s.
6. Aver'yanova T. V., Belkin R. S., Koruhov Yu. G. [i dr.] Kriminalistika: uchebnik. 4-e izd., pererab. i dop. M.: Norma: INFRA-M, 2023. 928 s.
7. Gavrilin Yu. V., Golovin A. Yu., Tishutina I. V. Kriminalistika v ponyatiyah i terminah: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchihsya po special'nosti «Yurisprudenciya» / pod obshch. red. A. Yu. Golovina. M., 2006. 384 s.
8. Grebenyuk O. A., Zhidkov D. N., Makarova E. N. [i dr.] Taktika obnaruzheniya, iz'yatiya i osmotra sredstv elektronnyh nositelej informacii i ih podgotovki dlya naznacheniya sudebnyh ekspertiz: uchebno-prakticheskoe posobie. SPb.: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2020. 48 s.
9. Gajnel'zyanova V. R. Organizacionno-takticheskie osobennosti osmotra mesta proisshestviya v hode rassledovaniya nepravomernogo dostupa k komp'yuternoj informacii // Nauchnyj portal MVD Rossii. 2022. № 4 (60). S. 98–104.
10. Nugaeva E. D., Nizaeva S. R., Gajnel'zyanova V. R. [i dr.] Osobennosti pervonachal'nogo etapa rassledovaniya nepravomernogo dostupa k komp'yuternoj informacii: uchebno-metodicheskoe posobie. Ufa: Ufimskij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2023. 96 s.
11. Gur'yanova V. R., Tuguzbaev G. A., Ishmeeva A. S. [i dr.] Protivodejstvie prestupleniyam, sovershaemym s ispol'zovaniem sovremennyh informacionno-telekommunikacionnyh tekhnologij: otdel'nye aspekty: uchebnoe posobie. Ufa: Ufimskij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2023. 48 s.
12. Gavrilin Yu. V., Pinkevich T. V., Martynenko N. E. Organizaciya protivodejstviya prestupleniyam, sovershaemym s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh tekhnologij: uchebnik: v 2 ch. / pod obshch. red. Yu. V. Gavrilina. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2024. Ch. 1. 304 s.
13. Bagmet A. M. Aktual'nye voprosy primeneniya kriminalisticheskoy tekhniki dlya polucheniya informacii, sodержashchejsya v mobil'nyh elektronnyh ustroystvah // Vestnik kriminalistiki. 2013. № 4 (48). S. 9–14.
14. Kriminalistika: uchebnik / pod red. V. P. Lavrova. Dushanbe, 2022. 660 s.
15. Sevast'yanov P. V. Cifrovye tekhnologii fiksacii neverbal'noj dokazatel'svennoj informacii: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2024. 194 s.

Статья поступила в редакцию 24.09.2025; одобрена после рецензирования 01.11.2025; принята к публикации 25.11.2025.

The article was submitted 24.09.2025; approved after reviewing 01.11.2025; accepted for publication 25.11.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 160–166.
Altai Law Journal. 2025. № 4 (52). P. 160–166.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.24

НЕРЕАБИЛИТИРУЮЩИЕ ОСНОВАНИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРИНЦИПОВ РАВЕНСТВА И СПРАВЕДЛИВОСТИ

Кирилл Николаевич Карпов

Омская академия МВД России, Омск, Россия, kkn83@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5220-0571>

Аннотация. Анализ предусмотренных действующим уголовным законодательством оснований освобождения от уголовной ответственности свидетельствует о наличии различий в правовых статусах лиц, совершивших преступления, которые возникают в результате такого освобождения. Применение отдельных оснований порождает более выгодный (привилегированный) правовой статус для некоторых категорий лиц, который не вызван объективными свойствами совершенного преступления, а обусловлен процессуальными особенностями разбирательства либо иными ситуативными факторами. Для устранения подобных противоречий предлагается при установлении тех либо иных условий освобождения и последующих правоограничений использование обобщенных требований и единого понятия, имеющего устойчивое правовое значение — нереабилитирующие основания освобождения от уголовной ответственности. Также указывается на необходимость использования устоявшихся характеристик общественной опасности совершенного преступления в качестве критериев (условий) разграничения возникающих правоограничений.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, равенство, судимость, уголовно-правовой статус, санкция

Для цитирования: Карпов К. Н. Нереабилитирующие основания освобождения от уголовной ответственности в контексте принципов равенства и справедливости // Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 160–166.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

NON-REHABILITATING GROUNDS FOR EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY IN THE CONTEXT OF THE PRINCIPLES OF EQUALITY AND JUSTICE

Kirill N. Karpov

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia, kkn83@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-5220-0571>

Abstract. The analysis of the grounds for exemption from criminal liability provided for by the current criminal legislation indicates the existence of differences in the legal status of persons who have committed crimes, arising as a result of such exemption. The use of individual grounds generates a more favorable (privileged) legal status for some categories of persons, which is not caused by the objective properties of the crime committed, but is due to the procedural features of the proceedings or other situational factors. In order to eliminate such contradictions, it is proposed to use generalized requirements and a single concept with an established legal meaning — non-rehabilitating grounds for exemption from criminal liability — when establishing certain conditions for exemption and subsequent legal restrictions. It is also indicated that it is necessary to use the established characteristics of the social danger of the crime committed as criteria (conditions) for distinguishing the emerging legal restrictions.

Keywords: exemption from criminal liability, equality, conviction, criminal status, sanction

For citation: Karpov K. N. Non-rehabilitating grounds for exemption from criminal liability in the context of the principles of equality and justice. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;4:160–166 (In Russ.).

Общеправовые принципы законности, справедливости, гуманизма, равенства имеют свое преломление применительно к отрасли уголовного права. При этом взаимосвязь справедливости и равенства подчеркивается большинством исследователей. Так, Б. В. Здравомыслов отмечает, что справедливость «координируется с принципом равенства всех перед уголовным законом» [1, с. 19]. Развивая данную мысль, в науке уголовного права выделяют уравнительный (равенство граждан перед законом, единые основания и пределы ответственности) и распределительный (индивидуализация наказания с учетом не только объективных свойств деяния, но и личностных свойств лиц, осуждаемых за совершение преступлений или освобождаемых от уголовной ответственности) аспекты справедливости [2, с. 74].

С. Г. Келина и В. Н. Кудрявцев, выделяя формальное и фактическое равенство, указывают, что принцип равенства отражает ту характерную черту права, которая отличает его как «равную меру», «одинаковый масштаб» [3, с. 88]. Одинаковость масштаба в данном случае предполагает неприемлемость создания необоснованно привилегированного положения для одной категории лиц, совершивших преступление, в сравнении с другими, на основании несущественных (случайных) факторов. Данный критерий распространим в том числе и на совершение лицами социально одобряемых действий — условий для наступления благоприятных последствий в виде освобождения от уголовной ответственности.

Таким образом, использование законодателем не только равных оснований и условий привлечения к уголовной ответственности, но и правового режима применения нереабилитирующих оснований освобождения от уголовной ответственности является обязательным условием реализации принципа справедливости и эффективности уголовно-правового воздействия. Так, Ю. Е. Пудовочкин отмечает, что институт освобождения от уголовной ответственности включен в механизм уголовно-правового регулирования в качестве средства, использование которого обеспечивает эффективность социального функционирования отрасли [4].

Предусмотренные в УК РФ основания освобождения от уголовной ответственности в большинстве своем представляют собой способ поощрения (стимулирования) лица, совершившего преступление, к правомерному поведению. Реализуя право прекратить репрессивные правоотношения в отношении лица, совершившего преступление,

государство, с одной стороны, минимизирует негативные социальные последствия преступности как явления, а также собственные расходы на реализацию непосредственной репрессии (содержание аппарата принуждения, ФСИН, УИИ, ОПИ и т. д.). В то же время лицо, освобожденное от уголовной ответственности, выполняет ряд социально одобряемых актов (возмещает вред, причиненный преступлением, деятельно раскаивается, участвует в выполнении воинского долга и т. д.). Такого рода социальное взаимодействие представляется обоюдовыгодным компромиссом, однако возникающие в результате него правовые последствия требуют конкретизации и равенства правового статуса лица, освобожденного от уголовной ответственности.

При этом различные основания освобождения лишь на первый взгляд влекут одинаковое уголовно-правовое последствие для лица, т. е. прекращение репрессивных правоотношений, невозникновение правового статуса судимости (лицо, имеющее непогашенную или неснятую судимость). Казалось бы, с правовой точки зрения не должно иметь значения, в соответствии с какой нормой УК РФ лицо было освобождено от уголовной ответственности. Примирился ли виновный с потерпевшим либо было применено примечание к статьям Особенной части УК РФ, в дальнейшем данное лицо считается несудимым, и, с точки зрения правоприменителя, даже в случае совершения нового преступления в будущем оно будет считаться впервые совершившим преступление (п. 2 ППВС № 19¹). Законодатель не устанавливает напрямую в УК РФ какой-либо иерархии и градации данных оснований в части последствий их применения.

В то же время анализ практики Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ), а также позиций Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ) позволяет утверждать, что закрепленные в УК РФ основания освобождения от уголовной ответственности имеют различное правовое значение для определения дальнейшего уголовно-правового статуса лица, совершившего преступление.

В первую очередь речь идет о градации оснований освобождения от уголовной ответственности в зависимости от вида совершенного преступле-

¹ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ния. В частности, предписания ч. 1 и 2 ст. 76.1 УК РФ относят к числу лиц, впервые совершивших преступление, только тех, кто не имеет непогашенной или неснятой судимости именно за совершение конкретных преступлений, перечисленных в данных нормах. К таким составам в соответствии с ч. 1 ст. 76.1 УК РФ относятся ст. 198–199.1, 199.3, 199.4 УК РФ. В свою очередь, ч. 2 ст. 76.1 УК РФ содержит более широкий перечень составов (ч. 5–7 ст. 159, ч. 1 ст. 159.1, ч. 1 ст. 159.2, ч. 1 ст. 159.3, ч. 1 ст. 159.5, ч. 1 ст. 159.6, ч. 1 ст. 160, ч. 1 и п. «б» ч. 2 ст. 165 УК РФ и другие составы). Таким образом, даже лицо, имеющее непогашенную или неснятую судимость за совершение других преступлений, в случае совершения указанных преступлений не просто может быть освобождено от уголовной ответственности за их совершение, но и будет в безусловном порядке освобождено при выполнении соответствующих условий¹. Данный вывод предопределен законодательной формулировкой ст. 76.1 УК РФ — «лицо освобождается...». Если в других схожих нормах (ст. 75, 76 УК РФ) суду предоставляется право, т. е. лицо может быть освобождено, то ст. 76.1 УК РФ такого усмотрения не предусматривает.

Фактически такое предписание делает данную норму исключительно привилегированным основанием освобождения от уголовной ответственности. В тех случаях, когда другие основания неприменимы в отношении лиц, имеющих непогашенные или неснятые судимости, данная норма применима в императивном порядке. Возникает ситуация, когда лицо, имея неснятую или непогашенную судимость, совершает преступление, упомянутое в списке, выполнив условия, обозначенные в ст. 76.1 УК РФ, освобождается от уголовной ответственности, но при этом за ним сохраняется судимость за предыдущее преступление. Данное правило применимо даже в случае совершения лицом нового преступления в период отбытия наказания. Соответственно, вместо наступления неблагоприятных последствий в виде отмены условного осуждения либо УДО и т. д. и, соответственно, назначения наказания по совокупности преступлений лицо освобождается от уголовной ответственности в связи с возмещением вреда. При этом предыдущее наказание либо испытательный срок фактически продолжают исполняться самостоятельно.

¹ В дальнейшем по тексту формулировка «освобождается от уголовной ответственности» или «будет освобождено от уголовной ответственности» предполагает, что соответствующие условия освобождения выполнены.

Такого рода исключение из общего правила носит экстраординарный характер и не имеет достаточного криминологического обоснования [5]. Так, перечень преступлений, упомянутых в ч. 2 ст. 76.1 УК РФ, включает в себя только отдельные виды хищения чужого имущества, при этом оставляя без внимания иные составы (ч. 1 ст. 158, ч. 1 ст. 159 УК РФ), соразмерные как по степени тяжести, так и по механизму преступного деяния [6, 7]. Фактически лицо, имеющее судимость за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159 УК РФ, в случае совершения вновь преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159.2 УК РФ, будет освобождено от уголовной ответственности. Если же данная комбинация будет иметь место в обратном порядке, то лицо будет нести уголовно-правовые последствия за оба деяния.

Такого рода выборочность не способствует созданию унифицированного справедливого подхода к вопросам стимулирования правомерного поведения лиц, совершивших преступление, и приводит к неравенству правовых последствий разных оснований освобождения от уголовной ответственности.

Другим обстоятельством, позволяющим говорить о неравнозначности правовых последствий нереабилитирующих оснований освобождения от уголовной ответственности, выступает характер так называемых общеправовых последствий преступления [8]. Речь идет об используемых в различных федеральных законах ограничениях на допуск лица к участию в определенных правоотношениях. Так, федеральные законы РФ содержат указание не только на категорию преступления, совершение которого влечет установление ограничения, но и на основание, по которому было освобождено лицо. Например, ФЗ «О службе в органах внутренних дел» в ст. 82 указывает на невозможность прохождения службы лицами, привлекавшимися к уголовной ответственности, если в отношении них уголовное преследование было прекращено за истечением срока давности, в связи с примирением сторон (кроме уголовных дел частного обвинения), вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием (кроме уголовных дел частного обвинения). Данная норма устанавливает запрет только в отношении лиц, освобожденных от уголовной ответственности за истечением срока давности (ст. 78 УК РФ), в связи с примирением сторон (ст. 76 УК РФ) (кроме уголовных дел частного обвинения), вследствие акта об амнистии (ст. 84 УК РФ), в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ) (кроме уголовных дел

частного обвинения). Соответственно, в данном предписании фактически закрепляется привилегированность освобождения от уголовной ответственности по некоторым из существующих нереабилитирующих оснований.

Таким образом, лица, освобожденные от уголовной ответственности по данным основаниям, могут проходить службу в ОВД РФ, несмотря на то, что совершили преступление. Использование подобных формулировок приводит к смещению акцента с самого факта совершения преступления на процедурные моменты выбора основания прекращения уголовного преследования (ст. 27 УПК РФ). Зачастую в рамках разбирательства могут возникнуть основания и условия для применения сразу нескольких нереабилитирующих оснований освобождения от уголовной ответственности, и суд вынужден выбирать наиболее подходящее либо наиболее «мягкое». Так, А. А. Давлетов отмечает, что «введение в институт освобождения лица от уголовной ответственности нового основания (речь идет о ст. 76.2 УК РФ — добавлено авт.) породило проблему его конкуренции с ранее существующими основаниями» [9, с. 13].

Так, Конституционный Суд Российской Федерации, анализируя указанные основания, отметил, что «законодатель дифференцирует факты прекращения уголовных дел различных категорий по нереабилитирующим основаниям, исходя из своего видения того, как они отражают соответствие лиц по своим качествам требованиям, предъявляемым в силу специфики службы». Данное правило применимо в том случае, если речь идет о дифференциации, базирующейся на категории совершенного преступления, по степени общественной опасности. Однако КС РФ на этом не останавливается и констатирует, что установление безусловного и бессрочного запрета поступления на службу в органы принудительного исполнения для лиц, уголовное преследование которых по делам частного обвинения было прекращено в связи с *деятельным раскаянием*, ставит таких лиц в неравное положение с лицами, уголовное преследование которых по делам частного обвинения прекращено *по другим нереабилитирующим основаниям*¹.

¹ По делу о проверке конституционности пункта 3 части 1 статьи 14, пункта 4 части 4 статьи 17, пункта 7 части 3 статьи 80 и статьи 92 Федерального закона «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Р. М. Пахомова [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от

При этом отдельно обращает внимание на то, что вопрос о возможности или невозможности службы в органах принудительного исполнения ставится в зависимости от выбора нормы, подлежащей применению, в равной мере дающей основания для освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного преследования, но по-разному учтено в оспариваемом законоположении, а лицо ранее не могло предвидеть введенную дифференциацию оснований прекращения уголовного дела для целей регулирования служебных отношений.

Учитывая динамичность развития отраслей законодательства, предвидеть возможность подобной дифференциации общеправовых последствий в зависимости от выбранного основания освобождения от уголовной ответственности представляется проблематичным, а полноценное ознакомление подозреваемого (обвиняемого) в данной ситуации с полным перечнем наступающих правовых последствий весьма маловероятно.

Так, в рамках проводимого исследования нами были проанализированы федеральные законы РФ, и в более чем 40 из них устанавливают ограничения для лиц, имеющих либо имевших судимость, а также лиц, освобожденных от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям.

Парадоксальным в данном случае является принятое итоговое решение, в котором КС РФ признал недопустимость такого способа дифференциации и проведения различий между примирением с потерпевшим и деятельным раскаянием по делам частного обвинения, однако проигнорировал все другие нереабилитирующие основания освобождения от уголовной ответственности (прекращения уголовного преследования). Сделанное исключение для данных двух частных случаев освобождения от уголовной ответственности переводит их в разряд привилегированных по отношению к другим основаниям. То есть лицо, освобождаемое от уголовной ответственности, имеет возможность «выбирать», на основании какой из норм УК РФ ему выгоднее освобождаться (с учетом перспектив дальнейшей деятельности). Например, он может примириться с потерпевшим либо же выплатить судебный штраф или загладить вред, причиненный преступлением.

В то же время еще более привилегированными в данном контексте можно рассматривать: освобождение от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа, в связи с воз-
11.07.2023 № 38-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

мещением ущерба, а также в связи с призывом на военную службу (ст. 78.1 УК РФ). Их отсутствие в соответствующих ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения РФ», а также ФЗ «О службе в органах внутренних дел» вообще не предполагает возникновение ограничения на прохождение службы.

Необходимо признать, что прекращение уголовного преследования в рамках освобождения от уголовной ответственности зачастую является способом списать дела «не имеющие достаточной судебной перспективы». Освобождаемые от уголовной ответственности формально ознакамливаются с материалами дела, а следственные органы либо сами завершают процедуру, либо передают материалы на прекращение в суд без достаточного доказывания виновности лица, совершившего преступление.

При этом далеко не все правовые последствия принимаемого решения осознаются лицом, освобождаемым от уголовной ответственности. Примером тому может служить определение по делу гр. Г., освобожденного от уголовной ответственности по ст. 238 УК РФ с применением судебного штрафа¹. Усеченный порядок проведения предварительного расследования, предусмотренный ст. 446.2 УПК РФ, и фактическое отсутствие судебного разбирательства привели к игнорированию необходимости доказывания элементарных обязательных признаков преступления (надлежащего субъекта уголовной ответственности, виновности и др.). Только вмешательство заместителя Генерального прокурора РФ позволило принять верное решение. В то время как сам освобожденный от уголовной ответственности был вполне согласен с таким прекращением процедуры преследования. При этом предполагать осведомленность лица о предстоящих для него правоограничениях в будущем представляется нереалистичным.

Другим проявлением неравенства оснований освобождения от уголовной ответственности выступают особые требования к применению судебного штрафа.

Так, кассационный суд отменил приговор первой инстанции, в рамках которого суд признал гражданина виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ, назначил ему наказание, применил положения ч. 6 ст. 15 УК РФ, т. е. снизил категорию преступления

и в итоге освободил виновного от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 72.1 УК РФ).

Отменяя данный приговор, суд указал следующие аргументы: «Согласно п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 мая 2018 г. № 10 "О практике применения судами положений части 6 статьи 15 УК РФ" решение суда об изменении категории преступления с тяжкого на преступление средней тяжести позволяет суду освободить осужденного от отбывания назначенного наказания лишь при наличии оснований, предусмотренных статьями 75, 76, 78, 80.1, 84, 92, 94 УК РФ. Следовательно, судебный штраф, предусмотренный ст. 76.2 УК РФ, является иной мерой уголовно-правового характера, для которой законом установлен специальный порядок применения. С учетом изложенного возможность освобождения осужденного от отбывания наказания в связи с применением положений ст. 76.2 УК РФ после изменения категории преступления законом не предусмотрена»².

Таким образом, суд кассационной инстанции посчитал, что совместное применение положений ч. 6 ст. 15 УК РФ и ст. 76.2 УК РФ является недопустимым. Основанием к такому выводу послужило формальное отсутствие упоминания ст. 76.2 УК РФ в разъяснениях Пленума ВС РФ (п. 10 ППВС № 10)³.

В этой связи необходимо отметить, что указанный пункт ППВС предписывает, что «лицо, освобожденное от отбывания наказания по указанным основаниям, считается несудимым (ч. 2 ст. 86 УК РФ)». Следуя логике данного судебного решения, на лиц, освобожденных от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа, не должны распространяться предписания ч. 2 ст. 86 УК РФ, и у них должна возникать и сохраняться судимость. Однако в действительности же таковые лица, наряду с другими освобожденными от уголовной ответственности по ст. 76.2, 78.1 УК РФ, признаются несудимыми (ч. 2, 3.1 ст. 86 УК РФ).

Таким образом, суд фактически в рамках толкования норм уголовного и уголовно-процессуаль-

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.12.2020 № 49-УДП21-51-К6 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 26.02.2025 № 77-644/2025. URL: https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=11640925&case_uid=dd845fa5-6938-4161-b1e9-766e8e5b879c&delo_id=2450001&new=2450001 (дата обращения: 25.05.2025).

³ О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.05.2018 № 10.

ного законодательств определил специфические требования к данному основанию, которые не используются для других нереабилитирующих оснований освобождения от уголовной ответственности. Тем самым, на наш взгляд, произошло необоснованное ухудшение положения лица, которое могло бы быть освобождено от уголовной ответственности.

Еще одно спорное с точки зрения соблюдения принципа равенства последствие освобождения лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям проявляется в привилегированном уголовно-правовом статусе данного лица по сравнению с лицами, совершившими деяния, не обладающие общественной опасностью, т. е. деяние, в отношении которого применены положения ч. 2 ст. 14 УК РФ о малозначительности, а также административные правонарушения. Речь идет о составах преступлений, сконструированных по типу административной либо уголовной преюдиции, в которых специальным субъектом выступает лицо, ранее привлеченное к административной ответственности либо обладающее правовым статусом — судимость. В первую очередь это связано с отсутствием у лиц, освобожденных от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, длящегося во времени статуса — судимый (ст. 86 УК РФ) либо лицо, привлеченное к административной ответственности (ст. 4.6. КоАП РФ). Совершение нового преступления (правонарушения) лицами, обладающими данным статусом, позволяет привлекать их к уголовной ответственности. В то же время совершение лицом преступления и последующее освобождение его от уголовной ответственности лишают государство возможности считать его специальным субъектом преступлений не только с уголовной, но даже и с административной преюдицией. Соответственно, последующее совершение таким освобожденным от уголовной ответственности лицом деяния, образующего объективную сторону состава с административной преюдицией, не обладает всеми признаками состава преступления именно из-за отсутствия соответствующего специального статуса — лицо, привлеченное к административной ответственности. При этом очевидно, что лицо, совершившее административное правонарушение, даже неоднократно, обладает меньшей общественной опасностью по сравнению с лицом, совершившим преступление и при этом освобожденным от уголовной ответственности по одному из нереабилитирующих оснований. В то же время последний находится

в более выигрышном (привилегированном) положении по сравнению с первым.

Данный подход представляется не в полной мере отвечающим принципу равенства и справедливости, предполагающим равный подход к определению оснований освобождения от уголовной ответственности и соразмерных последствий такого решения. Сама конструкция нереабилитирующих оснований освобождения от уголовной ответственности, не предполагающая дальнейшего учета предыдущего криминального опыта лица, порождает такого рода несоответствие фундаментальным положениям равенства, а также направленности на решение задач уголовного законодательства.

Обозначенные проявления особенностей оснований, условий и правовых последствий нереабилитирующих оснований освобождения от уголовной ответственности демонстрируют необходимость приведения содержания норм УК РФ (ст. 75–78.1 УК РФ) в соответствие с требованиями принципов равенства и справедливости, а также с задачами предупреждения преступлений.

Порядок применения всех оснований должен базироваться на их принципиальном равенстве в части наступления дальнейших уголовно-правовых последствий для лица, совершившего преступление, и определения его дальнейшего уголовно-правового статуса. Сам факт совершения преступления должен иметь равное значение для определения наличия / отсутствия признака «совершение преступления впервые», а также предполагать учет предыдущих фактов преступной деятельности как признака специального субъекта преступлений с административной и уголовной преюдицией.

Исходя из содержания ст. 133 УПК РФ (основания возникновения права на реабилитацию), к категории нереабилитирующих относятся все основания освобождения от уголовной ответственности, не включенные в данный перечень (реабилитирующих). С точки зрения юридической техники данный подход является более выигрышным, т. к. позволяет учесть даже новые основания, ранее не предусмотренные уголовным законодательством. Соответственно, использование в отраслевом законодательстве данной формулировки позволит приравнять все основания освобождения от уголовной ответственности в части определения дальнейшего правового статуса лица, совершившего преступление, и осуществлять дальнейшую дифференциацию исходя из характера и степени общественной опасности совершенного преступления, а не вторичных обстоятельств.

Список источников

1. Здравомыслов Б. В. Принципы уголовного права. М., 2003.
2. Гальперин И. М., Ратинов А. Р. Социальная справедливость и наказание // Советское государство и право. 1986. № 10. С. 74.
3. Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. М., 1981.
4. Пудовочкин Ю. Е. Социально-криминологическая характеристика освобождения от уголовной ответственности // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 4. С. 581–592.
5. Николаев П. М., Уразбаев Р. Ш. Закон допускает совершение некоторых преступных деяний многократно и безнаказанно // Законность. 2016. № 8 (982). С. 34–36.
6. Благоев Е. В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8 (105). С. 118–127.
7. Балафендиев А. М. Освобождение от уголовной ответственности в связи с позитивным посткриминальным поведением: социально-правовые предпосылки, сущность и систематизация видов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2016.
8. Нечепуренко А. А. Законодательное регулирование негативных последствий для лиц, совершивших преступления // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. Т. 26. № 4 (79). С. 39–45.
9. Давлетов А. А., Дидык В. В. Проблема прекращения уголовного дела по нереабилитирующим компромиссным основаниям на этапе предварительного расследования // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 2 (30). С. 12–17.

References

1. Zdravomyslov B. V. Principy ugodovnogogo prava. M., 2003.
2. Gal'perin I. M., Ratinov A. R. Social'naya spravedlivost' i nakazanie // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1986. № 10. S. 74.
3. Kelina S. G., Kudryavcev V. N. Principy sovetskogo ugodovnogogo prava. M., 1981.
4. Pudovochkin Yu. E. Social'no-kriminologicheskaya harakteristika osvobozhdeniya ot ugodovnoj otvetstvennosti // Vserossiiskij kriminologicheskij zhurnal. 2020. T. 14. № 4. S. 581–592.
5. Nikolaev P. M., Urazbaev R. Sh. Zakon dopuskaet sovershenie nekotoryh prestupnyh deyanij mnogokratno i beznakazanno // Zakonnost'. 2016. № 8 (982). S. 34–36.
6. Blagov E. V. Osvobozhdenie ot ugodovnoj otvetstvennosti v svyazi s vozmeshcheniem ushcherba // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2019. № 8 (105). S. 118–127.
7. Balafendiev A. M. Osvobozhdenie ot ugodovnoj otvetstvennosti v svyazi s pozitivnym postkriminal'nym povedeniem: social'no-pravovye predposylki, sushchnost' i sistematizaciya vidov: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Kazan', 2016.
8. Nechepurenko A. A. Zakonodatel'noe regulirovanie negativnyh posledstvij dlya lic, sovershivshih prestupleniya // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2020. T. 26. № 4 (79). S. 39–45.
9. Davletov A. A., Didyk V. V. Problema prekrashcheniya ugodovnogogo dela po nereabilitiruyushchim kompromissnym osnovaniyam na etape predvaritel'nogo rassledovaniya // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 2 (30). S. 12–17.

Информация об авторе

К. Н. Карпов — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

K. N. Karpov — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 06.06.2025; одобрена после рецензирования 02.08.2025; принята к публикации 25.11.2025.

The article was submitted 06.06.2025; approved after reviewing 02.08.2025; accepted for publication 25.11.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 167–175.

Altai Law Journal. 2025. № 4 (52). P. 167–175.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.22

ОБЯЗАННОСТИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ, В РАМКАХ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Валентина Николаевна Куфлева

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, val_swatch@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-6432-9452>

Аннотация. В статье рассматривается правовой статус лица, совершившего преступление, через призму конституционных постулатов. Анализируется традиционное понимание обязанности лица претерпевать уголовно-правовые последствия как базовой составляющей уголовно-правовых отношений, акцентируется внимание на недостаточной теоретической проработке этого вопроса в юридической литературе. Указывается, что обязанность не совершать преступление вытекает не непосредственно из УК РФ, а из базовых конституционных норм. Делается вывод о том, что уголовно-правовой статус лица, совершившего преступление, представляет собой отраслевую конкретизацию конституционных прав и обязанностей индивида в его публичных отношениях с государством, базирующуюся на принципе соблюдения законов и уважении прав и свобод. При этом специфика данного статуса заключается в преимущественно пассивном характере обязанностей лица, совершившего преступления.

Ключевые слова: лицо, совершившее преступление, обязанность, уголовно-правовые отношения, уголовный закон, уголовная ответственность, уголовно-правовой статус

Для цитирования: Куфлева В. Н. Обязанности лица, совершившего преступление, в рамках уголовно-правовых отношений // Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 167–175.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

OBLIGATIONS OF THE PERSON WHO HAS COMMITTED A CRIME, WITHIN THE FRAMEWORK OF CRIMINAL-LEGAL RELATIONS

Valentina N. Kufleva

Kuban State University, Krasnodar, Russia, val_swatch@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6432-9452>

Abstract. The article examines the legal status of the person who has committed a crime through the prism of constitutional postulates. It analyzes the traditional understanding of the person's obligation to suffer criminal-legal consequences as a basic component of criminal-legal relations and the insufficient theoretical elaboration of this issue in legal literature. It is indicated that the obligation not to commit a crime does not follow directly from the Criminal Code of the Russian Federation, but from the basic constitutional norms. It is concluded that the criminal-legal status of a person who has committed a crime is a sectoral specification of the constitutional rights and obligations of an individual in his public relations with the state, based on the principle of compliance with laws and respect for rights and freedoms. At the same time, the specificity of this status lies in the predominantly passive nature of the obligations of a person who has committed a crime.

Keywords: person who committed a crime, duty, criminal-legal relations, criminal law, criminal liability, criminal-legal status

For citation: Kufleva V. N. Obligations of the person who has committed a crime, within the framework of criminal-legal relations. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;4:167–175 (In Russ.).

В основе правового статуса лица, совершившего преступление, лежат его конституционные притязания на то, чтобы вступить в уголовное правоотношение с надлежащим субъектом (государством) и на основании надлежащего закона (действовавшего в момент совершения преступления и всегда улучшающего его статус).

Это право лица сопрягается с его обязанностью претерпеть уголовно-правовые последствия совершения преступления. Такая обязанность традиционно рассматривается в литературе как основная, базовая компонента содержания уголовно-правового отношения. Н. А. Огурцов писал, что на лице, совершившем преступление, «безусловно, лежит прежде всего определяющая его правовое положение обязанность понести бремя уголовной ответственности» (разрядка Н. А. Огурцова) [1, с. 114].

Этот тезис стал настолько распространенным, что его надлежащее обоснование в научных источниках зачастую теряется или упускается. Между тем обсуждение вопросов о том, имеется ли у лица, совершившего преступление, такая обязанность, основана ли она на нормах уголовного закона, возлагают ли в принципе нормы уголовного закона какие-либо обязанности на граждан, составляет важный и самостоятельный компонент уголовно-правовой теории.

Начать стоит с того, что непосредственно ни в тексте УК РФ, ни в тексте Конституции РФ не фиксируется обязанность граждан не совершать преступления или обязанность подвергнуться ответственности в случае их совершения. Лишь косвенно, путем толкования Конституции РФ можно «вывести» ряд обязанностей, непосредственно относящихся к поведению в области преступного и наказуемого. Методологическую помощь в такой операции оказывает понимание того, что содержание обязанностей фиксируется различным образом: оно включает в себя не только предписания совершать какие-либо действия, но и установление запрета на совершение определенных действий [2, с. 10].

При этом стоит обратить внимание, что некоторые обязанности формулируются в Конституции РФ позитивным образом без указания на возможную ответственность за их совершение. Например, ч. 2 ст. 38 Конституции РФ устанавливает, что забота о детях, их воспитание — равное право и обязанность родителей, а ст. 57 Конституции РФ определяет, что каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы. Другие обязанности фиксируются также без указания на ответ-

ственность, но негативным путем, посредством указания на запрет совершения некоторых деяний. В частности, согласно ч. 5 ст. 13 Конституции РФ запрещаются создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни. Наконец, в ряде случаев Конституция РФ фиксирует не только содержание обязанностей, но и содержит указание на ответственность в случае их нарушения. Так, например, согласно ч. 4 ст. 3 Конституции РФ никто не может присваивать власть в Российской Федерации, а захват власти или присвоение властных полномочий преследуются по федеральному закону.

Эти обстоятельства в ряду других дают основание некоторым специалистам вполне убедительно разграничивать ответственность и обязанность. И. В. Коршунова пишет: «Не следует рассматривать юридическую ответственность в качестве разновидности юридической обязанности. Обязанность предшествует юридической ответственности, которая наступает вследствие невыполнения субъектом права ее предписания. Если юридическая ответственность выступает разновидностью мер государственного принуждения, то юридическая обязанность обеспечивается возможностью применения мер государственного принуждения в случае ее невыполнения, т. е. может существовать и существует и без юридической ответственности» [3, с. 16–17]. Это замечание принципиально важно в сфере уголовного права, учитывая, что далеко не всякое нарушение и не всякой обязанности требует установления уголовной ответственности.

В связи с изложенным возникает важный вопрос: означает ли установление ответственности за какое-либо деяние юридической обязанности не совершать это деяние, а также привлечение к уголовной ответственности на основании норм УК РФ, что лицо нарушило уголовно-правовую обязанность; можно ли рассматривать предписания УК РФ в этой части как конкретизацию конституционных обязанностей.

В решении этого вопроса, как известно, мнения юристов расходятся диаметрально уже на протяжении нескольких столетий. Если Н. С. Таганцев в начале XX в. писал о том, что уголовный закон сам по себе не содержит правовой обязанности, которую нарушает виновный субъект [4, с. 24], то И. Э. Звечаровский в начале XXI в., напротив, ука-

зывает, что уголовный закон включает в себе обязанности, исполнение которых регулирует поведение граждан в рамках самых разнообразных правоотношений и нарушение которых активизирует применение мер ответственности [5, с. 10–11]. Спор относительно того, обладает или нет уголовный закон свойством регулировать правовым образом поведение людей и, соответственно, существуют или нет уголовно-правовые обязанности (не убивать, не красть, не заниматься контрабандой и пр.), относится к числу вечных, тех, что определяют парадигмальные представления об уголовном праве. Поэтому критиковать ту или иную позицию едва ли необходимо. Достаточно лишь обозначить собственный взгляд на проблему.

Уголовный закон (по общему правилу) не может одновременно устанавливать и правовые обязанности в различных сферах правового регулирования, и уголовную ответственность за их нарушение. Обязанность не совершать преступлений «выводится» нами не непосредственно из предписаний УК РФ¹, а опосредованно из двух конституционных положений: во-первых, о том, что все граждане (а равно их объединения, органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица) обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы (ч. 2 ст. 15 Конституции РФ); и во-вторых, о том, что при осуществлении своих прав и обязанностей граждане не должны нарушать прав и свобод других лиц (ч. 3 ст. 17 Конституции РФ).

И в Конституции РФ, и в конкретизирующих ее отраслевых законах, регулирующих те или иные общественные отношения путем предоставления прав и возложения обязанностей на их участников, устанавливаются определенные стандарты поведения, только некоторые отклонения от которых криминализируются в УК РФ. Совершая преступление, лицо нарушает именно эти «ино-

отраслевые» стандарты. Преступление, таким образом, выступает в качестве юридического факта, который: во-первых, изменяет или прекращает те правоотношения, в рамках которых лицо не выполнило своих обязанностей или злоупотребило имеющимся правом; во-вторых, порождает иные правоотношения, связанные с причинением вреда. Одним из видов таких «порожденных» отношений выступают отношения уголовно-правовые, в связи с анализом которых и возникает вопрос о том, обязано ли лицо, совершившее преступление, претерпеть меры воздействия, предусмотренные в уголовном законе на случай совершения преступления.

Эта обязанность, насколько позволяет судить анализ научных источников, как правило, констатируется, но не раскрывается. Между тем ее непосредственное исследование может привести к новым и полезным результатам в части понимания содержания и пределов обязанности лица, совершившего преступление.

Рассматриваемая обязанность в литературе обозначается посредством различных терминов. Юристы пишут об «обязанности понести уголовную ответственность» [6, с. 10], «обязанности претерпеть неблагоприятные последствия, которые уголовный закон связывает с совершением преступления, в конечном счете понести наказание, предусмотренное уголовно-правовой нормой» [7, с. 22], «обязанности подвергнуться уголовно-правовому воздействию» [8, с. 7]. Различия в данном случае нельзя отнести к разряду исключительно терминологических. За ними скрывается авторское понимание, с одной стороны, всего того комплекса возможностей, которыми располагает государство для регулирования уголовно-правового отношения, а с другой стороны, корреспондирующих этим возможностям обязанностей лица, совершившего преступление.

Уточняя содержание и пределы исследуемой обязанности, обратим внимание на несколько обстоятельств:

1. Известно, что согласно ч. 2 ст. 21 УПК РФ в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные законом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления. Возбуждение уголовного дела (при наличии к тому основания) и его надлежащее расследование — обязанность государства. Вместе с тем уголовно-правовая реакция на преступление может быть различной и находится в поле дискре-

¹ Заметим все же, что Конституционный Суд Российской Федерации хотя и не специально, а попутно при изложении позиции по иным вопросам сформулировал иной взгляд. В одном из решений зафиксировано, в частности, что обязанность гражданина соблюдать уголовно-правовые запреты, равно как и его право требовать от государства соблюдения установленных пределов уголовно-правового воздействия, вытекает из содержания уголовно-правового отношения между государством и гражданином. См.: По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. А. Тихомировой, И. И. Тихомировой и И. Н. Сардыко: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.10.2011 № 22-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2011. № 6.

ционного усмотрения государства. При наличии к тому оснований государство может отказаться от реализации принадлежащего ему права наказания и освободить лицо, совершившее преступление, от уголовной ответственности. Как указывал Конституционный Суд РФ, федеральный законодатель, реализуя принадлежащие ему полномочия, правомочен как устанавливать в законе ответственность за уголовные правонарушения, так и устранять ее, а также определять, какие меры государственного принуждения подлежат использованию в качестве средств реагирования на те или иные деяния и при каких условиях возможен отказ от их применения¹. Но вне зависимости от того, каким будет выбор государства, лицо, совершившее преступление, обязано будет ему подчиниться. В содержание его обязанности (в самом первом приближении) входит, таким образом, не только обязанность понести наказание, быть подвергнутым ответственности, но и шире — обязанность претерпеть все меры, которые государство посчитает возможным и необходимым применить в каждом конкретном случае. Таким образом, в содержательном отношении рассматриваемая обязанность должна трактоваться настолько широко, насколько исследователь понимает спектр мер уголовно-правового принуждения, которые государство вправе применить к лицу, совершившему преступление.

2. Важно подчеркнуть, что при обсуждении содержания рассматриваемой обязанности речь идет именно об уголовно-правовых мерах. Меры процессуального принуждения или иные правоограничительные либо обязывающие меры, которые имеют своим основанием предписания не уголовного, а какого-либо иного закона, не принимаются во внимание при определении объема уголовно-правовой обязанности.

3. Принципиально важно понять, обязано ли лицо, совершившее преступление, подвергнуться назначению мер или же оно обязано претерпеть назначенные меры.

Во второй части этого суждения сомневаться не приходится. Если какие-либо меры назначены итоговым решением суда, лицо, совершившее преступление, обязано их претерпеть. В подтверждение тому — система предусмотренных уголовным

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Вилисова Романа Николаевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 25.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26.03.2019 № 650-О. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision398077.pdf> (дата обращения: 10.07.2025).

законом мер ответственности за нарушение или неисполнение судебного предписания. Законодатель формулирует в данном случае весьма широкий спектр норм как в Особенной части УК РФ (например, ст. 313, 314 УК РФ), так и в Общей части (к таковым, в частности, следует отнести положения о последствиях неуплаты судебного штрафа в ч. 2 ст. 104⁴ УК РФ или неисполнения мер воспитательного воздействия в ч. 4 ст. 90 УК РФ, о последствиях уклонения от исполнения или отбывания отдельных видов уголовных наказаний в ч. 5 ст. 46, ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50 УК РФ). Установление ответственности за неисполнение обязанности претерпеть меры уголовно-правового принуждения дополнительно подтверждает и наличие самой этой обязанности и корреспондирует правовым предписаниям о силе, авторитете и общеобязательности судебного решения.

Что же касается первой части приведенного выше суждения — об обязанности подвергнуться мерам государственного принуждения, то она не столь однозначна и категорична. Лицо, совершившее преступление, не имеет права требовать от государства применения к нему мер принуждения, а государство лишь имеет право на применение принудительных мер. И раз у государства нет обязанности всякий раз назначать уголовно-правовые меры, у лица, совершившего преступление, нет обязанности быть подвергнутым им.

Можно вполне уверенно говорить о том, что исследуемая обязанность — это не обязанность быть подвергнутым назначению мер воздействия, это обязанность претерпеть назначенные меры.

4. Разумеется, это не означает, что такая обязанность является «безмолвной». Лицо, совершившее преступление, вправе и донести до государства свою позицию по поводу применяемых к нему мер, и возражать против их применения, и оспаривать уже назначенные меры. Но в материально-правовом плане его обязанность претерпеть назначенные государством меры остается непреложной и не зависит от его субъективного желания. Показательны в этом отношении ситуации, когда лица, совершившие преступление, оспаривали примененное к ним наказание в виде обязательных работ (по мотивам «затруднительности его исполнения») либо ограничения свободы (по мотивам неудобства его исполнения, поскольку образ жизни осужденного связан с командировками и разъездами)². В таких делах позиция суда

² Апелляционное постановление Верховного суда Республики Марий Эл от 14.03.2022 по делу № 22–239/2022 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой систе-

апелляционной инстанции была вполне прогнозируема и при этом убедительно мотивированна. Суд указывал: определение вида и размера наказания закон относит к прерогативе суда; наказание — это мера государственного принуждения, которое всегда заключается в лишении или ограничении определенных прав и свобод осужденного; праву государства применить наказание корреспондирует обязанность лица, совершившего преступление, претерпеть принудительное воздействие со стороны государства.

Изложенное заставляет обратить дополнительное внимание еще на один теоретический вопрос. Дело в том, что обязанность претерпеть назначенные меры может объективно существовать и тем более реализовываться в тот момент, когда такие меры фактически назначены, иными словами, в момент вынесения (или точнее, вступления в силу) решения суда. Но уголовно-правовое отношение возникает задолго до судебного решения, а именно в момент совершения преступления¹. В связи с этим встает закономерный вопрос о содержании обязанностей лица, совершившего преступление, в промежуток времени от момента совершения преступления до момента определения ему мер уголовно-правового воздействия решением суда. Содержание его прав, в принципе, может считаться понятным. Эти права восходят к праву на надлежащий суд в соответствии с надлежащим законом и конкретизируют их в сфере уголовно-правовых отношений. Но обязанности остаются не до конца проясненными.

В литературе отмечалось, что уголовное законодательство возлагает на правонарушителя «обязанность своими правомерными действиями в форме требуемого поведения принять, понести ограничения и лишения, предусмотренные зако-

мы «КонсультантПлюс»; Апелляционное постановление Верховного суда Республики Марий Эл от 18.11.2019 по делу № 22–1122/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Вопрос этот относится к разряду дискуссионных. Общее правило состоит все же в том, что момент возникновения уголовного правоотношения связывается с моментом совершения преступления. Об этом писал еще Н. Н. Полянский (Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М.: Изд. МГУ, 1956. С. 254, 255). Об этом пишут и авторы большинства современных учебных и научных изданий. Вместе с тем в науке представлена позиция, согласно которой уголовно-правовые отношения возникают тогда, когда начинается применение норм уголовного права, в связи с чем момент их возникновения связывается уже с процессуальными стадиями расследования (Ривлин А. Л. Об уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношениях // Правоведение. 1959. № 2. С. 110).

ном» [9, с. 15–16]. Тезис интересный, но крайне спорный. Независимо от того, связывать ли эту обязанность с моментом совершения преступления или вступлением приговора в силу, не вполне понятно, каких именно «правомерных действий» государство вправе ожидать и требовать от лица, совершившего преступление. Такое лицо не обязано совершать явку с повинной, способствовать раскрытию и расследованию преступлений, давать правдивые показания и вообще какие-либо показания, соглашаться с решением суда. В принципе, едва ли возможно найти в законе указание на какие-либо активные обязательства лица, совершившего преступление. Закон признает в этой части лишь его права, стимулируя к их реализации посредством конструирования специальных поощрительных норм (например, п. «и» ч. 1 ст. 61, ст. 62, 75 и др. УК РФ).

Обязательства лица, совершившего преступление, в период развития уголовного правоотношения с момента совершения преступления и до момента вступления в силу судебного решения могут быть охарактеризованы в целом как пассивные. Такое лицо не обязано предпринимать каких-либо активных действий, связанных с реализацией уголовной ответственности или иных мер уголовно-правового воздействия. Но при этом оно обязано под угрозой привлечения к ответственности или наступления иных неблагоприятных для себя последствий не препятствовать государству в реализации его полномочий в рамках уголовно-правовых отношений. Эти обязательства вытекают непосредственно из положений ч. 3 ст. 78 УК РФ (о приостановлении срока давности привлечения к ответственности в случае, если лицо скроется от следствия и суда), ст. 294 УК РФ (об ответственности за воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования), ст. 309 УК РФ (об ответственности за подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильно-му переводу) и др.

Такое положение вещей определяется, с одной стороны, вытекающей из автономии личности и принципа уважения ее достоинства презумпцией невиновности, согласно которой подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, а бремя доказывания обвинения лежит на стороне обвинения; а с другой стороны, конституционно значимыми требованиями признания легитимности государства, уважения его суверенитета, взаимных обязательств человека и государства,

принципом единства прав и обязанностей личности.

В итоге можно констатировать, что в период существования уголовно-правового отношения обязанности лица, совершившего преступление, условно распадаются на два блока, корреспондирующие этапам развития самого правоотношения. На первом этапе (от возникновения до судебного решения) — это обязанность не препятствовать государству в исполнении его полномочий по поддержанию и восстановлению правового порядка. На втором этапе (от момента вступления в силу судебного решения) — обязанность претерпеть те меры воздействия, которые государство посчитает необходимым и целесообразным применить для разрешения уголовно-правового конфликта.

Обязательства такого рода в теоретической их интерпретации весьма специфичны. Во-первых, они в значительной степени коррелируют с определением юридических обязанностей не как меры «необходимого» [10, с. 147], а как меры «должного поведения» [11, с. 71] людей, тем самым усиливая субъективный и личностный компонент обязанности. Во-вторых, эти обязанности, принимая форму долженствования, предписывают известное поведение одним лицам, не давая при этом другим абсолютного притязания на их выполнение. «Природа таких абсолютных обязанностей такова, что, являясь объективно-императивными требованиями, обращенными ко всем субъектам права, они существуют для обеспечения правопорядка в целом» [12, с. 7].

Исполнение этой обязанности-долга лицом, совершившим преступление, в рамках уголовно-правового отношения выражается, как было отмечено, в форме пассивного правомерного поведения. Специалисты признают, что качество исполнения долга в условиях социально активного и социально пассивного поведения различно. Вместе с тем социально активное и социально пассивное поведение, являясь разновидностями правомерного поведения, имеют общие черты: в обоих случаях граждане осознают адресованные им требования или призывы, понимают их, знают, что необходимо делать для исполнения своего долга и действуют добровольно [13, с. 80].

Этот момент представляется важным не только с теоретической, но и с практической точки зрения. Пассивное правомерное поведение — это норма поведения граждан в уголовно-правовых отношениях. А потому как норма оно не может само себе служить основанием для обоснования каких-либо специальных, выходящих за пределы нормы уго-

ловно-правовых решений, принимаемых в пользу или против лица, совершившего преступление. Речь идет, в частности:

- о необоснованной и постоянно корректируемой проверочными судебными инстанциями практике учета непризнания вины в качестве отягчающего наказание обстоятельства или обстоятельства, отрицательно характеризующего личность виновного [14, с. 29–40]¹;

- о недопустимости признания отказа подсудимого от дачи показаний обстоятельством, отрицательно характеризующим его личность, на что высшая судебная инстанция специально обратила внимание в одном из ключевых постановлений

¹ См., например: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.04.2017 № 127-УД17-3 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.05.2015 № 20-УД15-1 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 23.03.2022 № 77-1285/2022 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 09.12.2021 № 77-6097/2021 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Апелляционное постановление Калужского областного суда от 11.11.2020 по делу № 1-2-16/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Постановление Президиума Ставропольского краевого суда от 12.12.2018 по делу № 44У-419/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Постановление Президиума Челябинского областного суда от 07.12.2016 № 44у-143/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Постановление Президиума Верховного Суда Республики Крым от 07.08.2019 по делу № 44У-131/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Применительно к проблеме учета данного обстоятельства в процессе решения вопросов, связанных с освобождением от отбывания наказания свою категоричную позицию высказали Конституционный Суд Российской Федерации (По жалобе гражданина Лебедева Платона Леонидовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 01.03.2012 № 274-О-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2012. № 5) и Верховный Суд Российской Федерации (О практике применения судами законодательства об отсрочке отбывания наказания: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2023 № 47 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2024. № 2).

Пленума Верховного Суда Российской Федерации¹;

- о постоянно встречающихся на практике и обоснованно отвергаемых судом требованиях признать в качестве смягчающего обстоятельства тот факт, что подсудимый «не скрывался от следствия и суда»², «не скрывался, жил открыто, вел социальный образ жизни, образовал семью, у него родились дети»³, «не скрывал от следствия какой-либо информации по делу»⁴.

Пассивное правомерное поведение лица, совершившего преступление, основанное одновременно на выполнении долга «не препятствовать государству (следствию)» и права «не помогать государству (следствию)», в социальном отношении является нейтральным и не может получать выраженную в праве негативную или позитивную оценку.

Подводя итог, представляется возможным сформулировать несколько основных тезисов:

- уголовно-правовой статус лица, совершившего преступление, целесообразно рассматривать в качестве отраслевой конкретизации конституционных прав и обязанностей человека в его публичных взаимоотношениях с государством; с этой

точки зрения в основе уголовно-правового статуса лица, совершившего преступление, расположены его притязания на уважение прав и свобод и обязанность соблюдать законы государства;

- в рамках уголовно-правовых отношений обязанности лица, совершившего преступление, не предполагают совершения им каких-либо активных действий в интересах государства; исходя из презумпции добропорядочности граждан и презумпции невиновности, они заключаются в требовании пассивного поведения граждан: обязанности не оказывать препятствий государству в его реализации его суверенных прав на осуществление уголовного преследования и обязанности претерпеть назначенные на основании судебного решения меры уголовно-правового принуждения;

- особенности содержания прав и обязанностей лица, совершившего преступление, не позволяют признать их ординарное исполнение в рамках уголовно-правовых отношений поведением, заслуживающим векторной (отрицательной или положительной) оценки; такая оценка становится возможной лишь в случае, когда лицо, совершившее преступление, выходит за пределы должного поведения в инициативную и (или) стимулируемую государством область активных, позитивных, постпреступных действий.

¹ О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2016 № 55 (п. 14) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 1.

² Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.08.2019 № 66-АПУ19-14 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 04.06.2019 № 48-АПУ19-17 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.11.2019 № 4-АПУ19-36 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 25.08.2022 № 224-УД22-17-А6 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.04.2022 № 18-УД22-8-А3 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.08.2024 № 81-УД24-9СП-А5 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 30.10.2024 № 5-УД24-77сп-А1 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Список источников

1. Огурцов Н. А. Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве. Рязань: Рязанская высшая школа МВД СССР, 1975. 206 с.
2. Юнусов Э. А. Правовые обязанности человека и гражданина (вопросы теории): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 32 с.
3. Коршунова И. В. Обязанность как правовая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 27 с.
4. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: лекции. Часть Общая: в 2 т. М.: Наука, 1994. Т. 1. 419 с.
5. Звечаровский И. Э. Уголовное право. Курс Общей части, во многом определяющей действенность положений его части Особенной. М.: Проспект, 2024. 480 с.
6. Российское уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В. П. Коняхина, М. Л. Прохоровой. М.: Контракт, 2014. 560 с.
7. Наумов А. В. Уголовное право. Общая часть: курс лекций. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2024. 816 с.
8. Лопашенко Н. А. Введение в уголовное право. М.: Волтерс Клувер, 2009. 224 с.
9. Кропачев Н. М. Уголовные правоотношения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1984. 17 с.
10. Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М.: Наука, 1979. 229 с.
11. Мальцев Г. В. Социалистическое право и свобода личности: теоретические вопросы. М.: Юридическая литература, 1968. 143 с.
12. Коршунова И. В. Обязанность как правовая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 27 с.
13. Евстифеев Д. М. Конституционный долг личности и правомерное поведение // Российский юридический журнал. 2018. № 6 (123). С. 70–84.
14. Разогреева А. М. (Не)признание вины: между правом на защиту и учетом при определении уголовно-правовых последствий // Уголовное право. 2025. № 6. С. 29–40.

References

1. Ogurcov N. A. Pravootnosheniya i otvetstvennost' v sovetskom ugovnom prav. Ryazan': Ryazanskaya vysshaya shkola MVD SSSR, 1975. 206 s.
2. Yunusov E. A. Pravovye obyazannosti cheloveka i grazhdanina (voprosy teorii): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2008. 32 s.
3. Korshunova I. V. Obyazannost' kak pravovaya kategoriya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2004. 27 s.
4. Tagancev N. S. Russkoe ugovnoe pravo: lekci. Chast' Obshchaya: v 2 t. M.: Nauka, 1994. T. 1. 419 s.
5. Zvecharovskij I. E. Ugolovnoe pravo. Kurs Obshchej chasti, vo mnogom opredelyayushchej dejstvennost' polozhenij ego chasti Osobennoj. M.: Prospekt, 2024. 480 s.
6. Rossijskoe ugovnoe pravo. Obshchaya chast': uchebnik dlya vuzov / pod red. V. P. Konyahina, M. L. Prohorovoj. M.: Kontrakt, 2014. 560 s.
7. Naumov A. V. Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': kurs lekci. 7-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2024. 816 s.
8. Lopashenko N. A. Vvedenie v ugovnoe pravo. M.: Volters Kluver, 2009. 224 s.
9. Kropachev N. M. Ugolovnye pravootnosheniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. L., 1984. 17 s.
10. Vitruk N. V. Osnovy teorii pravovogo polozheniya lichnosti v socialisticheskom obshchestve. M.: Nauka, 1979. 229 s.
11. Mal'cev G. V. Socialisticheskoe pravo i svoboda lichnosti: teoreticheskie voprosy. M.: Yuridicheskaya literatura, 1968. 143 s.
12. Korshunova I. V. Obyazannost' kak pravovaya kategoriya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2004. 27 s.
13. Evstifeev D. M. Konstitucionnyj dolg lichnosti i pravomernoe povedenie // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2018. № 6 (123). S. 70–84.

14. Razogreeva A. M. (Ne)priznanie viny: mezhdru pravom na zashchitu i uchetom pri opredelenii ugovno-pravovyh posledstvij // Ugolovnoe pravo. 2025. № 6. S. 29–40.

Информация об авторе

В. Н. Куфлева — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. N. Kufleva — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 31.07.2025; одобрена после рецензирования 07.11.2025; принята к публикации 25.11.2025.

The article was submitted 31.07.2025; approved after reviewing 07.11.2025; accepted for publication 25.11.2025.

ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК» В ДОКТРИНЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА РОССИИ

Денис Анатольевич Маракулин

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, dmarakulin@mail.ru

Аннотация. В статье проводится комплексный историко-правовой анализ формирования и развития одной из фундаментальных, но одновременно одной из наиболее дискуссионных категорий уголовного права — общественный порядок. Автор последовательно исследует трансформацию научных представлений данной дефиниции, начиная с философских истоков и ранних отечественных подходов, через догматику советского периода и заканчивая современными полемиками в российской уголовно-правовой науке. Особое внимание уделяется диалектике широкого и узкого подходов к определению общественного порядка, анализу его соотношения со смежными правовыми категориями (правопорядок, общественная безопасность) и поиску его специфики как объекта уголовно-правовой охраны. На основе анализа широкого круга доктринальных источников, включая труды классиков и современных исследователей, а также данных эмпирических исследований делается вывод о незавершенности процесса концептуализации рассматриваемого понятия, и формулируются предложения по его дальнейшему осмыслению и возможному легальному закреплению.

Ключевые слова: общественный порядок, уголовное право, объект преступления, генезис понятия, правопорядок, общественная безопасность, общественная нравственность, хулиганство, вандализм, уголовно-правовая доктрина

Для цитирования: Маракулин Д. А. Генезис и эволюция понятия «общественный порядок» в доктрине уголовного права России // Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 176–181.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

GENESIS AND EVOLUTION OF THE CONCEPT OF «PUBLIC ORDER» IN THE DOCTRINE OF THE RUSSIAN CRIMINAL LAW

Denis A. Marakulin

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, dmarakulin@mail.ru

Abstract. The article provides a comprehensive historical and legal analysis of the formation and development of one of the fundamental, yet highly controversial categories of criminal law — «public order». The author consistently examines the transformation of scholarly views on this definition, starting from its philosophical origins and early domestic approaches, through the dogmatics of the Soviet period, and ending with contemporary debates in Russian criminal law science. Particular attention is paid to the dialectics of the «broad» and «narrow» approaches to defining public order; the analysis of its relationship with related legal categories («legal order», «public safety»), and the search for its specifics as an object of criminal law protection. Based on the analysis of a wide range of doctrinal sources, including works by classical and modern scholars, as well as empirical research data, the conclusion is drawn about the incomplete nature of the conceptualization process for the concept in question, and proposals for its further understanding and potential legal formalization are formulated.

Keywords: public order; criminal law, object of crime, concept genesis, law and order, public safety, public morality, hooliganism, vandalism, criminal law doctrine

For citation: Marakulin D. A. Genesis and evolution of the concept of «public order» in the doctrine of the Russian criminal law. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;4:176–181 (In Russ.).

Понятие «общественный порядок», будучи краеугольным камнем в конструкции составов целого ряда преступлений против общественной безопасности и общественного порядка (гл. 24 УК РФ), прежде всего хулиганства (ст. 213 УК РФ) и вандализма (ст. 214 УК РФ), продолжает оставаться одним из самых неопределенных в отечественном уголовном праве. Эта содержательная аморфность является источником перманентных трудностей для правоприменительной практики. Как свидетельствуют данные проведенного нами исследования, 86 % опрошенных практических работников испытывают затруднения в определении указанного понятия, а 96 % выступают за его легальное закрепление¹. Данная лакуна в позитивном праве является прямым следствием сложного, многогранного и зачастую противоречивого генезиса научных представлений об общественном порядке. Актуальность настоящей статьи обусловлена необходимостью систематизации этого генезиса, выявления ключевых векторов эволюции доктрины и оценки перспектив легальной дефиниции.

Прежде чем перейти к сугубо уголовно-правовому аспекту обозначенной проблемы, необходимо очертить более широкий концептуальный контекст, обратившись к философским и историко-правовым истокам рассматриваемого понятия.

Категория порядка уходит корнями в социальную философию и общую теорию права. Как верно отмечено в научной литературе, порядок может рассматриваться как «своеобразное оформление одного из важнейших свойств развития материи... упорядоченности» [1, с. 91; 2, с. 24–25]. Это онтологическое понимание порядка как антиэнтропийного начала любой сложной системы, в т. ч. социума, задавало масштаб его осмысления.

В дореволюционной российской правовой мысли, наследовавшей европейские традиции, понятие «общественный порядок» активно разрабатывалось в рамках науки полицейского права. Его упоминание в тексте «Трактата о полиции» французского ученого XIX в. Деламаара не случайно: именно в этой работе полицейская деятельность была впервые системно концептуализирована как деятельность государства по охране порядка в общественных местах и пресечению элементов «кучлачного права». Используемые им категории «бла-

гочиние», «благоустройство», «благосостояние» и «благополучие» задали широкий, интегральный взгляд на проблему, который, будучи переработанным, был унаследован и советской доктриной [3, с. 331].

Известный теоретик права С. С. Алексеев отмечал, что любое государственно-организованное общество объективно нуждается в определенной степени урегулированности и стабильности общественных отношений, что и составляет суть правопорядка, частью которого является и порядок общественный [4, с. 187]. Однако в отличие от правопорядка общественный порядок всегда имел более ярко выраженный социально-поведенческий, феноменологический характер.

Систематическая научная разработка понятия «общественный порядок» применительно к потребностям советского права началась в начале 1960-х гг. Этот процесс был стимулирован кодификацией советского законодательства и идеологическим курсом на усиление охраны социалистического правопорядка. Именно в этот период сформировались два основных методологических подхода, диалог между которыми определяет дискуссию и по сей день.

Широкий (интегральный) подход. Здесь наиболее влиятельным и цитируемым стало определение, сформулированное М. И. Еропкиным. Его суть заключалась в комплексности: общественный порядок понимался как «обусловленная интересами всего советского народа... система волевых общественных отношений, складывающаяся главным образом в общественных местах, а также общественных отношений, возникающих и развивающихся вне общественных мест, но по своему характеру обеспечивающих охрану жизни, здоровья, чести и достоинства...» [5, с. 11]. Ключевым критерием для М. И. Еропкина выступало место возникновения отношений, хотя оговорка об отношениях «вне общественных мест» существенно размывала этот критерий. По сути, такое определение делало границы понятия чрезвычайно расплывчатыми, позволяя подразумевать под ним практически любое правонарушение, затрагивающее интересы граждан или организаций.

Второй подход содержательный (сущностный), где альтернативную позицию занимали ученые, делавшие акцент на содержательной стороне охраняемых отношений. Так, А. В. Серегин характеризовал общественный порядок как «урегулированную нормами права и иными социальными нормами систему общественных отношений, установление, развитие и охрана которых обеспечивают

¹ В опросе, касающемся определения общественного порядка как объекта уголовно-правовой охраны, приняло участие 380 научных сотрудников, практических работников органов внутренних дел, прокуратуры и суда Республики Алтай, Алтайского и Красноярского краев, Новосибирской и Кемеровской областей.

поддержание состояния общественного и личного спокойствия граждан, уважение их чести, человеческого достоинства и общественной нравственности» [6, с. 4]. И. Н. Даньшин подчеркивал его волевой и поведенческий характер, складывающийся в процессе «сознательного и добровольного соблюдения гражданами установленных в нормах права и иных нормах неюридического характера правил поведения в области общения» [7, с. 68].

Несмотря на различия, оба направления советской науки имели общую черту: они рассматривали общественный порядок как продукт воздействия всей системы социальных норм (право, мораль, правила социалистического общежития, обычаи), а не только права. Это порождало фундаментальное внутреннее противоречие, на которое впоследствии указал А. В. Агафонов: уголовный закон, будучи инструментом государственного принуждения, призван охранять лишь те социальные ценности и отношения, которые получили формальное правовое выражение. Охрана же морали как таковой средствами уголовного права представляется сомнительной с позиций принципа законности [8, с. 166–169].

После становления и догматизации понятия «общественный порядок» в советский период (1960–1980-е гг.) наступает этап его критического переосмысления (1990–2000-е гг.), который характеризуется деконструкцией широкого подхода и поиском уголовно-правовой специфики данного понятия.

С распадом СССР и формированием новой российской правовой системы, основанной на принципах верховенства права, приоритета прав человека и строгой юридической определенности, начался современный, критический этап осмысления общественного порядка. Идеологическая составляющая отошла на второй план, а на первый вышли прагматические вопросы квалификации преступлений и обеспечения принципа *nullum crimen sine lege*. Это вызвало к жизни устойчивую тенденцию к сужению и уточнению понятия, к поиску его специфически уголовно-правового содержания.

Критика широких определений общественного порядка советской эпохи часто встречается в современной доктрине. Ученые справедливо указывают на ряд их системных недостатков:

1. Фактическое отождествление общественного порядка с правопорядком. Если общественный порядок включает всю систему социально значимых отношений, урегулированных всеми видами социальных норм, то он нарушается при соверше-

нии практически любого преступления (от кражи до терроризма). Это лишает его качественной определенности как самостоятельного, специального объекта уголовно-правовой охраны. Как отмечал Б. Т. Разгильдиев, при таком подходе общественный порядок действительно «претерпевает негативное воздействие от любого преступления», что делает бессмысленным его выделение в качестве отдельного объекта уголовно-правовой защиты [9, с. 17].

2. Невозможность правовой охраны внеправовых явлений. Уголовный закон, по своей природе, охраняет наиболее важные общественные отношения, урегулированные именно правом. Ответственность же за нарушение норм морали, обычаев или правил общежития, не инкорпорированных в правовое поле, противоречит принципу законности. Закон предусматривает ответственность не за невоспитанность, бескультурье, хамство, а лишь за формально определенные, запрещенные виды общественно опасного поведения [10, с. 410].

В результате в современной науке постепенно сформировался консенсус относительно того, что для целей уголовного права необходимо узкое, нормативно ориентированное и операционально пригодное определение. Общественный порядок как непосредственный объект преступлений, предусмотренных ст. 213, 214 УК РФ, стал пониматься преимущественно как система публичных отношений, обеспечивающих общественное спокойствие, нормальные условия жизни, труда и отдыха в общественных местах, уважение к общественной нравственности и установленным правом правилам поведения граждан.

В подтверждение данного определения отметим позиции Л. В. Иногамовой-Хегай, которая, анализируя объект хулиганства, подчеркивает, что его специфика заключается в грубом нарушении общественного порядка, которое «выражает явное неуважение к обществу, иными словами, имеет место вызов обществу, стремление противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежение к правилам человеческого общежития, к личности, чести и достоинству людей» [11, с. 345]. В свою очередь, А. В. Бриллиантов указывает, что сущность общественного порядка заключается в «обеспечении обстановки спокойствия, нормальных условий для труда и отдыха граждан, для работы предприятий, учреждений, организаций», и акцентирует внимание на том, что этот порядок регулируется не только правом, но и нормами морали, обычаями, правилами общежития, что, однако, не отменяет необходимости четкого опре-

деления именно правовых границ этого понятия для целей уголовной ответственности [12, с. 612].

Полагаем, что сегодня можно выделить современный этап в эволюции понятия «общественный порядок» (2000-е гг. — по настоящее время), который связан, по нашему мнению, в первую очередь с проблемами разграничения общественного порядка со смежными категориями, тем самым проявляя его правовую идентичность.

Одной из самых актуальных и практически значимых проблем данного этапа является четкое доктринальное и правоприменительное разграничение общественного порядка с такими понятиями, как правопорядок, общественная безопасность и общественная нравственность.

Правопорядок — это состояние фактической упорядоченности всей системы общественных отношений, урегулированных правом. Это наиболее широкое понятие, частным проявлением и составной частью которого является общественный порядок. Каждое преступление посягает на правопорядок в целом, но далеко не каждое — на общественный порядок как специфический объект. Как верно отмечает В. В. Борисов, отождествление этих категорий лишает общественный порядок его качественной определенности [2, с. 24–25].

Общественная безопасность как родовой объект целого раздела УК РФ (Раздел IX) характеризуется состоянием защищенности жизненно важных интересов общества и личности от внутренних и внешних угроз, в т. ч. от угроз, исходящих от источников повышенной опасности. Общественный порядок и общественная безопасность тесно переплетены, но имеют разную природу. Если безопасность связана с защитой от конкретных, часто предметных угроз (оружие, взрывчатые вещества, техногенные катастрофы), то общественный порядок — с поддержанием нормального, социально одобряемого режима публичного взаимодействия, основанного на соблюдении правил приличия, уважении и спокойствии.

Дискуссионным остается вопрос о соотношении общественного порядка и общественной нравственности.

Анализируя эти понятия в их расширенном значении, можно заключить, что они, основываясь на общественной морали и ее универсальных компонентах, взаимно дополняют и отражают друг друга.

Однако, анализируя общественную нравственность и общественный порядок как непосредственные объекты различных преступлений, необходимо их рассматривать в узком смысле, что придает

этим понятиям самостоятельные признаки. Сущность общественного порядка можно определить через его основную цель — создание условий для общественного спокойствия и нормальной жизнедеятельности граждан. Что касается общественной нравственности, то ее сущность проявляется в зависимости от традиционных духовных и культурных ценностей, выработанных в обществе.

Проведенный анализ позволяет выделить три основных этапа в эволюции понятия «общественный порядок» в российской уголовно-правовой доктрине, каждый из которых был обусловлен как внутринаучными, так и социально-политическими факторами.

Этап становления и догматизации (1960–1980-е гг.). Формирование и противостояние двух основных подходов — широкого (М. И. Еропкин), акцентирующего внимание на месте возникновения общественных отношений, и содержательного (А. В. Серегин), указывающего на их сущность. Таким образом, на данном этапе наблюдается доминирование интегрального подхода, рассматривающего общественный порядок как продукт всего массива социальных норм, что соответствует парадигме слияния права, морали и политики.

Этап критического переосмысления (1990–2000-е гг.), характеризующийся деконструкцией широких определений под влиянием либерализации правовой системы и утверждения принципа законности, а также осознанием необходимости отграничения общественного порядка от правопорядка в целом и поиском его специфики как объекта уголовно-правовой охраны.

Современный этап (2000-е гг. — по настоящее время), в котором происходит сдвиг в сторону выработки узкого, инструментального понимания, позволяющего осуществлять единообразную квалификацию преступлений. При толковании общественного порядка акцент делается на таких элементах, как общественное спокойствие, правила поведения в общественных местах, уважение к общественной нравственности, получившим правовое выражение. Данный этап также характеризуется интенсификацией дискуссий о разграничении общественного порядка со смежными категориями.

Несмотря на значительный прогресс в теоретическом осмыслении, отсутствие легального определения общественного порядка в Уголовном кодексе РФ продолжает оставаться серьезной проблемой, порождающей правоприменительный произвол, противоречивую судебную практику и, как следствие, снижение эффективности борьбы с преступлениями против общественного порядка.

При этом Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» также не разрешает обозначенный аспект, поскольку не дает общего определения рассматриваемому понятию, ограничиваясь указанием только на отдельные признаки хулиганства.

Подводя итог вышеизложенному, представляется, что дальнейшие исследования должны быть сосредоточены на синтезе историко-доктринальных наработок с потребностями современной правоприменительной практики с целью выработки

сбалансированного определения, которое, с одной стороны, было бы достаточно узким и конкретным для реализации задач уголовного закона, исключая его произвольное толкование, а с другой — не игнорировало бы комплексный социально-поведенческий характер этого феномена. Легализация такого определения в примечании к ст. 213 УК РФ, по нашему мнению, будет способствовать не только единообразию судебной практики и укреплению законности, но и, что не менее важно, формированию адекватного правосознания у граждан, значительная часть которых, как показывают эмпирические данные, до сих пор не осознает сути и ценности охраняемого блага.

Список источников

1. Бабаев В. К. Уровни правового регулирования общественных отношений и социалистический правопорядок // Правопорядок и правовой статус личности в развитом социалистическом обществе в свете Конституции СССР 1977 года / отв. ред. М. И. Байтин. Саратов, 1980. С. 91.
2. Борисов В. В. Конституция СССР и проблемы правового порядка развитого социализма // Правопорядок и правовой статус личности в развитом социалистическом обществе в свете Конституции СССР 1977 года / отв. ред. М. И. Байтин. Саратов, 1980. С. 24–25.
3. Энциклопедический словарь / под ред. проф. И. Е. Андреевского. Давенпорт – Десмин; Санкт-Петербург: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890–1907, 1893. 480 с.: ил.
4. Алексеев С. С. Теория права. М.: БЕК, 1993. 320 с.
5. Еропкин М. И. Управление в области охраны общественного порядка. М.: Юрид. лит., 1965. 180 с.
6. Серегин А. В. Советский общественный порядок и административно-правовые средства его укрепления. М.: ВШ МВД СССР, 1975. 168 с.
7. Даньшин И. Н. Уголовно-правовая охрана общественного порядка. Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1971. 176 с.
8. Агафонов А. В. Общественный порядок как родовой объект преступлений, предусмотренных разделом IX УК РФ // Государство. Политика. Право: межвузовский сборник научных трудов. Уфа, 2000. С. 166–169.
9. Разгильдиев Б. Т. Категория «общественная безопасность» в уголовном праве Российской Федерации // Общественная безопасность и ее законодательное обеспечение: мат-лы Всероссийской научно-практ. конф-ции. Астрахань, 2001. С. 12–18.
10. Габдрахманов Р. Л. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка // Уголовное право. Особенная часть / под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. М., 1998. 767 с.
11. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рагоа, А. И. Чучаева. М.: Проспект, 2022. 704 с.
12. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. А. В. Бриллиантова, Г. Д. Крахоткиной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2021. 768 с.

References

1. Babaev V. K. Urovni pravovogo regulirovaniya obshchestvennyh otnoshenij i socialisticheskij pravoporyadok // Pravoporyadok i pravovoj status lichnosti v razvitom socialisticheskom obshchestve v svete Konstitucii SSSR 1977 goda / otv. red. M. I. Bajtin. Saratov, 1980. S. 91.
2. Borisov V. V. Konstituciya SSSR i problemy pravovogo poryadka razvitogo socializma // Pravoporyadok i pravovoj status lichnosti v razvitom socialisticheskom obshchestve v svete Konstitucii SSSR 1977 goda / otv. red. M. I. Bajtin. Saratov, 1980. S. 24–25.
3. Enciklopedicheskij slovar' / pod red. prof. I. E. Andreevskogo. Davenport – Desmin; Sankt-Peterburg: F. A. Brokgauz, I. A. Efron, 1890–1907, 1893. 480 s.: il.
4. Alekseev S. S. Teoriya prava. M.: BEK, 1993. 320 s.

5. Eropkin M. I. Upravlenie v oblasti ohrany obshchestvennogo poryadka. M.: Yurid. lit., 1965. 180 s.
6. Seregin A. V. Sovetskij obshchestvennyj poryadok i administrativno-pravovye sredstva ego ukrepleniya. M.: VSh MVD SSSR, 1975. 168 s.
7. Dan'shin I. N. Uголовно-правовая охрана обshchestvennogo poryadka. Har'kov: Izd-vo Har'kovskogo un-ta, 1971. 176 s.
8. Agafonov A. V. Obshchestvennyj poryadok kak rodovoj ob'ekt prestuplenij, predusmotrennyh razdelom IX UK RF // Gosudarstvo. Politika. Pravo: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Ufa, 2000. S. 166–169.
9. Razgil'diev B. T. Kategoriya «obshchestvennaya bezopasnost'» v uголовnom prave Rossijskoj Federacii // Obshchestvennaya bezopasnost' i ee zakonodatel'noe obespechenie: mat-ly Vserossijskoj nauchno-prakt. konfcii. Astrahan', 2001. S. 12–18.
10. Gabdrahmanov R. L. Prestupleniya protiv obshchestvennoj bezopasnosti i obshchestvennogo poryadka // Uголовное право. Osobennaya chast' / pod red. N. I. Vetrova, Yu. I. Lyapunova. M., 1998. 767 s.
11. Uголовное право Rossii. Osobennaya chast': uchebnik / pod red. L. V. Inogamovoj-Hegaj, A. I. Raroga, A. I. Chuchaeva. M.: Prospekt, 2022. 704 s.
12. Uголовное право Rossijskoj Federacii. Osobennaya chast': uchebnik / pod red. A. V. Brilliantova, G. D. Krahotkinoy. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2021. 768 s.

Статья поступила в редакцию 13.10.2025; одобрена после рецензирования 24.11.2025; принята к публикации 25.11.2025.

The article was submitted 13.10.2025; approved after reviewing 24.11.2025; accepted for publication 25.11.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 182–187.

Altai Law Journal. 2025. № 4 (52). P. 182–187.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.1

КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЕ СОДЕЙСТВИЕ ГРАЖДАН ОПЕРАТИВНЫМ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ КРИМИНАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Дмитрий Александрович Симоненко

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, simonenkoda@buimvd.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу современных криминальных вызовов, связанных с цифровизацией, глобализацией преступности и трансформацией организованных преступных групп, и их влиянию на институт конфиденциального содействия граждан. В работе детально рассматривается комплекс факторов, требующих существенного обновления подходов к работе с конфиденциантами, включая использование преступниками новейших технологий, изменение мотивации граждан и низкий уровень доверия к правоохранительным органам. Центральной проблемой статьи является противоречие между острой потребностью в повышении эффективности конфиденциального содействия и отсутствием адекватных научных разработок и современной правовой базы для его оптимизации. В заключение делается вывод о необходимости разработки принципиально новой научной концепции и комплекса мер стратегического, правового и организационно-тактического характера для адаптации данного института к вызовам цифровой эпохи.

Ключевые слова: конфиденциальное содействие, оперативно-розыскная деятельность, криминальные вызовы, цифровизация преступности, информационные технологии, правовое регулирование

Для цитирования: Симоненко Д. А. Конфиденциальное содействие граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел в условиях современных криминальных вызовов // Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 182–187.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

CONFIDENTIAL ASSISTANCE OF CITIZENS TO OPERATIONAL UNITS OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY CRIMINAL CHALLENGES

Dmitriy A. Simonenko

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, simonenkoda@buimvd.ru

Abstract. The scientific article is devoted to the analysis of current criminal challenges related to digitalization, the globalization of crime and the transformation of organized criminal groups, and their impact on the institution of confidential assistance to citizens. The author substantiates the thesis about the insufficient effectiveness of traditional methods of operational investigative activities in the new conditions, which is confirmed by the statistical growth of cybercrimes and the low level of their detection. The paper examines in detail a set of factors that require significant updating of approaches to working with confidants, including the use of new technologies by criminals, changes in the motivation of citizens and a low level of trust in law enforcement agencies. The central problem of the article is the contradiction between the urgent need to increase the effectiveness of confidential assistance and the lack of adequate scientific developments and a modern legal framework for its optimization. It is concluded that it is necessary to develop a fundamentally new scientific concept and a set of strategic, legal, organizational and tactical measures to adapt this institute to the challenges of the digital age.

Keywords: confidential assistance, operational investigative activities, criminal challenges, digitalization of crime, information technology, legal regulation

For citation: Simonenko D. A. Confidential assistance of citizens to operational units of the internal affairs bodies in the context of contemporary criminal challenges. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;4:182–187 (In Russ.).

Современные криминальные вызовы — это новые масштабные угрозы, порожденные, прежде всего, технологическим прогрессом, глобализацией и изменениями в жизнедеятельности общества. Все это приводит к выходу за рамки традиционной преступности, что, в свою очередь, требует адаптации правоохранительных систем.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации¹ среди наиболее значимых угроз названы:

- сохранение высокого уровня преступности в отдельных сферах;
- рост числа преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий;
- дестабилизирующее влияние на общественно-политическую обстановку экстремистских проявлений;
- повышение активности деструктивных сил за рубежом и внутри страны, предпринимающих попытки использования объективных социально-экономических трудностей в Российской Федерации в целях стимулирования негативных социальных процессов, обострения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, манипулирования в информационной сфере.

Согласно Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации² научно-технологическое развитие определяется комплексом внешних и внутренних факторов, формирующих систему «больших вызовов». Эти вызовы создают риски для общества, экономики, системы государственного управления, но одновременно представляют собой важный фактор для появления новых возможностей и перспектив научно-технологического развития.

Президент Российской Федерации В. В. Путин неоднократно отмечал ключевую роль органов внутренних дел в борьбе с криминогенными вызовами, противодействие которым является основной задачей их оперативных подразделений.

Основным и наиболее эффективным инструментом противодействия преступности, включая ее наиболее организованные формы, является оперативно-розыскная деятельность (далее — ОРД). Ее неотъемлемым и стратегически важным эле-

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ментом выступает конфиденциальное содействие граждан — традиционный институт ОРД, обеспечивающий привлечение к сотрудничеству лиц, обладающих уникальной информацией, доступом к преступным сообществам, возможностью получения информации непосредственно из преступной среды.

К сожалению, ряд обстоятельств указывает на недостаточную результативность использования в интенсивно меняющейся криминогенной обстановке исключительно традиционных методов и средств противодействия преступности, включая устоявшиеся методы конфиденциального содействия граждан. На кризис применения традиционных методов противодействия преступности указывает рост организованной преступности. По данным Следственного комитета Российской Федерации, в 2024 г. раскрыто 7 тыс. преступлений, совершенных организованными группами и преступными сообществами. Это на 35 % больше, чем в 2023 г., причем количество коррупционных преступлений, совершенных организованными группами в первом квартале 2025 г. увеличилось на 46,5 % (с 1102 до 1614 случаев)³.

Отмечается резкий рост преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (в 2024 г. в России их зарегистрировано 765,4 тыс., что на 13,1 % больше, чем в 2023 г.), низкая раскрываемость киберпреступлений (25,9 %), что существенно ниже общей раскрываемости преступлений (49,2 %), для дистанционного мошенничества она еще ниже — 10 %. Косвенно потребность в изменении подходов к конфиденциальному содействию граждан подтверждает и крайне низкая доля выявленных и пресеченных преступлений на стадии приготовления и покушения, которая в 2024 г. составила всего 6,7 % от всех зарегистрированных преступлений⁴.

В последние годы происходят масштабные социальные изменения, оказывающие значительное влияние на характер преступности и требующие существенного изменения всей системы противодействия ей, включая оперативно-розыскную деятельность в целом и институт конфиденциального содействия ей граждан в частности. Обновление социальной реальности, обусловленное сложными политическими процессами, формированием новой многополярной системы миропорядка, рез-

³ По данным официального сайта Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/>.

⁴ По данным официального сайта МВД России. URL: <https://мвд.рф/>.

ким обострением противостояния с недружественными государствами, информатизацией всех сфер функционирования общества, глубоким преобразованием глобальной экономики на основе ее цифровизации, трансформацией трансграничной организованной преступности, образует особый комплекс новых вызовов и угроз для России, в числе которых особо выделяется усложнение противодействия криминальной среде, кардинально меняющей свои базовые характеристики. В этих условиях возрастает важность активного привлечения граждан к конфиденциальному содействию оперативным подразделениям правоохранительных органов, которое должно быть максимально адаптировано к новой криминогенной обстановке.

В комплексе криминогенных факторов, требующих существенного обновления института конфиденциального содействия граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел, особо выделяются следующие:

- трансформация организованной преступности и изменение криминальной среды: рекордный рост киберпреступности¹, расширение трансграничной преступной деятельности в цифровом пространстве, развитие гибридных преступных форм (сочетание традиционных и цифровых методов преступности);

- глобализация преступных сетей, усиление международного сотрудничества преступных организаций, усложняющее их выявление;

- использование преступниками новых технологий (шифрования, анонимных средств коммуникации и других современных инструментов), повышающих конспиративность их деятельности;

- рост технологической оснащенности и компетентности преступных сообществ, усложнение применяемых ими криминальных схем;

- негативные последствия цифровизации общества: увеличение количества цифровых коммуникаций, появление новых каналов координации преступной деятельности, усложняющих ее мониторинг и взаимодействие граждан с полицией (использование шифрования, анонимных платформ и DarkNet), требующих от конфидентов новых

компетенций, а от полиции — применения более совершенных методов проверки сведений;

- политические процессы, связанные с обострением международных отношений, ростом преступности в условиях проведения специальной военной операции: расширение международных связей преступных организаций со спецслужбами недружественных государств, активизация вовлечения ими в противоправную деятельность граждан России (террористические акты, экстремистские публикации), использование подконтрольных им российских общественных объединений и отдельных лиц в разведывательной деятельности, усиление со стороны международных террористических и экстремистских организаций работы по вербовке российских граждан, созданию на территории России своих законспирированных ячеек, вовлечению в противоправную деятельность российской молодежи, применение гибридных стратегий в криминальных и политических целях и криминальных элементов в гибридных конфликтах;

- усложнение миграционных процессов: нелегальная миграция, оказывающая значительное влияние на рост теневого сектора экономики и преступности; рост количества конфликтов на национальной почве;

- необходимость обеспечения оперативного прикрытия национальных диаспор и криминогенных объектов с участием нелегальных мигрантов.

Обновление подходов к конфиденциальному содействию не может не учитывать изменения менталитета общества (усиление индивидуализма, правовой нигилизм, повышение осведомленности о методах оперативно-розыскной деятельности, снижение готовности к риску, связанному с негласным сотрудничеством). Уровень доверия населения к правоохранительным органам в России остается невысоким, что создает большие препятствия для привлечения граждан к конфиденциальному содействию на добровольной основе. Среди мотивов оказания содействия крайне редки высокие идеалы, стремление к справедливости, желание помочь в борьбе с преступностью, осознание патриотического и гражданского долга. Преобладают негативные мотивы — чувство личной неприязни к конкретным людям, желание отомстить, стремление избавиться от конкурента по бизнесу, страх разоблачения и т. п.

Устоявшиеся методы работы с конфидентами малоэффективны в отношении специалистов ИТ-сферы, что требует разработки новых подходов, учитывающих психологические особенности и мотивационные профили «цифрового поколе-

¹ В общем числе зарегистрированных преступлений удельный вес преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, увеличился с 14,5 % в 2019 г. до 40,0 % в 2024 г. См.: Статистические данные ФКУ «ГИАЦ МВД России» о преступлениях и лицах, их совершивших, на территории Российской Федерации и ее федеральных округов в 2024 г. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 17.10.2025).

ния». Традиционные мотивы содействия следует дополнить стимулами, учитывающими специфику работы в цифровой среде, а нравственно-правовые аспекты применения метода работы с конфиденнтами требуют специального исследования с учетом современных реалий. Необходим пересмотр подходов к формированию мотивации, психологическому сопровождению конфиденнтов, созданию доверительных отношений между оперативными сотрудниками и лицами, оказывающими содействие.

Следует отметить, что переход к превентивным и проактивным моделям противодействия преступности дополнительно актуализирует необходимость оптимизации вопросов обеспечения конфиденциального содействия граждан органам внутренних дел. Она должна быть нацелена на обеспечение раннего выявления угроз и нейтрализацию криминальных сетей, внедрение предупредительных технологий противодействия преступности, в т. ч. в сфере ОРД с использованием технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ), обеспечивающих обработку больших объемов информации, полученной от конфиденнтов.

В оперативных подразделениях расширяются возможности применения современных технологий для верификации информации, поступающей от конфиденнтов, и установления более эффективных каналов обмена с ними оперативно значимой информацией. Это, в свою очередь, обуславливает потребность в разработке новых стратегий и методик подготовки сотрудников полиции к работе с конфиденнтами в условиях цифровой трансформации и комплексных мер по интеграции цифровых платформ и инструментов ИИ в систему оперативно-розыскной деятельности.

Негативное влияние на результативность конфиденциального содействия оказывают и недостатки в его правовом регулировании [1, с. 165–170], которое характеризуется определенной фрагментарностью, декларативностью и противоречивостью (например, норма об освобождении от уголовной ответственности в ФЗ об ОРД не согласуется с положениями УК РФ). Федеральный закон содержит лишь общие положения, не определяя детально правовой статус, права и обязанности конфиденнтов, в нем отсутствует единое понятие конфиденциального содействия. Правовой статус лиц, оказывающих содействие, ограничен лишь общими фразами о необходимости сохранять в тайне сведения и не предоставлять заведомо ложную информацию. Механизмы защиты конфиденнтов регламентируются недостаточно полно, отсутствует процедура обжалования неправомерного

поведения должностных лиц оперативных подразделений. Не урегулированы вопросы ответственности оперативных сотрудников за расшифровку конфиденнтов, использование конфиденциального сотрудничества для решения задач, не предусмотренных законом, оказание физического и психического воздействия на конфиденнта.

В условиях цифровизации возникают беспрецедентные риски расшифровки конфиденнтов через цифровые следы, которые могут быть использованы для их идентификации, анализа социальных связей, определения местонахождения и привычек. Традиционные подходы к организации взаимодействия с конфиденнтами через очные контакты и телефонное общение не обеспечивают требуемого уровня безопасности конфиденнтов. Не меньшую угрозу представляют утечки данных из информационных систем правоохранительных органов, использование искусственного интеллекта для анализа открытых источников [2, с. 166–175]. С учетом этого требуется существенный пересмотр механизмов защиты сведений о лицах, оказывающих конфиденциальное содействие.

Безусловно, различные аспекты конфиденциального содействия граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел давно находятся в поле зрения оперативно-розыскной науки [3, с. 22; 4, с. 33 и др.]. В то же время, несмотря на большой опыт исследования института конфиденциального содействия и работы с конфиденнтами, представленные в указанных научных трудах знания о нем не в полной мере отражают существенно изменившуюся криминогенную реальность. Комплексно вопросы повышения эффективности конфиденциального содействия граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел в новых условиях до настоящего момента в оперативно-розыскной науке не исследовались. Недостаточно проработанными остаются вопросы методологического и правового обновления подходов к организации конфиденциального содействия [5, с. 227–244], особенно с учетом вызовов цифровой эпохи, изменения мотивационных структур и социальных отношений привлекаемых к нему граждан.

До настоящего времени не предприняты попытки сформировать обновленную, учитывающую кардинальные социальные трансформации, концепцию конфиденциального содействия граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел в качестве объекта стратегического, правового и организационно-тактического регулирования, не выработано системное видение механизмов обе-

спечения такой деятельности в условиях глобального информационного общества.

Изложенное позволяет сделать вывод о противоречии между острой социальной потребностью в существенном повышении эффективности конфиденциального содействия граждан оперативным подразделениям как важнейшего метода оперативно-розыскной деятельности в условиях трансформации преступности и цифровизации общества, с одной стороны, и отсутствием научных наработок по его оптимизации с учетом принципиально изменившейся криминогенной реальности, с другой стороны.

Представляется, что обновление подходов к функционированию системы конфиденциального содействия с учетом названных обстоятельств способно вывести ее на новый, существенно более высокий уровень эффективности. Однако для радикального обновления института конфиденциального содействия граждан правоохранительным органам требуется системное решение ряда проблемных вопросов. До настоящего времени отсутствует полноценная научная концепция конфиденциального содействия граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел, отражающая его современное состояние, правовую природу, место и роль в оперативно-розыскной деятельности, содержащая стройную систему форм и методов реализации такой деятельности, систему оценки ее результатов. Не в достаточной мере

сформирована нормативная правовая база этой деятельности [6, с. 100–104].

Для решения такой сложной, многоаспектной задачи требуется детальная разработка и реализация комплекса мер стратегического, организационно-управленческого и оперативно-тактического характера, направленных на формирование оптимальных условий для развития института конфиденциального содействия с учетом интересов всех субъектов этой деятельности. Недостаточно проработаны вопросы использования возможностей современных информационных технологий, в первую очередь технологий искусственного интеллекта. Фундаментального обновления требуют традиционные, основанные на личном контакте методы работы с конфиденциантами, утрачивающие эффективность в виртуальном пространстве.

Таким образом, несоответствие правового регулирования и традиционно сложившихся подходов к организации конфиденциального содействия граждан кардинально изменившимся социальным реалиям, технологическим возможностям и вызовам существенно снижает эффективность противодействия преступности и требует фундаментального пересмотра теоретических основ и практической организации такой деятельности. Разрешение обозначенных проблем возможно лишь в результате комплексного научного осмысления теоретических, правовых и прикладных аспектов правоохранительной деятельности.

Список источников

1. Железняк И. Н. Актуализация ответственности государства при защите конфиденциантов // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 4 (49). С. 165–170.
2. Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Содействие граждан правоохранительным органам как правовой институт: постановка проблемы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 3 (62). С. 166–175.
3. Павличенко Н. В. Правовая охрана лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Омск: Омский юридический институт, 2011. 247 с.
4. Федоров А. В., Шахматов А. В. Содействие граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность: учебное пособие для слушателей и курсантов образовательных учреждений МВД России юридического профиля. М.: Главное управление кадров МВД России, 2004. 140 с.
5. Тамбовцев А. И. Проблемы и особенности нормативной правовой регламентации использования «документов прикрытия» в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (104). С. 227–244.
6. Луговик В. Ф., Волков К. С. О требованиях, предъявляемых к внутренним управленческим решениям органов внутренних дел // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2023. № 3 (61). С. 100–104.

References

1. Zheleznyak I. N. Aktualizaciya otvetstvennosti gosudarstva pri zashchite konfidantov // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 4 (49). S. 165–170.

2. Tambovcev A. I., Pavlichenko N. V. Sodejstvie grazhdan pravoohranitel'nyh organam kak pravovoj institut: postanovka problemy // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2022. № 3 (62). S. 166–175.
3. Pavlichenko N. V. Pravovaya ohrana lic, okazyvayushchih konfidencial'noe sodejstvie organam, osushchestvlyayushchim operativno-razysknuyu deyatel'nost'. Omsk: Omskij yuridicheskij institut, 2011. 247 s.
4. Fedorov A. V., Shahmatov A. V. Sodejstvie grazhdan organam, osushchestvlyayushchim operativno-razysknuyu deyatel'nost': uchebnoe posobie dlya slushatelej i kursantov obrazovatel'nyh uchrezhdenij MVD Rossii yuridicheskogo profilya. M.: Glavnoe upravlenie kadrov MVD Rossii, 2004. 140 s.
5. Tambovcev A. I. Problemy i osobennosti normativnoj pravovoj reglamentacii ispol'zovaniya «dokumentov prikrityiya» v operativno-razysknoj deyatel'nosti // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2024. № 4 (104). S. 227–244.
6. Lugovik V. F., Volkov K. S. O trebovaniyah, pred'yavlyaemyh k vnutrennim upravlencheskim resheniyam organov vnutrennih del // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 3 (61). S. 100–104.

Информация об авторе

Д. А. Симоненко — кандидат юридических наук.

Information about the author

D. A. Simonenko — Candidate of Science (Law).

Статья поступила в редакцию 31.10.2025; одобрена после рецензирования 24.11.2025; принята к публикации 25.11.2025.

The article was submitted 31.10.2025; approved after reviewing 24.11.2025; accepted for publication 25.11.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 188–194.

Altai Law Journal. 2025. № 4 (52). P. 188–194.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.23

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА: ТЕНДЕНЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ЗАПРЕТОВ, СВЯЗАННЫЕ С ПОСЛЕДНИМИ ИЗМЕНЕНИЯМИ НОРМ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УК РФ

Людмила Яковлевна Тарасова

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, Lmila09@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-8819-9741>

Аннотация. В статье анализируются тенденции уголовно-правовых запретов на основе анализа изменения норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. Вектор развития уголовной политики подвергся оценке с учетом деятельности государственных органов по реализации принципов уголовного права. В исследовании уделено внимание изменениям, касающимся области основ конституционного строя, безопасности государства, защиты несовершеннолетних, лиц, страдающих наркоманией, медицинских работников. Формулируются выводы о направлениях и развитии уголовного законодательства на текущий момент.

Ключевые слова: ответственность, законодательство, наказание, несовершеннолетние

Для цитирования: Тарасова Л. Я. Уголовная политика РФ: тенденции уголовно-правовых запретов, связанные с последними изменениями норм Особенной части УК РФ // Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 188–194.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

CRIMINAL POLICY: TRENDS IN CRIMINAL LAW PROHIBITIONS RELATED TO THE LATEST CHANGES IN THE RULES OF THE SPECIAL PART OF THE CRIMINAL CASE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Liudmila Ya. Tarasova

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Lmila09@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-8819-9741>

Abstract. The article analyzes the trends of criminal law prohibitions, made on the basis of the analysis of changes in the norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. The vector of development of criminal policy was assessed taking into account the activities of state bodies in implementing the principles of criminal law. The study pays attention to changes related to the area of the foundations of the constitutional system, state security, protection of minors, drug addicts, and medical workers. Conclusions are formulated on the directions and development of criminal legislation.

Keywords: responsibility, legislation, punishment, minors

For citation: Tarasova L. Ya. Criminal policy of the Russian Federation: trends in criminal law prohibitions associated with recent changes in the norms of the special part of the Criminal Code of the Russian Federation. *Altajskij juridicheskiy vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;4:188–194 (In Russ.).

Уголовная политика как отражение состояния общества и его ценностей не может быть статичной. Она постоянно находится в движении, адаптируясь к меняющимся общественным отношениям, эволюции преступности и новым вызовам. В современном мире, характеризующемся стремительными технологическими изменениями, глобализацией и ростом социальной напряженности, уголовная политика переживает особенно динамичный период. В России эта динамика проявляется в сложных и порой противоречивых тенденциях, требующих глубокого анализа и осмысления.

Уголовная политика в настоящее время является инструментом социального контроля, направленным на защиту наиболее важных общественных отношений от преступных посягательств, эффективность которого напрямую зависит от его способности оперативно реагировать на изменения в структуре преступности. Изменение социальных норм и ценностей приводит к пересмотру существующих уголовно-правовых запретов и санкций.

Понятие «уголовная политика» широко освещено в научной литературе. Ученые в основном связывают данное понятие с деятельностью государственных органов по реализации принципов уголовного права. Н. С. Грудинин считает, что это деятельность уполномоченных органов и должностных лиц по формированию эффективной нормативной базы, которая будет способствовать удержанию преступности на минимально допустимом уровне, а также осуществлению системы по предупреждению и профилактике преступного поведения личности, системы комплексных мер по исполнению наказания [1, с. 131]. А. И. Александров понятие «уголовная политика» связывает с отношением власти к преступности. Именно власть решает, что является преступлением, а что нет, какое наказание должно быть определено за это или за другое преступление. Именно власть решает, как расследовать преступления и как в суде рассматривать уголовные дела [2, с. 35]. Э. Р. Гафурова напрямую связывает преобразование норм уголовного права с двумя направлениями: гуманизацией и ужесточением. Согласимся с последним тезисом и отметим следующее, что одной из ключевых особенностей современной российской уголовной политики является сосуществование двух противоположных тенденций: ужесточения ответственности за одни виды преступлений и гуманизации в отношении других [3].

В России это проявляется в постоянном совершенствовании уголовного законодательства. Например, в последние годы наблюдается активное

развитие законодательства в сфере противодействия коррупции, экстремизму и терроризму, а также преступлениям, совершаемым с использованием информационных технологий. Эти изменения отражают осознание государством новых угроз и стремление обеспечить безопасность граждан. Указанные преступления представляют особую опасность для общества и государства.

Для более конкретного анализа тенденций уголовно-правовых запретов мы обратим внимание на изменение подхода к ответственности за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, а также защиту отдельных категорий граждан, а именно несовершеннолетних, лиц, страдающих наркоманией, и медицинских работников.

Уголовная политика формирует вектор трансформации уголовного законодательства и способы его реализации [4]. Первое из направлений, которое мы рассмотрим, — это ужесточение, которое выражается в увеличении сроков лишения свободы, введении новых квалифицирующих признаков, расширении перечня преступлений, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы.

Так, при анализе изменений Уголовного кодекса Российской Федерации выявлены следующие законодательные тенденции. Первое: ужесточения связаны с усилением ответственности за преступления против основ конституционного строя, безопасности государства и общественной безопасности. Федеральный закон Российской Федерации от 28.04.2023 № 157-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»¹ предусмотрел увеличение наказания до пожизненного лишения свободы. Указанные изменения позволили Верховному суду Республики Крым назначить наказание жителю города Джанкоя 20 лет колонии строгого режима с дальнейшим ограничением свободы на 1 год 10 месяцев и штрафом в 300 тысяч рублей за передачу представителям СБУ сведений о местах расположения складов Министерства обороны [5]. Также Федеральный закон Российской Федерации от 21.04.2025 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 28.04.2023 № 157-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»¹ предусматривает внесение изменений в ст. 280.3, 284.2, 284.3, 207.3 УК РФ. Федеральным законом Российской Федерации от 21.04.2025 № 102-ФЗ² введена ответственность за несообщение о преступлениях диверсионной направленности.

Вышерассмотренные изменения уголовного законодательства Российской Федерации, ужесточившие наказания за конкретные преступления, считаем оправданными, т. к. деятельность в области общественной безопасности в настоящий момент приоритетная и вызвана необходимостью обеспечения защищенности России от внешних и внутренних угроз. Так, 31 мая 2025 г. в 22 часа 50 минут на железнодорожном перегоне Выгони — Пильшино в Брянской области в результате подрыва произошло обрушение конструкции автомобильного моста, обломки которого упали на проходивший под ним пассажирский поезд. В результате происшествия пострадали и погибли люди. В Железнодорожном районе Курской области 1 июня 2025 г. около 3 часов ночи также произошел подрыв железнодорожного моста, от чего проходящий железнодорожный состав упал на автомобильную дорогу [6]. 1 июня 2025 г. совершен теракт с FPV-дронами в отношении аэродромов в Мурманской, Иркутской, Ивановской, Рязанской и Амурской областях. Атаки на военные аэродромы в Ивановской, Рязанской и Амурской областях были отражены, однако в Мурманской и Иркутской областях загорелись несколько единиц авиатехники [7].

В вопросе усиления ответственности обращает на себя внимание введение квалифицирующих признаков за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий. Федеральным законом Российской Федерации от 28.12.2024 № 514-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»³

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 21.04.2025 № 90-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О внесении изменения в статью 205.6 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 21.04.2025 № 102-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 28.12.2024 № 514-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

законодатель ввел следующие квалифицирующие признаки: с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет); вовлечение двух и более лиц; вовлечение ребенка до 14 лет.

Кроме того, на данном примере мы можем проследить и усиление наказания за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений. Так, в санкции части четвертой ст. 150 УК РФ размер лишения свободы увеличен с восьми до десяти лет. В своем официальном отзыве на проект вышеуказанного федерального закона Верховный Суд РФ отмечает, что целью является усиление противодействия вовлечению несовершеннолетних в совершение нескольких преступлений. Данное решение согласуется с позицией Конституционного Суда РФ, который определил, что для привлечения к уголовной ответственности взрослого за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления не имеет значения, участвовал ли взрослый в совершении этого преступления совместно с несовершеннолетним или оно совершено ребенком самостоятельно, а также был ли взрослый осведомлен об обстоятельствах совершения ребенком преступления, в которое тот был умышленно вовлечен⁴.

Конституционный Суд Российской Федерации не раз подчеркивал, что законодатель, устанавливая преступность и наказуемость общественно опасных деяний, может в зависимости от сущности охраняемых отношений конструировать составы преступлений, учитывая степень их распространенности, значимость ценностей, на которые они посягают, и характер имущественного, организационного и иного вреда, причиняемого охраняемому объекту.

Параллельно с ужесточением ответственности за отдельные виды преступлений наблюдается тенденция к гуманизации уголовного законодательства в отношении преступлений небольшой и средней тяжести. Это выражается в расширении применения альтернативных видов наказания, таких как штрафы, исправительные работы, ограничение свободы, а также в декриминализации отдельных деяний. Р. В. Антропов в своей работе отмечает, что либерализм уголовного законодательства свя-

⁴ По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации и ряда положений статей 42, 45, 145, 146 и 222 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан М. В. Золотаревой и В. В. Фроловой [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.05.2023 № 26-П. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision683158.pdf> (дата обращения: 25.05.2025).

зан со смягчением или устранением наказания, за деяния, которые общество не всегда рассматривает как опасные для своего существования [8].

Федеральным законом Российской Федерации от 28.12.2024 № 514-ФЗ¹ внесены изменения в ст. 238 УК РФ, которая дополнена примечанием следующего содержания: действие настоящей статьи не распространяется на случаи оказания медицинскими работниками медицинской помощи. В пояснительной записке отмечено, что одним из факторов, препятствующих эффективной борьбе с преступлениями данной категории, является неоднозначность трактовки субъекта данного преступления. Это привело к вынесению оправдательных приговоров, анализ которых позволяет сделать вывод о том, что для наличия состава ч. 1 ст. 238 УК РФ необходим специальный субъект².

В научной литературе ранее неоднократно обсуждался данный вопрос. Так, Е. В. Сильченко и А. И. Иванова в своей работе отмечают, что в настоящее время участились случаи практики необоснованного применения положений статьи 238 УК РФ в отношении медицинских работников и нередко эти факты носят весьма резонансный характер. Опираясь на мнения экспертов, возможно сделать вывод о том, что наметившаяся тенденция носит весьма опасный и негативный характер и может оказать весьма пагубное воздействие на систему здравоохранения и качество оказания медицинской помощи. Врачи будут вынуждены проводить лечение весьма консервативными методами, не прибегая к обоснованному риску при спасении жизней пациентов [9]. С принятием ФЗ РФ № 514-ФЗ вывод о безусловной неподсудности врачей представляется спорным [10]. Во-первых, примечание не охватывает всё многообразие манипуляций и услуг, предоставляемых в медицинской сфере, во-вторых, оно не касается немедицинских работников, в т. ч. имеющих медицинское образование, в-третьих, и это самое важное, Уголовный кодекс РФ содержит более 257 составов преступлений, и примечание к одному из них не имеет значения для применения остальных. Поднимается вопрос о реализации настоящей поправки в отношении врачей, которые уже осуждены по ст. 238 УК РФ и приговорены к реальным срокам

наказания [11]. Авторы полагают, что вопросы реабилитации должны решаться исходя из положений ст. 10 УК РФ и на основании постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, в которых вопросы декриминализации, порядка ее осуществления неоднократно были рассмотрены³.

Целью гуманизации является снижение репрессивности уголовной политики, сокращение численности лиц, содержащихся в местах лишения свободы, и повышение эффективности ресоциализации осужденных.

Так, Верховный Суд Российской Федерации в проекте поправок к Уголовному кодексу РФ предлагает исключить наказание в виде лишения свободы из ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231, 233 УК РФ. Кроме того, уменьшить срок лишения свободы по ч. 2 ст. 228 УК РФ с 10 до 5 лет, по ч. 3 ст. 228 УК РФ с 15 до 10 лет. Свою позицию Верховный Суд РФ обосновывает тем, что возникла необходимость более взвешенного подхода законодателя к избранию мер ответственности за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ без цели сбыта, т. к. данные преступления совершают лица, нуждающиеся в реабилитации, т. е. их заболевание является фактором, побуждающим к совершению преступления⁴. В данном документе Верховный Суд Российской Федерации также указывает, что законопроект не предусматривает кардинальной либерализации уголовно-правовой политики в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств, а преследует цель снизить избыточную репрессию в отношении ограниченного круга лиц, обеспечить правоприме-

³ По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1.7 и части 4 статьи 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 4 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и пункта 4 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности"» в связи с жалобами граждан А. И. Залютдинова, Н. Я. Исмагилова и О. В. Чередыняк: постановление Конституционного Суда РФ от 14.06.2018 № 23-П. URL: <https://legalacts.ru> (дата обращения: 04.02.2025).

⁴ О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания РФ проекта федерального закона «О внесении изменений в УК РФ»: постановление Пленума Верховного Суда РФ. URL: <http://storage.pravo.ru> (дата обращения: 24.05.2025).

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 28.12.2024 № 514-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 238 УК РФ». URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/> (дата обращения: 25.05.2025).

нительно дифференцировать ответственность с учетом всех, в т. ч. социально значимых, факторов. Такой же позиции придерживается Т. И. Егорова и отмечает следующее, что признание в установленном законом порядке наличия у лица заболевания наркоманией и выявление психического состояния, в котором находился виновный в связи с немедицинским потреблением наркотиков, имеют важное значение для индивидуализации наказания за совершение незаконных приобретения, изготовления, переработки, хранения либо перевозки наркотиков без цели сбыта [12].

Следует согласиться с мнением Н. Н. Бугеры и О. В. Обернихиной о том, что реализацию тех или иных новелл можно проследить на основе сформированной судебной практики. Такая практика способствовала бы сокращению числа нарушений прав граждан, привела бы к единообразию отечественной судебной практики, а также сократила сроки судебных разбирательств [13].

Двойственность современной уголовной политики является отражением сложности задач, стоящих перед ней. С одной стороны, при реализации задач необходимо обеспечить эффективное противодействие преступлениям уголовно-правовыми средствами, с другой — избежать чрезмерной репрессивности и создать условия для исправления осужденных.

Уголовная политика в Российской Федерации подвержена постоянному развитию под воздействием изменений, происходящих в обществе, технологиях, экономике и политике. В современном мире, где происходят процессы цифровизации, тенденции ее развития приобретают особую актуальность.

Развитие информационных технологий порождает новые формы преступности в области распространения вредоносного программного обеспечения, хищения личных данных граждан. Уголовная политика должным образом должна реагировать на вызовы современного общества и посредством введения новых и совершенствования имеющихся составов преступлений. Важным аспектом должно оставаться повышение цифровой грамотности населения и развитие кибербезопасности, а также борьба с миграционной преступностью. Развитие уголовной политики в будущем следует связать как с глобальными процессами, происходящими в мире, так и с локальными потребностями российского общества. Полагаем, что будут усиливаться тенденции к депенализации, медиации, альтернативным видам наказаний и профилактике преступности. Особое внимание будет уделяться борьбе с транснациональной преступностью, киберпреступностью и экологическими преступлениями. Важным направлением развития уголовной политики станут использование цифровых технологий и гуманизация уголовного законодательства.

Уголовная политика является сложной и многогранной сферой, которая постоянно эволюционирует, отражая изменения в обществе. Тенденции развития уголовной политики определяются глобальными вызовами и локальными ответами. Важно, чтобы уголовная политика была эффективной, справедливой и гуманной, а также соответствовала стандартам в области прав человека. Только в этом случае она сможет внести свой вклад в обеспечение безопасности и благополучия общества.

Список источников

1. Грудинин Н. С. Содержание и основные направления уголовно-правовой политики Российской Федерации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2023. № 2 (847). С. 130–136.
2. Александров А. И. Уголовная политика в Российской Федерации. Еще раз о самом главном // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 4. С. 34–44.
3. Гафурова Э. Р. Современная уголовная политика: гуманизация и ужесточение норм УК РФ. URL: https://elibrary_67843678_17742288.pdf (дата обращения: 25.06.2025).
4. Епифанова Е. В. О составляющих элементах доктрины уголовной политики // Вестник Воронежского государственного университета. 2018. № 3. С. 345–355.
5. Передававший геолокацию военных складов сотрудникам СБУ получил 20 лет лишения свободы. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20250529/310910998.html.
6. СК назвал причину ЧП в Брянской и Курской областях. URL: <https://ria.ru/20250601/sk-2020244941.html> (дата обращения: 25.05.2025).
7. Атака дронов на авиацию РФ. Какие идеи использовали диверсанты. URL: <https://vfokuse.mail.ru/article> (дата обращения: 24.05.2025).

8. Антропов Р. В. Тенденции развития уголовного законодательства в контексте его либерализации и гуманизации: современная российская практика. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44005274_25053689.pdf (дата обращения: 25.06.2025).
9. Иванова А. И., Сильченко Е. В. К вопросу о возможности признания медицинских работников субъектами преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44611476_26043832.pdf.
10. Грязева У. Ятрогенные преступления: спорные вопросы ответственности. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/yatrogennye-prestupleniya-spornye-voprosy-otvetstvennosti/> (дата обращения: 26.06.2025).
11. Горбачев В. И., Нетесин Е. С., Ершова Ю. В., Горбачев С. В., Заболотских И. Б. Комментарии к исключению применения статьи 238 Уголовного кодекса Российской Федерации в отношении медицинских работников при оказании ими медицинской помощи: экспертное мнение. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommentarii> (дата обращения: 20.05.2025).
12. Егорова Т. И. Значение некоторых психонаркологических данных в процессе индивидуализации уголовной ответственности и наказания. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26248676> (дата обращения: 26.06.2025).
13. Бугера Н. Н., Обернихина О. В. Особенности применения обратной силы Уголовного закона на современном этапе развития уголовной политики России. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_48123115_65955788.pdf (дата обращения: 25.06.2025).

References

1. Grudin N. S. Soderzhanie i osnovnye napravleniya ugolovno-pravovoj politiki Rossijskoj Federacii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki. 2023. № 2 (847). S. 130–136.
2. Aleksandrov A. I. Ugolovnaya politika v Rossijskoj Federacii. Eshche raz o samom glavnom // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2017. № 4. S. 34–44.
3. Gafurova E. R. Sovremennaya ugolovnaya politika: gumanizaciya i uzhestochenie norm UK RF. URL: https://elibrary_67843678_17742288.pdf (data obrashcheniya: 25.06.2025).
4. Epifanova E. V. O sostavlyayushchih elementah doktriny ugolovnoj politiki // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 3. S. 345–355.
5. Peredavavshij geolokaciyu voennyh skladov sotrudnikam SBU poluchil 20 let lisheniya svobody. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20250529/310910998.html.
6. SK nazval prichinu ChP v Bryanskoj i Kurskoj oblastyah. URL: <https://ria.ru/20250601/sk-2020244941.html> (data obrashcheniya: 25.05.2025).
7. Ataka dronov na aviaciyu RF. Kakie idei ispol'zovali diversanty. URL: <https://vfokuse.mail.ru/article> (data obrashcheniya: 24.05.2025).
8. Antropov R. V. Tendencii razvitiya ugolovnog zakonodatel'stva v kontekste ego liberalizacii i gumanizacii: sovremennaya rossijskaya praktika. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44005274_25053689.pdf (data obrashcheniya: 25.06.2025).
9. Ivanova A. I., Sil'chenko E. V. K voprosu o vozmozhnosti priznaniya medicinskih rabotnikov sub»ektami prestupleniya, predusmotrennogo st. 238 UK RF. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44611476_26043832.pdf.
10. Gryazeva U. Yatrogennye prestupleniya: spornye voprosy otvetstvennosti. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/yatrogennye-prestupleniya-spornye-voprosy-otvetstvennosti/> (data obrashcheniya: 26.06.2025).
11. Gorbachev V. I., Netesin E. S., Ershova Yu. V., Gorbachev S. V., Zabolotskih I. B. Kommentarii k isklyucheniyu primeneniya stat'i 238 Ugolovnog kodeksa Rossijskoj Federacii v otnoshenii medicinskih rabotnikov pri okazanii imi medicinskoj pomoshchi: ekspertnoe mnenie. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommentarii> (data obrashcheniya: 20.05.2025).

12. Egorova T. I. Znachenie nekotoryh psihonarkologicheskikh dannykh v processe individualizacii ugovnoy otvetstvennosti i nakazaniya. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26248676> (data obrashcheniya: 26.06.2025).

13. Bugera N. N., Obernihina O. V. Osobennosti primeneniya obratnojsily Ugolvnogo zakonana sovremennom etape razvitiya ugovnoy politiki Rossii. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_48123115_65955788.pdf (data obrashcheniya: 25.06.2025).

Информация об авторе

Л. Я. Тарасова — кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

L. Ya. Tarasova — Candidate of Science (History), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 07.10.2025; одобрена после рецензирования 24.11.2025; принята к публикации 25.11.2025.

The article was submitted 07.10.2025; approved after reviewing 24.11.2025; accepted for publication 25.11.2025.

ОБ ОБЪЕКТЕ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ, СВЯЗАННЫХ С ВОЗДЕЙСТВИЕМ НА ИНТИМНЫЕ ЧАСТИ ТЕЛА ПОТЕРПЕВШЕГО

Надежда Владимировна Тыдыкова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, academnauka@rambler.ru

Аннотация. В статье представлен анализ подходов правоприменительной практики к правовой оценке прикосновений к интимным частям тела, не являющимся половыми органами. Проанализированы случаи совершения таких действий как с применением насилия, угрозой его применения или с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица, так и без таковых. Автор приходит к выводу о том, что одной из причин разной квалификации таких действий является возможность причинения вреда различным объектам уголовно-правовой охраны путем совершения действий, имеющих одинаковое внешнее выражение. Приводятся результаты обобщения материалов правоприменительной практики, показывающие, что рассматриваемые действия в зависимости от обстоятельств их совершения квалифицируются по-разному: мелкое хулиганство, оскорбление, побои, развратные действия, действия сексуального характера, либо им не придается самостоятельный правовой статус.

Ключевые слова: действия сексуального характера, развратные действия, насилие, побои, хулиганство, оскорбление

Для цитирования: Тыдыкова Н. В. Об объекте посягательств, связанных с воздействием на интимные части тела потерпевшего // Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 195–200.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

ON THE OBJECT OF ASSAULTS INVOLVING EXPOSURE TO INTIMATE PARTS OF THE VICTIM'S BODY

Nadezhda V. Tydykova

Altai State University, Barnaul, Russia, academnauka@rambler.ru

Abstract. The article analyses the approaches of law enforcement practice to the legal assessment of touching intimate parts of the body that are not genitals. The cases of committing such actions both with the use of violence, threat of its use or using the helpless state of the victim and without it are analyzed. The author comes to the conclusion that one of the reasons for different qualification of such actions is the possibility of causing harm to different objects of criminal-legal protection by committing actions that have the same external expression. Such a conclusion predetermines the necessity of determining the object, to the violation of which the actions of a person were directed, in order to solve the issue of their qualification. The results of generalization of materials of law enforcement practice are given, showing that the actions in question, depending on the circumstances of their commission, are qualified differently: petty hooliganism, insult, battery, lewd acts, acts of a sexual nature, or they are not given an independent legal status.

Keywords: actions of a sexual nature, depraved acts, violence, beatings, hooliganism, insult

For citation: Tydykova N. V. On the object of assaults involving exposure to intimate parts of the victim's body. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;4:195–200 (In Russ.).

Дискуссия о границах содержания понятия «иные действия сексуального характера», используемого законодателем в диспозиции ст. 132 УК РФ, в науке и практике ведется уже много лет [1, 2, 3, 4, 5]. Однако так и не получил однозначного решения вопрос о возможности квалификации по ст. 132 УК РФ действий, которые представлены традиционно рассматриваемыми в качестве развратных действий. Так, правоприменительная практика сталкивается с проблемой правовой оценки прикосновений к интимным частям тела, не являющимся половыми органами (например, ягодицам, молочным железам) [о разграничении понятий «половые органы» и «интимные части тела» подробнее: 6], а также поцелуев, совершаемых с применением насилия или угрозой его применения к лицу старше шестнадцати лет.

Ввиду того, что ст. 132 УК РФ не содержит формальных оснований для ограничительного толкования понятия «иные действия сексуального характера», практика знает случаи, когда прикосновения к интимным частям тела с применением насилия или угрозой его применения были квалифицированы по ст. 132 УК РФ. Часто такое решение можно встретить по делам об изнасиловании, когда наряду с действиями, требующими квалификации по ст. 131 УК РФ, виновное лицо совершало и подобные обсуждаемым действия [7, с. 52–53]. Также ст. 132 УК РФ не содержит требований к минимальному объему проявления насилия, которое является способом преодоления или предупреждения сопротивления потерпевшего лица, поэтому таковым может быть, например, его физическое удержание. Такая логическая линия позволяет заключить, что прикосновения к интимным частям тела потерпевшего, совершенные с его удержанием, возможно квалифицировать по ст. 132 УК РФ и тогда, когда иных действий, традиционно относимых к числу иных действий сексуального характера, в отношении потерпевшего не совершается. Однако это решение ставит вопрос о квалификации по одной норме действий, существенно различающихся по степени общественной опасности, ведь прикосновения к интимным частям тела вряд ли можно поставить в один ряд с мужеложством, лесбиянством и иными действиями, сопряженными с сексуальным проникновением, традиционно относимым к объективной стороне состава преступления, предусмотренного ст. 132 УК РФ.

Чтобы определить природу рассматриваемых действий и подтвердить или опровергнуть возможность их оценки как носящих сексуальный характер, обратимся к практике их квалификации

в случаях, когда они совершаются без применения насилия. Анализ практики показывает, что такие действия получают различную правовую оценку в зависимости от того, какой объект, по мнению правоприменителя, пострадал в результате их совершения.

1. Как мелкое хулиганство по ст. 20.1 КоАП РФ. Именно так квалифицированы действия П., который, находясь в общественном месте, схватил Р. за ягодицу, сжал ее дважды, при этом выражался грубой нецензурной бранью, чем нарушил общественный порядок и проявил неуважение к обществу¹. Аналогичным образом квалифицированы действия С., который, находясь в вагоне электропоезда, приставал к А., трогал ее за ягодицы, на замечания не реагировал, чем нарушил морально-нравственные нормы поведения и общественный порядок².

2. Как оскорбление по ст. 5.61 КоАП РФ. Например, действия Е., который в присутствии иных лиц нанес удар ладонью руки по ягодицам Ф., были признаны унижением чести и достоинства в неприличной форме³.

3. Если соответствующие действия вызывают физическую боль, то имеют место случаи, когда они квалифицируются по ст. 6.1.1 КоАП РФ как побои. Так, по одному делу установлено, что А. пыталась отобрать фотографию у И., для чего схватила правой рукой за ее левую ягодицу и сильно сжала, от чего И. почувствовала сильную физическую боль и вскрикнула⁴. По другому делу М. нанес П. кулаком удар в область правого глаза, а затем два удара ногами по телу и по левой руке, ладонями обеих рук не менее шести ударов по лицу, три удара кулаком правой руки по правой ноге, после чего схватил потерпевшую пальцами правой руки за правую ягодицу и с силой сжал пальцы⁵. И в первом, и во втором случаях действия лиц

¹ Постановление Центрального районного суда г. Кемерово Кемеровской области от 27 июля 2022 г. по делу № 5-767/2022 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

² Постановление Черемушкинского районного суда г. Москвы от 18 ноября 2024 г. по делу № 05-3539/2024 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

³ Решение Онежского городского суда Архангельской области от 26 апреля 2022 г. по делу № 12-65/2022 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁴ Решение Апастовского районного суда Республики Татарстан от 11 марта 2024 г. по делу № 12-1/2024 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁵ Апелляционное постановление Нижегородского областного суда от 27 августа 2021 г. по делу № 22-5124/2021

были квалифицированы по ст. 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

4. Если такие действия совершаются в отношении лица, заведомо для виновного не достигшего шестнадцати лет, то квалифицируются как развратные действия по ст. 135 УК РФ. Например, действия Г., который, являясь лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, действуя умышленно, из низменных побуждений, направленных на удовлетворение своих сексуальных потребностей, с целью совершения развратных действий в отношении несовершеннолетней, достигшей двенадцатилетнего возраста, но не достигшей четырнадцатилетнего возраста, без применения насилия, против ее воли и согласия, умышленно поместил свою правую руку на ее правую *ягодицу* и стал гладить и *сжимать* правую *ягодицу* потерпевшей своей рукой через надетую на ней одежду, после чего нанес своей левой ладонью удар по правой ягодице, тем самым совершил в отношении последней развратные действия без применения насилия¹.

С учетом того, что п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» к развратным действиям рекомендует относить любые действия, кроме полового сношения, мужеложства и лесбиянства, т. е. в том числе и иные действия сексуального характера, фактически эти понятия объявляются имеющими идентичное внешнее проявление. Такой вывод подтверждается и сложившейся на основании положений примечания к ст. 131 УК РФ практикой квалификации действий, подпадающих под признаки развратных, но совершаемых в отношении лиц, не достигших двенадцатилетнего возраста (или более старшего, но признанных находящимися в беспомощном состоянии). Например, как насильственные действия сексуального характера были квалифицированы действия К., который обхватил за туловище одиннадцатилетнего Б., привел его в коленно-локтевую позу и, удерживая в таком положении, гладил его рукой по ягодицам, говоря, что любит его².

[Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

¹ Решение Колпинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 3 декабря 2024 г. по делу № 2а-4085/2024 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

² Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации

Аналогичные действия с применением насилия или угрозой его применения в отношении взрослого потерпевшего, если они по своим внешним характеристикам носили объективно сексуальный характер и при этом были направлены на удовлетворение его сексуального влечения или на вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего лица, видится правильным квалифицировать как насильственные действия сексуального характера, т. к. в результате их совершения страдает такой объект, как половая свобода. В данном случае ее нарушение заключается в том, что потерпевшее лицо против своей воли вынуждено принимать участие в действиях по удовлетворению половой потребности другого лица. Очевидно, что применение норм об ответственности за посяательства только на телесную неприкосновенность, честь и достоинство личности или общественный порядок не способно обеспечить восстановление социальной справедливости и предупредить совершение таких деяний. Правоприменительная практика такой подход также разделяет. Так, по ст. 132 УК РФ были квалифицированы действия Д., который, применив физическое насилие в виде удержания потерпевшей и высказав угрозу убийством, если она окажет сопротивление, потрогал ее в области половых органов через одежду и принудил наблюдать за совершаемым им актом мастурбации³. Осуществлялись ли насильственные манипуляции с половыми органами или другими интимными частями тела принципиальным для признания их носящими сексуальный характер не представляется, т. к. цель удовлетворения половой потребности виновного или вызывания сексуального возбуждения потерпевшего может достигаться любым из этих способов.

Анализ практики показывает, что не имеет единогообразного решения вопрос о правовой оценке поцелуя с применением насилия. Так, по ст. 213 УК РФ были квалифицированы действия лица, который наряду с иными действиями, демонстрируя нож, высказывая грубую нецензурную брань, требовал от женщины с ним поцеловаться⁴. Действия

от 23 июля 2019 г. № 88-АП/19-6 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Обвинительное заключение по обвинению Д. в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 132 УК РФ // Архив Следственного управления Следственного комитета РФ по Алтайскому краю.

⁴ Приговор Невского районного суда г. Санкт-Петербурга от 4 мая 2022 г. по делу № 1-477/2022. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/334237362/paragraph/1/doclist/2821/6/0/0/поцелуй%20с%20применением%20насилия:0>.

Ш., который высказал намерение поцеловать сотрудника полиции, угрожая ей ножом, а далее применил физическое насилие, были квалифицированы по ч. 1 ст. 318 УК РФ¹. По статье 119 УК РФ были квалифицированы действия К., который в ответ на отказ Ш. его поцеловать схватил ее за шею и приставил ей в бок нож, высказал требование его поцеловать². Также только по ст. 119 УК РФ были квалифицированы действия Н., который схватил за одежду А., прижал ее к шкафу, приставил нож к горлу, высказывая слова угрозы убийством, а именно, что зарежет ее, и поцеловал³.

Алгоритм квалификации, при котором в основу решения вопроса о правовой оценке деяния положен объект, которому этим деянием причиняется вред, видится верным. Однако определение такого объекта представляет собой непростую задачу, решение которой возможно на основе анализа комплекса объективных и субъективных факторов. Объективным фактором является внешняя характеристика действий, определяющая их характер, который может быть как сексуальным, так и не носить такового. Субъективный предполагает оценку самим лицом характера совершаемых действий — были они направлены на удовлетворение его сексуального влечения или на вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего лица, либо на достижение иной цели (оскорбить, унижить, причинить физическую боль, противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное к ним отношение). В вышеприведенном примере квалификация действий лица по ст. 213 УК РФ видится верной, если судом установлена направленность совершенных действий только на нарушение общественного порядка, когда требование поцеловать его, обращенное к конкретной женщине, было способом грубого нарушения общественного порядка и обусловлено желанием выразить явное неуважение к обществу, но не было направлено на нарушение половой свободы конкретной женщины. Аналогичные обстоятельства могут быть поло-

жены в обоснование квалификации действий лиц и по ст. 20.1 КоАП РФ с уточнением относительно необходимости в таких случаях разграничения соответствующего административного правонарушения и преступления. Не вызывает возражений квалификация действий Ш., который совершил описанные действия в отношении сотрудника полиции в момент исполнения ею своих служебных обязанностей с целью воспрепятствования совершению ей законных действий, а не в целях удовлетворения возникшего сексуального влечения. Если бы к факту исполнения представителем власти своих должностных обязанностей виновное лицо относилось безразлично, хотя и осознавало, что совершает действия в отношении такого потерпевшего, а преследовало цель удовлетворения своего сексуального влечения или вызывания сексуального возбуждения у потерпевшего лица, то не исключена квалификация действий лица по ст. 132 УК РФ. Квалификация же вышеописанных действий К. и Н. только по ст. 119 УК РФ видится сомнительной, т. к. объектом преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 119 УК РФ, является только жизнь человека, а характер посягательства свидетельствовал о желании причинить вред и иному объекту, возможно, половой свободе (если целью требуемых поцелуев было желание удовлетворить сексуальное влечение посягающего или вызвать сексуальное возбуждение у потерпевшего лица). Примечательно, что в описываемых случаях угроза убийством высказывалась не сама по себе, а в качестве способа достижения иной цели, которая в силу характера требования могла иметь сексуальную обусловленность, чему в соответствующих материалах практики внимания не уделено.

Также в практике встречаются случаи, когда физическое удержание и поцелуй были способом отвлечения внимания потерпевших для последующего хищения их имущества или совершались наряду с хищением. Но ни в одном из выявленных случаев ст. 132 УК РФ не вменялась дополнительно. Так, А. подошел к потерпевшей Б. и поцеловал ее, в ответ на что она укусила его за язык, а он нанес ей удар рукой по лицу, от которого она упала на землю, после чего схватил находящуюся у нее в руках сумку и скрылся. Действия А. квалифицированы только по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ⁴.

⁴ Приговор Первомайского районного суда г. Ростова-на-Дону Ростовской области от 20 декабря 2016 г. по делу № 1-744/2016. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/145211939/paragraph/1/doclist/26/1/0/0/Он%20подошел%20к%20ней%20поблизке%20и%20попытал>

¹ Постановление Качканарского городского суда Свердловской области от 28 апреля 2018 г. по делу № 1-48/2018. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/302638613/paragraph/1/doclist/18/27/0/0/поцелуй%20угрожая%20ножом:5>.

² Приговор Панкрушихинского районного суда Алтайского края от 31 марта 2023 г. по делу № 1-11/2023. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/333074421/paragraph/1/doclist/18/1/0/0/поцелуй%20угрожая%20ножом:1>.

³ Приговор Усольского городского суда Иркутской области от 12 июля 2024 г. по делу № 1-280/2024. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/343276616/paragraph/1/doclist/18/4/0/0/поцелуй%20угрожая%20ножом:2>.

Также только как хищение с применением насилия квалифицированы действия М., который напал на Г., приказал не двигаться, угрожал применением ножа, похитил телефон, деньги, документы, после чего попытался поцеловать и трогал ее за грудь¹.

Подобные решения также вызывают сомнения. В первом случае поцелуй, совершенный против воли потерпевшей, не может быть охвачен признаками грабежа, т. к. не был ни способом хищения, ни формой применения насилия. Совершая такое действие в целях отвлечения внимания, виновный не мог не осознавать, что потерпевшая в момент этого действия не понимала направленность его действий на ее имущество, следовательно, оценивала его лишь по внешним проявлениям — как посягательство на личность, возможно, на половую свободу. Во втором случае М. уже после завладения имуществом Г. совершил в отношении нее действия, которые могут быть расценены как насильственные действия сексуального характера. В обоих случаях виновные совершали действия, которые не могут быть охвачены признаками вменяемых преступлений против собственности и требуют дополнительной квалификации. Вероятной причиной того, что в описанных случаях правоприменитель обсуждаемым действиям не дал уголовно-правовой оценки, может быть мнение о том, что действия, признаваемые развратными, криминализированы по той причине, что способны причинить вред половой неприкосновенности лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, но при этом не способны причинить вред половой свободе взрослого лица, т. к. по своей общественной опасности не эквивалентны мужеложству или лесбиянству и другим действиям, традиционно оцениваемым практикой как иные действия сексуального характера, что не позволяет

оценивать причиняемый ими вред как существенный или общественно опасный. Однако согласиться с таким тезисом не представляется возможным. Учитывая важность такого объекта, как половая свобода, личный (интимный, приватный) характер его содержания, невозможность причиненного вреда, видится невозможной оценка факта причинения вреда, как и его величины со стороны внешнего субъекта (правоприменителя). Только потерпевший может дать оценку последствиям таких действий. Законодатель же, закрепляя признаки насильственных действий сексуального характера, обозначает лишь примерные рамки действий, которыми вред объекту причиняется априори.

Таким образом, действия, которые имеют внешние проявления, которые позволяют оценить их как действия сексуального характера, если они направлены на удовлетворение сексуального влечения, посягающего или на вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего лица при их совершении с применением насилия, угрозой его применения или использованием беспомощного состояния взрослого потерпевшего, могут быть квалифицированы по ст. 132 УК РФ, т. к. они способны причинить вред половой свободе личности. Если совершение действий, связанных с воздействием на интимные части тела потерпевшего, было обусловлено желанием виновного лица причинить вред другому объекту уголовно-правовой охраны (чести, достоинству, общественному порядку, порядку управления и др.), то содеянное требует квалификации по иным статьям УК РФ. В случаях, когда деяние причиняет вред нескольким объектам уголовно-правовой охраны, не исключена необходимость квалификации по совокупности преступлений.

Список источников

1. Кибальник А. Г. Судебные подходы к квалификации сексуальных преступлений // Уголовное право. 2014. № 5. С. 58–60.
2. Кондрашова Т. В. Развратные и иные действия сексуального характера: понятие и соотношение // Российский юридический журнал. 2020. № 1. С. 72–81.

ся%20поцеловать%20ее,%20и%20она%20укусила%20его%20за%20язык,%20он%20разозлился%20и%20нанес%20удар%20рукой%20ей%20по%20лицу,%20от%20которого%20она%20упала%20на%20землю.:8.

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Пермского краевого суда от 9 июня 2016 г. по делу № 22-3381/2016. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/142506447/paragraph/1/doclist/18/28/0/0/поцелуй%20угрожая%20ножом:6>.

3. Кругликов Л. Л., Иванчин А. В. Спорные проблемы трактовки и квалификации иных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ) // Вестник Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 4. С. 44–48.
4. Тыдыкова Н. В. О некорректном использовании медицинских терминов при конструировании составов половых преступлений в Уголовном кодексе Российской Федерации // Юрислингвистика. 2018. № 7–8. С. 56–63.
5. Бимбинов А. А. Практика применения норм об ответственности за половые преступления (статьи 131–135 Уголовного кодекса РФ) и способы ее совершенствования // Правоприменение. 2022. № 1. С. 191–204.
6. Алексеева Т. С. Интимные изображения человека как предмет нарушения неприкосновенности частной жизни // Уголовное право. 2023. № 4. С. 3–13.
7. Тыдыкова Н. В. Половые преступления: закон, теория, практика. М., 2023. 320 с.

References

1. Kibal'nik A. G. Sudebnye podhody k kvalifikacii seksual'nyh prestuplenij // Uголовное право. 2014. № 5. С. 58–60.
2. Kondrashova T. V. Razvratnye i inye dejstviya seksual'nogo haraktera: ponyatie i sootnoshenie // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2020. № 1. С. 72–81.
3. Kругликов Л. Л., Иванчин А. В. Спорные проблемы трактовки и квалификации иных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ) // Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta imeni P. G. Demidova. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2019. № 4. С. 44–48.
4. Tydykova N. V. O nekorrektnom ispol'zovanii medicinskih terminov pri konstruirovanii sostavov polovyh prestuplenij v Uголовном кодексе Rossijskoj Federacii // Yurislingvistika. 2018. № 7–8. С. 56–63.
5. Bimbinov A. A. Praktika primeneniya norm ob otvetstvennosti za polovye prestupleniya (stat'i 131–135 Uголовного кодекса RF) i sposoby ee sovershenstvovaniya // Pravoprimeneniye. 2022. № 1. С. 191–204.
6. Alekseeva T. S. Intimnye izobrazheniya cheloveka kak predmet narusheniya neprikosnovennosti chastnoj zhizni // Uголовное право. 2023. № 4. С. 3–13.
7. Tydykova N. V. Polovye prestupleniya: zakon, teoriya, praktika. M., 2023. 320 s.

Информация об авторе

Н. В. Тыдыкова — доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

N. V. Tydykova — Doctor of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 02.06.2025; одобрена после рецензирования 02.09.2025; принята к публикации 25.11.2025.

The article was submitted 02.06.2025; approved after reviewing 02.09.2025; accepted for publication 25.11.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 201–207.

Altai Law Journal. 2025. № 4 (52). P. 201–207.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.57

О ПРОБЛЕМЕ ПРЕСТУПНОСТИ, СВЯЗАННОЙ С ЭКСПЛУАТАЦИЕЙ СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Александр Федорович Федоров

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, fedoroffaf@mail.ru

Аннотация. В статье обоснована актуальность проблемы, связанной с ежегодным возрастанием количества преступлений в результате эксплуатации средств индивидуальной мобильности, рассмотрена криминологическая характеристика данных преступлений, их причинный комплекс, общественная опасность, личностные особенности правонарушителей, предложен комплекс мероприятий по профилактике правонарушений и преступлений с использованием средств индивидуальной мобильности.

В целом настоящее исследование позволило сделать вывод о том, что преступность, обусловленная использованием средств индивидуальной мобильности, обладает значительной общественной опасностью вследствие причинения существенного вреда здоровью и даже жизни граждан на фоне продолжающегося роста количества противоправных деяний, что требует незамедлительных мер по нормативному урегулированию вопросов эксплуатации средств индивидуальной мобильности на всех уровнях.

Ключевые слова: преступность, дорожно-транспортное происшествие, средства индивидуальной мобильности, профилактика дорожно-транспортных правонарушений и преступлений

Для цитирования: Федоров А. Ф. О проблеме преступности, связанной с эксплуатацией средств индивидуальной мобильности // Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 201–207.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

ON THE PROBLEM OF CRIMINALITY RELATED TO THE EXPLOITATION OF PERSONAL MOBILITY AIDS

Alexandr F. Fedorov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, fedoroffaf@mail.ru

Abstract. The article substantiates the urgency of the problem associated with the annual increase in the number of crimes as a result of the exploitation of personal mobility equipment, examines the criminological characteristics of these crimes, their causal complex, public danger, personal characteristics of offenders, and suggests a set of measures to prevent offenses and crimes using personal mobility equipment.

In general, this study has allowed us to conclude that crime caused by the use of personal mobility equipment has a significant public danger due to significant harm to the health and even the lives of citizens against the background of the continuing increase in the number of illegal acts, which requires immediate measures to regulate the issues of the use of personal mobility equipment at all levels.

Keywords: crime, traffic accident, means of individual mobility, prevention of traffic offenses and crimes

For citation: Fedorov A. F. On the problem of criminality related to the exploitation of personal mobility aids. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;4:201–207 (In Russ.).

Стремительно ускоряющийся ритм жизни на планете в сочетании с не менее быстрым ростом технического прогресса обуславливает появление принципиально новых видов транспорта, необходимых для повышения возможности более быстрого перемещения граждан и грузов, которое позволяет значительно сократить временные затраты по достижению тех или иных значимых целей.

Следствием этого во многих странах мира и в нашей стране стало массовое внедрение средств индивидуальной мобильности (далее — СИМ) — электросамокатов, гироскутеров, моноколес, которые в последние годы кардинально меняют облик городов мира. Несмотря на их преимущества, связанные с удобством и экологичностью транспорта, способствующего уменьшению пробок и улучшению экологии мегаполисов, широкое использование СИМ породило ряд значительных трудностей. Наиболее острой среди них остается проблема дорожной аварийности.

Уже привычными стали фразы из новостных сводок, например, такие как «56-летний мужчина, управляя электросамокатом, на полном ходу влетел в другого самокатчика», «двое подростков в Москве на электросамокате перелетели через капот автомобиля», «в Кронштадте двое детей на электросамокате сбили 72-летнюю пенсионерку» и др.

Сложившаяся за последние несколько лет на территории Российской Федерации ситуация, касающаяся использования и эксплуатации средств индивидуальной мобильности, вызывает серьезную озабоченность в связи с резким ростом количества происшествий, в результате которых гражданам причиняется вред здоровью различной тяжести, в т. ч. иногда приводящий к летальному исходу.

Подтверждением этого служат официальные статистические данные федерального казенного учреждения «Научный центр безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации», согласно которым за прошедший 2024 год зарегистрировано 4426 дорожно-транспортных происшествий (далее — ДТП) с участием средств индивидуальной мобильности, в которых погибло 54 человека и ранено 4591 человек [1, с. 95].

Таким образом, проблема аварийности с участием средств индивидуальной мобильности в России приобретает все более острый характер, что подтверждается неуклонным ростом числа дорожно-транспортных происшествий с их участием.

Так, в 2024 г. в Российской Федерации был зафиксирован весьма значительный рост (на 42,8 %)

ДТП с участием СИМ по сравнению с показателями 2023 г. Этот скачок свидетельствует о том, что существующие меры регулирования и контроля пока не справляются с масштабом проблемы, которая усугубляется стремительным ростом популярности и доступности СИМ.

Увеличение числа ДТП напрямую коррелирует с ростом числа пострадавших, которых в 2024 г. в результате аварий с СИМ стало на 44,5 % больше, чем в 2023 г. [1, с. 95].

Эти показатели отражают не только количественный рост происшествий, но и их качественную характеристику — тяжесть последствий для здоровья участников дорожного движения. Травмы, получаемые в результате ДТП с участием СИМ, могут быть весьма серьезными, включая переломы, черепно-мозговые травмы и другие повреждения, требующие длительного лечения и реабилитации, что создает дополнительную нагрузку на систему здравоохранения и влечет за собой значительные экономические потери, связанные с временной или постоянной потерей трудоспособности пострадавших.

При этом необходимо отметить, что за последние пять лет показатели по количеству дорожно-транспортных происшествий и количеству раненых выросли более чем в десять раз, а по количеству погибших — более чем в семь раз. Для сравнения, в 2020 г. дорожно-транспортных происшествий с участием средств индивидуальной мобильности было зарегистрировано в количестве 430 случаев, в которых погибло 7 и ранено 410 человек [1, с. 95].

Смертность, тяжелые травмы и увечья в ДТП с участием СИМ подчеркивают достаточно высокую степень общественной опасности, которую представляют эти устройства при несоблюдении правил безопасности и отсутствии должного контроля. Каждый такой случай — это не только чья-то личная трагедия или трагедия для семьи, но и серьезный вызов для общества, требующий немедленного и эффективного реагирования со стороны всех заинтересованных сторон.

Исходя из этого, рост числа ДТП с участием средств индивидуальной мобильности вызывает значительное беспокойство среди жителей городов, особенно пожилых людей и лиц с ограниченными возможностями. Частые конфликты между пешеходами и пользователями электросамокатов создают атмосферу страха и неуверенности в общественных пространствах. Данная проблема год от года становится все более актуальной. Электросамокаты и другие средства индивидуальной мобильности, движущиеся с высокой скоростью по

тротуарам, создают огромные риски и трудности для пожилых людей и людей с ограниченными возможностями.

Все это не только указывает на эскалацию проблемы, но и подчеркивает острую необходимость в глубоком и всестороннем анализе ее причин, факторов риска и потенциальных последствий. То есть проблема аварийности с участием СИМ уже явно выходит за рамки простого нарушения правил дорожного движения и затрагивает весьма широкий спектр криминологических, правовых, социальных и инфраструктурных аспектов, требующих комплексного подхода к их изучению и решению. Следовательно, совершенно очевидно, что такое положение дел должно стать предметом пристального внимания для всех соответствующих государственных структур, а также научного сообщества.

Нормативное определение средств индивидуальной мобильности было введено в оборот Постановлением Правительства Российской Федерации от 06.10.2022 № 1769 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации», в соответствии с которым пункт 1.2 Правил дорожного движения Российской Федерации (далее — ПДД) был дополнен данным понятием. К средствам индивидуальной мобильности были отнесены транспортные средства, имеющие одно или несколько колес (роликов), предназначенные для индивидуального передвижения человека посредством использования двигателя (двигателей) (электросамокаты, электроскейтборды, гироскутеры, сигвеи, моноколеса и иные аналогичные средства)¹.

Однако вместе с данным дополнением в ПДД, что было очень своевременно и закономерно, общественные отношения в сфере безопасности дорожного движения получили огромную точку напряжения. Это связано с тем, что средства индивидуальной мобильности или транспорту, который перемещается совсем с другой скоростью и с другой логикой, в отличие от пешехода, было разрешено передвижение на пешеходной зоне, потому

что другого места в наших городах им фактически не нашлось. По аналогии с велосипедами такой транспорт должен перемещаться по специально выделенным полосам, однако даже велодорожек в современной уличной инфраструктуре наших городов практически не имеется.

Соответственно, при полной неготовности улиц наших городов и других населенных пунктов к появлению СИМ им было разрешено осуществлять движение по тротуарам, что в условиях постоянного роста количества таких средств передвижения привело к серьезнейшему общественному конфликту, который усугубляется абсолютным пренебрежением значительного числа лиц, управляющих средствами индивидуальной мобильности, нормами, закрепленными в Правилах дорожного движения.

Дело в том, что современные электросамокаты по своим техническим характеристикам больше похожи на мощные мопеды, чем на детские игрушки. Когда взрослый мужчина массой 70–80 килограммов пытается маневрировать на таком устройстве среди пешеходов на скорости до 40–50 километров в час, становится очевидно, что это совсем не то же самое, что пятилетний ребенок на обычном самокате. Поэтому соблюдению ПДД должно отводиться первостепенное значение. Однако на практике этого часто не происходит, а виновные в совершении наездов на пешеходов предпочитают скрываться с места происшествия с целью уклонения от ответственности. Многие из них управляют средствами индивидуальной мобильности, не достигнув определенного ПДД возраста, а также в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.

Так, согласно данным прокуратуры Юго-Восточного административного округа, днем на Новомарьинской улице в Москве неустановленный подросток, передвигаясь на электросамокате, сбил 7-летнего мальчика, который находился в сопровождении матери, после чего скрылся. Ребенок был доставлен в больницу в тяжелом состоянии. По словам очевидцев, в момент инцидента на электросамокатах каталась целая группа подростков, которые после происшествия скрылись в неизвестном направлении [2].

Не менее тяжелые по последствиям происшествия регистрируются и в северной столице России — Санкт-Петербурге, и в других городах.

Для иллюстрации можно привести данные следственных органов ГСУ СК России по Санкт-Петербургу, согласно которым в Невском районе города мужчина на электросамокате сбил 5-лет-

¹ О Правилах дорожного движения (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 27.03.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ною девочку и скрылся с места происшествия. Пострадавшая была госпитализирована в тяжелом состоянии, где ей оказали необходимую медицинскую помощь. Благодаря оперативным розыскным мероприятиям и следственным действиям сотрудники регионального управления МВД России задержали подозреваемого в Ленинградской области. Им оказался 36-летний Вадим Бушуев, ранее обвиняемый в преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

Во время обыска Бушуев не открыл дверь сотрудникам правоохранительных органов и выбросил в окно сумку с наркотическими веществами, однако в его квартире были найдены и изъяты предметы, указывающие на его причастность к незаконному обороту наркотиков, а также рубашка, в которой он был во время наезда на девочку. В ходе допроса Бушуев признался в совершении преступления в отношении девочки и заявил, что, опасаясь уголовной ответственности, утопил самокат в реке Неве и перекрасил волосы в другой цвет, чтобы изменить свою внешность. По факту наезда в отношении Бушуева возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 118 УК РФ (причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности).

Кроме того, следственными органами ГСУ СК России по Санкт-Петербургу возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 118 УК РФ, в отношении мужчины 1998 года рождения. По данным следствия, подозреваемый днем на тротуаре у дома по Московскому проспекту, управляя арендованным электросамокатом, совершил наезд на 4-летнего мальчика, причинив последнему телесные повреждения различной степени тяжести.

Также Председатель СК России поручил доложить и об обстоятельствах других случаев травмирования детей, в частности о том, что девушка на электросамокате сбила четырехлетнюю девочку в Выборгском районе Санкт-Петербурга, а также в другом районе города был сбит 12-летний мальчик. Дети получили различные травмы [3].

Следствием этого стало то, что дети, пожилые люди, женщины, да и остальные граждане перестали чувствовать себя в безопасности на тротуарах. В этой связи возникает закономерный вопрос, почему пешеходы в наших больших городах, где и так очень непростая ситуация, должны перестать себя чувствовать в безопасности ради того, чтобы кому-то (явно меньшинству) было удобно, а операторы электросамокатов и других средств индивидуальной мобильности зарабатывали на этом немалые деньги.

При данной ситуации законодатель должен сделать так, чтобы был порядок и обеспечена безопасность для людей. Если пользователи самокатов не могут или не хотят соблюдать правила, необходимо регулировать или запрещать эксплуатацию СИМ.

В июле прошлого года Председатель Государственной Думы Российской Федерации В. Володин инициировал опрос в своем телеграм-канале о полном запрете передвижения на электросамокатах по улицам. Он написал, что в Госдуме в первом чтении прошел законопроект о штрафах для электросамокатчиков. В то же время поступают предложения о полном запрете использования такого транспорта на улицах. Володин спрашивает: «Как вы считаете, необходима ли такая мера?» Варианты ответов: «да», «нет», «всё равно». По итогам опроса 54 % респондентов высказались за такую меру, 41 % были против и 5 % ответили, что им все равно.

Тем не менее, несмотря на то, что большинство опрошенных высказались за запрет использования СИМ на улицах, в течение года такого решения законодательно пока не принято [4].

Как следствие, пока законодателем не приняты адекватные меры по обеспечению безопасности пешеходов, появились прецеденты решения проблемы на региональном и местном уровнях.

В июле текущего года в Благовещенске ввели полный запрет на использование средств индивидуальной мобильности, в т. ч. электросамокатов, электроскейтов и моноколес. За любое передвижение на электросамокате на территории города предусмотрен крупный штраф. Полному запрету предшествовала попытка властей выстроить диалог с операторами электросамокатов, однако из этого ничего не вышло.

Запрет введен в соответствии с законом, принятым законодательным собранием Амурской области. Он также предполагает введение штрафов за несоблюдение правил эксплуатации СИМ.

Теперь за любое передвижение или размещение СИМ на территории Благовещенска будет налагаться штраф до 100 тыс. рублей по каждому факту нарушения. Город должен быть комфортным и безопасным для всех.

Власти Благовещенска шли к запрету СИМ постепенно. Сначала ограничили передвижение в центре, что встретило массовую поддержку горожан, уставших от хаотичного движения электросамокатов. Однако проблема не исчезла, а переместилась в другие районы города, где поток СИМ стал еще более бесконтрольным, т. к. подавляющее

большинство молодых людей воспринимают СИМ не как средство передвижения, а как средство, чтобы покататься, причем часто наперегонки, игнорируя при этом правила безопасности как своей, так и окружающих. Результатом такого отношения становятся травмы пешеходов, аварийные ситуации и сотни жалоб от жителей.

Закон властей Благовещенска также поддержали руководители туристических организаций в силу того, что электросамокатам не место на туристических улицах, на людных площадях, вблизи транспортных объектов. Их наличие и бесконтрольная езда представляют собой огромную опасность для окружающих [5].

Аналогичное решение принято также в Татарстане. По информации агентства «РИА Новости», в Елабуге и Елабужском районе введен полный запрет на прокат средств индивидуальной мобильности, включая электросамокаты. Как пояснили в исполнительном комитете города, такое решение обусловлено полным отсутствием необходимой инфраструктуры для безопасного использования данного вида транспорта.

На заседании городской комиссии по безопасности дорожного движения было единогласно решено запретить шеринговые сервисы средств индивидуальной мобильности на всей территории района. В администрации отметили, что в Елабуге пока нет велодорожек, специальных полос, а также необходимой дорожной разметки и знаков, что представляет угрозу для жизни и здоровья как пешеходов, так и автомобилистов. Кроме того, операторы проката не могут обеспечить должный уровень безопасности на улицах города [6].

Помимо полных запретов, в ряде городов России уже действуют ограничения на использование электросамокатов. Например, в Москве запрещено передвигаться на них по Красной и Манежной площадям с 12:00 до 23:59. В Санкт-Петербурге с 2025 г. полностью запрещено движение на арендованных электросамокатах в 36 зонах, а также их парковка в четырех центральных районах города. В Геленджике с 2024 г. запрещена езда на электросамокатах по набережной, а в Сочи введены ограничения в 23 зонах города, включая федеральную территорию «Сириус».

Также во многих городах введены запреты на эксплуатацию СИМ в парковых зонах, где передвижение на самокатах явно служит просто развлечением, но никак не средством передвижения для того, чтобы добраться до нужного места.

Подобные примеры демонстрируют региональную специфику регулирования использования

СИМ и помогают оценить влияние местных условий на принятие решений.

Вместе с тем там, где нет достаточного регулирования со стороны государства, в дело вступает самосуд. Так, в Москве, по сообщениям средств массовой информации, наблюдались случаи, когда, например, двое молодых людей сами нашли способ наказать самокатчика, наехавшего на их подругу на середине Большого Устьинского моста. Его двухколесный транспорт, недолго думая, они отправили в реку.

Более того, зафиксированы случаи, когда столичные жители в массовом порядке тщательно обмазывали солидолом ручки и сенсорные экраны нескольких сотен самокатов, предназначенных для аренды, и те оказывались непригодными к использованию.

Данные примеры свидетельствуют о том, что проблема аварийности с участием средств индивидуальной мобильности требует незамедлительного решения с точки зрения буквы закона.

По мнению специалистов Научного центра БДД МВД России, проблему необходимо решать комплексно в рамках классической триады компонентов дорожного движения: транспортное средство (СИМ), дорога и участник дорожного движения [7, с. 15].

Исходя из этого, полагаем, что в качестве первоочередных мер необходимо реализовать на законодательном уровне вопросы, связанные с уточнением понятия СИМ и их дифференциацией.

Все без исключения средства индивидуальной мобильности, к которым, в частности, относятся электросамокаты, должны проходить обязательные регистрационные процедуры по аналогии с мопедами и мотоциклами с получением государственных номерных знаков и права на управление ими их владельцев.

Все электросамокаты и другие СИМ мощностью выше 250 Вт должны быть поставлены на учет уже как транспортные средства, и те, кто ими управляет, должны нести более серьезную ответственность по закону. В таком случае каждое происшествие можно будет регистрировать как ДТП, а обязательная страховка будет покрывать ущерб. Соответственно, в Уголовном кодексе РФ должна появиться статья, предусматривающая ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации средств индивидуальной мобильности, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть потерпевшего.

Также для СИМ необходимо снизить границу предельной скорости, т. к. даже скорости в 15–

20 км/ч достаточно, чтобы нанести серьезный вред здоровью.

Разрешить эксплуатацию СИМ только лицам, достигшим возраста 16 лет, с которого возможно наступление административной ответственности после прохождения проверки на знание ПДД. Это касается сдаваемых СИМ в аренду.

За нарушение данных требований должны налагаться достаточно серьезные штрафные санкции.

А. И. Трусов приводит примеры такого регулирования, которые уже давно внедрены в практику многих зарубежных стран. Так, в некоторых странах регламентировано получение водительской лицензии на право управления СИМ. Обязательная регистрация СИМ с присвоением идентифицирующих знаков введена в таких зарубежных странах, как Сингапур, Япония и США (штат Северная Каролина), а в Германии предусмотрена обязательная страховая наклейка на СИМ, позволяющая его идентифицировать на расстоянии [8].

Однако самым сложным, по нашему мнению, остается вопрос о зонах эксплуатации СИМ. Специалисты Научного центра БДД МВД России полагают вполне возможным использование СИМ на пешеходной инфраструктуре, которое должно подкрепляться повышенными мерами безопасности, связанными в первую очередь с ограничением скорости СИМ и установлением приоритета пешеходов, а в исключительных случаях также наличием свободных от движения СИМ пешеходных зон [7, с. 20].

С нашей же точки зрения, приведенные примеры и опрос, инициированный Председателем Государственной Думы Российской Федерации, свидетельствуют о неприятии такого положения дел большинством граждан, что вполне логично применительно к вопросу об обеспечении безопасности пешеходов.

Действительно, для автомобилей специально создана проезжая часть для того, чтобы они не выезжали на тротуар и не травмировали находящихся там людей, а, соответственно, тротуары созданы для пешеходов, которым нельзя выходить на проезжую часть, чтобы не попадать под колеса автомобилей.

Однако с самокатами получилось так, что лица, управляющие ими, что хотят, то и делают: хотят — едут по проезжей части, создавая проблемы для автомобилей; хотят — едут по тротуарам, создавая опасность для пешеходов. Это неправильно, особенно в условиях очень плотного заселения больших городов, мегаполисов.

С учетом изложенного считаем, что эксплуатация любых средств индивидуальной мобильности должна осуществляться с учетом ранее указанных требований к их характеристикам и лицам, управляющим данными средствами, либо по проезжей части, либо по специально выделенным полосам, но вне пешеходных зон, что позволит значительно повысить уровень безопасности пешеходов и, соответственно, снизить количество дорожно-транспортных происшествий и преступлений, связанных с эксплуатацией СИМ.

Список источников

1. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2024 году. Информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2025. 148 с.
2. Прокуратура контролирует установление обстоятельств причинения малолетнему телесных повреждений в результате наезда на самокате // Официальный сайт Прокуратуры города Москвы. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_77/mass-media/news?item=86939811 (дата обращения: 18.07.2025).
3. В Санкт-Петербурге выясняются обстоятельства травмирования несовершеннолетних в результате наезда электросамокатов // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1579913/?tab=images> (дата обращения: 18.07.2025).
4. Telegram-канал Вячеслава Володина. URL: https://t.me/vv_volodin/857 (дата обращения: 18.07.2025).
5. В Благовещенске вводится полный запрет на использование СИМ // Официальный сайт администрации города Благовещенска. URL: https://благовещенск.рф/news/v_blagoveshchenske_vvoditsya_polnyy_zapret_na_ispolzovanie_sim/ (дата обращения: 18.07.2025).
6. В Елабуге запретили прокат электросамокатов. URL: <https://ria.ru/20250715/samokaty-2029329453.html> (дата обращения: 18.07.2025).
7. Митрошин Д. В., Баканов К. С., Исаев М. М. Перспективы правового и технического регулирования использования средств индивидуальной мобильности // Безопасность дорожного движения. 2024. № 1. С. 11–30.

8. Трусов А. И. Некоторые проблемы правового регулирования эксплуатации средств индивидуальной мобильности // Юрист. 2023. № 10 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References

1. Dorozhno-transportnaya avarijnost' v Rossijskoj Federacii v 2024 godu. Informacionno-analiticheskij obzor. M.: FKU «NC BDD MVD Rossii», 2025. 148 s.
2. Prokuratura kontroliruet ustanovlenie obstoyatel'stv prichineniya maloletnemu telesnyh povrezhdenij v rezul'tate naezda na samokate // Oficial'nyj sayt Prokuratury goroda Moskvy. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_77/mass-media/news?item=86939811 (data obrashcheniya: 18.07.2025).
3. V Sankt-Peterburge vvyasnyayutsya obstoyatel'stva travmirovaniy nesovershennoletnih v rezul'tate naezda elektrosamokatov // Oficial'nyj sayt Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1579913/?tab=images> (data obrashcheniya: 18.07.2025).
4. Telegram-kanal Vyacheslava Volodina. URL: https://t.me/vv_volodin/857 (data obrashcheniya: 18.07.2025).
5. V Blagoveshchenske vvoditsya polnyj zapret na ispol'zovanie SIM // Oficial'nyj sayt administracii goroda Blagoveshchenska. URL: https://blagoveshchensk.rf/news/v_blagoveshchenske_vvoditsya_polnyy_zapret_na_ispolzovanie_sim/ (data obrashcheniya: 18.07.2025).
6. V Elabuge zapretili prokat elektrosamokatov. URL: <https://ria.ru/20250715/samokaty-2029329453.html> (data obrashcheniya: 18.07.2025).
7. Mitroshin D. V., Bakanov K. S., Isaev M. M. Perspektivy pravovogo i tekhnicheskogo regulirovaniya ispol'zovaniya sredstv individual'noj mobil'nosti // Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya. 2024. № 1. S. 11–30.
8. Trusov A. I. Nekotorye problemy pravovogo regulirovaniya ekspluatacii sredstv individual'noj mobil'nosti // Yurist. 2023. № 10 [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

Информация об авторе

А. Ф. Федоров — кандидат педагогических наук, доцент.

Information about the author

A. F. Fedorov — Candidate of Science (Pedagogical), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 03.03.2025; одобрена после рецензирования 02.04.2025; принята к публикации 25.11.2025.

The article was submitted 03.03.2025; approved after reviewing 02.04.2025; accepted for publication 25.11.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 208–214.
Altai Law Journal. 2025. № 4 (52). P. 208–214.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.13

РАЗВИТИЕ НЕГЛАСНЫХ ФОРМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Николай Викторович Фотьянов

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, fotynovnv@buimvd.ru

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ современных правовых основ и практики применения негласных форм деятельности в досудебном производстве по уголовным делам. Исследование раскрывает сущность и характерные признаки негласных действий в работе лиц, осуществляющих досудебное производство по уголовным делам, с опорой на актуальное законодательство и доктринальные подходы. Особое внимание уделяется сравнительно-правовому изучению регламентации данных процедур в других странах, выявлению общих тенденций и национальных особенностей. В работе обосновывается наличие предпосылок для более активного использования следователем негласных методов, анализируется проблема баланса между эффективностью расследования и защитой прав человека.

Ключевые слова: негласность, негласные действия по уголовному делу, конфиденциальность, негласные формы производства по уголовному делу, негласное расследование, уголовно-процессуальное и оперативно-розыскное законодательство

Для цитирования: Фотьянов Н. В. Развитие негласных форм деятельности в досудебном производстве по уголовным делам // Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 208–214.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

DEVELOPMENT OF UNCOVERT FORMS OF ACTIVITIES IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS IN CRIMINAL CASES

Nikolay V. Fotyanov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, fotynovnv@buimvd.ru

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the current legal framework and practice of using covert methods in pre-trial criminal proceedings. This study explores the essence and characteristics of covert actions used by those conducting pre-trial criminal proceedings, drawing on current legislation and doctrinal approaches. Particular attention is paid to a comparative legal study of the regulation of these procedures in other countries, identifying common trends and national characteristics. The article substantiates the prerequisites for investigators to more actively use covert methods and analyzes the balance between investigative effectiveness and human rights protection.

Keywords: secrecy, covert actions in a criminal case, confidentiality, covert forms of criminal proceedings, covert investigation, criminal procedure and operational-search legislation

For citation: Fotyanov N. V. Development of uncovert forms of activities in pre-trial proceedings in criminal cases. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;4:208–214 (In Russ.).

Современный этап развития общества сопровождается изменениями в структуре преступности. Среди ключевых тенденций выделяются: профессионализация и структуризация криминальных групп; цифровизация противоправной деятельности (перенос противоправных действий в киберпространство, использование блокчейн-технологий, криптовалют); рост числа преступлений экстремистской и террористической направленности. Латентный характер таких деяний, усиленный элементами конспирации и криминальной мимикрии. Это требует применения специализированных форм расследования, называемых нами негласными действиями в досудебном производстве по уголовным делам.

В первую очередь обратимся к термину «негласность». Если говорить об истории появления термина «негласность», следует отметить, что в нашем государстве на протяжении достаточно долгого времени это понятие прямо не раскрывалось. Во времена Российской империи в словарях [1] «негласность» не упоминалась, тем не менее в рассматриваемый исторический период нормативные документы (в частности, ч. 3 ст. 89 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.) и некоторые научные труды [2] затрагивали указанную категорию с точки зрения отсутствия гласности уголовного процесса и потребности в сохранении тайны. В советский период М. А. Чельцовым высказывалась позиция, согласно которой на этапе предварительного расследования функционирует принцип негласности [3, с. 372].

Современники определяют негласность как неизвестное другим, не явное, тайное, своего рода противоположность гласности, сопряженное с необходимостью сохранить определенную информацию в тайне; состояние конфиденциальности [4]. Проанализировав действующее отечественное уголовно-процессуальное законодательство, можно с уверенностью сказать, что существуют нормы, которые прямо или косвенно указывают на наличие в досудебном производстве негласных форм и процедур. В первую очередь негласность проявляется в понятийном аппарате Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), в частности, встречаются выражения: «личная и семейная тайна», «тайна следствия», «конфиденциальность свиданий подозреваемого (обвиняемого) и защитника», «тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений» и др. Это говорит о том, что в уголовном судопроизводстве существует негласная составляющая.

Мнения ученых относительно возможности применения негласных процедур разделились. Одни выступают в пользу их применения, говоря об объективности расследования, исключающего влияние общественного мнения, другие критикуют, аргументируя риском злоупотребления, когда негласность может использоваться для сокрытия уголовно-процессуальных нарушений. Обратимся к некоторым из них. Так, профессор А. И. Александров, выступая противником негласности, отмечает, что «деятельность следователя носит гласный характер и направлена на всестороннее исследование обстоятельств дела» [5]. В противоположность указанному мнению профессор В. Ф. Луговик справедливо выделяет вопросы, которые могут возникнуть в условиях абсолютной гласности, в их числе следующий: «как проводить расследование и изобличать виновных в совершении преступлений при нарастающем противодействии криминальной среды» [6, с. 86]. Этой же позиции придерживается и М. С. Колосович, которая была бы готова согласиться со сторонниками полной открытости и гласности предварительного расследования, если был бы помимо прочего ответ на вопрос «Как обеспечить безопасность участников уголовного судопроизводства при полной открытости расследования?» [7]. В связи с вышеизложенным, полагаем, все же нужно согласиться с учеными, выступающими за использование негласных действий в досудебном производстве по уголовным делам, поскольку без негласных процедур об эффективном расследовании преступлений, особенно в современных условиях, не может быть и речи.

Все более часто отечественными учеными стала видеться перспектива в одновременном доктринальном изменении уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства, направленного на создание единого механизма негласного раскрытия и расследования преступлений, называемого нами негласными действиями в досудебном производстве по уголовным делам и заключающегося во внесении изменений в действующие нормы УПК РФ и Федерального закона Российской Федерации № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». В частности, существуют мнения о полном слиянии или же сближении уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности, выражающемся в объединении форм предварительного расследования (предварительного следствия и дознания) и ОРД в обособленное подразделение — полицейское дознание [8]. Схожей позиции придерживается А. Ю. Шу-

милов, который говорит об объединении уголовно-розыскного, уголовно-судебного и уголовно-исполнительного процессов в уголовно-розыскной процесс [9]. Тем самым более часто встречаются мнения о потребности придания процессуальной формы негласным средствам и методам (действиям), применяемым в ходе получения и собирания доказательств по уголовному делу [10].

При этом нельзя не отметить, что в последние десятилетия произошло «узаконение» негласных форм и методов расследования в различных государствах, поощряемое в мировом сообществе. Это связано с принятием определенных международных нормативных документов. В частности, «Конвенция против транснациональной организованной преступности»¹ и «Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции»² (одна в ст. 20, другая в ст. 50) и некоторые другие конвенции предусматривают «специальные методы расследования» (использование контролируемых поставок, электронное и другие виды наблюдения, агентурные операции). Полагаем, что создание вышеперечисленных конвенций запустило процесс внедрения негласных процедур расследования преступлений в уголовно-процессуальное законодательство отдельных стран Европы и Азии.

Внедрялись же указанные методы расследования дифференцированно. При этом это внедрение можно условно разделить на два основополагающих направления: первое — интеграция в уголовно-процессуальное законодательство оперативно-розыскных норм. В частности, копирование норм оперативно-розыскного законодательства в УПК, как в Республике Молдова (ст. 133–138.12 УПК Республики Молдовы)³; всецелое перемещение норм оперативно-розыскного законодательства в УПК, как в Эстонии (гл. 3.1 УПК Эстонской Республики)⁴. Законодатель Молдовы назвал негласные методы расследования «специальными

розыскными мероприятиями». Сущностью «специальных розыскных мероприятий» являются условия их производства, которыми законодатель Молдовы считает следующие:

- уголовное преследование должно быть по факту подготовки или совершения тяжкого, особо тяжкого или чрезвычайно тяжкого преступления;
- мероприятие является необходимым и соразмерным ограничению основных прав и свобод человека;
- иным способом невозможно реализовать цели уголовного процесса и/или может быть нанесен значительный ущерб деятельности по сбору доказательств (ст. 133 УПК Молдовы).

Производство «специальных розыскных мероприятий» допускается с разрешения суда, который рассматривает такое ходатайство с участием прокурора в закрытом судебном заседании, в случае необходимости — с представителем органа, осуществляющего указанные негласные действия (ч. 1 ст. 305 УПК Молдовы). Согласно ст. 136 УПК Молдовы после проведения негласных мероприятий составляется протокол о результатах его проведения, к протоколу прилагается информационный носитель в запечатанном конверте с результатами производства «специальных розыскных мероприятий». После информирования о производстве в отношении лица «специальных розыскных мероприятий» у последнего возникает право на ознакомление с результатами их проведения, в т. ч. право на истребование копий процессуальных документов и информации, содержащейся на электронном носителе (ч. 12 ст. 136 УПК Молдовы). Более того, для сохранения баланса между эффективностью расследования и правами личности ст. 313 УПК Молдовы предусматривает обжалование действий и решений органов, осуществляющих расследование и «специальные розыскные мероприятия», сторонами, а также лицами, чьи права были ограничены или нарушены.

Уголовно-процессуальное законодательство Эстонии наряду со следственными действиями закрепило в УПК право проводить и оперативно-розыскные мероприятия (далее — ОРМ) (глава 3.1 УПК Эстонии). Важным является тот факт, что согласно ч. 4 ст. 126.1 УПК Эстонии информация, полученная в ходе ОРМ, может использоваться напрямую в качестве доказательств по уголовному делу с условием соблюдения закона при получении разрешения на производство ОРМ, их производстве и фиксации. Также законодатель Эстонии подчеркивает в ч. 2 ст. 126.1 УПК Эстонии, что производство ОРМ допустимо, если собирание

¹ Конвенция против транснациональной организованной преступности (заключена в г. Нью-Йорке 15.11.2000) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (заключена в г. Нью-Йорке 31.10.2003) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV (в ред. от 05.12.2024). URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397729#pos=206;-38 (дата обращения: 04.03.2025).

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Эстонской Республики от 12 февраля 2003 г. (в ред. от 01.07.2024). URL: <https://www.juristaitab.ee/sites/default/files/seadustetolked/01.07.2024.pdf> (дата обращения: 04.03.2025).

доказательств иными процессуальными действиями невозможно, существенно затруднено или же может нанести ущерб интересам уголовного судопроизводства.

Сами ОРМ осуществляются оперативно-розыскными учреждениями по письменному разрешению прокуратуры или судьи предварительного следствия (ч. 1 ст. 126.4 УПК Эстонии). После завершения ОРМ о их производстве, времени и виде незамедлительно сообщается лицу, в отношении которого проводилось ОРМ, а также лицу, неприкосновенность семейной или частной жизни которого была нарушена (ч. 1 ст. 126.13 УПК Эстонии). После уведомления данных лиц им разъясняется порядок ознакомления с полученными в отношении них данными, а также фото- или киноматериалом, звуко- или видеозаписью либо иным носителем информации, полученными в ходе ОРМ (ч. 1 ст. 126.14 УПК Эстонии).

Однако оперативно-розыскное учреждение имеет право с разрешения прокуратуры не сообщать вышеуказанным лицам о производстве в отношении них ОРМ в следующих случаях:

- когда уведомление о производстве ОРМ может существенно навредить уголовному судопроизводству;
- когда уведомление о производстве ОРМ может существенно навредить правам и свободам лица, гарантированным законом, или подвергнуть опасности другое лицо;
- когда уведомление о производстве ОРМ может подвергнуть опасности тайность методов и тактику оперативно-розыскного учреждения, средства, используемые при производстве ОРМ, «изобличение» полицейского агента или подставного лица (ч. 2 ст. 126.13 УПК Эстонии).

Второе же направление внедрения негласных методов расследования в уголовно-процессуальное законодательство отдельных стран Европы и Азии заключается в закреплении принципиально новых следственных действий, производство которых сопряжено с применением познавательных приемов оперативно-розыскного характера, которые иницируются органом, осуществляющим предварительное расследование (следователем) или органом, осуществляющим ОРД. По такому пути пошли такие государства, как Казахстан, Грузия, Кыргызстан и др.

В указанных странах можно наблюдать сходство уголовно-процессуального законодательства, которое закрепило и традиционные для нас следственные действия, и так называемые негласные (тайные, специальные) следственные действия.

Так, в главе 30 УПК Казахстана¹ закреплены «негласные следственные действия»; глава XVI.1 УПК Грузии² регламентирует «тайные следственные действия»; глава 31 УПК Кыргызстана³ урегулировала «специальные следственные действия».

Помимо того что законодатель вышеуказанных стран урегулировал виды и процессуальный порядок производства «негласных действий», он еще и дал соответствующие понятия: в частности, п. 12 ст. 7 УПК Казахстана гласит: «негласное следственное действие — действие, проводимое в ходе досудебного производства без предварительного информирования лиц, интересов которых оно касается, в порядке и случаях, предусмотренных Кодексом». Негласные следственные действия Республики Казахстан применяются для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, при невозможности открытого получения информации без риска утраты доказательств или воздействия на заинтересованных лиц. Инициирование таких действий относится к компетенции должностных лиц досудебных органов, направляющих поручения подразделениям правоохранительных или спецслужб. Действия, затрагивающие конституционные права граждан, требуют санкции следственного судьи на основании мотивированного постановления следователя или иного уполномоченного лица. Максимальный срок проведения негласных мероприятий ограничен 30 сутками. Результаты, имеющие доказательственное значение, передаются в орган досудебного расследования с обеспечением конфиденциальности через сопроводительную документацию.

Пункт 4 ст. 5 УПК Кыргызстана определяет специальные следственные действия как «действия, проводимые без информирования вовлеченных в уголовное судопроизводство лиц, интересы которых они затрагивают, и направленные на выяснение обстоятельств, получение сведений, подлежащих доказыванию в уголовном судопроизводстве, когда следственными действиями установить это не представляется возможным». Вышеупомя-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. (в ред. от 13.03.2025). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 16.03.2025).

² Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 9 сентября 2009 г. (в ред. от 04.03.2025). URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/90034?publication=165> (дата обращения: 16.03.2025).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. (в ред. от 14.03.2025). URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=36639004#pos=264;-46 (дата обращения: 16.03.2025).

нутая глава 31 УПК Кыргызстана представлена «специальными следственными действиями», которые, в свою очередь, имеют определенное смещение с традиционными следственными действиями.

УПК Грузии детализирует регламент осуществления «тайных следственных действий». Согласно ст. 143-2 УПК Грузии применение «тайных следственных действий» допустимо исключительно для реализации легитимных целей в условиях демократического общества. К таким целям отнесены: защита национальной или общественной безопасности, предотвращение преступлений и массовых беспорядков, охрана экономических интересов государства, а также обеспечение прав и свобод граждан. Проведение вышеуказанных негласных действий оправдано лишь при наличии неотложной общественной потребности при условии их соразмерности преследуемой цели. Они могут инициироваться только в ситуациях, когда получение значимых для дела доказательств иными методами невозможно либо сопряжено с чрезмерными ресурсными затратами. Интенсивность таких действий должна строго соответствовать тяжести предполагаемого преступления и поставленным задачам.

В современной правовой практике негласные методы расследования, поддерживаемые ООН и Европейским Судом по правам человека, заняли устойчивое положение, обрета параллельно с принципом гласности законодательное закрепление в уголовно-процессуальных нормах различных государств. Ключевым аспектом регулирования таких действий на досудебном производстве является частичное внедрение положений оперативно-розыскного права в структуру УПК. Международный опыт демонстрирует актуальную потребность уголовного процесса в сочетании гласных и негласных процедур, где их интеграция осуществляется без кардинального нарушения принципа публичности и при гарантировании защиты конституционных прав личности. Отличительной чертой негласных действий остается временное сокрытие от субъектов процесса как самого проведения таких мероприятий, так и их результатов, обладающих доказательственной силой, что компенсируется введением специальных процессуальных гарантий, основанных на фундаментальных принципах уголовного судопроизводства, включая гласность.

Анализ законодательств Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы и Эстонии выявляет общую тенденцию: несмотря на терминологические нюансы в определении негласных действий и осо-

бенности национальных правовых систем, все указанные государства закрепили дуалистическую модель процессуальных инструментов доказывания. В ней разграничиваются гласные следственные действия и негласные методы, объединяющие оперативно-розыскные мероприятия и специфические следственные процедуры, осуществляемые уполномоченными лицами в рамках расследования уголовного дела.

На основании вышеизложенного обратимся к сущности негласных действий в досудебном производстве по уголовным делам в отечественном уголовном процессе. Под негласными действиями в досудебном производстве по уголовным делам нами понимаются урегулированные УПК РФ действия следователя, дознавателя или иных уполномоченных на то органов и должностных лиц, производство которых сопровождается временным сохранением в тайне самого факта их проведения и подготовки от сторон и иных участников досудебного производства с возможным применением негласных сил и средств оперативно-розыскного характера. Рассмотрим более подробно представленную дефиницию и признаки, которыми она обладает.

Негласные действия регламентированы уголовно-процессуальным законодательством. Исходя из анализа УПК РФ, можно привести примеры проявления негласных процедур в досудебном производстве: недопустимость разглашения данных предварительного расследования — ст. 161 УПК РФ; недопустимость оглашения обстоятельств частной жизни, личной или семейной тайны лица, в помещении которого был произведен обыск — ч. 7 ст. 182 УПК РФ; неупоминание в протоколе следственного действия данных о личности потерпевшего, представителя потерпевшего, свидетеля из близких родственников, родственников и близких лиц — ч. 9 ст. 166 УПК РФ; сохранение в тайне факта задержания подозреваемого (обвиняемого) в интересах предварительного расследования — ч. 4 ст. 96 УПК РФ и др.

Следующим признаком негласных действий является определенный субъект их осуществления, а именно: следователь, дознаватель и уполномоченный орган или должностное лицо. К последним полагаем отнести оперативные, оперативно-технические подразделения правоохранительных органов, а также иные организации и учреждения, которые упоминает законодатель в нормах, посвященных негласным действиям: «соответствующее учреждение связи» (ч. 4 ст. 185 УПК РФ), «соответствующий орган» (ч. 4 ст. 186 УПК РФ),

«соответствующая осуществляющая услуги связи организация» (ч. 4 ст. 186.1 УПК РФ). При этом важно отметить, что ведущая роль принадлежит органам, осуществляющим предварительное расследование, тогда как уполномоченные органы и должностные лица выступают своеобразным посредником между следователем (дознавателем) и информацией, имеющей значение для раскрытия и расследования уголовного дела. Такое посредничество означает, что существует определенная часть следственного действия, которую следователь не выполняет сам, а поручает специализированным подразделениям. По аналогии с производством судебной экспертизы, когда следователь сам ее фактически не производит, а только назначает, при этом само заключение эксперта выступает самостоятельным доказательством.

Важным признаком, наиболее явно отражающим сущность негласных действий в досудебном производстве по уголовным делам, является временное сохранение в тайне самого факта их проведения и подготовки от сторон и иных участников досудебного производства. Временное сокрытие от субъектов процесса как самого проведения таких мероприятий, так и их результатов, обладающих доказательственной силой, в контексте нашего исследования является важным моментом, что компенсируется введением специальных процессуальных гарантий, основанных на фундаментальных принципах уголовного судопроизводства, включая гласность. Важной особенностью негласных следственных действий является порядок информирования участников. В отличие от общих правил проведения следственных действий (ч. 3–6 ст. 164 УПК РФ), требующих предварительного уведомления о времени, месте и условиях, при негласных следственных действиях такие сведения сообщаются только после их завершения. Это обеспечивает элемент внезапности, повышающий эффективность следственных действий.

Еще одним немаловажным признаком, раскрывающим суть негласных действий в досудебном производстве по уголовным делам, является возможное применение негласных сил и средств оперативно-розыскного характера при их производстве, а значит, есть некоторая схожесть с производством ОРМ. К числу общих характеристик

негласных следственных действий и ОРМ, ограничивающих конституционные права и свободы граждан и проводимых по поручению следователя (дознавателя), относятся следующие аспекты: 1) проведение таких действий требует судебного разрешения; 2) непосредственную реализацию осуществляют органы дознания или иные уполномоченные законом структуры, а не следователь (дознаватель); 3) обязательное соблюдение конфиденциальности на этапах планирования, подготовки, а в ряде случаев и в ходе самого производства; 4) отсутствие полноценного контроля со стороны инициатора данных действий, а также недостаточность процессуальных механизмов для защиты прав участников.

Хотя негласные следственные действия и ОРМ обладают схожей правовой природой, их отождествление некорректно. Ключевые отличия негласных следственных действий от ОРМ: 1) процессуальное оформление — негласные следственные действия регламентированы уголовно-процессуальным законом; 2) целевая направленность — негласные следственные действия проводятся исключительно в рамках возбужденного уголовного дела для достижения целей уголовного судопроизводства; 3) порядок санкционирования — решение о проведении негласных следственных действий принимает следователь (дознаватель) с согласия руководителя следственного органа (прокурора) и последующего судебного разрешения; 4) объект воздействия — негласные следственные действия применяются в отношении участников уголовного процесса; 5) доказательственное значение — результаты негласных следственных действий признаются доказательствами по уголовному делу (в этом их одновременно и удобство, и ценность, в отличие от «чистых» ОРМ).

В результате исследования норм УПК РФ установлено, что действующее законодательство содержит положения, регулирующие порядок осуществления негласных действий в рамках уголовного судопроизводства, а также предусматривает их систематизацию. При этом процессуальная природа указанной деятельности характеризуется дуализмом: она объединяет негласные действия следователя (дознавателя) и оперативно-розыскные мероприятия органа дознания.

Список источников

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд., испр. и значительно умноженное по рукописи автора. СПб.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1865. Ч. 2.
2. Николаев И. П. Краткий курс уголовного судопроизводства. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Типо-лит. СПб. тюрьмы, 1912.

3. Чельцов М. А. Уголовный процесс. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948.
4. Тамбовцев А. И. Негласный потенциал уголовно-процессуального законодательства России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2 (78). С. 170–178.
5. Александров А. И. Проблемы организации предварительного следствия в Российской Федерации: направление реформирования // Российский следователь. 2011. № 1. С. 33–40.
6. Луговик В. Ф. Оперативно-розыскное законодательство и перспективы его совершенствования // Оперативно-розыскное право: сборник научных статей / отв. ред. Н. В. Павличенко. Волгоград: ВА МВД России, 2013.
7. Колосович М. С. Негласная деятельность по уголовному делу // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2 (63). С. 138–145.
8. Александров А. С. Реформа полиции, реформа обвинительной власти России — путь к евроинтеграции // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 4 (26).
9. Шумилов А. Ю. О целесообразности объединения сыскных процедур в единый уголовно-розыскной процесс // Полицейское право. 2005. № 1. С. 70–72.
10. Баранов А. М. Обеспечение законности в досудебном производстве по уголовным делам: монография. Омск: Изд-во Омской академии МВД России, 2006. 220 с.

References

1. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivago velikoruskago yazyka. 2-e izd., ispr. i znachitel'no umnozhennoe po rukopisi avtora. SPb.: Izdanie knigoprodavca-tipografa M. O. Vol'fa, 1865. Ch. 2.
2. Nikolaev I. P. Kratkij kurs ugolovnogo sudoproizvodstva. 3-e izd., ispr. i dop. SPb.: Tipo-lit. SPb. tyur'my, 1912.
3. Chel'cov M. A. Ugolovnyj process. M.: Yuridicheskoe izdatel'stvo Ministerstva yusticii SSSR, 1948.
4. Tambovcev A. I. Neglasnyj potencial ugolovno-processual'nogo zakonodatel'stva Rossii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2018. № 2 (78). S. 170–178.
5. Aleksandrov A. I. Problemy organizacii predvaritel'nogo sledstviya v Rossijskoj Federacii: napravlenie reformirovaniya // Rossijskij sledovatel'. 2011. № 1. S. 33–40.
6. .Lugovik V. F. Operativno-rozysknoe zakonodatel'stvo i perspektivy ego sovershenstvovaniya // Operativno-rozysknoe pravo: sbornik nauchnyh statej / отв. ред. N. V. Pavlichenko. Volgograd: VA MVD Rossii, 2013.
7. Kolosovich M. S. Neglasnaya deyatel'nost' po ugolovnomu delu // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2016. № 2 (63). S. 138–145.
8. Aleksandrov A. S. Reforma policii, reforma obvinitel'noj vlasti Rossii — put' k evrointegracii // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2013. № 4 (26).
9. Shumilov A. Yu. O celesoobraznosti ob"edineniya sysknyh procedur v edinyj ugolovno-rozysknoj process // Policejskoe pravo. 2005. № 1. S. 70–72.
10. Baranov A. M. Obespechenie zakonnosti v dosudebnom proizvodstve po ugolovnym delam: monografiya. Omsk: Izd-vo Omskoj akademii MVD Rossii, 2006. 220 s.

Статья поступила в редакцию 15.09.2025; одобрена после рецензирования 01.11.2025; принята к публикации 25.11.2025.

The article was submitted 15.09.2025; approved after reviewing 01.11.2025; accepted for publication 25.11.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 215–220.

Altai Law Journal. 2025. № 4 (52). P. 215–220.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.103 (075.8)

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Андрей Евгеньевич Чечетин

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, achechetin@mail.ru

Аннотация. Предметом исследования выступают законодательные нормы, регламентирующие оперативно-розыскные мероприятия в Республике Казахстан и Российской Федерации. Цель статьи — на основе сравнительно-правового анализа норм казахстанского и российского законов «Об оперативно-розыскной деятельности» выявить положительный опыт и дискуссионные вопросы законодательного регулирования правоотношений, возникающих в процессе применения оперативно-розыскных мероприятий, направленных на решение задач борьбы с преступностью. Исследование позволило прийти к выводу о том, что Закон РК «Об оперативно-розыскной деятельности», предусматривающий более обширный перечень оперативно-розыскных мероприятий, содержит вместе с тем немало дискуссионных вопросов, обсуждение которых позволяет глубже понять сущность современных методов оперативно-розыскной деятельности и разрабатывать меры по совершенствованию их правового регулирования.

Ключевые слова: оперативно-розыскные мероприятия, оперативно-розыскная деятельность, принудительные меры, негласный контроль

Для цитирования: Чечетин А. Е. Дискуссионные вопросы законодательного регулирования оперативно-розыскных мероприятий в Республике Казахстан // Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 215–220.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

DISCUSSION QUESTIONS OF LEGISLATIVE REGULATION OF OPERATIONAL AND SEARCH ACTIVITIES IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Andrey E. Chechetin

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, achechetin@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the legislative norms regulating operational and investigative activities in the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation. The purpose of the article is to identify positive experience and controversial issues in the legislative regulation of legal relations arising in the process of applying operational and investigative activities aimed at solving the problems of combating crime, based on a comparative legal analysis of the norms of the Kazakhstan and Russian laws on operational and investigative activities. The study led to the conclusion that the law of the Republic of Kazakhstan on operational search activities, which provides for a more extensive list of operational search activities, also contains many controversial issues that need to be discussed in order to gain a deeper understanding of the current methods of operational search activities and develop measures to improve their legal regulation.

Keywords: operational and investigative activities, investigative activities, compulsory measures, covert control

For citation: Discussion questions of legislative regulation of operational and search activities in the Republic of Kazakhstan. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;4:215–220 (In Russ.).

© Чечетин А. Е., 2025

«Все познается в сравнении».
Рене Декарт

В предлагаемой читателям статье автор продолжает начатый в предыдущей публикации [1] сравнительно-правовой анализ законодательных норм России и Казахстана, регламентирующих проведение оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД). Напомним, что Закон Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон РК об ОРД, казахстанский закон)¹ закрепил перечень ОРМ из 24 наименований в отличие от Федерального закона Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — ФЗ об ОРД, российский закон)², включившего в аналогичный перечень лишь 15 ОРМ. При этом в казахстанском законе, в отличие от российского, все ОРМ разделены на две категории: общие и специальные, на что мы ранее уже обращали внимание.

В перечень общих ОРМ казахстанский законодатель под номером 13 включил неизвестное для ФЗ об ОРД мероприятие под названием «поиск устройств незаконного снятия информации». При этом в ст. 1 Закона РК об ОРД содержание данного мероприятия не раскрывается, а потому нам не вполне понятно, какие конкретные поисковые действия разрешает законодатель. Ответа на него не дает и доступный для ознакомления комментарий к Закону РК об ОРД [2, с. 85]. Поиск устройств незаконного снятия информации может осуществляться лишь с помощью специальных технических средств. В то же время применение технических средств предусмотрено в п. 7 ч. 2 ст. 11 Закона РК об ОРД в качестве самостоятельного ОРМ, которое, на наш взгляд, поглощает в себя «поиск устройств незаконного снятия информации». Кроме того, поиск таких устройств следовало бы отнести не к оперативно-розыскным, а к контрразведывательным действиям, а потому у нас вызывает большое сомнение целесообразность его закрепления в законе, регламентирующем ОРД.

¹ Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: Закон Республики Казахстан от 15.09.1994 № 154-ХІІІ (ред. от 03.12.2024). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1003158&pos=4;-88#pos=4;-88 (дата обращения: 20.09.2025).

² Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон Российской Федерации от 12.08.1995 № 144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33, ст. 3349.

В перечень общих ОРМ казахстанский законодатель под номером 12 включил «поиск и отождествление личности по приметам». Содержание этого ОРМ в общих чертах достаточно понятно, поскольку в российском законе имеется аналогичное ОРМ с более универсальным названием «отождествление личности». В то же время включение в название данного ОРМ слов «поиск» и «по приметам» представляется нам избыточным. Под поиском, как определено в п. 9 ст. 1 Закона РК об ОРД, понимается «совокупность организационных и предметно-практических действий, направленных на обнаружение... искомого лица». Такое законодательное определение не вносит ясности в содержание действий по поиску и не дает ответа на вопрос о том, какие поисковые действия допустимы для отождествления личности. При этом способ поиска отождествляемой личности не имеет, на наш взгляд, какого-либо правового значения. Включение же в название ОРМ способа отождествления «по приметам», с одной стороны, искусственно ограничивает содержание данного мероприятия, а с другой — не соответствует его законодательному определению, в котором отождествление лица предусматривается не только по приметам, но и по «индивидуализирующим его статическим, динамическим и геномным признакам, а равно при помощи словесного портрета и других способов, позволяющих с достаточной степенью вероятности опознать человека». Таким образом, законодатель предусматривает самые разнообразные способы отождествления. Для исправления указанных дефектов законодательной техники можно порекомендовать казахстанскому законодателю использовать более емкое и точное определение отождествления личности, предложенное авторами комментария к российскому ФЗ об ОРД, такое как ОРМ, заключающееся в установлении лиц, причастных к преступной деятельности либо находящихся в розыске, путем не процессуального опознания личности по ее внешности, голосу, запаху и другим идентифицирующим признакам [3, с. 101].

Отмечая с положительной стороны наличие в казахстанском законе об ОРД дефинитивных норм, определяющих понятия оперативно-розыскных мероприятий, вместе с тем следует заметить, что сущность восьми из шестнадцати общих ОРМ законодатель по непонятной нам причине не определил в ст. 1 Закона РК об ОРД. Имеющиеся же

законодательные определения ряда ОРМ нуждаются, на наш взгляд, в доработке и уточнении, поскольку в ряде случаев искусственно сужают их содержание.

Таким недостатком, в частности, страдает определение наведения справок, под которым понимается получение информации «путем направления официального запроса соответствующему физическому или юридическому лицу». Допуская возможность получения информации лишь путем официального запроса, законодатель, по существу, блокирует возможность наведения справок в зашифрованной либо негласной форме, хотя это вытекает из сущности ОРД как деятельности, осуществляемой гласно и негласно. Кроме того, законодательное определение наведения справок не включает такие способы получения информации, как непосредственное ознакомление с документами и материалами, содержащими необходимые сведения, а также обращение к массивам оперативно-розыскной информации.

Нельзя не обратить внимания на то, что в законодательном определении наблюдения (п. 5 ст. 1) отсутствует указание на негласный характер данного ОРМ, что выступает его ключевым сущностным признаком. В оперативно-розыскной деятельности наблюдение не может быть гласным, поскольку это не будет иметь никакого познавательного смысла.

Анализируя законодательный перечень общих ОРМ, нельзя не отметить, что в этой части казахстанский законодатель, в отличие от российского, пошел на весьма радикальный шаг, разрешив применение мер принуждения в ОРД. Вопрос о необходимости законодательной регламентации таких мер давно обсуждается на страницах российской юридической печати [4, с. 55–57; 5; 6], но пока никак не решается законодателем. В связи с этим нормы, регулирующие принудительные меры, а также практика их применения представляют немалый интерес для специалистов.

Пункт 15 ч. 2 ст. 11 Закона РК об ОРД предусматривает в качестве самостоятельного ОРМ «преследование лица, готовящего, совершающего или совершившего преступление, и его задержание». Нельзя не согласиться с тем, что задержание лица с поличным зачастую выступает конечной целью некоторых ОРМ, в частности наблюдения за карманным вором, оперативного эксперимента в отношении вымогателя взятки, проверочной закупки наркотиков и др., а потому право оперативного сотрудника на захват лица, совершающего преступление, должно быть само собой разумеющимся.

Российский законодатель, как известно, пошел по пути регламентации этого права в ст. 14 Федерального закона Российской Федерации «О полиции», в которой установлено, что лица, подозреваемые в совершении преступления, могут задерживаться «по основаниям, в порядке и на срок, которые предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации». Однако современный уголовно-процессуальный механизм применения мер принуждения не предусматривает возможности задержания лица, совершившего преступление, до возбуждения уголовного дела, а потому, по выводам исследователей, он нуждается в кардинальном совершенствовании с передачей его в сферу полицейского законодательства [7, с. 117–125, 172–173].

Как видим, в п. 15 ч. 2 ст. 11 Закона РК об ОРД предпринята попытка правового разрешения проблемы так называемого полицейского (оперативно-розыскного) задержания, которая нуждается в дальнейшем развитии и совершенствовании, поскольку оставляет пока без ответов многие вопросы. В частности, для читающего указанную норму закона пока непонятно: каковы основания оперативно-розыскного задержания, порядок его оформления, сроки лишения свободы, допустимость применения физической силы и специальных средств и некоторые другие связанные с этим вопросы.

Пункт 16 ч. 2 ст. 11, являясь логическим продолжением предыдущего пункта, предусматривает личный досмотр задержанных лиц, изъятие находящихся при них вещей и документов, могущих относиться к преступной деятельности. Однако, кроме личного досмотра задержанного, в рассматриваемой норме предусмотрен также досмотр жилых помещений, что, на наш взгляд, представляется достаточно дискуссионным, поскольку затрагивает конституционное право на неприкосновенность жилища.

Согласно ст. 25 Конституции Республики Казахстан «проникновение в жилище, производство его осмотра и обыска допускаются лишь в случаях и в порядке, установленных законом». Обращает на себя внимание различие в правовой терминологии, используемой в конституционной и законодательной нормах: в первом случае речь идет об осмотре и обыске, а во втором — о досмотре жилых помещений. Отсюда непонятно: конституционный осмотр и законодательный досмотр — это одно и то же или различные действия. При этом Закон РК об ОРД не предусматривает порядка проведения досмотра жилых помещений, о необходимости

закрепления которого указано в ст. 25 Конституции РК. Кроме того, досмотр жилых помещений как мероприятие, ограничивающее конституционное право на неприкосновенность жилища, по логике законодателя, должно быть отнесено к категории специальных ОРМ.

Пунктом 17 ч. 2 ст. 11 Закона РК об ОРД к числу общих ОРМ отнесено проведение операций по задержанию вооруженных преступников. Необходимость закрепления такого рода действий на законодательном уровне само по себе представляется, безусловно, необходимым, однако отнесение их к категории оперативно-розыскных мероприятий вызывает немалые сомнения, поскольку по своему содержанию такие операции носят комплексный правоохранительный характер и выходят за пределы собственно оперативно-розыскной деятельности.

Анализ специальных ОРМ следует начать с пункта 1 ч. 3 ст. 11 Закона РК об ОРД, в котором закреплено такое мероприятие, как «негласные аудио- и (или) видеоконтроль лица или места». В российской оперативно-розыскной практике такого рода действия известны как электронное наблюдение или негласная аудиовидеозапись, которая осуществляется на основе применения специальных технических средств [3, с. 99–100]. Законодательное определение негласного аудио- и видеоконтроля, несмотря на свою многословность, к сожалению, не позволяет понять, в чем состоит отличие данного ОРМ от наблюдения, суть которого определена в п. 5 ст. 1 Закона РК об ОРД как «визуальное и иное восприятие... явлений, деяний, событий, процессов». Если под «иным восприятием» понимать фиксацию речевой и визуальной информации с помощью специальных технических средств, а логический анализ данного определения ничего другого не предполагает, то в переводе на российскую терминологию это будет не что иное, как электронное наблюдение. Такое толкование подтверждают и авторы комментария к Закону РК об ОРД [2, с. 86]. Таким образом, «негласные аудио- и (или) видеоконтроль лица или места», на наш взгляд, является одним из видов наблюдения, а потому целесообразность его выделения представляется сомнительной.

В название упомянутого мероприятия казахстанский законодатель включил не только вид разрешенных действий — «аудио- и (или) видеоконтроль», но и объекты такого контроля — «лица или места». В связи с этим, естественно, возникает вопрос о том, в отношении каких лиц и каких мест может осуществляться данное ОРМ? В поисках

ответа на него мы обратились к п. 19 ст. 1 Закона РК об ОРД, согласно которому под негласным аудио- и (или) видеоконтролем понимается «негласный контроль речевой и иной информации, а также действий лица и (или) событий, происходящих в строго определенном месте (выделено авт. — А. Ч.), производимый при необходимости путем негласных проникновения и (или) обследования, с использованием видео-, аудиотехники либо иных специальных научно-технических средств с одновременной фиксации их содержания на материальном носителе».

Анализ этого законодательного определения позволяет обнаружить наличие в нем следующих логических и технико-юридических недостатков. Во-первых, оно содержит тавтологию, поскольку определяемое и определяющее понятия обозначаются одним и тем же словосочетанием — негласный контроль. Во-вторых, непонятно, разговоры и действия каких лиц могут контролироваться: любых или только тех, которые подготавливают или совершают преступления. В-третьих, используемое здесь словосочетание «в строго определенном месте» не позволяет уяснить, где конкретно законодатель допускает возможность негласной аудиовидеозаписи (жилище, служебные помещения, места общего пользования и т. д.). В-четвертых, в содержание данного ОРМ оказалось включено самостоятельное специальное ОРМ — негласные проникновение и (или) обследование места, предусмотренное п. 6 ч. 3 ст. 11 Закона РК об ОРД. Исходя из вышеизложенного, нам трудно согласиться с выводом, сделанным в диссертации А. М. Карла, о том, что данная дефиниция вносит достаточную ясность для правоприменителя [8, с. 146], поскольку она не дает ответов на поставленные нами вопросы.

Ряд элементов неопределенности содержит предусмотренное п. 2 ч. 3 ст. 11 мероприятие под названием «негласный контроль, перехват и снятие информации, передающейся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи». В пункте 21 ст. 1 Закона РК об ОРД это мероприятие, по существу, разделено на два отдельных действия: первое — контроль сетей связи, а второе — перехват и снятие информации, передаваемой по сетям связи. При этом под негласным контролем сетей связи понимается прослушивание и запись голосовой информации, передающейся по телефону или другим устройствам, позволяющим передавать голосовую информацию. Такие действия полностью совпадают с содержанием российского ОРМ «прослушивание телефонных переговоров». В свою

очередь, «перехват и снятие информации» определяется как «перехват и снятие знаков, сигналов, голосовой информации, письменного текста, изображений, видеоизображений, звуков и другой информации, передаваемой по проводной, радио, оптической и другим электромагнитным системам». Перечисленные выше действия имеют сущностное сходство с российским мероприятием «снятие информации с технических каналов связи». При этом перехват информации и снятие информации представляются весьма близкими по смыслу, а потому их перечисление в качестве способов действий в названии мероприятия, на наш взгляд, не имеет какого-либо правового значения и является избыточным. Вместе с этим в качестве положительного элемента в названии данного ОРМ следовало бы отметить употребление более точного правового понятия «сети электрической (телекоммуникационной) связи», содержание которого раскрывается в ст. 2 Федерального закона Российской Федерации «О связи»¹, а потому оно не вызывает у нас вопросов. Российский же законодатель в названии аналогичного мероприятия использует понятие «технические каналы связи», которое не имеет легитимного правового определения, а потому представляется нам неточным.

В отличие от российского ФЗ об ОРД казахстанский закон в п. 3 ч. 3 ст. 11 предусматривает в качестве самостоятельного специального мероприятия «негласное получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами». При этом законодатель не указывает способ получения такой информации ни в названии мероприятия, ни в его определении, закрепленном в п. 20 ст. 1 Закона РК об ОРД. Отсюда следует, что способу получения указанной информации не придается никакого правового значения, хотя такие способы могут быть различными. В частности, эти сведения сохраняются в любом абонентском устройстве, и их можно получить посредством осмотра соответствующего приложения как гласно, так и негласно. Такие сведения можно также получить посредством направления запроса оператору связи, который может быть как гласным, так и негласным. Наконец, рассматриваемые сведения могут быть получены путем снятия информации, передаваемой по электрическим каналам связи, что входит в содержание упомянутого выше мероприятия «негласный контроль, перехват и снятие информации, передающейся по сетям электрической

(телекоммуникационной) связи», а потому выделение его в самостоятельный вид ОРМ представляется нецелесообразным. В определении рассматриваемого ОРМ, закрепленном в п. 20 ст. 1 Закона РК об ОРД, указывается его направленность на «получение сведений о дате, времени, продолжительности соединений между абонентами и (или) абонентскими устройствами», однако не упоминается об адресатах таких соединений, что, на наш взгляд, имеет ключевое значение для решения задач ОРД. Этот пробел законодательного определения, скорее всего, является технической ошибкой, но если ее не исправить, то это может послужить поводом для оспаривания законности действий по установлению абонентских номеров, с которыми осуществлялось соединение контролируемого пользовательского оборудования.

Пункт 5 ч. 3 ст. 11 Закона РК об ОРД в качестве самостоятельного вида закрепил ОРМ под названием «негласный контроль почтовых и иных отправлений», которое аналогично предусмотренному российским ФЗ об ОРД контролю почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений. Сущность данного ОРМ в п. 18 ст. 1 Закона РК об ОРД определена как «получение сведений, имеющих значение для дела, путем просмотра и ознакомления с содержанием писем, телеграмм, радиogramм, бандеролей, посылок и других почтово-телеграфных отправлений». В этом определении, во-первых, имеется неопределенность в характеристике получаемых сведений как «имеющих значение для дела», поскольку не вполне понятно, о каком деле здесь идет речь. Видимо, законодатель в данном случае имел в виду сведения, имеющие значение для решения задач ОРД, а потому такую формулировку и следовало использовать в анализируемом определении. Во-вторых, это определение не дает ответа на вопрос о том, допускает ли данное мероприятие контроль отправок, пересылаемых с использованием частных курьерских и логистических компаний, услугами которых пользуются лица, совершающие преступления. Ответ на этот вопрос следовало бы дать в законодательном определении, указав на то, что объектом контроля могут выступать отправления, доставляемые любым оператором, занимающимся логистической деятельностью.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что Закон РК «Об оперативно-розыскной деятельности», допускающий возможность применения весьма обширного арсенала оперативно-розыскных мероприятий, вместе с тем содержит немало дискуссионных вопросов, требующих сво-

¹ О связи [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 07.07.2003 № 126-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

его обсуждения заинтересованными специалистами. Его сравнительный анализ с российским ФЗ об ОРД позволяет глубже понять сущность современ-

ных методов оперативно-розыскной деятельности и разрабатывать меры по совершенствованию их правового регулирования.

Список источников

1. Чечетин А. Е. Некоторые особенности законодательной регламентации оперативно-розыскных мероприятий в Республике Казахстан // Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 195–201.
2. Комментарий к Закону Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности» / под общ. ред. И. Д. Меркель, Н. Н. Турецкого. Алматы: Изд-во «Норма-К», 2010. 144 с.
3. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. А. Е. Чечетина. Барнаул: БЮИ МВД России, 2022. 304 с.
4. Луговик В. Ф. Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации: авторский проект. Омск: Омская юридическая академия, 2014. 96 с.
5. Гусев В. А. «Параллельная реальность» принуждения в оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2015. № 3 (44). С. 39–44.
6. Чечетин А. Е. Государственное принуждение и оперативно-розыскная деятельность // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения: мат-лы международной научно-практ. конф-ции. Омск: Омская академия МВД России, 2024. С. 249–254.
7. Россинский С. Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход: монография. М.: Проспект, 2019. 192 с.
8. Карл А. М. Законодательное регулирование оперативно-розыскных мероприятий в Российской Федерации и Республике Казахстан (сравнительно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 2025. 249 с.

References

1. Chechetin A. E. Nekotorye osobennosti zakonodatel'noj reglamentacii operativno-rozysknyh meropriyatij v Respublike Kazahstan // Altajskij yuridicheskij vestnik. 2025. № 3 (51). S. 195–201.
2. Kommentarij k Zakonu Respubliki Kazahstan «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti» / pod obshch. red. I. D. Merkel', N. N. Tureckogo. Almaty: Izd-vo «Norma-K», 2010. 144 s.
3. Nauchno-prakticheskij kommentarij k Federal'nomu zakonu «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti» / pod red. A. E. Chechetina. Barnaul: BYuI MVD Rossii, 2022. 304 s.
4. Lugovik V. F. Operativno-rozysknoj kodeks Rossijskoj Federacii: avtorskij proekt. Omsk: Omskaya yuridicheskaya akademiya, 2014. 96 s.
5. Gusev V. A. «Parallel'naya real'nost'» prinuzhdeniya v operativno-rozysknoj deyatel'nosti // Operativnik (syshchik). 2015. № 3 (44). S. 39–44.
6. Chechetin A. E. Gosudarstvennoe prinuzhdenie i operativno-rozysknaya deyatel'nost' // Pravovye i gumanitarnye problemy ugolovno-processual'nogo prinuzhdeniya: mat-ly mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2024. S. 249–254.
7. Rossinskij S. B. Zaderzhanie podozrevaemogo: konstitucionno-mezhotraslevoj podhod: monografiya. M.: Prospekt, 2019. 192 s.
8. Karl A. M. Zakonodatel'noe regulirovanie operativno-rozysknyh meropriyatij v Rossijskoj Federacii i Respublike Kazahstan (sravnitel'no-pravovoe issledovanie): dis. ... kand. yurid. nauk. Dushanbe, 2025. 249 s.

Информация об авторе

А. Е. Чечетин — доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

A. E. Chechetin — Doctor of Science (Law), Professor.

Статья поступила в редакцию 27.10.2025; одобрена после рецензирования 24.11.2025; принята к публикации 14.11.2025.

The article was submitted 27.10.2025; approved after reviewing 24.11.2025; accepted for publication 14.11.2025.

ПРИСЯГА ЭКСПЕРТА: ГАРАНТИЯ ИЛИ PROCEDURAL FORMALITY?

Эльмира Халиковна Широ́ва¹, Сергей Борисович Россинский²¹ Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, p_elmira@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2815-369X>² Академия управления МВД России, Москва, Россия, s.rossinskiy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

Аннотация. Статья посвящена комплексному междисциплинарному исследованию одной из ключевых гарантий в уголовном судопроизводстве — института присяги судебного эксперта. Авторами проводится историко-правовой анализ эволюции данного института от его религиозных истоков в дореволюционном российском праве через идеологически обусловленную трансформацию в советский период к современному состоянию, характеризующемуся формальным «предупреждением об ответственности» по ст. 307 УК РФ. Показано, что действующий механизм предупреждения эксперта об ответственности за дачу заведомо ложного заключения не обеспечивает реальных гарантий достоверности, объективности и беспристрастности экспертных заключений. Приводятся аргументы, исключающие возможность полной реставрации дореволюционных религиозных присяг. В рамках поиска более эффективных механизмов предлагается концепция reintroduction присяги в обновленном, светском формате.

Ключевые слова: присяга эксперта, адъюрация, судебная экспертиза, заведомо ложное заключение эксперта, подпись эксперта, предупреждение об уголовной ответственности, судебный эксперт

Для цитирования: Широ́ва Э. Х., Россинский С. Б. Присяга эксперта: гарантия или procedural formality? // Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 221–226.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

EXPERT'S OATH: A GUARANTEE OR A PROCEDURAL FORMALITY?

Elmira Kh. Shirova¹, Sergey B. Rossinskiy²¹ Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, p_elmira@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2815-369X>² Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow, Russia, s.rossinskiy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

Abstract. The article is devoted to a comprehensive interdisciplinary study of one of the key guarantees in criminal proceedings — the institution of the forensic expert's oath. The authors conduct a historical and legal analysis of the evolution of this institution from its religious origins in pre-revolutionary Russian law through ideologically conditioned transformation in the Soviet period to the current state, characterized by the formal «warning about responsibility» under Article 307 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is shown that the current mechanism for warning the expert about responsibility for providing knowingly false conclusions does not ensure real guarantees of the accuracy, objectivity, and impartiality of expert opinions. Arguments are presented that exclude the possibility of a full restoration of pre-revolutionary religious oaths. In the framework of searching for more effective mechanisms, a concept of reintroducing the oath in an updated, secular format is proposed.

Keywords: expert's oath, adjuration, forensic examination, knowingly false expert conclusion, expert's undertaking, warning about criminal responsibility, forensic expert

For citation: Shirova E. Kh., Rossinskiy S. B. Expert's oath: a guarantee or a procedural formality? Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2025;4:221–226 (In Russ.).

Актуальность проблем, связанных с судебно-экспертным обеспечением уголовного процесса, сохраняется на протяжении длительного времени, неизменно вызывая оживленную полемику в научной среде. Данная проблематика привлекает внимание исследователей различных специальностей, каждый из которых вносит свой вклад в ее разработку. Одни ученые концентрируются на развитии общетеоретических основ судебной экспертологии, другие направляют усилия на совершенствование методик конкретных родов и видов судебных экспертиз, третьи — на оптимизацию организационных направлений экспертной практики. Однако в настоящей статье первостепенный интерес представляют исключительно проблемы юридической формализации назначения и производства судебных экспертиз, обеспечения надлежащего качества и достоверности экспертных выводов, а также допустимости в качестве доказательств по уголовному делу соответствующих заключений эксперта.

В данном контексте следует вспомнить мировой опыт, где в качестве одной из фундаментальных гарантий добросовестности, объективности и беспристрастности судебного эксперта исторически выступала адьюрация — процедура принесения присяги или торжественного обязательства (обещания). Подобные процедуры были инкорпорированы в правовые системы большинства государств в различные исторические эпохи и сохраняют свою значимость в уголовном судопроизводстве ряда современных стран.

Институт экспертной присяги был известен и дореволюционному российскому праву [1, с. 127], что нашло отражение как в положениях николаевского Свода законов 1832 г., так и предписаниях Устава уголовного судопроизводства 1864 г. В последнем, в частности, нормативном источнике гарантии достоверности показаний экспертов (как тогда говорили, сведущих лиц) обеспечивались посредством принесения религиозной присяги по обрядам их вероисповедания. К примеру, процедура адьюрации для православных экспертов заключалась в том, что священник зачитывал религиозный обет, после чего лицо, дающее присягу, должно было прикоснуться к кресту и евангелию и громко произнести: «Клянусь». Для верующих других религий присягу следовало принимать в соответствии с обрядами их вероисповеданий.

Последующий отказ от адьюраций стал закономерным следствием идеологических преобразований советского периода. А потому в настоящее время приобретают актуальность вопросы о потенциальном возрождении подобных юридических

гарантий достоверности экспертных заключений как средств уголовно-процессуального доказывания, к которым и будут обращены последующие рассуждения.

Итак, известные революционные события 1917 г., приведшие к становлению советской государственности, предопределили закономерный отказ от религиозных атрибутов, направленных на обеспечение достоверности в уголовном судопроизводстве, включая присягу эксперта. Примечательно, что советское правительство изначально не ставило задачи тотальной и немедленной ломки прежних механизмов расследования и судебного разбирательства уголовных дел, особенно тех элементов уголовного судопроизводства, которые не противоречили новой управленческой парадигме. Более того, создатели раннесоветской уголовной юстиции (до весны 1918 г. — преимущественно представители левозсеровской партии [2, с. 164], а затем — члены РСДРП(б) с дореволюционным юридическим прошлым [3, с. 38]) стремились сохранить преемственность с рядом прогрессивных для своего времени положений имперского законодательства. Однако сохранение религиозной присяги было идеологически невозможным.

Поэтому уже в ст. 14 принятого ВЦИКом в феврале 1918 г. Декрета о суде № 2 любые виды присяг предписывалось отменить, а достоверность соответствующих средств доказывания обеспечивать предварением (в современной терминологии — предупреждением) об ответственности за ложность сообщаемых сведений. Позднее эти же идеи нашли отражение в положениях пробного Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1922 г., принятого менее чем через год обновленного Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1923 г., а затем и Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. (далее — УПК РСФСР). В частности, согласно ч. 2 ст. 187 и ч. 2 ст. 189 УПК РСФСР 1960 г. привлекаемого для производства судебной экспертизы эксперта надлежало предупреждать об ответственности за заведомо ложное заключение: при проведении исследований в судебно-экспертном учреждении данная обязанность возлагалась на его руководителя, тогда как при назначении экспертизы «частному», т. е. не работающему в судебно-экспертном учреждении, лицу — на самого следователя (на иное назначившее экспертизу лицо). Правда в УПК РСФСР прямо не говорилось об обязанности эксперта давать соответствующую подписку. Однако подобные требования стали усматриваться практическими работниками из смысла закона. По крайней мере

повсеместно используемые в практике последних лет применения УПК РСФСР стандартизированные шаблоны экспертных заключений обязательно предполагали «рыбу» подписки эксперта о разъяснении ему прав, обязанностей и предупреждении его об ответственности за дачу заведомо ложного заключения. Сложившаяся практика повсеместно требовала ее оформления, что подтверждается опытом одного из соавторов настоящей статьи — С. Б. Россинского, проходившего в конце 1990-х гг. службу в Следственном управлении ГУВД г. Москвы (позднее — Главном следственном управлении при ГУВД г. Москвы), которому приходилось работать со множеством подобных документов.

На сегодняшний день предупреждения об уголовной ответственности по-прежнему остаются аналогом экспертных адьюраций (присяг). Они же являются процессуально-профилактическими мерами, как бы способствующими предотвращению дачи заведомо ложного заключения. А необходимость выполнения данных требований вытекает из совокупного содержания ч. 2, 4 ст. 199 и п. 5 ч. 1 ст. 204 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ). Кстати, в этой связи нельзя не обратить внимания на особый и достаточно неопределенный режим предупреждений об ответственности сотрудников государственных экспертных учреждений. А вообще эти процессуально-профилактические меры настолько укоренились в законодательстве и правоприменительной деятельности, что воспринимаются практическими работниками как нечто само собой разумеющееся, выполняемое почти автоматически. В настоящее время вряд ли можно встретить дознавателя, следователя, прокурора, адвоката, сотрудника судебно-экспертного учреждения или судью, сомневающийся в необходимости предупреждения эксперта об уголовной ответственности по ст. 307 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ).

Между тем сама логика подобного требования о предупреждении экспертов об уголовной ответственности вызывает ряд вопросов. Она входит в противоречие с фундаментальным правовым принципом, обычно выражаемым в виде крылатого латинского афоризма «*Ignorantia juris neminem excusat*» («Незнание закона не освобождает от ответственности»). Крупный советский правовед А. А. Тилле отмечал, что никто не может оправдываться незнанием закона. Эту «формулу», известную с незапамятных времен, отмечал ученый, необходимо осознавать как всякому юристу, так и любому не состоящему в юридической корпора-

ции обывателю [4, с. 34]. Схожие взгляды разделяют и другие известные авторы. И действительно, в части прочих правоотношений, в т. ч. каких-то обыденных, повседневных жизненных ситуаций, справедливость и бесспорность подобного неписанного принципа ни у кого не вызывают сомнений — в противном случае можно было бы ожидать его формальное закрепление в положениях Конституции Российской Федерации или уголовного закона.

В этой связи вряд ли кому-либо может прийти в голову мысль, к примеру, о потребности в предупреждении любого выходящего из дома человека о недопустимости совершения убийства или кражи, а приходящего на работу чиновника — давать подписку об осведомленности об уголовной ответственности за получение взятки, злоупотребление полномочиями, халатность и пр.; еще менее вероятно, что кто-то сочтет необходимым подвергать таким бессмысленным обременениям сотрудников органов предварительного расследования, прокуроров и судей.

Однако в отношении же экспертов (равно свидетелей и потерпевших, а также некоторых иных участников уголовно-процессуальных и прочих «судебных» правоотношений) действует парадоксальная презумпция незнания уголовного закона! Причем наиболее вычурными подобные предписания выглядят в части предупреждений об уголовной ответственности государственных судебных экспертов, т. е. экспертов-профессионалов.

Безусловно, презумпция знания уголовного закона не носит абсолютно универсального и неопровержимого характера. Некоторые авторы обоснованно указывают на необходимость ее ограничения рядом исключений. Так, еще Н. С. Таганцев вполне справедливо не допускал существования суперэрудированных людей, в т. ч. профессиональных юристов, знающих все нюансы «антикриминального» (в терминологии авторов — полицейского) законодательства [5, с. 238]. А в настоящее время подобных взглядов придерживаются С. С. Тихонова, П. Н. Панченко и многие другие известные ученые [6, с. 125–127; 7, с. 228 и др.].

Однако преступления, предусмотренные ст. 307 УК РФ, выглядят чрезмерно «примитивными», а охраняемые ими общественные отношения, воплощая традиционные ценности российского общества, вполне понятны абсолютному большинству населения. Едва ли найдется представитель многонационального российского народа, который не знает или хотя бы не догадывается о безнравственности лжи, особенно в случаях, когда это мо-

жет привести к освобождению от ответственности виновного или, наоборот, к наказанию невинного. Эта аксиома, признанная основными мировыми культурами и религиями и обычно передаваемая людям в процессе семейного, школьного или иного воспитания, без сомнения, должна быть знакома каждому члену общества, даже стоящему на самой низкой социальной ступени. Тем более такой постулат обязан быть очевиден для лиц, predisposed к проведению судебно-экспертных исследований, т. е. обладающих определенным уровнем образования и культуры.

Кстати, можно выдвинуть предположение, что законодатель, закрепляя в УПК РФ нормы об обязательном предупреждении эксперта об ответственности за заведомо ложное заключение, преследовал цель не столько его устрашения, сколько правового информирования. В первую очередь это касается так называемых частных экспертов — привлекаемых на разовой основе уникальных специалистов, не работающих в судебно-экспертных учреждениях (например, в сфере искусствоведения, музыковедения или иконописи). Иными словами, суть процедуры видится не в запугивании возможным наступлением репрессивных, к слову достаточно шадящих, последствий, предусмотренных ст. 307 УК РФ, а в разъяснении конкретных форм противоправного поведения в уголовном процессе, которые влекут уголовную ответственность.

Однако достижение даже этой предупредительной цели представляется малореалистичным. Обеспечить действительное понимание рядовым гражданином, не обладающим юридической подготовкой, всей сложности уголовно-правового запрета в рамках краткого предупреждения невозможно. Российская система уголовного права основана на применении норм Особенной части в неразрывной связи с положениями Общей части, а также с учетом сложившейся судебной практики, включая разъяснения Верховного и Конституционного Судов Российской Федерации. Без глубоких правовых познаний усвоить весь этот массив информации дилетанту не под силу. Для подлинного разъяснения сути ответственности следователю или судье пришлось бы проводить для каждого эксперта полноценный ликбез по уголовному праву, что абсолютно исключено в условиях современного судопроизводства.

Следовательно, институт предупреждения потенциальных экспертов об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных заключений, включая соответствующие подписки, введенный советским законодателем в качестве светской аль-

тернативы религиозной присяге (адьюрации), на современном этапе *de facto* превратился в пустую формальность, лишенную какого-либо практического смысла. Данное обстоятельство закономерно актуализирует в научном сообществе дискуссии о поиске более действенных гарантий достоверности экспертных заключений. В частности, ряд авторитетных ученых-криминалистов (Р. С. Белкин, Е. Р. Россинская и др. [8, с. 615–616; 9, с. 147 и др.]) высказываются в пользу возвращения к идее присяги как гарантии доброкачественности необходимых для нужд уголовной юстиции и подлежащих получению посредством судебно-экспертных исследований сведений, но уже в обновленном, современном формате.

Означает ли вышеизложенное, что авторы выступают за полную реставрацию дореволюционного института религиозной адьюрации как гарантии надлежащего исполнения экспертами процессуальных обязанностей? Безусловно, нет.

Несмотря на проводимый государством курс на поддержку традиционных конфессий, в обозримой перспективе вряд ли стоит ожидать возвращения к уровню религиозности населения, характерному для Российской империи. Кроме того, исторические экспертные присяги отнюдь не были идеальным и справедливым институтом, как это порой представляется некоторым критикам советского периода, привыкшим к демонизации всего советского, в т. ч. постреволюционных реформ в сфере уголовной юстиции. Например, к присяге не допускались целые категории лиц по сословным, национальным и религиозным признакам (лишенные прав состояния, евреи по делам крещеных единоверцев, раскольники и пр.), что абсолютно неприемлемо для современного правового государства.

Тем не менее сама идея процедуры торжественного обещания (клятвы) эксперта обладает, по нашему мнению, значительным потенциалом — несомненно, большим, чем предусмотренный действующим уголовно-процессуальным законом механизм предупреждения об ответственности по ст. 307 УК РФ. В этой связи законодателю целесообразно рассмотреть вопрос о *reintroduction* (возвращении) в уголовный процесс аналогичного юридического инструмента, но в принципиально иной, светской форме, исключающей религиозную направленность. Как верно отмечается в доктрине, современная судебная клятва должна быть религиозно-нейтральной [10, с. 102]. Например, можно предусмотреть присягу эксперта, связанную с упоминанием любви к Родине, памяти предков, иных

общепризнанных ценностей российского общества и подлежащую произнесению в условиях соблюдения каких-либо вытекающих из смысла Конституции Российской Федерации светских ритуалов: на фоне Государственного флага Российской Федерации, Государственного герба Российской Федерации и т. п. Подобные ритуалы с их уникальными атрибутами и символами смогут служить индикатором юридических ценностей, раскрывая последние сквозь призму социальных институтов. На этом фоне присяга эксперта станет отражением политико-правового менталитета, демонстрируя тесную связь с правотворчеством, правоприменением и их процедурной основой. Также возможно заимствование позитивного международного опыта, в частности, «гибкой» модели присяги, используемой, например, в США, где она адаптируется для верующих разных конфессий, атеистов, детей и прочих категории лиц — каждому свидетелю дозволяется клясться с упоминанием ценностей исповедуемой религии либо давать тождественные обещания без обращения к таковым. Целесообразным видится и введение разового приведения

к присяге штатных профессиональных экспертов, т. е. сотрудника судебно-экспертного учреждения при вступлении в должность либо при получении права самостоятельного производства судебных экспертиз (по аналогии с судьями или прокурорами, адвокатами), что позволило бы избежать многократного повторения текущих адъюраций, сопутствующих назначению каждой судебной экспертизы в отдельности.

Для повышения эффективности анализируемого института государству следует реализовать и комплекс сопутствующих мер: усилить правовой компонент в подготовке экспертных кадров, популяризировать основы правосудия в общеобразовательных программах. Кроме того, можно предусмотреть самостоятельный состав преступления — нарушение присяги экспертом, что подчеркнет ее особую значимость. Одновременно с введением адъюрации следует деформализовать нынешний ритуал предупреждения по ст. 307 УК РФ, который в новых условиях окончательно утратит свой и без того сомнительный смысл, превратившись в избыточную бюрократическую процедуру.

Список источников

1. Голунский С. А. Право на справедливость / рук. проекта и отв. ред. А. Н. Савенков. М.: Институт государства и права РАН, 2024. 608 с.
2. Чучаев А. И., Россинский С. Б. Устав уголовного судопроизводства РСФСР 1918 года: уроки истории // Труды Института государства и права РАН. 2023. Т. 18. № 6. С. 160–175.
3. УПК РСФСР 1922 года — первый советский процессуальный Кодекс (к 100-летию со дня принятия) / под ред. А. И. Чучаева. М.: Институт государства и права РАН, 2023. 216 с.
4. Тилле А. А. Презумпция знания законов // Правоведение. 1969. № 3. С. 34–39.
5. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая: в 2 т. М.: Наука, 1994. Т. 1. 380 с.
6. Тихонова С. С. Юридическая техника в уголовном праве: курс лекций. Н. Новгород: Деком, 2008. 244 с.
7. Панченко П. Н. Презумпция знания закона как условие вины и ответственности в уголовном праве и ее трактовка применительно к преступлениям, совершаемым в сфере экономической деятельности // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 2 (13). С. 227–233.
8. Белкин Р. С. Курс криминалистики. 3 изд., доп. М.: ЮНИТИ-Дана, Закон и право, 2001. 837 с.
9. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в уголовном гражданском арбитражном процессе: практическое пособие. М.: Право и закон, 1996. 223 с.
10. Латыпов В. С. Уголовно-процессуальный феномен присяги: правовой рудимент или недооцененная публично-правовая процедура? // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 98–103.

References

1. Golunskij S. A. Pravo na spravedlivost' / ruk. proekta i отв. red. A. N. Savenkov. M.: Institut gosudarstva i prava RAN, 2024. 608 s.
2. Chuchaev A. I., Rossinskij S. B. Ustav ugovalnogo sudoproizvodstva RSFSR 1918 goda: uroki istorii // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. 2023. T. 18. № 6. S. 160–175.
3. UPK RSFSR 1922 goda — pervyj sovetskij processual'nyj Kodeks (k 100-letiyu so dnya prinyatiya) / pod red. A. I. Chuchaeva. M.: Institut gosudarstva i prava RAN, 2023. 216 s.
4. Tille A. A. Prezumpciya znaniya zakonov // Pravovedenie. 1969. № 3. S. 34–39.
5. Tagancev N. S. Russkoe ugovnoe pravo: lekci. Chast' obshchaya: v 2 t. M.: Nauka, 1994. T. 1. 380 s.

6. Tihonova S. S. Yuridicheskaya tekhnika v ugodnom prave: kurs lekcij. N. Novgorod: Dekom, 2008. 244 s.
7. Panchenko P. N. Prezumpciya znaniya zakona kak uslovie viny i otvetstvennosti v ugodnom prave i ee traktovka primenitel'no k prestupleniyam, sovershaemym v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti // Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2010. № 2 (13). S. 227–233.
8. Belkin R. S. Kurs kriminalistiki. 3 izd., dop. M.: YuNITI-Dana, Zakon i pravo, 2001. 837 s.
9. Rossinskaya E. R. Sudebnaya ekspertiza v ugodnom grazhdanskom arbitrazhnom processe: prakticheskoe posobie. M.: Pravo i zakon, 1996. 223 s.
10. Latypov V. S. Ugodno-processual'nyj fenomen prislyagi: pravovoj rudiment ili nedoocenennaya publichno-pravovaya procedura? // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2025. № 1. S. 98–103.

Информация об авторах

Э. Х. Широ́ва — кандидат юридических наук, доцент.

С. Б. Россинский — доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors

E. Kh. Shirova — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

S. B. Rossinsky — Doctor of Science (Law), Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 06.09.2025; одобрена после рецензирования 26.09.2025; принята к публикации 25.11.2025.

The article was submitted 06.09.2025; approved after reviewing 26.09.2025; accepted for publication 25.11.2025.